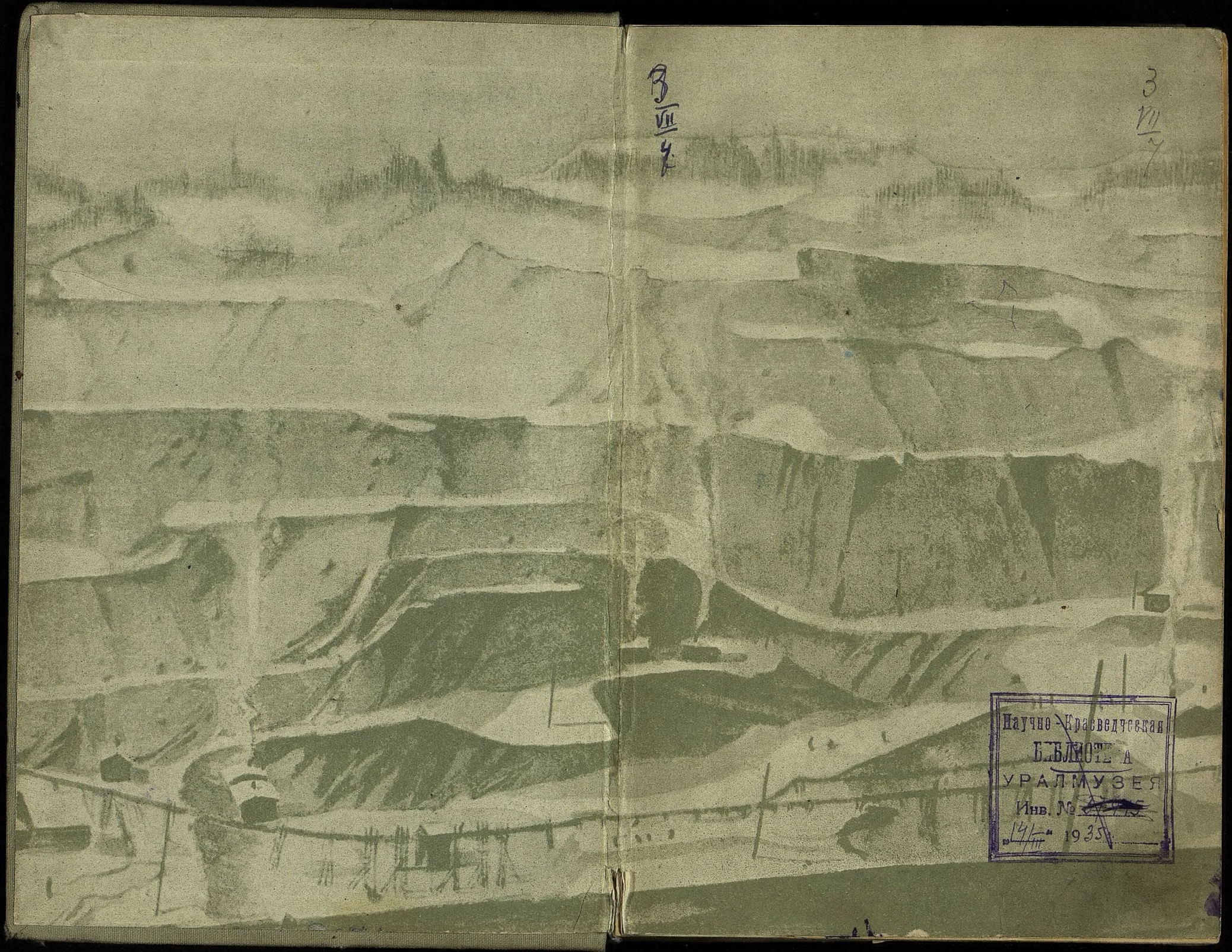
9(с)(с17)
Б-954

БЫЛИ ГОРЫ ВЫСОКОЙ



Научно-Краевед
БИБЛИОТЕКА
УРАЛМУЗЕЯ
Инв. №
"14" III 1935

Научно-Краеведческая
БИБЛИОТЕКА
УРАЛМУЗЕЯ
Инв. № 27145
"14" III 1935 г.

9(с)(сиг)
Б-954

АННОТАЦИЯ

«Были горы Высокой» — коллективный рассказ ста горняков о прошлом и настоящем Высокогорского железного рудника.

Книга открывается преданиями стариков о временах колонизации Урала. В следующих главах рассказано о крепостной эксплоатации уральских рабочих, о первых волнениях и забастовках, о хищнических методах капиталистического хозяйствования на руднике в конце XIX и начале XX века, о работе нижнетагильской большевистской организации, о 1905 годе, революционном подполье, годах реакции и империалистической войны.

Во II, III и IV частях книги повествуется об Октябре в Тагиле, о гражданской войне, восстановлении и социалистической реконструкции рудника, о создании нового механизированного предприятия и воспитании нового человека.

В книге сохранены некоторые особенности уральской рабочей речи.

331.83
3
VII
7

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Инв. 57547

БЫЛИ ГОРЫ ВЫСОКОЙ

РАССКАЗЫ РАБОЧИХ
ВЫСОКОГОРСКОГО ЖЕЛЕЗНОГО
РУДНИКА

О СТАРОЙ И НОВОЙ ЖИЗНИ

79363
Ирд

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ГОРЬКОГО
Д. МИРСКОГО

Научно-краеведческая
БИБЛИОТЕКА
УРАЛМУЗЕЯ
Инв. № 35745
14/III 1935

2007

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ
МОСКВА
1935

Научно-краеведческая
БИБЛИОТЕКА
Свердловского обл. музея

АВТОРЫ КНИГИ

АЛЕКСЕЕВ Павел Якимович, *забойщик*

АНДРЕЙЦЕВА Авдотья Максимовна, *штабельщица*

БАРАНОВ Илья Гаврилович, *ломщик*

БЕССОЛЬНИКОВ Николай Васильевич, *машинист экскаватора*

БОЛОТОВ Дмитрий Иванович, *механик*

БОНДИН Алексей Петрович, *слесарь, писатель*

БОРОВЫХ Михаил Фомич, *десятник*

БОРОДИН Василий Михайлович, *конюх*

БУРКОВ Александр Осипович, *забойщик*

БЫКОВ Григорий Семенович, *автогенщик*

ВАСИЛЬЕВ Александр Григорьевич, *горный техник*

ВАСИЛЬЕВ Афанасий Матвеевич, *грузчик*

ВАСИЛЬЕВ Петр Антонович, *запальщик*

ВЯТКИН Павел Яковлевич, *забойщик*

ГЛАЗКОВ Илья Павлович, *грузчик*

ГЛАЗКОВА Наталья Якимовна, *инструментальщица*

ГОРБУНОВ Василий Аверьянович, *запальщик*

ГОРБУНОВ Ермолай Евстигнеевич, *кучер*

ГОРНОСТАЕВ Ефим Егорович, *десятник*

ГРЕГОР Франц, *иностранный рабочий*

ГРИШИН Иван Григорьевич, *машинист паровоза*

ГУРЬЯНОВ Василий Игнатьевич, *плотник*

ДАВЫДОВ Андрей Александрович, *директор рудника*

ДВОЙНИКОВ Григорий Константинович, *ломщик*

ДВОЙНИКОВ Исаак Титович, *машинист экскаватора*

ДВОЙНИКОВ Саввин Титович, *слесарь*

ДМИТРИЕВ Дмитрий Прокопьевич, *ломщик*

ДМИТРИЕВ Петр Прокопьевич, *бригадир отзалов*

ДОЛЖЕНКОВ Николай Константинович, *взрывник*

ЕПИМАХОВ Давыд Павлович, *механик*

ЖБАНОВ Николай Евлампиевич, *грузчик*

ЗАДОРИН Валерий Александрович, *рабочий-электрик*

ЗИМИН Павел Кононович, *слесарь*

ЗЛЫГОСТЕВ Юрий Павл вич, *журналист*

ЗОСЬ Валентина Сергеевна, *работница столовой*

АВТОРЫ КНИГИ

КАРЕТНИКОВА Анна Ивановна, *машинист водоотлива*

КАПИСКО Варвара Васильевна, *работница яслей*

КИЗИМ Николай Григорьевич, *сторож складов*

КИРИЛЛОВ Яков Митрофанович, *весозщик*

КЛАДЫКОВ Сергей Андреевич, *заместитель директора*

КНЯЗЕВ Яков Михайлович, *десятник*

КОЗЬМИН Федор Данилович, *горняк, революционер-краснознаменец*

КОНДАКОВ Алексей Михайлович, *горный техник*

КОНДРАТЬЕВ Константин Иванович, *слесарь*

КОРЕНИСТОВ Александр Гурьянович, *ломщик*

КОРОВИН Кузьма Дорофеевич, *ломщик*

КОСТИКОВ Александр Семенович, *секретарь парткома*

КРАСНОБАЕВ Александр Иванович, *старый горняк, пенсионер*

КРАСНОБАЕВА Анна Кузьмовна, *машинистка*

КРЮЧКОВ Агафон Иванович, *кузнец*

КРЮЧКОВ Дмитрий Васильевич, *помощник машиниста экскаватора*

КРЮЧКОВ Егор Петрович, *кузнец*

КРЮЧКОВ Иван Петрович, *кузнец*

КРЮЧКОВ Малафей Егорович, *помощник машиниста экскаватора*

КУЗНЕЦОВ Абрам Зотеевич, *слесарь*

ЛУНЕВ Петр Аристархович, *забойщик*

МАМОНОВ Иван Семенович, *грузчик*

МАМОНОВ Николай Тихонович, *магазинер*

МАРТЮШЕВ Викентий Кондратьевич, *горный техник*

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Иванович, *машинист компрессора*

МАХНЕВ Василий Иванович, *бурильщик*

НАСЫРОВ Валей, *бригадир экскаваторщиков*

НЕФЕДОВ Иван Степанович, *забойщик*

НЕХОРОШКОВ Александр Осипович, *геолого-разведчик*

НОСОВ Иван Романович, *забойщик*

АВТОРЫ КНИГИ

ОПЛЕТИН Евгений Павлович, *литейщик*

ОПЛЕТИН Семен Григорьевич, *слесарь*

ОРЛОВ Константин Александрович, *техник-строитель*

ПАНИКОВ Григорий Федорович, *ломщик*

ПЕСТОВ Федор Иванович, *машинист канатки*

ПЕСТОВА Галина Кирилловна, *мотористка*

ПОЛУЭКТОВ Павел Кириллович, *машинист паровоза*

ПРИХОДЬКО Николай Зиновьевич, *ломщик*

ПРОХОРОВ Иван Алексеевич, *забойщик*

ПШИКУН Андриан Иванович, *коннозабойщик*

ПШИКУН Михаил Андрианович, *ломщик*

ПЫЛАЕВ Андриан Николаевич, *машинист подъемника*

ПЫЛАЕВ Иван Михайлович, *ломщик*

ПЫЛАЕВА Маремьяна Ерофеевна, *домашняя работница*

РАСТВОРОВ Константин Сидорович, *забойщик*

РЫБАКОВ Андрей Леонтьевич, *партработник*

САНДРИГАЙЛО Николай Фаддеевич, *горный техник*

СВИСТУНОВ Михаил Николаевич, *рабочий-электрик*

СЕРГЕЕНКО Иван Григорьевич, *машинист компрессора*

СЕРЕБРЯКОВ Павел Киприянович, *машинист паровоза*

СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич, *горный техник*

СОЛОВЬЕВ Сергей Александрович, *заместитель главного инженера ВЖР*

СТАКАНЧИКОВ Анатолий Иванович, *ломщик*

СТАКАНЧИКОВ Степан Иванович, *ломщик*

СУЕТНОВ Семен Петрович, *забойщик*

ТИТОВ Андриан Филиппович, *бригадир в хозяйственном цехе*

ТИХОНОВ Яков Михайлович, *дорожный мастер*

УСОВ-УСПЕНСКИЙ Николай Варфоломеевич, *проходчик, актер*

ФЕДЮНИН Илларион Гаврилович, *забойщик*

ЧЕРНЫШЕВ Зиновий Александрович, *ломщик*

ЧЕРНЫШЕВА Таисия Зиновьевна, *машинист компрессора*

ШЕВЦЕВ Иван Афанасьевич, *техник-практик*

ШЕПТАЕВ Борис Иванович, *горный техник*

ШЛЯПНИКОВ Захар Тимофеевич, *забойщик*

ШМОРГУН Александр Прокопьевич, *десятник на подземнике*

Запись и обработка рассказов произведены Ю. П. ЗЛЫГОСТЕВЫМ.

М. Горький
Л. Авербах

О книге

Создание научной и художественной истории заводов движется медленнее, чем следовало бы. Но эта медлительность в выпуске книг не свидетельствует о слабости или бесплодности работы. Медлительность определена трудностью задачи, ее исключительной ответственностью и все более высокими требованиями к нашим изданиям. Поэтому рукописи переделываются вновь, и опять перебираются все архивохранилища, не прекращается сбор воспоминаний, возобновляется обсуждение узловых моментов в жизни предприятий, продолжаются поиски наиболее целесообразного оформления богатейшего материала.

Несмотря на то что работа сегодня развертывается не столько вширь, сколько вглубь, она не теряет своего массового характера. Рабочий класс сам пишет свою историю — этот лозунг блестяще подкреплен сегодня не только теоретическими аргументами, но прежде всего фактами самой жизни, практикой многих сотен рабочих. Именно этот коллективный характер составления истории предприятий обеспечил возможность творческой и разносторонней работы профессиональных историков и писателей. В результате, естественно, возникают книги, внешне не очень похожие одна на другую, но связанные как единством общей политической идеи, так и стремлением осмыслить, выразить замечательный опыт миллионов строителей социализма, проверяющих исторический путь своего класса для еще более самоотверженной и сознательной борьбы за день завтрашний.

В ряду наших книг «Были горы Высокой» — целостное эпическое повествование, рассказанное участниками описываемых событий, героями тех дел, которые скромно и убедительно воспевает эта книга. Сто авторов книги — сто действующих лиц. Это не результат отбора наиболее замечательных людей Железного и Медного рудников — это рассказ рядовых. Среди них партийцы и беспартийные, более и менее сознательные, грамотные и неграмотные, старые и молодые — отцы и дети, деды и внуки. Но это не мозаика воспоминаний, не хрестоматия отрывков. Суровый ход событий, их историческая последовательность, их логическое развитие определяют переход слова от одного автора к другому. Особенности личного восприятия событий, своеобразные детали, сохранив-

шиеся в памяти, разный угол зрения и ширина охвата материала рассказывающими наглядно обнаруживаются каждым читателем. Читатель отметит не всегда достаточное уменье расспросить авторов-героев, помочь им выявить наиболее существенное, вместе с ними ухватиться за наиболее важное звено в цепи их воспоминаний. От более продуманной и разносторонней организаторско-редакционной работы книга вовсе не потеряла бы своего характера свежей непосредственности. А это в книге самое замечательное: никакой нарочитости, отсутствие деланности, простая передача будничной конкретности героической борьбы масс.

Будни героики — здесь нет у авторов ни надуманного возвышения будней героикой, ни снижения героики будничной прозой. Будни — героичны, героизм — повседневен — таков стиль социалистической действительности, родившей лозунг социалистического реализма. Этим же определено и своеобразие книги как документа растущего массового героического эпоса.

В «Былях горы Высокой» сохранены особенности языка авторов. Здесь это обосновано и оправдано. И именно эта запись живой речи рабочих неизбежно оказывается полемически направленной против дурно-интеллигентского «изобретения» слов и против народнического преклонения и сюсюкания перед местными словечками, перед «провинциализмами». Рабочие-рассказчики стремятся найти слова, наиболее точно, наиболее ощутимо и в то же время наиболее лаконично передающие их воспоминания. Там, где это им удается, — там рассказы начинают превращаться в типические изображения, в художественные картины.

Субъективизм авторов не приходит в противоречие с объективностью книги. Рассказывая о себе, авторы все время рассказывают и о других, больше того — без какого-либо принуждения, без самомалейшего ощущения необходимости, часто даже бессознательно авторы всегда говорят о себе как о части класса. Они — клеточки целого и живого организма — и это крепкое и бодрое ощущение своей связанности со всем коллективом, эта глубина слияния личной судьбы с общим делом особенно характерны для «Былей горы Высокой». Субъективизм пролетарских борцов не требует никакой лакировки действительности, замалчивания каких-либо ее сторон, ее искажения, — наоборот, именно большевистская партийность дает возможность наиболее объективного познания. Точка зрения борющегося пролетариата превращает субъективизм авторов в объективность их повествования, повышая историко-познавательное значение «Былей горы Высокой».

В письме, адресованном в Главную редакцию, авторы

книги пишут: «Под лозунгом создания коллективной истории Высокогорского железного рудника мы вели повседневную разъяснительную работу — литературное воспитание масс. Желая изложить факты прошлого, малограмотные рабочие трудились над овладением простейшей литературной формой, культурно росли, на ходу повышали грамотность. Их задело за живое, и они становились начинающими писателями, еще сами не подозревая того. Так мы постепенно вводили себя самих в круг литературного ремесла. Теперь на руднике работает литкружок из полутора десятков способных авторов-горняков, которые сами поражены этим фактом». Это сообщение представляет общий интерес.

Имеется на предприятиях ряд литкружков, основным содержанием работы которых стало составление истории своего завода. Но много литкружков осталось в стороне. В кружках, занявшихся историей, поставлена определенная задача. Литературное «ремесло» стало близким литкружковцам не потому, что они вообще уважают литературу или хотят вообще быть писателями. Литературное «ремесло» оказалось для них необходимым в связи с реальным делом истории — истории их заводской практики. Так на Высокогорском руднике: здесь литературная работа не стала умильным поиском талантов, сладеньким восхищением перед первым написанным стишком, приобщением кружковцев к литературщине. На Высокогорском руднике занимались литературой для дела, поэтому там на творческой работе учились. Там же, где литкружки существуют, не ставя перед собой определенных творческих задач, — там они либо напоминают пролеткультовские кельи и потому вредны либо являются не литературными, а читательскими кружками.

Тема побочная, но следует ее сформулировать: необходимо по-настоящему организовать читательское движение. Библиотеки должны на деле стать не только центрами выдачи книг, но и центрами их обсуждения, опорными базами пролетарской литературной среды. Все наши литературно-критические журналы издаются для писателей, а не для читателей. Между тем организованное общественное мнение читателей могло бы стать сильнейшим орудием борьбы с недостатками среды профессиональных литераторов, с «литературными забавами», с нередкой порчей молодежи в литкружках.

Чем будут дальше заниматься «полтора десятка способных авторов-горняков»? Менее всего им необходимо ездить в «дома творчества» — им нужно и далее заниматься во все большем объеме литературным ремеслом в связи с какой-либо новой практической задачей. Это может быть

история какой-либо рабочей семьи, история гражданской войны в своем районе, описание героев труда как лучших из всей массы работающих, это — у некоторых — может быть и индивидуальная работа над избранной темой, это может быть и продолжение истории рудника.

Своеобразие работы по истории заводов заключается в самой задаче: писать историю не только вчерашнего дня, но и к материалу сегодняшнего дня подойти как к творимой истории, оценивая все значение происходящего, раскрывая законы его движения, показывая направление развития, обучая и массовых авторов и читателей сталинской политике большевистской партии.

Все книги по истории заводов строятся на постоянном противопоставлении двух миров. Дело не в том, чтобы дать один том до Октября и второй том посвятить эпохе пролетарской революции. Это противопоставление должно проходить через всю книгу.

В ходе работы выяснилось, что труднее всего работать над материалами, относящимися к реконструктивному периоду, над историей заводов в первую и вторую пятилетки. Во многом это объясняется не только большой трудностью нового материала, но и неумением над ним работать.

Не раз указывалось, что история заводов за последние годы должна прямо и непосредственно вырастать из практического опыта масс. Лозунг освоения вновь подчеркнул эту важнейшую сторону дела. Авторские коллективы истории заводов должны быть своеобразными добровольными обществами текущего изучения своих предприятий. В результате их работы должны нуждаться и секретарь парткома, и директор, и главный инженер, и каждый сознательный рабочий, борющийся за марку своего завода или фабрики. На многих предприятиях издаются ежемесячные отчеты о работе цехов и предприятия в целом. Конъюнктурные справочники стали непременной принадлежностью каждого мало-мальски культурного работника промышленности. Эти справочники — условие и орудие оперативного руководства. Но стиль второй пятилетки включает в себе широту кругозора, ясность перспектив, не только конъюнктурный анализ и дробный разбор, но и целостное осмысливание особенностей завода, специфичности его развития, трудностей проходимого этапа, своеобразия его освоения. Это требуется борьбой за план — деловой, а не деляческой, систематической, а не рывками, продуманной, а не близорукой. Между тем именно этого иногда нехватает заводским работникам. Авторские коллективы истории заводов, для которых совпадают объект опи-

сания и поле действий авторов как строителей социализма, должны включить в свой состав работников планово-экономических отделов, заводских газет и журналов, передовых ударников — рабочих и инженеров. На машиностроительных заводах, к примеру, работники истории заводов должны немедленно обобщать и широко обсуждать весь материал, относящийся к выпуску какой-либо новой машины. Люди, ее сделавшие, их технический опыт, их социалистическое развитие и самосознание, уроки освоения машины и практические предложения к дальнейшему выпуску этой машины — этим должны заниматься наши авторские коллективы.

Надо историю заводов превратить в орудие освоения сегодняшнего опыта, в орудие борьбы за высокую производственную культуру, характеризующуюся подлинным знанием своего завода, а потому и предвидением.

История заводов пишется не в порядке академических раскопок, а для практической борьбы за социализм. Ее автор не бесстрастный летописец, а боевой строитель. Об этом еще раз напоминают «Были горы Высокой».

Некоторые из авторов этой книги помнят времена демидовщины. Их дети только на картинках видели городовых и фабрикантов. Некоторые из авторов еще только-только ликвидировали неграмотность. Их дети кончают рабфаки и вузы. Некоторые из авторов помнят труд из-под палки, труд тяжелый и ненавистный, труд на хозяина. Теперь для всех авторов разных положений труд стал содержательным и творческим, осмысленным и радостным. Хозяева страны по-хозяйски работают на своем предприятии. «Наш рудник», говорят они. И в этих словах не только победа над Демидовыми и Колчаками, но и рожденное этой победой, ломающее коренные традиции и вековые привычки чувство социалистической общественной собственности. И это чувство превращает их всех в борцов. Поэтому и нет в этой книге ни нудной созерцательности, ни ее частого спутника — деланно-патетической декламации. Авторы книги не нуждаются в дополнении или прикрытии уныло регистраторской бытовщины фразерски восторженным умилением наблюдателей. Голос «Былей горы Высокой» звучит величественно — речь идет о значительных событиях и переживаниях, речь идет не о чьих-то делах, поражениях и победах, а о своей жизни и борьбе; нередкому в литературе отвлеченно морализаторскому вынашиванию «положительных типов» здесь противостоит эпическая простота трудовой практики героев нашего времени.

Лозунги партии — научны. Из царства необходимости мы все быстрее продвигаемся в царство свободы. На смену

товарному фетишизму приходит строй прозрачной ясности людских отношений. Практика людей — умная и мудрая большевистская практика — свидетельство дальнозоркости и силы предвидения учения Ленина — Сталина. Каждый шаг вперед осмысливается. Каждый шаг вперед — сознателен. Каждый шаг вперед — собирание нового опыта. Вот почему история заводов должна быть средством познания не только вчерашнего, но и сегодняшнего дня. Вот почему в истории заводов рождается новый эпос — на этот раз не на основе мифологии, а на основе свободной, счастливой и научной практики миллионов людей — строителей социализма, этой новой поэтической действительности и будущего человечества.

Д. Мирский

О руднике

Среди индустриальных районов Советского союза Урал имеет своеобразную физиономию. Его промышленность создалась на основе «того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности»[1].

На Урале это «самобытное явление» дожило до 1861 года, а пережитки его и после того продолжали «давать о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта»[2]. До самой ликвидации капитализма они окрашивали быт и труд уральского рабочего. Окончательно выкорчеваны они были только Октябрьской революцией.

Века крепостнической и полукрепостнической эксплоатации, власть хозяина — Демидова, его управителей, пауков-подрядчиков, почти поголовная неграмотность, растлевающее влияние православных и раскольнических попов питали отсталость и забитость рабочего Железного рудника.

Но эта же эксплоатация воспитала огромную ненависть ко всему эксплоататорскому строю и его агентам.

«Были горы Высокой» — книга о пробуждении отсталого и забитого тагильского горняка. Сто рабочих авторов этой книги говорят о том, как в гигантском процессе революционной борьбы и социалистического строительства еще вчера неграмотные и темные люди выросли в сознательных строителей социализма.

Высокогорский рудник — самый старый и один из наиболее богатых уральских рудников. Он был открыт при

[1] Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 365.
[2] Там же, стр. 376.

Петре I вогулом Яковом Савиным и отдан Петром Никите Демидову. Яков Савин был хорошо «награжден» за свое открытие. Демидов упорными притеснениями согнал его с родных мест. Сам Демидов из мелкого предпринимателя быстро вырос в могущественного феодала-заводчика. Он ловил и собирал у себя беглых и вольных людей, приписывал к заводам крепостных крестьян и ставил их на работу. Эти люди составили ядро демидовских рабочих.

Демидовы были яркими представителями крепостной промышленности и типичными проводниками царской колонизаторской политики.

Разработка Железного рудника началась в 1721 году. Тагильский металлургический завод был основан в 1725 году. Владения и доходы Демидовых были огромны. Один Акинфий Демидов, сын Никиты, основал семнадцать заводов на Урале и в Сибири. В 1814 году рядом с Высокой горой был открыт Медный рудник. Он снабжал рудой Выйский медеплавильный завод, основанный в 1721 году. Род Демидовых размножился, имения раздробились и частью перешли к другим владельцам, но и в момент Октябрьской революции последний из Демидовых владел огромным Тагильским горным округом с двумя рудниками и десятью заводами и на западном склоне Урала — другим огромным имением с центром в Луньевских угольных копях.

С самого начала Демидовы не столько вкладывали капитал, сколько захватывали земли и недра, получали от царского правительства крепостных крестьян, умножая свои богатства эксплоатацией даровой рабочей силы.

Очень быстро они пошли по дорожке всех богатых дворянских фамилий и выродились в бездельных паразитов, живших в Петербурге или за границей, где они купили себе титул князей Сан-Донато — и оттуда сосавших неисчерпаемые богатства, создавшиеся крепостными рабочими. В «Былях горы Высокой» о Демидовых немного рассказано. Те, для кого трудились горняки в шахтах Медного и в ямах Железного, «удостаивали» Тагил своим посещением приблизительно раз в жизни. Последний из Демидовых, «космополит» и царский дипломат, ныне доживающий свои дни в эмиграции в бесплодной тоске по прежнему величию, проходит бледной, комической фигурой по страницам этой книги. Но в этой беглой тени можно безошибочно узнать законченные черты хищного паразита, когда он возражает против необходимости геологической разведки и требует прибылей, больших и немедленных.

Вся первая часть книги покрыта мрачной тенью демидовщины, той варварской системы, которая определяла орга-

низацию труда на рудниках и наложила свою печать на жизнь и быт тагильских горняков.

Крепостные и полукрепостные приемы эксплоатации, связь горняков с землей задерживали оформление классового самосознания тагильских горняков. Но демидовщина не сломила пролетариев Железного рудника.

Меднорудянцы начали вырастать в сознательных пролетариев раньше, чем люди Железного рудника. В 1889 году они бастовали и одержали победу. Медный рудник дал первые большевистские кадры — героев и авторов нашей книги: Баранова, Козьмина, Титова. Медный вместе с Тагильским заводом дали тех партизан, которые защищали Тагил от белых банд и гнали Колчака от Глазова вглубь Сибири. Когда после окончания гражданской войны Медный рудник был закрыт, меднорудянцы перешли в шахты Железного рудника. В октябре 1930 года в момент борьбы за механизацию Железного рудника, когда саботаж и оппортунизм стояли препятствием на пути начавшейся механизации, меднорудянцы, мобилизованные парторганизацией, одержали первую решающую победу в борьбе за социалистическую реконструкцию.

На Железном условия были несколько иные. Работали там не в шахтах, а в открытых выработках. Рудник разрабатывался «крестьянским инвентарем». Когда принудительность труда кончилась, «крестьянский инвентарь» остался. Коннозабойщик, хозяин лошади и таратайки, попрежнему ломал руду и вывозил ее из ямы. Выделились подрядчики — владельцы десяти-двадцати и более лошадей, которые сами не работали и щеголяли белоснежной чистотой своих «рабочих» фартуков, не «осквернённых» никакой работой. Администрация в подрядчиках имела послушных агентов и всячески поддерживала их власть. Это были настоящие маленькие капиталисты, свирепо эксплоатировавшие труд безлошадных гонщиков и ломщиков. Последние находились в исключительно тяжелых условиях: их опутывала сложная цепь эксплоатации, шедшая от Демидовых до подрядчиков.

Здесь корни отсталости и забитости пролетарских масс Железного. Здесь корни того факта, что люди Железного рудника отставали от меднорудянцев.

Но и пролетарии Железного рудника показали силу протеста. Вместе с меднорудянцами они боролись в 1905 и в 1917 годах. Завоевав себе свободу в боях за Октябрь, рабочие Железного пошли вперед чрезвычайно быстро. Их классовое освобождение как прямое следствие Октября — одна из самых ярких и волнующих тем этой книги.

Неграмотная штабельщица Андрейцева, героически в годы разрухи и голода борющаяся за то, чтобы не дать погибнуть руднику, Таисия Чернышева, вырастающая в коммунистку и машиниста на «Борзиге», бывший беспризорник Быков, ставший потом активным рабкором Железного рудника и одним из главных авторов нашей книги, — вот страницы жизни железнорудянского пролетариата, история которого едва ли не самое яркое и ценное из былей горы Высокой.

* *
*

«Демидовщина» в одинаковой мере характеризует как безудержную эксплоатацию людей, так и хищническую разработку недр.

Механизация рудников до революции была самая ничтожная. Техническая отсталость и господство подрядчиков были двумя неразрывными сторонами одной и той же «самобытной» организации труда на Высокогорском руднике. Рационализации работ до Октября мешала еще и раздробленность владений: несмотря на то что Демидовы владели всем Тагильским горным округом, сама гора Высокая принадлежала им не вся. Она была разбита на семь участков, принадлежавших разным железоделательным заводам. Демидовы, правда, владели львиной частью: на их участке были лучшие руды, лежавшие ближе всего к поверхности и наиболее удобные для добычи. На других участках добыча была трудней и производилась в значительной мере шахтным способом. Но демидовский участок натыкался на «Грани» других владельцев (отсюда название Граневой выработки), и эти частнособственнические грани ставили существеннейшие препятствия рациональной разработке рудника. Не случайно поэтому вплоть до Октябрьской революции добыча руды носила хищнический характер, с установкой на немедленные и высокие прибыли. Разрабатывались только самые богатые руды, почти не требующие никакой предварительной обработки. Превосходная руда, требовавшая лишь незначительного обогащения, шла в отвалы как негодная, так что в настоящее время старые отвалы превращены в один из участков добычи. Рациональная добыча требует вскрытия широкими уступами: слишком крутой разрез «зарезывает» выработку, делает невозможным дальнейшее продвижение вглубь и в сторону. Демидовы в погоне за немедленной добычей «зарезывали» рудник. Их посмертные агенты — вредители — потом пытались продолжить эту систему.

Октябрь выгнал Демидовых; одновременно с их собственностью он положил конец и хищному варварству их

«методов» добычи. Национализация рудников слила в одно предприятие все разрозненные участки Высокогорского месторождения.

После страшного разорения колчаковщины трудно было поднять производство рудника на дореволюционный уровень. И все же несмотря на голод и невероятные трудности героизм высокогорских рабочих в первые же годы восстановительного периода сделал больше для механизации рудника, чем Демидовы за все время своего существования.

Однако это могла быть только текущая механизация. В первые годы нэпа снова поднялись подрядчики. Часть старых технических кадров, смыкаясь с подрядчиками, хотела вернуться к старым порядкам на руднике. Но горняк был уже не тот. Руководимый партией, поддерживаемый комсомолом, горняк — ломщик и гонщик — научился бороться с подрядчиками.

Но сломить окончательно подрядчика можно было только на путях социалистической реконструкции. Борьба за механизацию и борьба против подрядчиков были неразрывными моментами одной и той же борьбы. 1930 год был годом перелома для Высокой горы. На решающем участке механизации была одержана победа. «Конница» была разбита. Руководящую роль сыграло при этом новое партийное и хозяйственное руководство, новый директор Давыдов. и передовой отряд старых кадровиков.

* *
*

Нынешний Тагил, город строящихся гигантов, нового металлургического и вагоностроительного заводов, крупный пролетарский центр Урала, далеко ушел от старой «столицы» Демидовых. Но и старый Тагил был большим центром. На Урале он уступал только Екатеринбургу и Перми и по числу жителей превосходил не один губернский город центральной России. Но городом он не считался. Тагил был разбит на сельские общества («части») и волости. О благоустройстве своей «столицы» Демидовы заботились мало — благо они там бывали чуть ли не раз в жизни. Единственным «украшением» города были здание демидовского управления (нынешний горсовет) да памятники Александру II и одному из владетельной династии Демидовых. Несколько каменных домов местного купечества тонули в море деревянных домиков, раскинувшихся на несколько районов, из которых каждый имел свое определенное социальное лицо.

«Первая часть» с управлением и памятниками — район

крупной и мелкой буржуазии, купцов и лавочников. К северу за горой Высокой — район Выи («вторая часть») с Выйским медеплавильным заводом, старое кержацкое гнездо. Между заводом и Высокой горой — Ключи («третья часть»), населенные коннозабойщиками Железного рудника, почти сплошь кержаками.

На юг от Ключей отделенные от «первой части» Лисьей горой и большими тагильскими прудами, одним концом затягиваясь до Медного рудника, лежала Гальянка («четвертая часть»), населенная демидовскими крепостными, переселенными с Украины и из России, — здесь жили рабочие Тагильского завода, шахтеры Медного, пешие гонщики и ломщики Железного.

Горняцкие кварталы — Ключи и Гальянка — также отличались друг от друга. Своеобразие «обывательского»[1] кержацкого быта было сосредоточено в Ключах.

Гальянка была больше похожа на рабочий квартал обычного российского типа. И тут и там темнота и отсталость. Но ключевская отсталость и темнота не были похожи на гальянскую. На Ключах отсталость и темнота были организованные, освященные, тщательно поддерживаемые богатой конницей и кержацкой верой. На Гальянке царили привычная беспросветная бедность и забитость. Но на тех же Гальянке и Ключах росли и первые борцы с этой темнотой и со всем строем, поддерживающим ее. Там среди металлургов и горняков сложились первые организации пролетарской партии, оттуда вышли основные кадры Тагильского рабоче-крестьянского полка Красной армии.

Эта старая «социальная география» была уничтожена Октябрьской революцией. Социалистическое строительство резко изменило горняцкий быт, создало новый Тагил. Нет уже старой Гальянки — безграмотности и нищеты, есть новая Гальянка и Ключи, строящие социализм, достойные участники строительства мирового гиганта металлургии, воздвигаемого в Тагиле.

При Демидовых несмотря на хищническую эксплоатацию, рассчитанную на «сейчас» и «побольше», Железный рудник давал в лучшие годы 200 тысяч тонн металла. Теперь реконструированный и механизированный рудник дает втрое больше — 600 тысяч тонн. Но ему предстоит давать еще гораздо больше. В нескольких километрах от него растет новый гигант, готовый скоро вступить в действие. Этот гигант потребует у Железного рудника втрое больше металла, чем он

---

[1] «Обыватель» по-тагильски — владелец лошади и таратайки.

дает сейчас, и в десять раз больше, чем до революции. Горняки ни на секунду не забывают этого. Их рудничная многотиражка каждый день напоминает им об этом своим заглавием «Руду — гиганту». Мощные экскаваторы день и ночь ведут работу по вскрыше, снимают вершину Шихана, подготавливая широкую и удобную воронку для будущих выработок. Люди Железного рудника упорно и ударно работают, чтобы к тому моменту, когда новый гигант по черной металлургии потребует руду, руда была готова.

Инициатива создания «Былей горы Высокой» принадлежит товарищу Давыдову — директору рудника, обеспечившему создание книги своим вниманием, руководством и помощью. Газетный работник товарищ Злыгостев собрал, обработал и сгруппировал материал книги. Авторский коллектив — 100 рабочих рудника — составился из людей разных поколений, от стариков, сохранивших в памяти крепостное право, до комсомольцев. Среди стариков есть старые большевики — руководители партийных организаций и революционных боев, есть и малограмотные и совсем неграмотные, в которых только Октябрь разбудил боевое пролетарское сознание. Среди молодежи — старые работники комсомола и бывшие хулиганы — беспризорники. Есть среди авторов несколько пришлых людей — горных техников, инженеров, хозяйственников и партийных работников, но подавляющее большинство — потомственные горняки Высокой, дети, внуки и правнуки демидовских крепостных. Вот что говорит авторский коллектив в письме к А. М. Горькому о том, как писалась книга:

«Она написана исключительно по воспоминаниям горняков. Это не историческое исследование, а опыт массовой литературной работы горняков на материалах истории рудника... Мы знаем, что наша книга имеет множество недостатков и не может их не иметь. Ведь среди ее авторов ни один не участвовал раньше в написании книг...

Как известно, уральские горнорудники культурно более отсталы, чем многие другие отряды рабочего класса. На Высокой перед началом писания «Былей» не было литкружка. Более грамотные и активные из горняков Железного рудника мало интересовались литературой, а малограмотные и подавно. Но для каждого человека, особенно пожилого, яркие воспоминания из прошлых лет его жизни представляют такой кровный животрепещущий интерес, что о них он охотно будет и писать и рассказывать.

Мы сыграли на этом интересе к своему прошлому и вовлекли многих полуграмотных горняков Железного рудника в писание воспоминаний, в литературное творчество. Под

лозунгом создания коллективной истории Железного рудника мы вели литературное воспитание масс...

Наш путь был отличен от обычного в массовом литературном движении. Мы шли не от грамотности к литературному интересу, а от занятий литературой, создания книги к грамотности. Можно даже сказать, что некоторых из нас литература подтолкнула к ликбезу.

Вот какое культурно-революционное действие оказывает работа по истории предприятий».

Книга говорит разными голосами. В ней есть почти чисто технические рассказы о производственных процессах, есть и публицистические выступления руководящих работников, но основное в книге — это воспоминания рядовых рабочих, рассказывающих о том, как из темной и несознательной «рабочей силы» они выросли в полноценных строителей эпохи, когда труд стал «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Авторы, как я уже говорил, очень разные по своему культурному уровню. Иные в работе над книгой выросли в начинающих писателей. Другие, из стариков, в том числе внесшие некоторые из самых ярких и существенных черт в книгу, как Авдотья Максимовна Андрейцева и Андриан Иванович Пшикун, не стали авторами в привычном смысле слова. Они не писали свои воспоминания, а рассказывали их. С их слов записывали. Но надо подчеркнуть, что авторами являются именно они. Не подлежит сомнению, что книга представляет значительный фольклорный интерес, она помимо всего прочего служит ценным вкладом в рабочий художественный эпос.

29363

В этой связи возникает вопрос о языке, каким написаны «Были». Тагильские горняки говорят своим особым говором. Говор этот сложился из разнородных элементов. Черты северно-великорусских говоров, но без обычного северного оканья сочетались в нем с чертами южно-великорусскими и даже украинскими, отражая разнородность состава крепостного населения, из которого рекрутировались рабочие демидовских рудников и заводов.

Этот говор, своеобразный в подробностях, в целом не представляет особенно резких отклонений от литературного языка. Особенности его кроме чисто фонетических сводятся к двум-трем грамматическим формам и небольшому числу местных слов (например «робить» — работать, «челядь» — дети).

Вопрос о том, как быть с языком, редакция разрешила следующим образом. Местные слова, тесно связанные с горняцким бытом, сохранены. Те из них, которые могут быть

БИБЛИОТЕКА СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
Научно-краеведческая БИБЛИОТЕКА Свердловского обкома

непонятны, объяснены в словарике. Сохранены и некоторые особенно характерные грамматические формы («знат» вместо «знает», «имя» вместо «им» и «ими»), не затрудняющие понимания и придающие особую живую индивидуальность горняцкой речи. Чисто фонетические особенности, которые на письме сбивали бы читателя, не давая вполне точного представления о данном звуке (а иногда затрудняли бы понимание, как например произношение «с» вместо «ц» — «сельный» вместо «цельный»), устранены из книги. Также устранены все формы, являющиеся простым искажением литературных слов. Но значительно сохранены синтаксис, стиль речи, порядок слов, менять который значило бы подчас обесцвечивать живую и гибкую речь горняка.

В настоящее время, когда вопросы языка поставлены по инициативе А. М. Горького в центр внимания литературной общественности, такое решение требует объяснения и оправдания.

Один из главных пунктов в той резкой и заслуженной критике, которой А. М. Горький подверг язык некоторых наших писателей, было их пристрастие к якобы народным словечкам вроде пресловутого «выкулдыкивать», неизвестно откуда взятым и ничего не прибавляющим по выразительности. Из этого осуждения Горьким неудачного, сомнительного и произвольного языкового материала некоторые редакторы сделали «оргвывод» в смысле объявления под запретом всех слов, не встречавшихся у дворянских классиков; «оргвывод» говорит сам за себя.

Язык горняков, как он дается в нашей книге, прежде всего точен и ясен. Ничего произвольного и неряшливосборного в нем нет. Он точно фиксирует словоупотребление определенной группы пролетариата. Словарь их тесно связан со всей их историей. Такое слово например, как украинское «робить» вместо общерусского «работать» — живой след тех черниговских крепостных, которых Демидовы перевели в Тагил и которые составили первые кадры меднорудянцев. Заменить такие слова более привычными значило бы обезличивать конкретную индивидуальность тагильского пролетариата. Другой пункт горьковской критики — осуждение установки известных писателей на разрозненный провинциальный язык, язык дореволюционной деревни, и непонимание обязательности общелитературного языка. Но наша книга есть именно книга об овладении этим литературным языком. Язык собранных в ней воспоминаний — один из существенных показателей того, как шел культурный рост их авторов, живое напоминание о пройденном ими пути. Не только язык Авдотьи Андрейцевой, но и разница между языком

Андрейцевой и языком Чернышевой — исторический показатель существенной важности.

Установка на общелитературный язык и против провинциальной разрозненности никак не означает установку на интеллигентский язык против живого разговорного языка масс. Борьба за язык включает и борьбу против литературщины и против плохой газетности. Общий литературный язык социалистического периода опирается, с одной стороны, на высоко разработанный, художественный язык классической литературы от Пушкина до Горького и не менее высоко разработанный, точный, действенный, одновременно строго научный и предельно популярный язык вождей большевизма, но, с другой стороны, он не может жить, не черпая постоянно новых сил из языка рабочих и колхозных масс. И этой постоянной связи с языком масс учат нас вожди партии, каждая речь которых — блестящий пример этой неразрывной связи с живым языком масс.

Язык людей, привыкших писать одни деловые бумаги, проекты и деловые записки в точном употреблении определенной терминологии, нередко поражает своей сухостью и беспомощностью. Надо сказать, что работа над этой книгой показывает, что рабочий, ликвидировавший свою неграмотность, как общее правило пишет лучше и более литературно, в хорошем смысле слова, чем человек, привыкший к канцелярскому или конторскому писанию. Изо всех воспоминаний, вошедших в эту книгу, больше всего редакторской правки требовали воспоминания инженеров и техников старой школы, меньше всего — работа авторов вроде Чернышевой и Быкова, впервые взявшихся за перо для этой книги.

Это вовсе не означает, что малограмотность лучше образования. Это значит, что узкое образование, если оно не сопровождается специальной литературной подготовкой, развивает навыки писания, противоположные требованиям литературности. Язык рабочего конкретен, жив, гибок и выразителен. Лучшие из рабочих авторов этой книги свободны от многих недостатков профессиональных писателей начинающих и не только начинающих. Они свободны от литературщины, от стремления написать «похудожественней», и потому они ближе к подлинной художественности, чем иные из гоняющихся за «образами» писателей. Та настоящая образность, которая составляет сущность художественной литературы, заключается не в том, чтобы называть вещи именами других вещей, а в том, чтобы показывать действия людей (прежде всего) в их конкретном проявлении, выделяя существенное и устраняя лишнее. В этом отношении Таисия Чернышева например стоит ближе к подлинной художествен-

ности, чем иные из наших писателей. Я не хочу лакировать и идеализировать авторов «Былей горы Высокой». Лучшие из них стоят на первых ступенях лестницы, которая ведет к литературному мастерству, но они стоят на правильном пути.

Многие из рабочих авторов этой книги в большой степени обладают некоторыми из качеств, за которые по призыву А. М. Горького борется теперь наша литературная общественность. Эти качества — опрятность и четкое отношение к слову. И обладают они этими качествами потому, что они пишут не для того, чтобы приложить свое литературное мастерство к какому-нибудь предмету, а потому, что у них есть что сказать, потому что им важно рассказать историю своего родного рудника и этой историей помочь борьбе коллектива горняков за победу на своем участке социалистического наступления, потому что они вспомнили о прошлом не ради прошлого, а рассказали о своем росте и своей борьбе, чтобы сознательней и уверенней итти по тому пути, по которому ведет их партия и любимый вождь — Сталин.

Часть первая

Демидовщина

Предания стариков

Чернышева Таисия Зиновьевна

Тульский кузнец Никита Демидов пришел в уральские дебри, где потом основан был Нижний Тагил.

Здесь жили от незапамятных времен старожилы: одни — по реке Тагил, другие там, где стал Медный рудник, третьи — в деревне Фотеево, четвертые — где сейчас Горбуново. Люди эти бежали от царского гнева и от переворота религии. Они не приняли новую веру, и царь жестоко их мучил, называя еретиками. Они разбегались по Уралу группами и в одиночку, расплождались, жили целыми поколениями в одной семье.

В уральских лесах было много зверя и много рыбы в реке Тагил. Люди занимались охотой и рыболовством. Связь имели друг с другом за сотни верст. Доставали скот: телочку, жеребенка. Из бродячей жизни переходили в оседлую. Жилось им спокойно. Вблизи никакого жилья не было, и царский гнев до них не доходил.

Но вот пришел Демидов. Первое, что он обнаружил, — это залежи руды — магнита.

Будто бы это случилось так. Когда проезжал Ермак Тимофеевич[1], то кони прилипали подковами к магниту. Это передали в царский чертог. Царь нашел в Демидове человека великого ума и послал его на Урал. Тот открыл руды, уехал, опять вернулся с заграничными учеными и приступил к работе. Построили домну плавить руду, построили плотину, прошли второе русло.

Рабочая сила была гната отовсюду, скупалась в разных губерниях у помещиков. Помещики выбирали крепостных похуже, и все эти люди из-под жестокой власти помещиков попадали к Демидову. Демидов тоже не миловал. Он своим помощникам давал право поступать с крепостными, как хотят. Били, если кто не слушает. А не даст себя побить — отдавали в солдаты на 25 лет.

Был крепостным построен дом, где сейчас Ключевская улица.

---

[1] Ермак—начальник казачьих отрядов, снаряженных богатыми феодалами Строгановыми во второй половине XVI века для завоевания Сибири. Начало деятельности Демидовых на Урале относится к XVIII веку. Мы видим таким образом в рассказе Чернышевой одно из тех хронологических смещений, какие нередко встречаются в «преданиях стариков».

Таисия Чернышева записывает «предания стариков» со слов своего отца

Но люди бежали. Которые устраивались в лесу, которые прибегали домой на родину, и их снова ворачивали. Так Тагил начал строиться.

Старожилы сначала не робили. Но Демидов их сделал тоже крепостными. Они платили оброк, сторонились и религию свою крепко хранили. Их начали преследовать. Выследят, что где-то старообрядцы-кержаки молятся, нагонят солдат и сотников, навкладывают нагайками, обольют грязью.

Поселок разрастался. Прорубили тракты на Висим, на Салку, на Черноисточинск, на Кушву. Они были пройдены для добывания золота с ближайших приисков.

Рабочие прибывали. Крепостные заменяли лошадей и машины. Давался урок, и если урок не выполнялся, драли розгами. Так разрасталась на горе Высокой работа.

В 1805 году были пригнаты мои предки из Черниговской губернии. Молодыми. Только их поженил помещик и продал. Стали работать горняками — также крепостными. Народилось у них семеро детей. Жили очень бедно. Отец не мог всех прокармливать.

Жили крепостные в казенных домах. Если работает на

прииске — там и семья его. Выплачивалась им часть заработка ассигнациями[1]. Если перевести на золото, выходит пять копеек. Это для расходов на лапти. А хлеб им выдавался, но мало, и прикупить было не на что.

Жилось несладко. Порка была щедрая. В солдаты отдавали в год одинова. Подбирали заранее, и люди не знали, когда кого заберут. Это делали тайно. Кто где был, на работе ли, грязной или какой — заберут и домой не отпустят.

Козьмин Федор Данилович

Может это история давняя, но все-таки былая она. В число привезенных людей угадал и мой дед, Иван Кузьмич Базанов. В 1827 году. Отцу было четырнадцать лет.

Строил Демидов каждому семейству «особняк» — дом с одним окошком. Другое окошко маленькое, руку сунуть. Тридцать сажен вглубь усада, пятнадцать в ширину земли давал.

С десятилетнего возраста на подходящую работу ставили. Рассказываю со слов отца о порядках при управителе здешнего рудника Шмакове Иване Леонтьевиче в 1850 году.

Приходит Иван Леонтьевич в забой к забойщику. А сорта мешать было запрещено.

— Что, шельма! Чего перепутал?

Берет его за волосы и дерет. Частые случаи.

Так дед забит был в руднике за невыполнение урока. Зададут вот выробить четверть сажени. Четверть тебе, чтобы сегодня сробил.

А если забой крепкий?

Приходит перед концом работы десятник с правилом. Смеряет. Потом вылезает наверх, садится у западни. И этих вот, которые не выполнили урока, берут слуги хозяина.

Берут в пожарную галанчу, в которой стояла чугунная печь. Накаливают докрасна. Садят их за печку. И топят печь жарко.

За печкой этой так томят, что человек изнеможет. Приходит Иван Леонтьевич.

— Что, шельма, нагрелся! Будешь урок выполнять?

За прогульный день наказывали.

Самая верная прислуга был Кузька Сергеенок Кривой. Он знал, где кто живет, куда ходит, где котомошная. Как только скажут ему: «Кузя, поезжай!» — он уж разнюхает. В солому прятались. А он найдет и привезет.

---

[1] Ассигнации — бумажно-денежные знаки, выпущенные в России в 1769 г. Непрерывное увеличение ассигнаций в обращении привело к значительному их обесценению.

Высокогорский рудник в конце XIX века

Бородин Василий Михайлович

Я о крепостном-то праве кое-чего слыхал от щегеря Федора Евсеича Шарова. У него семейства было много. Он чересчур сильно робил в молодости. Еще забойщиком крепостным робил. Доробился до слабости. Ослаб шибко.

— Ну, говорит, мать, сегодня я робить не буду...

Только это упомянул, а к окошку Кузя Кривой:

— Тпр-р-р-у-у!

Как это тпрукнул тот, Евсеич заерзал по лавке:

— Ой, Кузька приехал! Ой, Кузька приехал!

Его все боялись, Кузю-то. Он приезжал с коробом, садил и вез на рудник. Прямо в галанчу. Стегали.

Он на раскомандировке с лошадью. Чуть кто в 5 часов не вышел, он через десять минут к окошку. Готов...

...И увезли Федора Евсеича в галанчу. Деру задали вицами.

Козьмин Федор Данилович

За неявку на работу — стежка! И женщин стегали. Юбку нижнюю намочат, натянут да стегают, чтобы плотнее было. А если плохо палач стегает:

— Ты, шельма, чего? Ложись сам!

И его...

За ослушание — хуже. Брили полголовы, полбороды и сдавали в солдаты. Садили вот, где пильная. Как вылезет из шахты, прямо забирали его в тюрьму. Дома не скажут. Накопят там несколько человек, сковывают и отправляют в солдаты на 25 лет. А в солдатах, известно, сам Николай Палкин[1] сказал:

— Девять задери — одного выучи.

Все это — из предания со слов стариков.

---

[1] Николай I царствовал с 1825 по 1855 г.

Чернышева Таисия Зиновьевна

Потом появился манифест 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права, и люди плакали от радости. Но был отдан приказ, чтобы еще год подчинялись. Когда прошел год, в каждом цехе собирались рабочие, и приезжал Демидов Павел Павлыч прощаться с рабочими. Дурковатый он был. Он говорил:

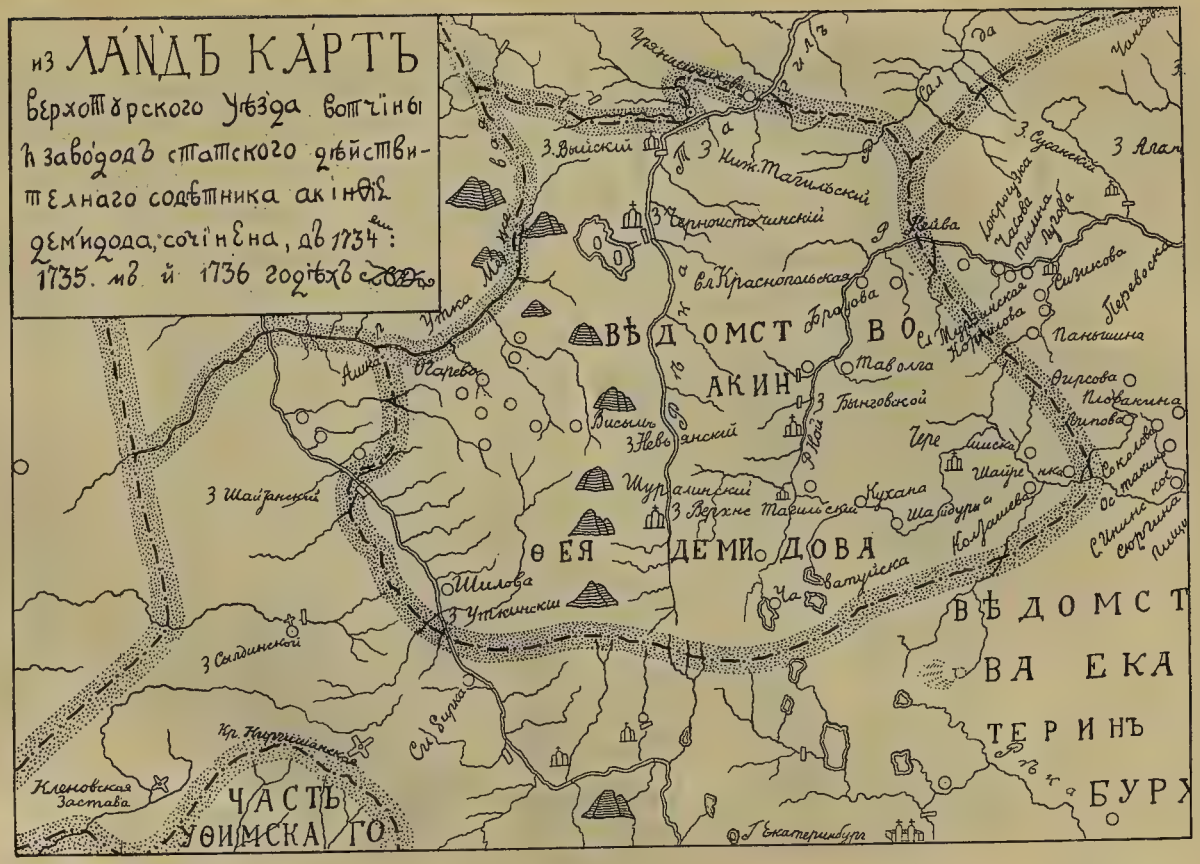
— Прощайте, рабочие! Вы теперь не мои, и я не ваш.

Пошла жизнь другая. Стали распространяться торговцы с товарами, и начал расти базар. Уроков не стало — горняки перешли на сдельную работу. Платы назначались до того низкие, что никакой рабочий не жил сыто, у каждого были недостатки.

Демидов, когда уехал, то поставил для руководства верных людей. Они упрекали рабочих:

— Вам не елось готового хлеба, так зарабатывайте сами!

Рабочий получил мало отрады. Средств не было ни корову, ни лошадь завести. Пришлось жить еще хуже, чем при крепостничестве. Только что не пороли розгами и не сдавали в солдаты.



Были горы Высокой.

Медный

Чернышева Таисия Зиновьевна

Медный рудник начал разрабатываться в 1814 году. Руду нашли у старожилов в погребах и селение сняли. Началась расшурфовка[1], под землей оказались богатейшие залежи медной руды и малахитной породы. Руды были: тальковые, диоритовые, сланцевые, железистые, мягкие колчеданы.

По расшурфовке тут же на Медном построили плавильные печи. На Выю[2] в медеплавильный завод руда перевозилась конной силой. Заложили шахты, работали в них конным подъемом.

В крепостничестве за невыходной день рабочего хоть живого, хоть мертвого, а найдут. Для этого имелась лошадь и сотский. При раскомандировке администрация давала выпись на «нетчиков». Сотский ездил и всех собирал в контору рудника.

На допрос, бывало, выйдет сам смотритель Шмаков и начнет спрашивать. Если например рабочий скажет: «Проспал», то смотритель сотнику указывает:

— Туда его!

Сотник знал — куда. Тут же на Медном находилась временная тюрьма. В ней сидят сутки. Через сутки смотритель посещает эту сборную тюрьму и читает «нетчикам» постановление:

— Вот, шельмы, я вас высеку розгами за неисправность.

После этого их садят на телегу и везут с документом в исполнительную тюрьму. Сотник передает документ, привезенных вызывают по списку, всех перестегают и снова везут на Медный во времянку.

На другой день смотритель опять спрашивает:

— Будете работать?

Они молят его:

— Прости, будем робить!

— Ну, смотрите, а то опять выдеру!

Такой был обычный порядок на Медном руднике.

Смотритель в каждую смену спускался два раза. Обойдет все работы. Реденький рабочий отделается так, что смо-

---

[1] Разведка колодцами — шурфами.
[2] Район Тагила у речки Выи.

Крепостная тюрьма демидовских заводов в Нижнем Тагиле (XVIII в.)

тритель его не побьет. Хоть раз, да ударит, а кого и за волосы оттаскает. Рабочие трепетали в те часы, когда к ним спускался Шмаков.

Если он входит в забой, то рабочий не должен ни останавливаться, ни глянуть куда-нибудь. За это Шмаков бьет по затылку или возит за волосы.

Если же он идет по проходной, где в вагонетках руду катают, и попадется ему катчик, который не отворотит с дороги, то Шмаков бьет его кулаком наотмашь, сшибает с покату и говорит:

— Не видишь, кто идет?!

А если другой катчик, узнав, за что били первого, сбросит тачку с покату и даст дорогу, то получает то же, что первый. Шмаков говорит:

— Я что — слепой? Не отворочу разве?

И люди не знали, что делать.

Но были некоторые рисковые. Такой точно прислушивается, когда Шмаков входит в забой, сейчас же берет кайло на плечо и встает в сторону. Такого рабочего Шмаков не бил, но считал «грубияном» и всех «грубиянов» беспощадно сдавал в солдаты. Десятники поступали так же: за какую-нибудь оплошность бьют рабочего правилом.

И так все рабочие переносили побои от всей администрации и на всех работах. Так же наверху рудника, над шах-

тами. Там работали крепостные дети от двенадцати лет. Они тоже подвергались порке.

Чуть что заметит десятник, подходит, снимает с мальчонка шапку и начинает рвать за волосы. Плакать не смей, а то хуже будет. Мальчик поскорее хватает балду, начинает бить, а руда крепкая, долбит ее... никак не может разбить булыч, крепишься, а слезы льются.

На всех работах Железного и Медного рудников не было пощады рабочему. Руководство было одно — битьё.

Были такие случаи с большими, сильными людьми: рабочий видит, что Шмакову надо его бить, а трудно достать, так он сам ложится, и Шмаков начинает его рвать.

И после манифеста Медный рудник долго был в каторжном положении...

Мой дед Александр после крепостничества стал заводиться семьей. Жили в маленьких хатках. Отец шести лет был и нянька и светец. Светец светит лучиной, а мать — моя бабушка — прядет до полночи. В 4 часа утра мать и отец уходят на работу. Мать пойдет и накажет:

— Водись! Молочка дай ребенку!

Отец так и был нянькой шести детей. Так уняньчивал, что все шесть умерли. Один умирает, другой родится, и

Шахтерский фонарь и шахтерская шапка (начало XIX в.)

снова водись... Восемь лет минуло. Положили отцу еще работу — припасать дрова. А придут с работы, найдут непорядок в хате — лущовка. Так и шли тяжелые годы.

С 10 до 22 лет отец работал на Железном руднике, а потом смотритель спустил «в гору». Там, в Медном руднике, отец проработал безвыходно тридцать лет.

Горняки сильно хворали от непосильной работы, от разных газов и простуд, но на их болезни не обращалось внимания. Помощи не было. Рабочим приходились болезни дорого. Рабочему была грош цена.

Сколько перебило людей шпурами![1] Каждый забойщик палил сам. Буры приносит с собой, взрывматериал, а обращаться спервоначалу новичок не умеет. Или сам зажжет или кого попросит. Ждет-ждет — не выходит взрыв. А пойдет в забой — и мозги разлетятся по камням... Семьям ничего не платили. Дети должны были по миру итти.

Козьмин Федор Данилович

Я поступил на работу в 1870 году одиннадцати лет, а в шахту я спустился семнадцати лет на 91-ю сажень. Всего 100 саженей было. В 1886 году. Рабочая смена — 12 часов с перерывом на один час.

У реденького часы были. Приходилось женам горняков слушать в 4 часа ночи, как на поденщину зазвоняют. В колоколо бренчат. На Лисьей горе, на болоте, на Медном руднике. Такой заунывный звон — чорта подымет! Баба сидит на печке, слушает у отдушины, у окошечка у маленького: вставай, отец, поденщину проспали!

На пятнадцать минут опоздал, все в шахту спустилися, западню[2] на замок, никаких чертей! Иди домой...

Когда время выходить из шахты, берут березовый черешок, привяжут записочку: «Сколь время?» Пошлют наверх. Оттуда таким же порядком ответ.

А вылезешь из шахты раньше времени мокрый, западня заперта, ступеньки обледенелые. Человек 30—40 мерзнут, просят: отопри!

— Нет, сукины дети! Рано вылезли.

До пяти не откроет.

Домой прибежишь — портянки обледенели. Хозяйка знает. Поставит котел с водой на печку. Воду в таз выльет. Опустишь ноги, оттаиваешь.

И эта работа продолжалась до 1889 года. В 1889 году появилося самое ладное слово в Тагиле — забастовка.

---

[1] Шпур — скважина, заряженная взрывчатым материалом.
[2] Крышка, которой запирался спуск в шахту.

...Все в шахту спустились, западню на замок, никаких чертей!..

Дети

Козьмин Федор Данилович

Малолетком разбивал я крупные камни. Руду эту возили в тележках на Выйский завод. Труд был с пяти утра до пяти вечера с часовым перерывом на обед. Плата — 12 копеек в день. Начальник наш, Денис Игнатьевич Кондаков, личность известная по пьянке.

Обморозил он во хмелю как-то руки — пальцы отняли.

Работало нас человек тридцать. Каждому в течение двух недель он отмечал дня по два лишних. Эти денежки ты ему неси. Подарок этот завертывали в бумажку и клали на стол ему. А он сидит:

— Пра-пра, молодец! Пра-пра!

Эта личность, Кондаков, жила припеваючи. Потому, что каждому мальчишке был наказ:

— Камешек найдешь — неси в угол! Малахит полосатый.

И этот камень потом он сбывал на стороне. Через что и шла беспробудная пьянка.

Дмитриев Дмитрий Прокопьевич

Очень трудно было мне проводить свое детство. Отец мой был алкоголик, получку всю протаскивал в кабак, а нам приходилось голодовать. Потом отец мой помер, я остался в семье самый старший, мне было в то время десять лет, а всего семьи у нас осталось после отца десять человек.

Жить было совершенно нечем. С десяти лет я поступил сортировать малахит на Медный рудник, где проработал до четырнадцати лет. Заработок мой был очень мал, три-два рубля в получку. Решил эту работу переменить. С тринадцатилетним братишкой Максимом мы поступили в «Северную шахту» катать вагонетки.

Работать нам приходилось по двенадцати часов ежедневно. Работа нам вышла непосильная, железная дорожка была не усовершенствована. Некоторые вагоны доходили весом до пятидесяти пудов тяжести. Во время катки вагоны ежеминутно сходили с рельс, нам с братом неподсильно было подымать вагон.

Я как старше был брата, меня брало зло, что так часто вагоны срывались. Бил я его за это по ушам, он заплачет;

глядя на него, заплачу и я, но все-таки подымать вагон и катить нужно было дальше. Шахта не ждет, дает сигнал, и очередной вагон все-таки подходит. Когда станешь доносить щегерю шахты Сушкову о неисправности дорожки, тот заявляет:

— Ну вас к чорту, вам все негодно. Вас только осталось выгнать отсюда с работы!

В следующий раз хотя и получались аварии, но из боязни, чтобы не убрали с работы, приходилось молчать, так как в то время была сильная безработица.

Баранов Илья Гаврилович

Я остался после отца годовой. Не запомню отца. Жаль, на карточке не снимался он — посмотрел бы, какой он был. Нас трое осталось. Мать нас воспитывала. Две сестры. Одной шесть лет, за старшую она была, а другая — меньше меня.

Мать говорила, что отец был очень из себя здоровый. Настоящий горняк был. Робил и в будни и в праздник. Безответный работник. Остыл и от остуды умер на горной работе. Немного и похворал. А правило был в крыльцах [1].

Мать ходила к подрядчику Томбасову. Тот набирал вятских человек шестьдесят, рассылал их по участкам, куда потребуют. Он блаженствовал, жил. Вятские так у него под сараем и квартировали. Имя надо было изготовить на 60 человек, суп и все, хлеба пекчи, прибрать, обиходить. Все это мать делала. Здоровая была, страсть. А мы сами, одни. Меня мать отдала с восьми лет учиться. Девки неграмотные остались, а меня мать во что бы то ни стало хотела выучить.

Я проучился три года в гальянской школе. Было трудно нам третий год. Перевели нас в третий класс шестьдесят человек, а к концу года осталось двадцать. В неделю три раза приезжал к нам отец Леонид, священник. Такой худой, бородешка жиденькая... Бывало, закричит — на заднюю парту слюни летят. Он нас учил закону божию. Кому ухо оторвет, кому волосы выдерет. И все за религию за эту. Отцы на него ходили жаловаться, и все ничего... Потому и немногие выдержали до конца года. Намотает, бывало, у девочки косу на руку и бьет головой о парту.

Я сколько ни отказывался ходить в школу, мать мне давала приказ:

---

[1] Косая сажень в плечах.

...Очень трудно было мне проводить свое детство...

— Не пойди-ка. Не пойди! Я тебе ни сапог не куплю, ничего!

Тоже мне за это стежку давала. И выдержал я весь год до конца. Но попов уже не залюбил...

По двенадцатому году кончил я школу. Мать меня определила в приказчики к купцу Копылову. Мне не понравилось. Как придут в магазин наши гальянские мужики, мне стыдно, я отворачиваюсь, не делаю ничего. Только два месяца проработал. Как на пасхе отпустили домой, я не вернулся больше. Мать гонит, а я все равно на своем:

— Пойду робить к ребятам на Медный рудник!

Мать видит — ничего не поделаешь. Сходила к магазинеру Толстову на Медный, выпросила взять меня в малахитную. В малахитной я проработал с год, потом в рассылки пошел, проходил пять лет, а потом пошел работать на шахту. Был воротовым года три. Как двадцать лет минуло мне — в гору спустили. Катчиком работал, забойщиком. Лет восемь робил в горе на Медном.

Первая стачка

Козьмин Федор Данилович

Заработки тогда дошли до семидесяти копеек в день. Но было неравноправие. Большую часть зарабатывали «близнецы» — близкие к начальству, как их называли — «именинники», подхалимы. Вычитывали из заработка за освещение да за взрывчатые вещества еще. Случалось, что две недели проробишь — еще должен останешься руднику.

Аристарх Иваныч Пылаев семнадцать копеек раз принес из дому, отдал, не любил должать...

В 1889 году в мае месяце вспыхнула стихийная забастовка. Одна смена вылезла из шахты, другая не полезла.

Все заговорили. Один скажет, а все ухают:

— Согла-а-сны!

Старики молятся:

— Спаси, господи, небо и землю, Адама и Еву...

Вызвали управителя Шмакова Петра Васильевича. Струсил он. Слова его известные:

— Я ничего не знаю, идите к управляющему...

Пошли к управляющему.

Управляющий один дело не решил, вызвали горного инженера из Кушвы. Собравшееся начальство со всеми сразу разговаривать не стало. Боялось. А то мы все вместе говорили, что кому надо.

Тут и выбрали делегатов для переговоров.

Выбраны были: Литвяк Дорофей, Лоханов Иван, Прохоренок Захар Андреевич, все неграмотные.

Грамотного зачем? Тут говорка́ выбрать надо было, голос, «соловья».

Выборный! А выборного, говорят, не куют и не вяжут.

Рабочие договорились:

— Требовать будем вот такую штуку — гарантированную поденщину — рубль в день. Сто сажен лазим вниз в шахту, так по копейке за сажень.

Это не сделалось одним днем. Дело шло около двух недель. В конце согласились на восемьдесят копеек. Тут-то была выговорена и еще «мелочь» всякая. Не держать долго под западней и другое — всего семь условий.

Условия эти на сборном месте вывесили под стеклом в рамке, чтобы каждый знал. Эта грамота висела до

1894 года. Как сняли ее, стали опять платить вместо восьмидесяти семьдесят копеек.

Чернышев Зиновий Александрович

Это была в Тагиле первая забастовка на Медном.

Начали рабочие между собой сговариваться:

— Докуда это будут нас, как каторжан, мучить? Работаем до упада — заработка нет. Нужно хлопотать: робить на три смены и гарантированную поденщину.

Так все сообща сговорились, чтобы держаться дружно, не сдавать никому. Объявили начальству о том, что мы работать не полезем. Сделали забастовку. Целые две недели выдерживали. Что будет — рабочие не знали, даже боялись.

Ходили каждый день в рабочем наряде к Главному управлению. Посылали туда депутацию и к исправнику. Они отказывались:

— Не наше дело...

Шли дни за днями безо всяких результатов. Стали слышаться разговоры:

— Нам не выдержать... Жить нечем!

Ручной инструмент уральских горняков в XIX веке

Таких товарищей уговаривали.

Через две недели случилось так, что только собрался народ и депутация наша никуда еще не обращалась, как неожиданно вышло из конторы начальство. Спросили:

— Почему не работаете? В чем ваше дело?

Мы им картину своего дела обрисовали:

— Трудно работать двенадцать часов под землей. Просим трехсменную работу. Заработок очень мал. Просим установить гарантированную поденщину.

— Да чтобы не ходить в контору вымаливать себе оплату!

На таковой запрос вышло со стороны начальства ублаготворение. Приказали работать на три смены, писать гарантированную поденщину в восемьдесят копеек.

После забастовки положение немного улучшилось, а все же работать было трудно. Было много мокрых забоев, промокнешь до ниточки, или таких душных, что огонь не горит. В некоторых забоях газ от буров не выходил, гоняли его курточками, болит голова — череп снимает.

В сменах имелись помощники смотрителя: Соловьев, Башкиров, Губин. Это были самые заклятые эксплоататоры рабочего человека. По дворам у них каждый день трудятся рабочие — кто конюшни чистит, кто навоз убирает. А жены рабочих мыли полы, стирали белье, гладили...

Все, что нужно начальству, делалось без отказа. А провинившихся выбрасывали с работы на руднике.

Эти господа начальники своим слугам не платили ни копейки, ублаготворяя их тем, что дадут работу хорошую.

А взять десятников горных работ: К. А. Стафеева, А. М. Гордиенко, Г. И. Ходехина, М. Т. Ходехина, И. П. Прохорова... Эти господа были настолько властны над рабочими, что страшно описать их издевательства. Скажут:

— Иди домой, нет тебе работы!

Так и будет. Их боялись, как огня.

Это еще не все, что рабочие на них работают, хозяйство справляют, сена настрадуют и вывезут, дрова вывезут... Всего этого мало. Они ввели порядок, чтобы после получки рабочие угощали их вином и пивом.

Получка бывала в субботу. А в воскресенье все десятники срядятся чистенько, бороды расчешут, идут в пивную на базар. Все они такие тучные, жирные, люди на подбор, один другого лучше. Еще они не дойдут до места, а на столе уже бутылки стоят — садись да кушай!

Засядут администраторы Медного рудника и попивают, сколько им хочется... По ведерку на каждого надо...

Они не пиво пили, а пили кровь из рабочих.

В 1889 году в мае месяце вспыхнула стихийная забастовка... Все заговорили. Один скажет, а все ухают: — Согла-а-сны!

Волнения

Дмитриев Дмитрий Прокопьевич

Это было в воскресенье 9 января 1894 года. До этого года все винные лавочки у общества откупали купцы. К новому году, к 1 января, посылали договариваться со сходом:

— Подати мы за вас отдадим да еще по рублю в зубы!

А вот с этого года царская власть отняла это дело у купцов, установила винную монополию. Пошли слухи, что теперь царская власть и подати брать с нас будет за имущество, до этого не платили с дома, с имущества. И вот, чтобы это узнать, выбрали четырех делегатов: Сидорова, Лоханова Ванюшку, Егора Калимасова, Ник. Христофоровича Петрова.

Пошли они в волость и не вернулись, их арестовали.

9 января собрались сельские сходы и сделали между собой перекличку, чтобы всем итти к волостному правлению и требовать от земского освободить делегатов. Конечно жены их с детьми тут бегали и ревели как в третьей, так и в четвертой части[1].

И вот начали звонить на галанче. Ближние четверточастные пришли в третью часть. По проулку у красной школы много шло. И остановились у того дома, где Егор Филиппович Калимасов арестован был.

Стали третьечастные с четверточастными рассуждать, что делать с Семашко — земским начальником, как мужиков лучше выручить. Было предложение положить его в короб и запереть в погреб к Егору Калимасову, пока не освободит мужиков.

От Егора Филипповича вся толпа пошла к галанче. Немного еще пообсуждали и отправились к волости.

Кто бегал за земским начальником — не помню. Только что скоро Семашко приехал с извозчиком и привез с собой жандарма Колеватова.

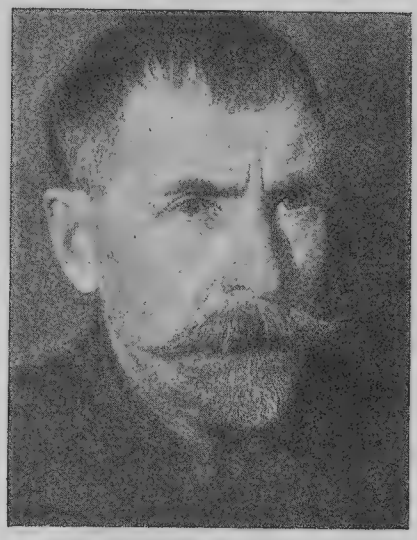
Дали им дорогу-то проехать, а как они около крыльца встали, сразу тут кольцом окружили. Я так рассчитывал, что вот будут его в короб ложить. А тут вовсе не так вышло.

Его стали спрашивать:

— Где мужики?

---

[1] Третья часть Тагила — Ключи, четвертая часть — Гальянка.



Дмитриев
Дмитрий Прокопьевич

Толпа кричит, ухает... А Семашко в ответ:

— Я вам — царь и бог! Не орать!

Сразу с него сорвали шашку. Погоны сами отлетели. Ножней начали лупить его, а шашку сломали и в огород бросили. Колеватов хотел защищаться, из ножен свою шашку вытащил, поднял...

Вася Тимыч Бородин сзади ее сцапал и вытащил из рук. Колеватова били малость. А земского уж били-били, ножню всю изломали об него. Били его и кулаками и пинками, кто чем мог. В драку лезли, чтобы хоть раз толкнуть...

Когда ему налупили как следоват, толпа отшатилась от него. Он на коленях стоял и все просил:

— Братцы! Не бейте, я всю правду скажу!..

Тут извозчик подпятил лошадь, земский вполз в кошовку, и его увезли, куда — не знаю.

Толпа от волости пошла на рынок.

Здесь кто-то скричал, что видели Христофорыча и Ванюшку в земском доме. Дом был двухэтажный: в нижнем — тюрьма, а в верхнем — суд.

Толпа как навалила на большие ворота, запор, хоть толстый был, — сломался. Влетели туда, побежали по комнатам. Но их там не было. Соврали.

Тут часть пошла к становому приставу разыскивать его на квартире. Заявились:

— Где пристав?

...Земского уж били-били, ножню всю изломали об него...

— Нету его...

Поискали в сенках, в чулане. Заворотились и пошли по домам.

На другой день собрались опять. Остановили работу, и все три смены сошлись. Весь Медный рудник. Стали говорить:

— Убить бы надо его... Меньше бы был ответ. Не стал бы признавать нас, указывать.

Кто-то сказал:

— Солдат пришлют...

— Не могут! Надо сначала царю доложиться.

Решили опять итти выручать мужиков. Бабы их такой вой подняли...

Утром часов в одиннадцать толпа пошла снова к земскому дому.

В это время с бугра по той же улице показались солдаты.

До приезда солдат ни стражников, ни урядников, ни полиции во всем городе не было видно. А тут они на конях и пешие появились со всех сторон и давай стегать нагайками публику.

Командир, который ехал впереди солдат на белой лошади, запретил стегать. Скомандовал:

— По домам!

И все побежали. Кто куда, всяко! Недосуг тут узнавать, какая улица твоя. Это было 10 января.

Меднорудянский уже 11 числа работал.

По доказу волостной администрации стали хватать народ. Показывал-то не земский начальник, а свидетели: старосты, старшины. И публика сама была неорганизованная, когда повезут, друг на дружку доказывали.

Когда солдат пригнали, светопреставление, по старому сказать, началось. На площади бывало раньше народу — не протолкнешься. А тут ровно вымерло. Некоторые по трое суток из дому не выходили, ставень не открывали, в подвалах отсиживались, некоторые кубарем в овины катились, чтобы следов не оставлять.

Хватали всяких:

— Которой части? Третьей? Четвертой? Вали!..

Одиннадцатого января меня наряжают:

— Иди в волость. Там читали про вас с братом Максимом.

Пришел в волость, кверху в присутствие. Один зверь спрашивает меня:

— Сколь годов?

— Двадцать.

Потом под конвоем погнали в первочастную волость. Когда гнали, народу много стояло. Кума своего Павла Зимарева увидал, он прощался со мной, плакал. Я тоже заплакал...

Человек семь нас пригнали в первую часть. Разместили в самом присутствии, другого помещения не было. Внизу-то, где арестантская, уж полно было.

Из Перми на рудник приехал губернатор. Ночью он заявился к нам в окружении местной власти.

Губернатор кричал, особенно на бывших солдат:

— Расстрелять вас надо! Вас уж вымуштровали, а вон чего сделали!

И тут же заявил всем:

— Я вас завтра передеру. И если мне подать не уплатите, я всех засажу в тюрьму.

Со страхом ждали мы эту казнь. В ту же ночь от имени губернатора объявили: кому 100, кому 50. Нам с братом 200 неразмененных подал. Но это только он так сулил. Драли-то больше, сверх нормы отпускали...

12 числа с утра начали арестованных выводить во двор, в открылок.

Первых драли на скамейках, а потом увидели, что плох удар — маху мало, и кверх ножками скамейки положили.

Первых драли стариков, очень жалобно кричали они. Кричат, кричат — под конец затихнут. Я, как молодой, думал, что их насмерть застегали. Когда очередь дошла, скричали меня. Горела лампадка вверху. Я на лампадку эту усердно перекрестился три раза. Подхватили меня под руки и привели во двор под навес. Глазами окинул — простонародья никого не было. Одно начальство. Скамеек 10 всего было наставлено. Драли урядники и жандармы.

Приказали мне ложиться на скамейку. Я встал на коленки на лежачую скамейку. Мне приказали расстегнуться — две рубахи было на мне. У верхней пуговки крупные, сам расстегнул. У нижней — мелкие, руки дрожат, не мог сам. Палач начал под скулы бить мне. Я дернул за ворот: котора петелька слетела, котора пуговка...

Один раз я успел перекреститься, как палач ударил меня по загривку и матерно заругался:

— Нашел бога!

Пали сколько-то человек на спину мне. И начали стегать... В три розги стегали, больно. Пучки по десяти виц навязали. Стегали поперек. Надо было кричать пуще, в расчете, что пожалеют. Но под первые удары я и крикнуть не мог. Испугался. Потом начал кричать.

Восемьдесят ударов кому-то помянули в ряд со мной, кричать я не мог уж больше. Максю Першина тут пороли. Без счету драли, не знаю, сколь. Тешились. Поди, рука уставала.

...Отодрали, повели под руки и в каморку сунули. Народу там было полно. Человек семьдесят всего передрали. Увидал я

Тагил в конце XIX века. На переднем плане — Металлургический завод. Через него шли горняки громить земский дом

брата, которого стегали прежде меня, и товарища Павла Корнеева. Брат глядел в окошко, где происходила казнь. Мы с Корнеевым не могли стоять у окон от ужасного крика. Я брата несколько раз одергивал, чтобы он не глядел в окошко. Он говорит:

— Чего тебе!

Через некоторое время брат повалился на пол.

Кто-то из стеганых постучал в дверь по случаю того, что он пал.

Вошли два палача, потащили брата за руки, как деревяшку. Я думал, что брат умер.

К ночи погнали нас в более свободную камеру. У порога там валялся брат и еще некоторые.

Были там нары. Мы разлеглись на нарах. Каждый охранял свое побитое место.

Когда всех перестегали, стали пропускать передачу пищи из дому. Нам кое-чего принесли. А часов в десять ночи вбежал палач, который драл меня, и скомандовал:

— Всем встать! Сейчас отправлять будем.

У каждого пища своя по кучкам осталась. Появился мешок. Все в общий и склали.

Во дворе нас расставили по четыре человека, всего 28 человек. Конных и пеших охраны много было. Мы между собой шептались, куда нас погонят. Кто-то сболтнул, что расстреливать, за вокзал на могильник.

Погнали с обнаженными шашками. Под загривок толкают. Пригнали на вокзал, заперли в вагон. В час ночи повезли куда-то. Беспокойство между нами было большое: куда-то завезут, может быть на расстрел. Наши охранники-жандармы стали в вагоне некоторых спрашивать:

— Кто бренчал на галанче?

Сергей Баранов много болтал с ними. Один из них позвал меня в угол, стал спрашивать. Я наотрез отказался говорить, ничего ему не сказал. Он обругал меня матерно и пригрозил:

— Я тебя заморю в тюрьме.

Все-таки на пути он сказал, куда нас везут:

— Вас, говорит, в Екатеринбург везут, и ваши защитники Мухлынин и Осипов там.

Нам стало повеселее.

Когда привезли в Екатеринбург, начальство съехалось. Нас выпустили и расставили по четыре человека. Скомандовали:

— Шашки вольно!

Я стоял на краю, думал, что головы отсекать будут, как мужик был темный. Ноги дрожали. Шашки ржавые. Я и сейчас не могу их видеть...

Вранья про нас в Екатеринбурге много распустили. Публика дико смотрела, когда по улицам гнали нас. Кличка пошла: «Тагильска ж... драная».

Пригнали в тюрьму. Хотели они нас и там избить, да побоялись.

Ну, потом некоторых выпустили на поруки, и те уехали домой. На другой год Казанская палата выехала, судила нас. Мы наняли защитником адвоката Бибикова. Человек восемь засудили, года по три им дали. Михею и Тихону Зимаревым, Желтикову, Шадрину... А остатки оправдались.

Коренистов Александр Гурьянович

На другой-то день в аккурат после расправы с земским Коровин, Сизов, Киляков, Бастрыков — все машинисты Медного, а с ними и Кондрат Мартюшев решили сделать земскому уважение, прокатить его на себе.

Санки взяли на нижнем конном дворе, кошмой обитые. Маркелка и Мартюшев коренниками впряглись, а остальные пристегнулись с боков. Подкатили к главной конторе, во двор въехали. Земского-то начальника дом аккурат во

Здание бывшей главной конторы демидовских предприятий в Тагиле

дворе был. Народу собралось у конторы — туча! Были все больше тут лабазники первочастные.

Вдруг выкатывают они из ворот. Торговцы враз «ура» закричали. Рабочий народ молчит. Земский привстал в санях, снял шапку, кланяется направо-налево. Рожа широкая, бородища лопатой, сам длинный да черный.

А Маркел Коровин рвется в прискачку, аж пристяжные не поспевают. Ноги-то у Маркелки кривые, бойкие. Бороду черемную задрал накосо, брови стоймя стоят, носом крючковатым поводит.

Прытко под гору понесли, ходу дали. Прямо через завод проехали. По зеленому мосту, по чугунному, выкатили кверху в Большую Рудянскую улицу. Народ стоял вдоль дороги по обе стороны. Которы смеялись над ними, которы хмурились. Купчишки «ура» покрикивали.

Предоставили они его в волость, у которой накануне его же били. Побыл он там немного и поехал на них домой. Нас, мальчишек, Кондратка шугнул от волости. Мы по избам все разлетелись. А рабочие стояли, помалкивали.

...Туда-то они бойко бежали, а назад повезли шагом. Устали, поди, видно. Так в санях и домой его воротили...

...После, как увидит кто Маркела Коровина:

— Тпрр-у! Земского повез!..

Он сразу начинает ругаться. А ребятишки перекосят головы набок, как коренник, и хором все:

— Тпррр-у-у-у!

Кондрата Мартюшева дразнить боялись. Других маленько подразнили и бросили, а Маркелу всю жизнь доставалось. Сперва-то ребятишки затпрукали, а потом уж и взрослые мужики. Где увидят Маркела:

— Тпррр-у-у-у!

Прохоров Иван Алексеевич

Меднорудянские мужики придумали тогда песенку:

Запрягли мы коренного
Да Кондрашку Мартюшева,
А второго пристяжного —
Это Кузьку Бастрыкова.
Третий был из рысаков —
Семен Никитич Киляков...
Наш Маркел Коровин гнал,
На чугунном мосту пал,
Знать, неладно угодил —
Рыло все изборонил...
А гальянски мужики —
Они вовсе дураки.
Они податей не плотят
И начальников колотят,
А начальники ревут,
Народ вицами дерут.

Кержаки

Мартюшев Викентий Кондратьевич

Когда при Петре был разгромлен стрелецкий бунт, то бежали сюда из Москвы двое раскольников, чины духовные беспоповского согласия: отец Иов и отец Андрон. Третий с ними был Ироид, какой-то стрелецкий [1].

Ироид и Андрон создали два скита на речках, которые потом были названы по их имени: Ироидка — верст десять в сторону Урала к Елевой горе и Андронка — верст восемь.

А третий скит основал отец Иов на Ключах, на речке Рудянке. Остатки его и сейчас еще сохранились: лес, часовня и надгробники. Тут в бывшей часовне были схоронены Иов, Андрон, Ироид и еще двое. Пять могил их там.

А вокруг все раскольники хоронили своих умерших. Возник тут так называемый старый могильник. Около него ежегодно производилось моление.

Две улицы — Малая Рудянская и Большая Рудянская — считались «кержаки». Тут сплошь староверы жили. А вот Ключевская, обе Поперечных, Старобазарная — это «хохлы» были. Позднейшего населения они. И дальше к Гальянке все хохлы — насельники: черниговские поближе, а там — киевские и харьковские. А на Вые туляки больше жили.

Моление начиналось с 28 мая по старому стилю и продолжалось три дня.

К 28 мая собирались у «отца Иова» тысячи людей. Бывало, всю Малую Рудянскую улицу телегами уставят. Приезжали старообрядцы со всех мест — и невьянские, и лайские [2], и из-за Перми, и из Москвы с Рогожского кладбища [3]. Я как сейчас помню, один в синем кафтане, в шелковом цилиндре, борода седая, сам здоровый, толстый стоял. Наши говорили, что это с Рогожского кладбища.

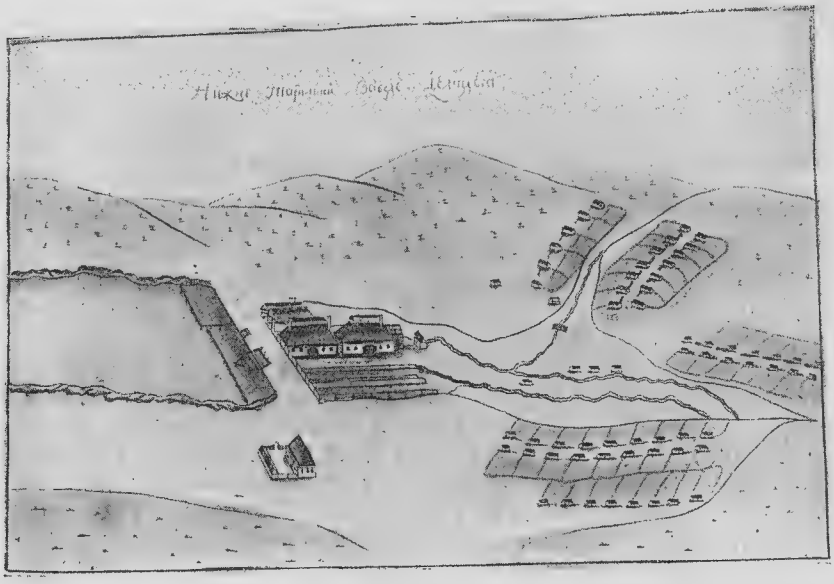
Один затворник тоже бывал тут, только два раза в год и людям-то показывался: на «отца Иова» да на «Белые горы». Вот имя его не помню я точно — отец Пафнут, что ли.

---

[1] Стрельцы — постоянное войско Московского государства в XVI и XVII веках. Среди стрельцов было много представителей городских низов. В конце XVII века они восстали против бояр, крупных купцов и гнета царской власти. Среди стрельцов было много раскольников.

[2] Невьянск — один из старейших заводских поселков Урала в 50 километрах от Тагила. Лая — село под Тагилом.

[3] Рогожское кладбище было крупнейшим раскольничьим центром.



Нижнетагильский завод в XVIII веке. Рисунок неизвестного художника

Плотной стеной тут стояли все, в черных кафтанах да со свечками желтыми восковыми. Кругом полным стояли. А в середине-то, где часовня, наставники ихи и два хора.

Женщин-кержанок полно, бывало, и молодых и старых. Все в платках, повязанных так, что два конца спущено, в одинаковых сарафанах, на одной руке подрушник, на другой — лестовка. Подрушник — это одеяльце стеганое. При этом вышито, бисером убрано. Его кладут на землю, чтобы при поклонах не касаться руками и лбом земли. А лестовка — это вроде кожаных четок, по ней отсчитывают «господи помилуй» и поклоны. Через сорок валиков — один большой, через сто — еще больше.

А то ведь попробуй, отсчитай сто поклонов да еще «господи помилуй» к каждому приговаривай — спутаться ведь без лестовки можно. Кликуши во всех рядах были. Вдруг какую схватит — она закричит, забьется, начинает выкрикивать бессвязные слова, пена на губах, сама в судорогах трясется. Бились ужасно об землю, сила такая появлялась у них, что по шесть мужчин их держали. Еще в часовне находились старцы и старицы, посвященные в монахи, отрешившиеся ото всего.

Молились ночью, днем отдыхали. 28-го начиналось часа

в четыре дня, и до шести молились. Это легкое моленье. При свете начинали, при свете кончали.

29-го подымали иконы из Железковской часовни на Старобазарной улице у завода и из Вогульской часовни с Выи и с крестным ходом шли к «отцу Иову».

От мала до велика, от такого вот мальчишки все в кафтанах черных и в кружок подстрижены. А то, считалось у них, бог молитву не примет.

Часам к десяти утра приходили к «отцу Иову» с крестными ходами, с иконами. Иконы устанавливали в часовню, делали малое молебствие и расходились до вечера. У икон оставались только чтецы, беспрестанно сменявшие друг друга.

Вечером 29-го снова начиналось моленье и продолжалось до 12 часов ночи.

30-го же начиналась «великая всенощная». К этому времени народу съезжалось видимо-невидимо. Выстраивались все чин по чину. Толкотни и давки отнюдь не было. Становились плотными рядами. Молебствие открывал один из старейших старцев. И «замолитвовал»:

— За молитв святых отец наших, господи Исусе Христе, сыне божие, помилуй нас.

Все отвечали: «Аминь». «Зааминивали». Тут возжигались старинные кадильницы, по уставу с липовым углем и росным ладаном, с особыми молитвами. Кадильницы — вроде как кастрюльки с крышечкой с крестом. Он кадит, а все истово кланяются поясными поклонами. Руки скрещены на груди.

А дальше уже служба сама начинается. Хор гнусавый мужской. Женского нет.

Жуткое на меня это впечатление производило. Трудно описать.

Кержацкий бог — что-то черное, тяжелое, твердое, беспощадно карает он тебя за малейшее отступление от устава и самым непреклонным образом охраняет старину.

Над головой темное небо. Громадная плотная черная толпа среди черного елового леса. Мощное гнусавое пение по старинным нотам — «крюкам» — вылетает из сотен мужских глоток. Дым из кадильниц. Тысячи зажженных свечей. И неистовое это моленье.

Кержаки-то все больше работали на Железном, на конях. Подрядчики больше все были «кержачье» самое закоснелое: Ушаковы, Охлопковы, Коряковы, Горбуновы, Бобровы и другие. А на Медном — хохлы. Как пригнали их сюда — сразу в гору спустили.

Кержаки больше жили состоятельно. Отсюда и возникли подрядчики.

Народ все был здоровый физически. Раньше брали все, бывало, на кайло, на лом да на клин. Как начнут ворочать ломами — страшно смотреть на них. Или «черемухой» так называемой. Это громадный лом. Берут его три человека, всаживают куда-нибудь в расщелину, как таран, и отворачивают им громадные глыбы.

Держались они замкнуто, обособленно от хохлов. Когда по указу царя Николая Палкина все молитвенные дома старообрядцев должны были забираться у них, хотели забрать и Троицкую часовню, которая стояла на месте нынешней Троицкой церкви.

В часовне заперлись старухи и старики и не пускали туда владык тогдашних. Кричали:

— Не отдадим часовню!

— Не дадим тешить бесов!

— Не отдадим божий дом на поруганье!

Управитель рудников и заводов Белов, опасаясь, что после окончания работы кержаки заводские и рудничные двинутся старикам на помощь, приказал выкатить бочки вина и допустить пить, кто сколько хочет. Но закуски не дал. Все перепились так, что и домой не смогли пойти, а свалились тут же в цехах.

А к часовне вызвали пожарных, залили ее через окна водой и промоченных, обессиленных стариков и старух волоком выволакивали наружу.

Потом церковь была запечатана со всеми старообрядными святынями, со старинными книгами и иконами. И приставлен караул.

Наши же кержаки-горняки, не примирившись с этим, провели из дома Медведева подкоп сажен на полтораста, проникли туда и похитили свои святыни. По преданию — перенесли их на «Белые горы».

Коренистов Александр Гурьянович

Рук я не знал, которая правая, которая левая. Перекрестишься левой, и за ухи сейчас тебя. Я стал бояться в церкву ходить.

Дома молишься — мочалинку привяжешь на руку. Посмотрел: ага, значит правая. Ей и крестишься. А то замараешь нарочно левую руку чем-нибудь. Поглядел: грязной рукой молиться нельзя, правой молишься.

А в церкви так нельзя. Придешь — скажут: что за мочалинка у тебя?

А с грязной рукой придешь — выгонят. Беда!

Через это мольба мне и опротивела.

Потом стал я и к таким кержакам ходить, которые в церковь не ходят вовсе. По домам молятся. Но и там не поглянулось мне моленье. Тоже тщательно молятся. Я все крадче от отца бегал.

Стал в лучинкину веру ходить. Керосину они не жгли, лучинки палили. Товарищ у меня был Чистяков Василий. Ему было тринадцать лет, а мне десятый год. Вот тут мне у них поглянулось.

Верно, тоже помолятся там немного. Но потом огонь гасят, начнут бегать. Мы думаем — и нам надо. Тоже начнем бегать.

Бегают так. Сначала все стоят, молятся. Как в колокольчик брякнут, огонь погасят и завертелись... Начинается похабное дело. Тут хватают кто кого и все тут... Один мать схватал: ножницами платок простриг ей, чтобы приметить потом, кто был под ним. Тут хоть мать, хоть кто под руку попадет[1]!

А мы, маленькие, не знали ничего, условимся, где стоять, хватаем друг друга и на улицу. Одного не выпустят, а двое можете итти. Выбежим и играем.

Когда в Троицкой колокольчик отбрякает — домой идешь. Говоришь, что в церкви был, а сам убегал к товарищу.

Как-то вечером мы пришли туда, в котором доме молились. Попов никого нет. Мы стали в прятки играть. Трое лучинкиных ребят, один я тут. Я от них, чтобы меня дольше не нашли, спрятался под сенки. Там собака всегда привязана жила, а ее не было. Надо было в угол залезть, чтобы не видали меня.

Слышу, кто-то стонет подо мной. Около меня, в углу. Слыхать два голоса: женский и такой. Двое, как хворые, бывает, стонут перед смертью, под последнее время, так эти стонут. Верно, борются со смертью там внизу, не мерещится мне. Ведь раньше все говорили «мерещится». Убедился я, что там люди, сразу оттуда выскочил и побежал не домой, а в полицию. А был всего только десяти лет. Заявил:

— У Чистякова у товарища играли вот так, и слышал я, под избой под сенками: двое умирают. Просятся уж умереть там, не рады жизни!

Поехали туда к им полицейские. Давай в подпольях искать. В обоих подпольях выискали — нет никого. А когда вторично я им показал:

— Вот в этом вот углу!

Они стали пробовать камни. Как фундамент закладен был

[1] В этом рассказе очевидно отразились тенденциозные слухи, которые распространялись православными миссионерами о сектантах.

туда. А как раньше фундаментов не было, и эта изба тоже на земле стояла, они заинтересовались.

— Фундамента ведь нет. Почему же камни тут угадали?

Когда разрыли — там оказалась дверь, проход под сенки.

Дверь открыли — там двое: старик со старухой.

Только им помереть. Кости одни остались. Сейчас как вот вижу. Ход, а дальше был сруб, как изба под землей. Боле походила она на богомольню. Стены бревенчатые без окон. Печальный вид. Для воздуха труба там поставлена деревянная. Одна лампадочка горит. Мы шли с фонарем. Иконы: богородица и распятие. Более ничего нету. Кровать там была сделана из досок, столик и скамейка. Мы удивились, как они лампадку зажигали. Видно, сверху доску поднимали и опускали ее. Лампадка горела ладно.

Старуха на кровати была, а старик на полу. Они уж встать не могли. Он в долгой рубахе и в подштанниках, рубаха простая. А она в рубахе и погом сарафан с проймами надетый был, кокошник подвязан лямками. У монашек эки были.

Борода большая с проседью у старика, а у ней волосы не седые были. Весь зарос старик волосами. Как мертвые, глаза провалились, все осунулось, только нос один острый стоит что у той, что у другого. Руки больно страшны, прямо кости одни. Не видать никакой мягкости. Жилы да кости. Годов полсотни старухе было, а ему годов шестьдесят пять.

Стонали они больно:

— Вот бы хоть помереть!

А как воздух попал на них — они сразу без памяти. Дохнули только раза по два.

Когда с обыском пришли, хозяева уж дома были. Тут раньше ведь собака была, она все тявкает и тявкает, никогда не переставала. И не слышно ничего было. А мы, ребята, и отпустили ее в тот раз. Она нам мешала в прятки играть.

Повезли стариков в демидовскую больницу. А хозяев посадили в острог.

Когда больные оздоровились, меня вызывают. Старики требуют:

— Покажите нам этого мальчика, который нас спас!

Они-то требуют, а я никак не иду, раз видел кости одни тогда. Полиция силой меня пробовала вести, а я убегу. Потом пряниками, конфетами кой-как заманили.

Когда меня привели, они спросили:

— Что, этот нас увидал?

— Да, вот этот.

А я спросил:

— Вас как туда, маленьких, посадили?

Я думал, что их туда детьми посадили, они там росли, выросли и состарились.

Они меня спрашивают:

— Как ты на нас наголкнулся?

А я их спрашиваю:

— Вы тоже в прятал ки играли, когда вас поймали?

Потом я спросил опять:

— Пошто ты, парнишка с девчонкой, в пряталки угадал?

Мне интересно было. Они меня спрашивают, а я их. Мне тут пряников дали, всего. Они меня опять уговаривают:

— Ты скажи, мальчик, как ты туда попал?

А я говорю:

— Вы вперед моего туда попали, так вы сначала скажите!

Они давай обсказывать. Старуха тут интересную картину обрисовала. Жила она в горничных у лучинкиных. Ее тоже стали просить, переманивать, у кого она жила, в лучинкину веру. Она пошла в их веру. Два раза ее в лучинкину веру купали в реке зимой. Макнут ее нагую в прорубь, в тулуп завернут, привезут в дом и отогревают. Это у них такая вера. Когда кто два раза перенесет это, две купальни, то считается у них как бы святая, уже непорочная. Ей купанья не поглянулись, она ушла от них и вышла замуж. А у них такое правило: раз святая, раз ее купали, то замуж выходить не смеет. А если вышла замуж, то должна помереть медленной смертью, от голода. Постепенно морят, морят, все мене и мене дают есть. Чтобы одни кости остались.

Она, если и не ушла бы от их веры, все равно бы ее туда воткнули. Где бы она ни была, лучинкина вера все равно бы ее взяла. Украдут и все.

А старик — ее муж. Обоих и украли. Он тоже наверное в лучинкиной вере был. Поглянулась эта «святая» ему, когда еще молодой была, в жены взял ее. За это и его посадили. Прошло много лет, а все-таки лучинкины их поймали.

Около двух месяцев они были этак. Вперед передавали им по куску хлеба в день, скажем, фунт, потом четверть фунта. И воды все мене и мене.

Так я познакомился с лучинкиной верой. Это мне особенно не поглянулось. Вижу, во всех верах какое-то мошенство.

И наш священник мне после не поглянулся. В пост на исповеди он говорит мне:

— Не ври, говори правду: глянутся тебе священники?

Я говорю:

— Нет.

— Пошто?

— А по то, что, как женщины, носят волосы!

...Он за это заставил меня класть двести поклонов.

Конница

Титов Алексей Васильевич

Ключевских людей кормят горы. Они дают им рудничную работу, работу в лесничестве, материал для жилья, корм для скотины. Тот за жителя не считается у ключевских подрядчиков, у кого нет коровы. И у каждого есть лошадь, а иногда три, четыре, пять, шесть. В горняцком обиходе нельзя без лошади.

Лошадей пригоняют калмыки необъезженными из оренбургских степных просторов. Жеребенок четырех-пяти лет стоит 35—50 рублей. Объезжают их летом, запрягая в сани, иначе разнесет. Кормят овсом. От овса кони играют. Идет-идет, да вдруг закусит удила — понесет.

В праздники гоняются. По Ключевской, Большой Рудянской, Старобазарной улицам. Обязательно бубенцы, сбруя с набором. Щеголяют лошадьми. Нет больше той обиды, как сказать человеку: «Не бывало во дворе у тебя конского копыта», т. е. не умеешь ты судить о лошадях.

По праздникам одеваются в ботфорты, в вышитые косоворотки. Идут с гармошкой, опираясь о тросточки — или стальные с берестяными украшениями или железные, витые из проволоки.

А на улице, перед окнами своего дома, кто-нибудь, глядишь, устроился пировать. Тут же на канаве сидят, варят мясо, пьянствуют неделю подряд.

Молодежь собирается на вечорки. Поют частушки, подголосные песни, пляшут кадриль. Веселящиеся артели молодежи состязаются: кто кого перепляшет? Потом вновь прибывшую артель выталкивают из круга. Они сопротивляются кулаками, иногда ножами, всяко бывает.

Но особенно дерутся по праздникам на прудке у Медного рудника. Начинает челядёшка, подходят взрослые парни, присоединяются недавно женившиеся, под конец вступают семейные горняки. Идет всеобщая лупцовка, кулачный бой. Редко у кого из забойщиков не была голова развалена, да лицо не разбито, да бок ножом не подколот. Все как есть ходят в шрамах.

В мае месяце начинаются конские выгоны. Лошадей табуном выпускают в лес на Елеву гору и дальше. Ходят там до петрова дня, а ненужные — и до́ снегу. Накануне петрова

Выработки Железного рудника в конце XIX века.

часть коней выгоняют к страде. Это — праздничное дело. Выгонять одичавших коней из табуна собирается молодежь, сорок-пятьдесят человек самых молодецких, разудалых парней. В больших киргизских седлах с набором, на самолучших лошадях, размахивая длинными ременчатыми хлыстами, скачет в лес разряженная молодежная конница.

Идет охота по горам на разбегающихся коней: строптивых ловят длинными арканами, обматывая им шею, пойманных связывают хвостами и маленькими партиями водворяют в лесной пригон.

А оттуда уже по дороге «гоном» сопровождают на Извездную улицу.

Которую лошадь можно, хозяин берег так, а порезвее — ловят арканами пастухи и выдают хозяину. Часто хозяева спорят между собой, кто поймает резвую лошадь. Подходят потихонечку, ловят за шею, за чолку, надевают уздечку. Лошади волочат спорщиков по пригону.

Пастухи конские — самые почетные люди. Их выбирают сходом, доверяют им самое ценное горняцкое добро — лошадей.

Приходько Николай Зиновьевич

Не было того дня, чтобы лошади тележек не разбивали. Как выедут наверх гонщики — айда запузыривать, кто скорей приедет на свалку. Лошадь разозлится, выбросит этого гонщика — и пошла щепать, и пошла щепать. Всю тележку превратит в щепы. Прибежит на свалку в одних оглоблях.

Смотритель был тут любитель коней.

Приемка каждую неделю тогда была, и на другой день расчет. Как после приемки, так и пьянку сооружит. На вино денег давал. На Магнит[1] собирал мужичков. Охотников таких же соберет, сперва подвыпьют, разговоры пойдут...

— А ну, ребятки, кто бороться-то охотник.

Выйдут, и пошло...

Сперва наборются, потом гонка.

— А ну, ребятки, гоняться! У кого лошади хорошие?

Выйдут на дорогу и давай гонять.

Который вперед придет, тому скажет:

— У тебя лошадка хороша!

А кто отстанет, тому:

— Ты с этой лошадкой и на рудник не езди больше!

---

[1] Старинное название Шихана — верхушки горы Высокой.

Краснобаев Александр Иванович

В горняцком быту фартук с нагрудником назывался запоном. Он служил для того, чтобы брюки не рвались от лопаты, чтобы не сыпалась за голенища земля и чтобы вытираться им взамен полотенца. Запоны вошли в обычай. Рабочие запоны делались из мешка, а щегольские — из хорошего белого холста. На запоне вышивались рисунки красными и синими нитками.

За нагрудником прятали хлеб и вачеги. Обычно, приходя на работу, горняк снимает форсистый запон и надевает простой из мешка, чтобы избавить от частой стирки свою жену. Но подрядчики, мужички позажиточнее, расхаживали весь день в белоснежных тонких запонах. Это считалось признаком богатства и знатности.

Еще бы! Находиться целый день среди глины и не запятнать свой запон мог действительно только такой «рабочий», который сам не притрагивался к лопате, за которого работали гонщики.

Бедняк получал хороший запон женясь. По обычаю жена обязательно выносила в приданое расшитый белый запон. Если только что женившийся парень приходил на работу без такого запона, его дразнили и осмеивали.

Молодежь старалась тоже надевать запон побогаче. У кого запон был лучше, того больше уважали девчата. И если девушка влюблялась в бедного горняка, то поскорее ему дарила хороший запон. Но это случалось редко. Девчата боялись дурной славы.

Каждый коногон старался проехаться с той гонщицей, которая ему нравилась. Сядет к ней на беседку тележки и разговаривает. А если он ей не по вкусу, то она постарается угнать от него заранее. Бывало, кричит парень издали:

— Эй, милашка! Когда мне сошьешь запон-то?..

А она ему взвизгнет:

— Отвяжись, худая жисть!

Кроме запонов девчата дарили своим милым кисеты. Отсюда пошла песенка:

— Ох! милая моя,
Эка мастерица!
Шила милому кисет —
Вышла рукавица...

Ключевские нравы

Кизим Николай Григорьевич

Старичок такой раньше жил. Звали его Яша Синий. Синельщиком был, синил пряжу. Деньги взаймы давал. Очень скупой был. Даже никто не видывал, чтобы он спал в рубашке. Нагой!

Никто к нему не ходил. Во дворе у него стояли четыре бочонка из-под цемента с медью и серебром. Битое стекло поверх. А в подполье сундук: серебро, золото и всякие бумажки. Это у них в семье передавалось из рода в род наследникам.

Люто подходил он к этому делу. Лютой старичок был. Копил, и копил, и копил. А жил голодом. Бывало, выйдет с ящиком в завод и торгует. Урюк какой-то заплесневелый продает, пряники сухие... Его убили. Горелик Прокопий, Масленников Оська, еще нездешний какой-то новозаводский Анкудинов. Нашли у него старых денег много. Пятаки-то екатерининские, посинели уж. После, когда другие купили дом этот, находили монеты и в хлевах и в углах. Денег-то всюду было насовано... Нажил все с нас, бедняков.

Деньги ребят и подвели. Пьяные, начали их растоваривать. Думали, пятаки-пятаки, так и сойдет. Ан, нет!

Были они обсуждены в каторгу.

Чернышева Таисия Зиновьевна

Бывало, в праздник мать отправит в церкву. Смотришь на разодетых барынь. Соберутся купцы с женами в шелке, в золоте. Купчихи, как барыни, встанут, крестятся, а руки алмазами, золотом блестят. Глядишь, какие они все жирные да разодетые! Пристав придет. Все это казалось мне волшебством. Идешь домой и думаешь: как же богатые нарядно одеваются...

Да не на все в церкви бывало хорошо смотреть. Посмотришь на стены — и страшно станет: ад и рай. В аду горят грешники, а в раю святые богу молятся. Забоишься, начнешь молиться скорее, а глаза опять найдут чего-нибудь новое. И молишься и завидуешь: на богатых девчонках одето красивое, а на мне — нет! Что-то злое вспыхивает...

Домой придешь, мать покормит, начинается праздник.

Большие девки сидят на улице, а парни в гармошку играют, ходят мимо девок.

Толчок у парней был один на проулке. Со всего 3-го района соберутся в одно место и начнут друг с другом счеты сводить. Слово за слово — пошла потасовка. Обязательно на две партии разделялись и дрались. Страшно, а бежишь посмотреть на драку. Что видишь — ужас! А если который праздник нет драки, то скука берет...

Повыросла я, стала с девками водиться. На праздник ко всенощной матери нас в церкву проводят, сами уйдут. Мы постоим немного — на паперть выйдем, а кавалеры наши ждут нас. Вот и давай гулять вокруг церкви. Дома мать встретит.

— Из церкви?

А ты думаешь, как бы поскорее опять в церкву — с парнями погулять.

Бородин Василий Михайлович

Года я определенно сказать не могу, но не менее сорока лет назад Демидовы отчислили капитал в двадцать тысяч рублей на постройку богадельни для престарелых и безродных рабочих.

Про этот капитал пронюхал введенский поп — отец Иван благочинный. Ростом он был высокий, волосёшки реденькие, короткие, бородка маленькая, щеки втянутые, сам сутулый, вроде Кощея бессмертного.

Поп эти деньги исходатайствовал, сказал:

— Я выстрою богадельню.

Когда отпустили ему капитал, то строить он действительно начал, но одновременно занялся хождением с подписными листами и кружечным сбором среди кулачества на постройку этой же богадельни. На собранные деньги богадельня была построена, а демидовский капитал целиком достался попу...

Другой поп, отец Симеон, умильный взглядом и богобоязненный видом, служил в соборе. А Демидовы между прочим пожертвовали в собор крест из чистого золота, осыпанный драгоценными камнями, стоимостью будто больше десяти тысяч рублей.

Во время пасхи отец Симеон поехал поздравлять с праздником богатых людей города и взял с собой этот крест. Крест он прикарманил, сказав, что потерял его.

Крючков Егор Петрович

Крючков Егор Петрович

У самого Железного рудника жил шинкарь-котомошник Мартюшев. Его звали просто Кондрашка.

Был он очень здоровый, пузастый, рыжий, ноги кривые, бородища большая, нос толстый, руки, как лопаты. Он носил всегда жилетку и широкие шаровары, ходил в кожаных башмаках.

Выпивать к нему шли, кому не лень, днем и ночью. Вина сколько хочешь было. Кондрат принимал за вино «и сырым и вареным». Для выпивки отдельная избушка имелась. Бывало, напьются рабочие да чего-нибудь и заскандалят. Кондрат услышит — выкинет их на улицу.

Кондрашка любил того, кто всегда у него пил. Больше всего ходил к нему пировать Максим Пимоныч Воронин, старичок лет шестидесяти пяти. Звали его Кривой Максун.

Максун пировал здорово. Как запирует — все перегаскает к Кондрашке. Вот как-то раз он пропился, переносил все из дому за вино Кондрашке. Пропивать больше нечего, и денег нет, а выпить еще хочется. Пошел он к Кондрашке просить чашку вина в долг. Приходит. Тот встречает его:

— Что, Кривой Максун, голова, видно, болит?

Максун и говорит:

— Кондратий Афанасьич! Налей чашечку с похмелья. Денег нету. Зароблю — отдам...

Кондрашка отвечает:

— Сними штаны — налью чашку!

Максуну было и досадно и стыдно, но голова болит, выпить больно охота. Взял снял штаны, да и повернулся кругом.

Кондрашка:

— Ха-ха-ха! Манька, налей Кривому Максуну вина чашку! Да хлеба отломи ему...

Максун выпил чашку и еще поблагодарил шинкаря за издевку:

— Спасибо, Кондрат Афанасьич!..

Кондрат любил погулять с девками. В одно время приехал к нему с речки Черной черновской старатель Улегов Мартемьян и привез с собой двух девок из публичного дома. Кондрат с Мартемьяном начали в саду выпивать, и девки с ними.

Выпили изрядно. Заиграли с девками. Разделись все донага, и пошло тут кому что надо. Натешились, срядились и разошлись.

Так Кондрат забавлялся.

Растворов Константин Сидорович

Я помню: когда-то по Большой Рудянской улице на углу, как раз там, где проходили с работы конные и пешие горняки Железного рудника, жили два брата Мартюшевы, Яшка и Кондрашка Афанасьевичи.

Кондрат был огромного роста, с большой бородой, брюхатый, как баба. Он имел вид настоящего кулака, какими их рисовали после революции на плакатах.

Кондрат жил с двумя женами, содержал обеих вместе. Был у него постоянный батрак Муха. Этот Васька Муха доставлял к Кондрату вино, пиво и всякие закуски. Кондрат был хозяином кабака. В летнее время позади его дома открывался питейный сад среди тополей. Весь сад был уставлен столами и венскими стульями, блестел чистотой.

Зимой в кондратово помещение ход не запрещался ни днем, ни ночью. Сюда-то горняков и манило. Кондрат всегда встречал рабочих, а наипаче в день получки:

— Заходите, милые кормильцы, заходите, поильцы! Вы кормите и поите меня!

Кондрат принимал всем. Если денег нет — «сними штаны или рубаху, все равно потом выкупишь». Я, когда был маленький, ходил к Кондрату с отцом. Отца звали Ситька Растворов, он был закадычный пьяница. Зарабатывал ничтож-

ные гроши и все оставлял у Кондрата. Бывало, он снимал с себя последние сапоги и рубаху и закладывал до субботы. В субботу он выкупал их и в ту же субботу опять закладывал до субботы. В следующую субботу он опять проделывал то же самое, и так весь год. От субботы до субботы выписка закреплялась за Мартюшевым. На хлеб себе денег не оставалось.

Так же бывало и с другими бедняками-рабочими. Ангеновы Иван и Петруха, Кузьма Голицын, Прокопий Катаев и много-много других были вечными должниками Кондрата. Семьи их голодовали и плакали, а Кондрат за счет рабочих наедал себе брюхо и поил всю полицию. Вавила Иваныч, урядник, полицейский Иванов и другие так тут и спали у Мартюшева.

К тем рабочим, которые изменяли его кабаку, Кондрат был беспощаден. Я помню, как-то раз Кузьма Голицын напился не у Кондрата и пришел к нему пьяный, уже без денег. Так Кондрат набил ему рыло и выгнал Голицына за ворота.

Коренные подрядчики в этом шинке спали и высыпались. Гриша Мамонов, Кузя Кедун, Костя Харитоныч Гордеенок, Архип Ушаков, Игоня Пылаев, Митя Мамонов — все пили за наличный расчет. Они расхаживали в этом ковчеге, точно косачи на току.

Один старичок, Пылаев Митя, по прозвищу «Черемшанка», составил про Кондрата Мартюшева такую песню:

Кондрат, Кондрат!
Мы к тебе идем,
Мы к тебе идем,
Все рубли несем,
Все копеечки...
От тебя идем,
Как быки, орем,
Как коровушки...
Мы домой придем,
Жене бок набьем,
И бока набьем
И по головушке...

Пылаев Иван Михайлович

Я такой озорной был парень. С полицией все дрался, здесь на Ключах. Кулачные бои устраивал. Неохота вспоминать это все...

Я сын мастерового. Отец был плавильщиком мартеновским. Здесь, в Тагильском заводе, лет 25 работал. Он и сейчас жив, ему 83 года. Он тоже дрался с земским и в тюрьме сидел с Митьшей Дмитриевым. У них сродство-то все до ста лет живет. Четыре нас было брата. Двоих в гражданскую войну убило, один тифом помер, я один остался.

Зарабатывал отец раньше пятьдесят рублей в месяц.

Женился он рано, мы в скорости подросли, помогать ему стали. Шибко большой нужды я в нашем доме и не видал.

Я три класса кончил в Троицкой церкви, а когда меня хотели в городское отдать, то не приняли за то, что отец был стеганный за земского начальника.

В завод у меня не было охоты итти. Я пошел на Железный рудник. Сперва камешки собирал, потом гонял, в кузнице робил, был ломщиком. Так до японской войны до самой.

Когда мне годов шестнадцать-семнадцать было, меня маленечко поколотили. Вот здесь, в Малой Рудянской улице. Из портерной от Мартюшева я шел. Они трое на меня тут напали: Иван Бобров, Порфир Растворов, третий назывался «Дрисня», плюгавенький такой паренек. До того я и не дрался совсем. Ни за что избили. Как окрестили.

Я шел проулком. Просто, можно сказать, с гулянки. Очень хорошая на мне одежа была — отец нас чисто водил. Барашковая тужурка, костюм суконный синий — брюки, пиджачок и жилетка. Полотняна вышита рубаха была. Шляпа пуховая. В руках гармонь.

Шел, маленечко попиликивал. Налетели вдруг трое, ударили чем-то тяжелым по голове. Я пал без сознания. До сих пор вот рана на голове цела. Совсем была развалена голова...

Раны три еще было на мне, опричь этой. Как свалили они меня — начали колотить. Гармонь и часы сдернули, всю одежу изорвали, запакостили...

Кабы не Марк Прохоренок — они бы тут меня и прикончили. Цельные сутки после того я был без сознания.

А он увидал от своих ворот, что бьют меня, закричал им:

— Буду сзывать народ, если не перестанете!

Ну, они бросили меня, убежали. Гармошку да часы унесли.

Это просто рознь такая была, что хохол не ходи на кержацкую сторону. Я — хохол, они — кержаки. Вот и все.

Брат Митрий у меня был очень отчаянный. Славился он здесь, на Ключах. Его Митьша Судьба звали. Он над кержаками разные такие же «шутки» устраивал.

Я тоже с этого боя, когда выздоровел, решил отплачивать. Начали устраивать кулачные бои с кержаками. Артель нас была человек десять. Пойдем к могильнику отца Иова. Сперва челядёшка начнет камешками кидаться, потом с той стороны большие ребята бросятся: Бобровы, Мартюшевы, Коровины, Киляковы, Шимичевы. На припасе у них палки, оглобли, стяжки, жердочки легонькие. Тогда челядь от-

ступает, а мы уж из-за могильника навстречу выскакиваем. Начинается свалка...

Тут я уж остервенел...

Одинова меня побила полиция. Было тут моленье, у отца Иова. Собрались мы человек пяток и сюда с гармонью. Они молятся, а мы по могильнику напеваем, наигрываем. Они сообщили полиции, забрали нас и поколотили. Был тут урядник Вавила Бердышев. Он только на кулак и надеялся. Как двинет — глушил многих. Когда нас привели к приставу, Вавила нас здорово колотил. Штук шесть навесил — две недели в ушах у меня звенело. Даже кровь подалась. Вот с этих-то пор я не спускал ничего. Если наша артель придет — обязательно драча будет. Даже в рынок ходили, в калашный ряд. Тут уж прямо отчаянная шайка сделалась...

Так и до японской войны было. Слава плохая обо мне была у полиции. Прямо без гулянки отправили на действительную, когда некрутчина мне пришла. Другим давали месяц гулять.

Это опять Вавилка отправил меня с конвоем.

Были у меня товарищи: Григорий Масленников и Карпов Яким. И вот мы что раз проделали. Было дело так. Работы мы прекратили за две недели до призыва. По вечоркам шатались. Одинова нам было не на чего опохмелиться. Хотели заложить кое-что в портерной. Подходим к портерной на Извездной улице, а наискосок жил Саня Коренистов, заика. А он видимо с неделю уж пировал. Пиво, вино, закуска — все в доме у него припасено. Мы подходим. Он нас прекрасно знал. Сидел на парадном. Кричит:

— И-и-и-идите-ка, ребятки!

В портерной в это время Вавилка сидел, опивал портерную. Кобыла английская с экипажем хорошим его снаружи была привязана у ворот. Ведь раньше как боялись его! Если Вавилкина лошадь стоит, так и в портерную-то не зайдут.

Саня был пакостник. Он все сидит, смотрит — кобыла и час и два у портерной все привязана. Темнеть начало, под осень дело-то было. Сходит выпить домой, вернется — кобыла все на месте стоит. Саня тут кое-чего замыслил. Надо было только втравить ему кого-нибудь в это дело. А тут мы трое идем.

— И-и-идите сюда, ребятки!

Пальцем маякнул. Мы подошли.

— В-в-вам чего?

— Да вот опохмелиться хотим!

— В-вот че! Если сделаете одно дело — пива вам, вина вам, и Маврушка вас, чем хотите, накормит.

Тагильский металлургический завод и гора Высокая в конце XIX века

Мы подошли ближе. У него топор уже стоял приготовленный, острый очень.

— «Пальцы» у колес вавилкина экипажа подсеките и идите ко мне. Только у задних и у передних колес. Парадное запрем, и будете пить...

А нам-то все равно было итти в службу. Мы рады были урядннку досадить. Не по одному разу бивал он нас, всех троих. Солон был. Не то что спицы колесные, а и голову-то бы ссекли ему, если бы он тут вышел.

Взяли мы топор и, айда, дорогу перешли. Двое встали у ворот портерной, а третий начал спицы подсекать. Подсекал Карпов. У меня стяжок был, а у Масленникова кирпичина.

А Вавилка там пьет, за ним ходят. Никто и не вышел к нам. Спицы мы подсекли и прямо через дорогу в парадное к Коренистову. Топор ему отдали. Он жену Маврушку скричал, и начали угощаться. Мы пьем, а он в парадном в щелочку смотрит. Там часовым был.

Не прошло минут десять — насторожился заика. Кричит:

— М-м-маврушка! М-маврушка! В-выходит! В-в-в-выходит! Иди сюда!

Когда Вавилка вышел, Дедков — целовальник — с женой провожали его с фонарем, усадили в экипаж, ворота заперли. А Коренистов наблюдает. Вавилка сел, заворотил лошадь. А тут канавка пересекала улицу, и мосток был. Он, когда ее на мосток направил, понужнул настояще-то, она и рванула. Очень отчаянная была вороная кобыла. Как на мосток взгнала, тряхнула, спицы подломились, экипаж-то и сел. Она поволокла его таскóм, волоком.

Вавилка как заорет. Хайловище-то у него, ровно медвежье, было:

— Степка! Степка, мать твою так! Изобью!

Тот выскочил с фонарем. Глядит — колеса подрубленные. Начал извиняться тут перед ним, что не укараулил. Где спакостят в каком доме, тот хозяин и отвечает. Так раньше велось.

А Саня в парадном ржет:

— В-вот! В-вот! Х-х-хорошо! Все сломилось.

А мы попиваем — сидим. Нам не больно интересно, что сломилось. Раз колеса подсекли, так как не сломится...

Так урядник Вавила и утащился домой таскóм...

И никто бы не узнал, если бы не сами. Часов до четырех утра мы пировали у Сани, а потом сговорились перейти в портерную к этому Дедкову. Саня нам дал два рубля:

— Сначала и-и-идите в-вы, а п-потом и я приду...

Мы пошли брякать в ворота, барсить. Встает Дедков,

отворяет ворота. А ему уж интересно узнать, кто колеса подрезал. Он бы так и не пустил, кабы не интересно, в четыре часа утра. Поставил нам бутылку вина да четыре бутылки пива. Начал выпытывать. Мы будто ничего и не знаем.

Идет Коренистов, здоровается с нами. Сел сперва за другой стол. Дедков все допытывается:

— Где были? Куда на вечорки ходили?

— Да чего ты привязываешься?

— Да вот чего случилось, какая пакость. У Вавилки колеса подсекли.

Тут Саня не выдержал. Как заржет:

— К-как, С-степанька?

— Да, подсекли. Ты не слыхал разве?

И рассказал ему. Всю картину. Тот заливается, хохочет только и есть.

— Да что это! Да не беда ли!

Тут у Степки на нас подозрение и пало. На другой же день нас полиция повела к Вавилке. И была бы нам тут жарня, если бы не считались мы некрута. Он сразу догадался, что колеса мы изрубили. Но сделать уж ему ничего нельзя с нами было. Через три дня приемка. Только зубами пощелкал да посулился:

— Если забреют, то отправлю вас без гулянки.

Так и сделал. Мы скрывались в нежилом доме, но Вавилка сам с полицией нас нашел, взял и в Верхотурье отправил. Там уж такая же публика была приготовлена. Всех отправили на Дальний Восток.

Всю головку неблагонадежных — тагильских, салдинских, висимских — собрали в один эшелон и отправили на Дальний Восток.

Гальянские нравы

Усов-Успенский Николай Варфоломеевич

Жили мы на Гальянке. Мой отец — резчик листокатального цеха — Варфоломей Степанович Усов проработал на заводе 35 лет.

В день выписки выходит отец с завода и в которую проходную ни выйдет — обязательно угадает в кабак. Эти заведения присосались к заводу со всех сторон. Ровно клопы к спящему. Как в гору подняться, где теперь ФЗУ, дом был деревянный — пивная Кольки «Дьявола Рубленого» и Пашки «Дьявола», брата его, а напротив — ресторан Гребенькова.

В Нижней Ерзовке прямо у проходной была пивная. Андрюшка Саламатов тут сидел, толстобрюхий, с братом. Андрей Иваныч и Григорий Иваныч — два брата. Ходовые оба были. Дома имели каменные. Григория звали «Милушка». Он сифилисный был, ему в нос бросилось. Всем говорил «милушка»: «Ну, чего, милушка? Опохмелиться надо, милушка?» А по ту сторону завода, против механической проходной, была пивная Горбунова Антошки.

Отец пропьется, а домой с пустыми руками итти стыдно. Вот он брюховицы [1] купит на четвертак, арбуз гнилой за двенадцать копеек, яблок червивых по пять копеек за фунт помятых и вваливает на Гальянку.

Как из переулка выворачивается — сразу наш дом.

— Жена, встречай! Гостинцу ребятишкам принес!

И утром обязательно пельмени из этой брюховицы. Мать начистит ее. За «половинкой» сбегает мать.

В Большегальянской улице водкой поторговывал обыватель один гальянский, по прозвищу «Пака». Не так сильно, а торговал. Еленка Бахтовая еще торговала, у ней хаза [2] была. У Нюрки Обедовой хаза была. Тут и выпивка — шиночек, и в карты играли, сначала на завалинке сидят, а потом в баню уходят. Сначала деньги, а потом брюки идут на кон.

Или в аккурат вот у Ерохиных на Малогальянской улице, на углу, всегда было сборище ребят. Это «стрелка» была, где прямая улица рассекалась на переулки. На работу, с работы идут — все остановятся поговорить. Кто про голубей, кто про выпивку, кто про драку-драчёшку.

---

[1] Потроха, брюшина.
[2] Притон.

И с этого угла начинались многие гальянские хулиганки. Околоточный и стражник с некоторых пор старались обходить этот угол. Иванов, околоточный, вятский был. Так, мужиченко маленький, одно плечо выше, другое — ниже. С ним Ганька-стражник рыжий ходил. И повадились они блудить по котомошным.

С 7 часов вечера в летнее время, в особенности в праздник, в обход идут. Вечеринки разгоняют, которые в полиции не заявлены, гармошку на улице отберут. Всяко бывало. А в будни попозже отправляются, часов в девять. Малогальянскую пройдут, в Большегальянскую завернут, зайдут к «Паке».

Сначала-то трезвые идут, а назад уже еле-еле живы идут. Все котомошные обопьют.

Был такой парень — Бородин Анатолий Петрович — Тольша-«Отец». Не работал, играл в деньги. Здоровый парень. Блудил так, криночник был. Ну, здоровый стервец!

Сидели раз все в сборе ребята. Играли в деньги. «Отец» с «Треской». Тот гальянский парень зажига, во! И Федька «Варежка» — тоже зажига — тут. «Олух» — Яшка Прохоров — тут же наверно был. Ой, беда, какая тварь все! Вся головка тут налицо была...

Идет Иванов-околоточный вдали по переулку. Бывало, шинель-то, диагональ, далеко видно. Вместе с Ганькой шел.

«Отец» их заметил и говорит:

— Ну-ка, «на околоточного» потяну. Счастливый, нет — этот Иванов?

И потянул карту. Проиграл. Перебор получился. Вот с чего и вышло. «Отец» обозлился и говорит:

— Сегодня я обоих изобью.

Ну, все конечно не верят.

— Что ты, Тольша! Разве избить стражника да околоточного?

— Врешь, «Отец»! Тебе не быть!

— Посмотрим, — он говорит, — но с условием, чтобы меня не выдавать.

В двенадцать, в первом они, Иванов и Ганька, шли обратно со своего обхода бусые. Выпивши сильно. На карауле я стоял, когда они пойдут — подать знак.

А «Отец» зашел к Ерохиным в баню, лицо вымазал в саже, все черное, и голову всю. Вряд у Житкова было в огороде пол-оглобли от выездного экипажа. Взял «Отец» эту оглоблю. И когда я подал знак, что они подходят к бане ерохинской, он выскочил через прясло, ударом оглобли обоих сшиб с ног и давай «лудить». Те кричат:

— Караул! Помогите! Спасите!

Раз десять огрел каждого. Потом обратно в огород скакнул и удрал. Разыскивайте!

Мы были у Тумасова во дворе. Человек восемь засело нас, челяпйги. Видели все. В летнее время часов в двенадцать еще свет брезжится.

На другой день всех молодых ребят нашего улошного куста перетаскали в полицию на опрос. Ничего не дознались. Кого ни спросят из работающих ребят — не знает, был на работе. Нас, челядь, не спрашивали. А «Отец», «Треска», «Варежка», «Бо́ма», «Монах» — все рассеялись. «Отец» тут же ушел на платиновый прииск «Рублевик», наиграл там денег, вскоре опять пришел, опять туз.

Но после этого случая околоточный стал нашей улицей ходить реже. Или засветло пройдет. По Балагуровке стал ходить через мост.

На Гальянке ненавидели полицию и особенно ингушей. Их было у нас человек семь-восемь. Руководил ими конный урядник Федор Колесников. Но ездили они частенько и без него.

Как вечер, ингуши [1] собираются, в бурках, с нагайками и едут по Гальянке на лошадях. Дело дошло до того, что матери даже детей пугали:

— Не плачь! Ингушу отдам.

Ингуши стали нащупывать такие домишки, где вино продают и где есть женщины.

В Малогальянской улице, где по логу бежит речка Гальянка, есть обрыв сажен в десять. Над обрывом стоял домик в одно окно. В этом доме жила вдова с дочерью. К ним ходили подруги — Лизка Тараканиха и другие. Тут торговали водкой. Назывался этот домик «Кильдым» [2]. Ингуши туда зачастили. Как вечер — объедут Гальянку, возвращаются в Кильдым, где их ждут. Пельмени для них готовы и все, что хочешь.

Ребята, молодняк, живущие по Малогальянской, Симбирской и Большегальянской улицам, решили проучить ингушей.

Был такой старый парень там, Миша «Бо́ма». Так и звали все его «Бо́мой».

Хороший сапожник был. Долго не женился он, так и умер неженатым. Вот он раз говорит:

— Давай, ребята, отвадим ингушей от Кильдыма. Напугаемте их!

Костя Ляпцев Романыч, Селиванов Василий — Махрянин

[1] Кавказская народность. Из среды ингушей царское правительство и заводчики набирали полицейскую силу.

[2] «Кильдым» — по-татарски публичный дом.

и другие ребята тут участвовали. Компания целая набралась.

План был таков: как приедут ингуши и расположатся в домике, поднести туда жерди большие — «ваги», подсунуть их под углы домика и столкнуть его с обрыва в речку Гальянку.

В воскресенье это дело было, в августе месяце. Шел сильный дождь. Ингуши и по улицам ездить не стали — прямо в Кильдым проехали. Часов в восемь уж забрались туда. Лошадей один ингуш увел в казарму на Вые.

И вот часов в двенадцать, когда стемнело уже, притащили ребята жерди, зарядили их под углы и давай дом с обрыва сталкивать. Кильдым весь затрещал от напора.

Поднялся там вой, гам, караул. Сидели — вдруг углы поднимаются. Воображаешь? Ингуши стрельбу начали, вынесли окна вместе с рамами, выскочили... Ребята все вовремя разбежались.

Так Миша Бо́ма с товарищами отвадили страшных ингушей от Кильдыма.

Махнев Василий Иванович

Я тоже знал Мишу Бо́му. Когда он в Бобровку переехал робить на приисках, стали его звать Миша «Бог». Привезли однажды вина на рудник. Стали выпивать там, играть в картишки. Он напился пьяный. Проиграл он с себя штаны, рубашку, сапоги проиграл тоже. А ребята — зимогорьё приисковое — его обыграли и говорят:

— Вот, Миша, ты теперь без одежи, и в Тагил тебе итти сейчас не в чем и на прииске делать нечего. Как святой преподобный, ты все равно. Гол-голёхонек. Только по воздуху тебе теперь и летать. Миша Бог, одно слово...

А он значит и говорит:

— Верно, ребята! Чего мне в Тагиле теперь делать?.. Родных у меня нет никого...

И он шибко заплакал. Хозяева тут, подрядчики, стали его уговаривать, утешать. Он хороший работник был.

— Что ты, Миша!? Разве мы когда бросали тебя в беде?

Ну, тут он маленечко успокоился. Посидел-посидел и говорит опять:

— Налейте мне, ребята, вина!

— А тебе сколько?

— Ну, хоть сороковку добудете — и то хватит...

— Бутылку-то выпьешь?

Взяли чашку хлебальную, бутылку вина вылили. Он выпил ее зараз. Всю целую выпил.

Напился и говорит:

— Не пил — не мог, а выпил — без ног!

Это у него поговорка была такая. Тут он поспал маленько, проснулся и говорит:

— Вот, ребята, я видел чертей во сне. Будто в брюхо ко мне черти залезли. Вот и сейчас они там у меня ворочаются. Наверное десятка два есть. Давайте я вам покажу их?!

Мы думали, он смеется, так, дурака валяет. А он встал, еще вина стакан выпил, схватил ножик и пырнул себе в брюхо. Ткнул да еще продёрнул...

Девахи заухали, закричали. Все в стороны бросились, кто куда. Хозяин к Мише подбежал и ухватил его за руку:

— Миша! Что ты делаешь?

— А подыми-ка у меня рубаху — там черти...

Рубаху-то подняли — у него кишки-то и повисли из-под рубахи. Дивно выехали оттуда. Кровь хлещет вовсю.

Тут сразу мужики-то схватили его, сделали перевязку, запрягли лошадей, в Бобровку его отправили. Там коней покормили и — в Тагил, в больницу.

С неделю, поди, не пролежал он. Сообщили, что умер.

Панников Григорий Федорович

Накануне праздничного дня с обеда мы пошли с братом на работу. На Медный. Здесь были в то время горские казаки — ингуши, усиленная охрана была, и Тагил едва ли не на военном положении был. После забастовки все переполошилось в Тагиле.

В то время деньги-то не выдавали, а писали талоны. Мы прямо изо двора и в контору. Выписали нам по талону, на два рубля каждый. И мы уговорились не дожидаться клети, а вылезти пораньше, чтобы переплавить эти талоны на деньги.

Все это мы сделали: раньше вылезли и купили сахару, который сдали татарину Валееву. Сахар купили по семнадцать копеек за фунт, а сдали по двенадцать. Вот так вот. Все это верненько...

Брат мне говорит:

— Давай половинку выпьем?

А я знал, что он не любит мало пить, стал ему говорить, чтобы оставить выпивку до другого дня. Но брат на мои протесты не согласился, стал звать меня, и я не отказался.

Купили полбутылки, пошли в калашный ряд заказать пельменей, выпить, закусить. Что и было сделано.

Выходя из калашного ряда, мы были почти что трезвые, как ни в чем не бывало. Около помещения толпа пьяных и полупьяных стояла. Целый круг. Играли в деньги, в орлянку. Брат и говорит мне, показывая на мелочь денег, сколь у него было:

— Я, брат, сыграю?

А я говорю:

— Не стоит, надо итти!

Он не послушал меня, стал играть. А я стал смотреть и дожидаться.

Вдруг ниоткуда возьмись полиция. Одних стали забирать, другие стали бежать. А я, как не играл, стою как ни в чем не бывало.

Подбегает ко мне полицейский и берет меня. Я ему говорю:

— За что меня? Я не играл, я не пьяный!..

Но он меня не слушает. Я рассердился. Полицейский был худенький, недостаточный, и, видя, что никого больше нет, я его ловко схватил и бросил в грязь.

А он за меня одной рукой держится, а другой — свисток. Несмотря, что подо мной лежит. Интересная, понимаешь, штука! Вечно не забуду.

И к моему несчастью ниоткуда взялся кровожадный урядник Шаров. Здоровый, кровожадный, понимаешь! Ровно вот из земли вылез.

— Это что? Сейчас «мыться» поедем!

Мне сказал:

— Стой смирно!

А городовому:

— Иди за извозчиком!

А я трезвый был почти что. Вот гады, понимаешь! Прямо из горы мы, с горными фонарями были... Да...

Извозчик готов. Кровожадный берет меня, кладет, как курченка, и заталкивает туда, как одежу. Сели на меня и поехали. Один с боку, другой — с другого. Не садятся на эту, на беседку! Ну, думаю, теперь пропал. Привозят в бывшую галанчу напротив теперешней второй советской больницы.

— Вылезай!

Заходим. Помещение галанчи в две половины значит. Машины тут, там сторож, в конце особое помещение для пьяных.

Помещение для пьяных было на замке. Там разговаривают, я слушаю. Ого, вон куда, думаю, привели! Замок отпирают, отворяют дверь, пинка под задницу мне и дверь

Панников
Григорий Федорович

заперли. Я смотрю. В небольшом помещении полупьяных, пьяных и трезвых набито, как сельдей в бочке. Много набито.

Мне все сразу на свете опротивело. Неверная жисть!

В числе арестованных был один хулиган, Федька, по кличке «Заря». Был один вятский, пьяный. Федька «Заря» стал присекаться к нему.

А тот закричал:

— Ой, караул, батюшки! Незаконно так сидеть.

Вдруг ниоткуда-то возьмись пьяный — не то урядник, не то стражник — появился в помещении галанчи.

— В чем дело?

Ключ берет у сторожа, открывает помещение арестованных.

— А-а, политический разговор, незаконно сидеть? Сейчас рассажу!

Добывает, понимаешь, «селедку» из ножен — шашку. И начинает бить всех, кого попало. Почем зря. Взопрел, натешился.

Я сметил это дело, под нары в угол залез. Чтобы мне не попало. Да-да, и, ровно чорт меня толкнул, кашлянул. Он слышал:

— Ага! А это там что еще за свинья? Вылезай, а не то пристрелю!

В силу необходимости пришлось вылезать. И он, тварюга, шашку не стал добывать, а ножнами под бока мне так насадил, что я две недели не мог вздыхать...

Уходит. Из арестованных получилась прямо больница. Все стонут. У Федьки, у «Зари», голова рассечена. У вятского все клапаны встали: из носу, изо рта и из ушей кровь. Одним словом, всем попало.

Надо было оказывать медицинское содействие. Воды тут не было ни промыть, ни примочить, ни попить. Жарко ведь после этого. Да сторож был такой аспид. Его православные тут христом-богом просили водички дать. Не дал:

— Нет вам ни милости, ни пощады!

Вот режим какой был!

Ночью — стон стоном. Всю ночь. Солнце взошло высоко. Весна. День хороший, праздничный.

Мы сторожа просим:

— Время нас выгонять! На работу всем надо!

А он нам говорит:

— Кто посадил, тот должен выпустить.

Вдруг этот кровожадный, понимаешь, Шаров ниоткуда взялся. Отворяет. И нам говорит.

— Выходи!..

Все вышли. Он увидел вятского в крови, неизвестного по фамилии. Говорит ему:

— Умойся!

Тот не слушается. Он ему вторично. Не слушается. Он — раз его! У того свежей краски прибавилось.

И всех нас повел к приставу. Пристав в то время был кажется Землевич, гад. Квартира пристава была в доме Оплетина, здесь вот, у Маральского моста. Там уж люди наказанные стояли на выстройке: по два часа и полено на вытянутых руках. Рабочие. Вот режим какой был!

Я вот посмотрел на это и подумал: неужели и нам такое будет?

Пристав на урядника ногами затопал. И говорит:

— Было же вам приказано, что водить таких не надо, а нужно стрелять на месте!

Нам всем объявили семисуточный арест.

А на другой день приказ пристава урядники проводили в жизнь. Был подстрелен рабочий Самарин. Он выпил, его хотели взять, он побежал, его подстрелили, Гришку Самарина.

Все это я на себе испытал. Семь суток просидел. Вот какой был праздник-от!

Порядки на Железном

Чернышев Зиновий Александрович

Пришел я на рудник работать десятилетним мальчиком. Гонял у конноработчего подрядчика за плату пятнадцать копеек в день. Работали с шести часов утра до шести вечера с перерывом в два часа на обед. Рабочий день считался двенадцать часов. Работа спрашивалась так точно, что дальше некуда. Была она для малолетка очень трудная.

Я помню: Большая выработка — «Яма» — была в то время велика. По обе стороны ее возвышались отвальные свалки. Они уже предстояли к сносу. На одной из них я начал свою работу.

Выработка была очень богата железной рудой без примеси меди и серы. На северном борту, где светлеется теперь стена беляков, сидела богатимая руда.

В те годы выработка обслуживалась одной конницей. Работали с 1 мая по 1 октября. Затем выработку останавливали на всю зиму. В зимнее время в южную стену просекали забой, чтобы спустить воду к 1 мая. Мерзлую породу по зимам в Большой выработке не работали.

С 1882 года я работал уже ломщиком. Бурили мы сами. За куб получали оплату от 4 рублей 50 копеек до 7 рублей. Выше платы не было. Зарабатывали в поденщину от сорока до шестидесяти-семидесяти копеек, но не каждый. В то время администрация жила за счет рабочих.

Возьмем прежде всех смотрителя Большой выработки Ермила Родионыча Бушина. У него завелся такой порядок. Артель из четырех человек обязательно должна уплатить ему по пятьдесят копеек с человека. Дадут два рубля — тогда ладно, будут зарабатывать побольше, копеек по восемьдесят-девяносто. Рубль в то время зарабатывать не допускалось. Бушин услужливым рабочим давал снисхождение, а тем, которые не оплачивали ему «налога» и не служили в домашних работах, было очень плохо.

Он тебе и платы недодаст и забой даст плохой. Видят эту историю все, а жаловаться итти на него некуда. Так и остаешься при самых плохих условиях.

Не дороги два рубля, можно их уплатить, но этим ведь не отделаешься. Будешь платить ему — будешь его слугой. Он тебя посылает на пашню во время работы, он тебя шлет

дров нарубить, сено убирать, а потом еще и возить. Было очень страшно попасть в такую кабалу.

Я это все знал и всегда уклонялся от службы такому пану, как Бушин. И он не успокоился до тех пор, пока не выгнал мою артель к другому смотрителю, Ивану Николаевичу Зубакину, который заведовал Граневой выработкой.

Поработали недели две. Зубакин говорит:

— Ребята! Идите ко мне домой, мне нужно перебрать колодец.

— Ладно!..— говорим.

Посоветовались между собой, решили итти. Суждение наше было такое: тут та же самая история, что и у Бушина, тот нас выгнал, и Зубакин выгонит — тогда останемся без работы. Делать нечего, нужно итти.

Так и ходили по вечерам после работы. Оказалось, у него не только что колодец, а и много всякого другого дела, потому что он строился. Продолжали ходить к нему месяца полтора. За все это удовольствие было только в том, что примет на работу копеек по девяносто за поденщину. Вот и все.

Приемка кубажа на Железном руднике. Начальство с правилом и записной книгой ведет приемку

Так и тянул лямку до 1886 года.

А в 1886 году управитель рудников Квятковский сделал выборку из рабочих Железного рудника, взял самых здоровых ребят и отправил их в «гору». В число их угадал и я.

Чернышева Таисия Зиновьевна

Я стала помнить себя, когда мне было лет пять. Ходила я все в церковь мимо Тагильского завода. Мне там казалось страшно. На домне работницы толкли руду балдой. Они скорее походили на страшилищ, чем на людей, — лица черные и злые. Никто из них во время работы даже ни на что не глядел. Я, бывало, остановлюсь и долго смотрю на них.

Но когда я подросла — поняла, что они сердитые от непосильной работы.

И еще не забыть никогда, как мой отец всегда ходил с работы мокрый. Зимой застынет, сапоги примерзнут к ногам, и всегда злой. А когда пьяный или проиграется, то кто куда прячемся. Мы его боялись.

Минуло мне восемь лет. Мать повела меня в школу. Два дня прошло — я писала палочки с закруглением. Отец решил помочь мне, стал показывать. Я боюсь, и получилось, что я не так делала. Отец злился, в конце концов потерял терпение и дал мне по уху. Я — со стула долой. Так долго продолжалось: соскочу, снова за работу, снова неладно. Пока не надоело отцу меня учить.

Перевели во второй класс. Но вот что со мной получилось плохо: никак я не смогла учить закон божий. Батюшка решил выгнать меня из школы. Вызвали мать. Она упросила, обещала шкуру с меня спороть. Батюшка согласился.

Мать отпорола меня, но положение не исправилось. На экзамене я по «закону» не выдержала. Больше учиться было неохота — второй год сидеть в одном классе. Но, главное, — надо было думать о работе. Отец наводил на эту мысль. Он всегда говорил:

— Вас, девчонки, кормить — все равно, что за окно бросать. Вырастете, замуж пойдете, будете работать на чужую семью. Что мне пользы тогда. Вот парнишка — это дело! Я буду стар, и он должен будет кормить меня.

Мне обидно, что я не парнишка. Говорю отцу:

— Я пойду работать.

А отец:

— Посиди дома...

Но я упросила отца, он согласился. Мать купила мне конопляники и сшила из мешка запон.

Вот я на работе. Нас собралось много таких, как я, новичков и малолеток. Разделились на две группы. Началась работа — брать камешки на беляшной свалке у леса. Мы, маленькие, смотрели на больших девок: почему они такие нарядные ходят и все что-то разговаривают веселое. Почему-то начальники с ними тоже говорят весело и в ящиках не ковыряют так, как у нас. А нас ругают — дрожишь, боишься...

Сижу я раз на свалке, подол руды держу и думаю: то ли на ногах итти, то ли, сидя, съехать. Слышу, говорят:

— Пришел смотритель Зубакин Иван Николаич!

Слышу, кто-то говорит из моих товарищей, которые пораньше поступили:

— Смотритель опять пьяный. Ишь, рассыпает клади, пустышь ищет.

Я гляжу, боюсь итти. А он по порядку подошел к моей кладе — тоже рассыпал. Я жалею: сколько работы нам наделал! У нас, у маленьких, кладь была отдельная. Я думаю: у нас, у маленьких, все разломал и ругался, а дай-ка, у больших — еще больше будет пакостить...

А он у них даже и не смотрит. Подошел и стал с ними смеяться, весело говорить. Я спрашиваю:

— А пошто в ихих-то ящиках стенки не ломает?

Из наших кое-кто знал суть дела и говорит:

— Это оттого, что они с ним в лесу бывают в обед.

Обед тогда был в два часа.

— Вот он им и ящики приписывает...

Начинаем всякие выводы делать. Кто говорит:

— Ну, что сделать, мы вырастем, и нам будут так же приписывать...

Кто говорит:

— Мы такие маленькие, нас надо жалеть!

А я говорю:

— Нет, девки! Надо выследить, че они делают каждый почти обед в лесу.

Всем понравилось мое предложение.

Вот проводили мы их и, как воры, направились по лесу. Боялись, чтобы не увидали нас, если увидят — с работы выгонят. Ну, и наткнулись на такую историю, даже не знаем, что подумать. Были все в оцепенении. Ровно по команде, никто не дышал.

Когда даже люди себя привели в порядок, то мы так и остались в недоумении: что же это было такое? Пошли искать дальше. Знаем, сколько девок ушло в лес, думаем — и они наверное так же. Постепенно всех нашли. Которые жуть наводили, а на которых нам даже нравилось смотреть.

И было у нас много всяких суждений, решили еще ходить глядеть. Но скоро нас поймали и отправили на глинистую свалку. Мы себя уже почувствовали смелее на руднике. Узнали все: кому сами начальники приписывают, а кто ворует казенную руду.

Я тоже стала мараковать, как украсть. А то схерят да забракуют, и получишь все — ничего. Дома ругают.

На другой свалке хуже работать — глина. Началась осень. Руда застывает в глине. Плохо! Надо воровать — глину в ящик закладывать. Кто-то узнал, что Зубакин пропил все, и его сняли. Поставили Климова Александра Павлыча. Вот пришел новый смотритель и давай тросточкой грязь отковыривать от руды. Сказал:

— Я тебя за такую штуку уволю.

Страшно мне было смотреть на него. Ушел.

Как-то я только грязи натискала в ящик и еще хорошо ее не спрятала, а брат мне ватрушек принес. Уселась завтракать. Климов идет. Я чуть ватрушку не уронила от страху. Он подошел ко мне и глядит, как я сижу, экая малая, да в конопляниках замерзла, грязная... Ну, думаю, ткнет тросточкой и сразу грязь найдет. Что делать? Как-то надо к нему подмазаться. Я положила на руку ватрушку и говорю:

— Александр Павлыч! Покушай моей ватрушки.

Он повернулся и ушел. Вот было радости! Но скоро он меня уволил за такую же пакость.

Я не знала, куда бежать. Домой итти — налупят. Мать налупит — еще не горе, ну, а если отец бить будет? Страшно! Сколько ни плакала, а домой пришла. Ни жива, ни мертва залезла на печь. Думаю: не сказать — утром будут будить на работу, тогда хуже. Хоть в слезах, но сказала. Отец ничего:

— Холодно! Посиди дома зиму...

Зима прошла. Я снова на камешках. Тяжело много брать, спина болит таскать тяжелые подолы. А мало таскать — получать будет нечего. Стала я на гонку посматривать, у гонщиков проситься кататься, лошадью управлять. Скоро меня взял старичок один на гонку. Я так старалась угождать ему, что он хвалил меня. Дело пошло. Мои подруги все собирают камешки, гонять их не берут, а я гоняю. Хоть и на плохой кобыле, а все же гоняю.

Кончилось лето. Зимой в самую стужу я опять дома. Мать накупила мне кое-что и говорит:

— Надо заводить приданое! Вот, давай шить платья на рост. Ну, когда реденько оденешь в церковь...

И сшила с высокой талией под самые пазухи с тремя сборками в пять полос. Из двенадцати аршин. Да сшила мне

Предметы домашнего обихода уральских горняков в прошлом веке

платье с пузырями на рукавах, да капюшон пришила, чтобы руки закрывал, да такой капюшон, что даже не знаю, к чему его применить, да шаль плюшевую купила.

И оделась я во все новое, в церкву пришла... А из церкви пошла — подол у платья от снегу мокрый сделался. Платье было сиреневое, и цветки на нем разные. Так я его отшлепала, что мать подолом подмоченным мне рыло натыкала, чтобы знала я, как надо беречь, подбирать платье, не по снегу его тащить. Бьет да приговаривает:

— Да, шкура ты барабанная, да, неряха ты проклятая, много вот тебе уберегешь приданого, вот первое платье на тебя одела, и ты его испортила... На, вот! На, вот! Всю морду разобью... Да одену на тебя холст — будешь тогда помнить, как надо беречь. Я еще бабушкину одёжу берегу чистенькую, — вот как берегут! А ты, такая неряха, и дочерям не уберегешь!..

Началось мое горе с платьями — платья есть, а носить нечего. Просидела я эту зиму последнюю и с весны стала думать итти гонять к крупным подрядчикам, которые не робят сами, а все дело у них лежит на работниках.

Тут я и узнала, что значат богатые подрядчики против того старичка, который работал на плохой кобылке. Он рассчитывал на совесть, нисколь не обижал меня. У крупных подрядчиков я пошла на лошадь хорошую. Придешь утром запрягать лошадь, колеса намажешь и лошадь сама запряжешь и на работе одна все больше кладешь. А расчет у всех один — недодать да схерить. Ходишь-ходишь за деньгами, а он все: «Нет мелких...» Ну, который ничего, а который ни за что не хочет платить под всяким предлогом: «Мало заробили» да «после отдам» и т. д. Много тогда денег подрядчики недодавали рабочим.

А батраки, которые жили у подрядчиков, те никогда не вырабливались из долга.

На руднике нам жаловаться некуда. Подрядчик, что хотел, то и делал. Мы совершенно ничего не знали о производстве. Администрация с нас рвала: кого штрафовала, кому приписывала. Кто не робил — получал, а кто, бывало, заробится, и получать нечего.

Я злилась на подрядчиков, видела, как они нас грабят, и решила уйти на другую работу, на просев.

Прошусь у помощника смотрителя. Он принял. Сею руду.

Гонщица

Дело было зимой. Стужа. Мы тогда, женщины рабочего класса, не носили кальсон. Вот где было мученье! Зябнут колени, иознобишь и обветришь... Почти валишься на работе, а домой придешь — воешь, не знаешь, куда деваться от боли...

Зиму просеяла. Летом лучше стало. Администрация начала и ко мне приглядываться. Раз мне говорит смотритель поденных работ:

— Ты иди на свалку, где третий сорт!

Эта свалка была одна, стояла в стороне. Вижу — он часто ко мне похаживает. Придет — все в избушку зовет посидеть или на лодке кататься. Я боялась его. Много мне работницы про него рассказывали. Что делать, куда деваться? Пришлось снова итти гонять к подрядчику в работницы...

Развитие мое оставалось таким же, как у всех рабочих. Видели мы много мошенства, да разве тогда что можно было сказать... Мы, работницы, даже никогда и не думали, что есть еще производства, что на них делается, как живут. Мы знали одно: шесть дней работаем, седьмой — отдыхаем. Отдых наш состоял в том, что с 12 часов дня до ночи сидим под окном, смотрим, как ребята с гармошкой пьяные мимо нас ходят, и ждем драчи.

Самая заветная мечта: скоро ли шестнадцать годов будет — замуж выйду. Мать ругать не будет, и работа проклятая отстанет. Хоть и знаю, что почти все мужья пьют и жен бьют, но это было принято, как обыкновенное...

Настал этот момент. Мне еще только пятнадцать с половиной лет, а женихи уж сватают. Но отец не отдает, все ругает меня и никуда не пускает. Я решила итти замуж. Как раз мой будущий муж только пришел со службы хорошим сильным гусаром. Я знала, что отец меня не отпустит за него, и решила убегом. Подговорили попа, дали ему денег, и он обвенчал нас.

Совсем еще глупенькую девочку меня захватила жизнь такая, что каторга. Муж пьет вино, свекровь грызет. Еще хуже стало. Гудишь, бывало, за углом, чтобы никто не слыхал. Так началась моя жизнь замужняя.

Кондаков Алексей Михайлович

Работало здесь народу — просто страсть, тьма, муравейник. В то время больше конями робили. Вверх по извозам сто лошадей идет и вниз сто. Эти трусцом трунят, те рысью бегут. Гонщицы в красном, в зеленом, в желтом... Ну, как цветник какой!

Кони дурили часто, были сытые, овсяные, играли. Идет-идет да вдруг удила закусит и понесет. Гонщицы не любили давать себя объехать друг другу. Обязательно понужнет...

— Сгонямся?

— Сгонямся!

Ну, и пошла чесать... Только доски от тележек ищи потом.

А то, бывало, песню затянут гонщицы. Целый извоз подхватывает. Ведь упряжки шли сплошной лентой с дна выработки до свалки и со свалки назад в выработку. Который забойщик внизу работает, его лошади и кривуляют с самого дна винтом. Старались и покруче дороги проделывать, чтобы поближе ехать. На твердых породах работали ломщики. А возила от них конница, которая кроме того разрабатывала свои забои, помягче. Бывало, ломщик кричит, свистит:

— Фью-ю! Айда, отваживай — завалился я кругом!..

Там, где теперь стоит столовая Граневой, была руда очень твердая — магнитный фосфористый железняк. Самый сильный ломщик выколачивал тут буром не больше двенадцати вершков за день.

Коннозабойщики не рабатывали меньше чем на двух лошадях. У подрядчиков покруппее и по двенадцати и по пятнадцати коней бывало. Ну, четыре лошади сряду. Один на четырех робит. Берет работника себе, такой порядок имелся. Ведь сам-то он другой раз к лопате рук не прикладывал. Забьет сразу ломом, отвалит поболее, разобьет. Ну, гонщицы и покладывают.

А он ходит в запоне в белом, подол расшитый... Посмеивается:

— Айда, Грунятка! Давай поскорей!

А сам глонёт из бутылочки...

Верх горы — Шихан — не вскрывали, потому что он был не наш, а Верх-исетского рудника. Грань между владением демидовским и верх-исетским проходила возле края Шихана, чуть отступя. Верх-исетские владения вдавались полоской в самую середину горы. Разрабатывались они кое-как. Всего же гора делилась на шесть хозяйских участков.

Раньше конница зимой не работала, да и летом работала только на беляках. Но в 1908 году Климов все это изменил. С 1909 года конница стала работать зимой и летом и на руде и на беляках.

В зимнее время работали с семи часов утра до четырех часов вечера. Приказ был заготавливать руду накануне, чтобы назавтра возить с утра из готовых кучек. Иначе

...Гонщицы не любили давать себя объехать друг другу. Обязательно понужнет: — Сгоняемся? — Сгоняемся! — Ну и пошла чесать...

по вечерам забойщики мошенничали с сортами. Спервоначалу для конницы было шибко нежелательно зимой робить. Когда в тихую погоду — так еще ничего. А как градусов двадцать пять да с визгом... Унеси ты мое горе!

В иванов день тут традиция такая спокон веку была — гоняться. Накануне, бывало, коннозабойщик просится:

— Ты, слышь, уволь меня. У меня свадьбёшка...

— Сколь пропируешь-то?

— Дён пять...

В иванов день он наденет коротенький пиджачок, обязательно опояску, шапку-татарку, — айда! Гоняются хоть не все, но смотрят все...

А в «семи́к» — перед троицей в четверг — идольское поверье справляли. Хозяева дадут гонщицам по рублю, те разукрасят как могут своих коней. Бумажек накупят, ленточек, тряпочек. В хвосты вплетут, в гривы. Одна перед одной стараются. Лошади красивые ходят, нарядные. Парни и девки песни весь день играют...

Чернышева Таисия Зиновьевна

Гонка началась для меня неудачно. В колесо кому-нибудь заедешь вожжами — начнут лупцовать и материть отборной матершиной. Так было не славно. Бывало, я сожмусь и молчу. Потом также остервенела, начала и драться и материться, одним словом — халдиться. Бойкость у меня росла с каждым днем. Стала думать я, что надо мне лошадь бойкую. Пошла гонять к Васе Калинычу на гонную хорошую лошадь. Лошадь эта так мне пришлась по мысли, что моей радости и конца не было. Только, бывало, замашешь да закричишь — она знала, что делать: и дыбки ставила и подхватывала с места, как ветер.

Вот как-то вечером поехали мы домой. Вася был на другой лошади. Я говорю:

— Чё, Вася? Давай сгонямся!

Ну и выстроили лошадей и погнали...

Гнали-гнали, я обогнала своего хозяина Васю, взяла да и оглянулась: далеко ли, нет ли он отстал. И нагнала на столб... Больше я ничего не помню.

Очнулась. Гляжу — кругом меня стоят люди. Мне стало стыдно, и я хотела вскочить. Не могу. Тогда сразу подумала: «Чё мне делать? Испорят тятя с мамой меня...»

Давай умолять людей, чтобы не сказывали моим отцу с матерью.

— Не скажем...

Чернышева
Таисия Зиновьевна

Привезли меня прямо к Васе. Я чаю попила, полежала, кой-как доплелась домой. Дома пришлось хитрить, врать. Даже пожалели меня.

Но работу я все-таки не кидала. Вскоре после этого ушиба пришлось мне еще хуже. Лошадь у меня на крутых поворотах уступов подхватывала. Ну, и как-то так получилось раз, что заехала я в самую тесноту. Она взбесилась, я не могла сдержать. Понесла она трепать меня направо-налево и полетела под уступ. Я хотела выскочить, но ноги зацепились за вожжи, и лошадь утянула меня с собой под уступ. Сбежались люди. Тележка изломана. Вася материт меня всяко:

— Не надо мне тебя больше робить!

А я лежу и встать не могу. Подняли меня, свезли в больницу. Оказалось — сломана нога в кисточке. Ногу залебастрили, и я вышла из строя на три месяца. Тогда страхования не платили, не было тогда бюллетеней.

Когда я поправилась, то решила больше не гонять.

Ведь на гонке одно горе. В замере хозяин материт, а на свалке — свальщица. У штабелей и на мостах стояли штабельщицы, злые, как звери. Мы были им помехой.

Тогда, бывало, подрядчики в рукавицах, сряженные, пьяненькие, приходят утром на мост прямо в будку. А штабельщицы были все вдовы. Как павы, ходят по мосту, такие расфранченные по-тогдашнему. В моде были тогда насте-

женные ватой юбки, назывались они «стежонками». Мы знали, что штабельщицы надевают стежонки, чтобы поглянуться подрядчикам. Бывало, рвутся они все в будку, а мы, как мошки, нарочно без конца приезжаем на мост. Они нас кроют матом и всяко.

Мы знали, из-за чего они нас ругают. Уйдут они в будку, и начнется у них там визготня. А мы были на них озлоблены. Стараемся в это время напакостить им в штабеле, перепутать сорта руды. Кто напакостил, уедет скорее. Они вылетят, набрасываются на первого попавшегося, начинают его ругать. Зря отгавкают человека, тогда и он уж старается им напакостить...

Я, признаться, особенно ненавидела штабельщиц и подрядчиков. Подрядчики нагонят, бывало, лапотников-крестьян, те работают, а они все сидят да при нас пристают к штабельщицам.

Андрейцева Авдотья Максимовна

Я пришла на рудник маленькая, девяти лет. Собирала камешки, гоняла. Когда подросла, стала у штабеля стоять. Администрация жала нас за все. Робила я и будни и праздники, все не могла нужду поправить. Потом родился у меня ребенок. До родов не было отпуску — чуть не родила на руднике. И после родов пришлось робить — жить было нечем. Снова пришлось из-за работы ходить к управителям стирать и мыть. 12 часов на работе, а потом идешь прислуживать. Ребенок все со мной.

Ребенок рос, а отец даже не признавался в отцовстве, хотя ко мне ходил и считал, что имеет право мною распоряжаться. В ребенке он видел мой позор и думал, что я, девка, должна взять на себя всю тяжесть воспитания сына.

Родился и другой сын. Жить мне стало еще тяжелее, а отец считал, что я ему не жена и ребятишки незаконнорожденные. Он зарабатывал много, пировал и гулял, а мне не помогал.

Я тоже считала, что дети мои и я должна их воспитывать. Дети подрастали, расходы увеличивались, начала я еще больше работать. Говорю отцу как-то:

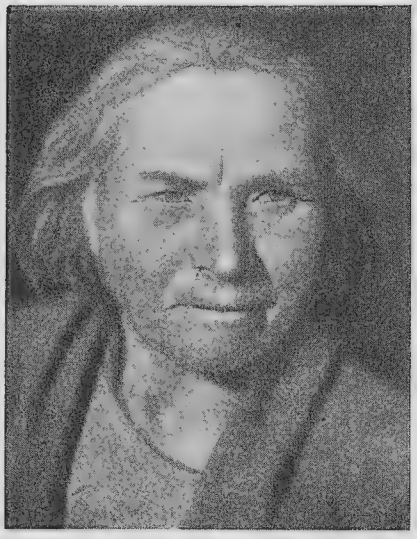
— Дети копятся.

А он:

— У меня нет детей!

И стал к другой ходить.

Так годы шли. Непосильная работа старила меня. А каждый день камни были в моих руках, много пудов камней.



Андрейцева
Авдотья Максимовна

Спрашивают меня:

— Как же ты это-то сробила? Кони сдыхают, а ты с эстоль выробила? Ведь надо поробить с эсколь!

Мне шестьдесят три года. Я пятьдесят пять лет выробила, не считая просева. Я всю породу знаю: серистую, медистую, фосфористую, полумартит, мартит, железняк...

А вот еще робила Анна Родионовна Масленникова, она на Гальянке в Симбирской улице проживает. Катя Прохоренко робила. Татьяна Пискунова — Федора Данилыча жена. Многие померли... А я все живу, все живу. Еще в лес хожу по грибы да по ягоды.

Мне пальцы искалечили, как клала стенку. Они подъехали, ребятишки, кидали руду в штабель. Камнем в пальцы невзначай угадало.

Триста лошадей ходило из ямы. Бывало, наставят коней у штабеля. Челядь, вот кака была маленька! Норовят все не туда свалить... А уж била я челядь! Сейчас меня гальянские поминают:

— А сердитая ты, тетка Дуня, была!..

И я, голорукая, в одном платье ходила зимой. Так ведь я с шести до шести погреться не зайду. Издивятся все. Бабы то и дело греться бегут. Вот как я у клади робила!

Когда руду стали в огородах робить, руда стала дорогая. Рудовозы подладились руду воровать и продавать. Щегерь и говорит:

— Авдотья Максимовна! Руду-то воруют у нас.

Я одна ночью ловить их ходила. Из-за клади выхожу и говорю:

— Ты, дядюшка, каку руду-то кладешь?

— Каку! На домну...

— Это ты зря говоришь, что на домну. Я рудовозов всех знаю.

К конторе свела, с лошадью. Теперь суд бы был, а тогда замяли. Собака собаку знает. Мне же и говорят:

— Андрейцева! Наверно это ты продаешь руду...

Вот я робила как, бабыньки!

Я и сейчас согласна робить, да глаза не видят мои. Серистую, поди уж, не отличить...

Шморгун Александр Прокопьевич

Мне минуло десять лет. Взяли работать коногоном. И началось мое мученье. Очень трудно было открывать запорку у тележки, чтобы высыпать породу. А не откроешь — груженая тележка стащит лошадь под свалку. За это ожидает выгон с работы, и подрядчик не отдаст заработка.

Тележки у штабелей руды

Шморгун Александр Прокопьевич

Приезжаешь в забой. Хозяин наложит в тележку руды, пуда по четыре кусок. Везешь в штабель. Там стояла штабельщица Авдотья Андрейцева, по прозвищу Дунька «Кошка». Она не дает валить руду вниз. Ей так велено от начальства. Клади наверх. Через силу, а выворачиваешь куски руды из тележки...

А хозяин Дмитрий Сергеевич Юдин с сыновьями Григорием и Иваном ждет в замере. Проворочаешься долго с такими каменьями, они начинают ругать:

— Что долго чорт тебя носил! Что пропал там? Стоишь — «шары»-то вытаращил! Вон тот гонщик после тебя уехал, а давно уж вернулся... Не мог, не мог! Взял бы свалил. Открыл бы запорку, когда отвернется штабельщица...

А если штабельщица застанет, то скажет десятнику, и он оштрафует на 50 копеек...

Приходит зима. Опять беда — надо сваливать палубку[1] с саней. Маешься-маешься — не можешь ее свалить. На свалке очень холодно. Дожидаешься доброго человека, который бы помог опрокинуть. Бывало, кто-то едет, видишь лошадь, думаешь: вот он поможет!

А он подъехал, свалил свою палубку, уехал. Я остался опять без помощи. Попробуй доказать все это подрядчику! Получишь матюков сто.

[1] Корытце на санях для возки руды.

Двойников Григорий Константинович

Я работал гонщиком с десяти лет. Подрядчики-коннозабойщики в белых фартуках с красными поясками частенько посиживали, подвесив свои вачеги, заставляли нас, гонщиков, работать вместо себя.

У одного из таких хозяйчиков, Матвея Ефимовича Коншина, по прозванию Матя «Капуста», я гонял. Сам кладешь, хоть гонщик, а тебя заставляют класть. Бывало, утром приходишь к нему часа в четыре, запряжешь лошадь. Он выйдет, как барин, сядет на беседку, а ты свернешься в тележке, спишь. Выезжали в пять. Работы продолжались с шести утра до шести вечера.

Домой приедешь после шести, в семь, распряжешь лошадь, напоить ее съездишь, сена дашь. По часу кинуть на это нужно. Вот уж четырнадцать часов, как на работе.

Платили четвертак за день. Устанешь в тележку бросать, встал отдохнуть, а хозяин сразу ругать: «Давай, покладывай! Не стоять приехали». Матом завяжет. А не возьмешь лопатку — выгонит. В полном повиновении были.

Однажды я поехал на свалку значит. А лошадь у него была щекотливая, кобыла соловая. Я чего-то загляделся, вожжато под хвост и попала. А после ненастья дорога-то замерзла, шишки были по дороге, разные выбоины. Лошадь меня и понесла. Несет да лягат. Беседку вылягнула. А когда ее сшибла, то и бока распались. Земля моя вся высыпалась, я на дне везся. Чтобы остановить, я уж своротил под самую свалку. Она остановилась и вожжу выпустила. Успокоилась.

Я заворотился и поехал собирать тележку. Собрал ее. Да не видал, что одной доски в боку не было. Подъезжаю. А хозяину сказали, что меня растрепала лошадь.

Как сейчас помню...

— Ты что, мать твою так, рот разинул? Всю тележку мне растрепал, с-сукин сын!

Да черешком от хлыстика по голове мне. Я тут же и свернулся. По этому месту, по виску.

Потом у меня немного в глазах-то посветлело. Я значит выскочил на второй уступ, схватил рудину, фунта может в три. А он все без шапки работал. Ну, я его и хватил этим камнем. Прямо в плешину щелкнуло. Он завертелся, зажал голову. Рудина-то легонько скользнула. А сын его с кайлом за мной. Я выскочил, мимо конторы, через Махниг — домой. Я без отца жил, вольно.

За двадцать дней хозяин мне должен был пять рублей отдать. Сначала я не ходил к нему, а как он едет мимо нашего двора, я из ворот:

— Когда деньги отдашь?

А он:

— Я тебе, с-сукин сын, отдам вот деньги. Я из-за тебя три дня не работал, безотцовщина!

Потом уж я один однажды вечером пошел к окошку. Он сидит со старухой своей обедает. Сына-то не было дома, еще не приехал.

Ну, я говорю:

— Отдашь деньги или нет?

Он:

— Никаких тебе денег нет!

А я:

— Не отдашь денег — зарод[1] сена сожгу.

Отошел я от окошка и снова вернулся для того, чтобы подслушать. Старуха ему и говорит:

— Отдай, Матвей Ефимыч. До беды недолго. Сожжет зарод — дело годовое. Чем мы будем скотину кормить?

Добыл он ей пятерку, бросил:

— Иди, снеси ему.

Она принесла, в окошко подала.

Так я с него и получил расчет.

Мамонов Николай Тихонович

Я работаю на руднике с малых лет. Одиннадцати лет я был гонщиком. Однажды забойщики, отец мой и старший брат, наложили мне в тележку породы и велели свезти на просевную свалку.

Привез я туда породу и, не спросив никого, свалил ее на край свалки. Ко мне подходит щегерь, одноногий Гаранька Карпов, и начинает кричать:

— Что ты, мать твою за ногу! Зачем свалил на край да привез еще много крупной руды.

Я по глупости отвечаю:

— А какое тебе дело? Ты кто такой?

Я не знал, что это ретивый слуга Демидова. Тогда он дал мне понять, кто он такой есть. Как саданет меня кулачищем в грудь. Я кубарем полетел под свалку.

Мартюшев Викентий Кондратьевич

Эти люди, Горбуновы-Яишниковы, коренные ключевские подрядчики. Отец их, Вася Платоныч, ребят своих держал в строгости. Гулять он им шибко не дозволял, девок на сарай

[1] Стог.

водить им тоже не разрешалось. И за то, что он так за ними доглядывал, ребята между собой начали называть его «Дух». «Дух» по-нашему значит полицейский крючок. На горе себе отца они так прозвали. Кличка эта прилепилась ко всей семье. После уж их самих все называли «Духами» за то, что они всюду пронюхивают, где бы как подлезть. Полегче сработать да побольше заработать.

Краснобаева Анна Кузьмовна

Они шибко сердятся, когда их «Духами» называют. Сам Василий Платоныч тепло любил. Закрыли однажды в избе у них печку, да видно рано — угарно в избе стало. Приходит батрачка ихняя, потянула носом, да и скажи сдуру:
— Дух-то какой в избе тяжелый!
Так Вася Платоныч чуть тут же ее и не рассчитал.

Носов Иван Романович

Годов тридцать они живут подходяще. Не меньше того... Вот где теперь коммунальный двор — ямка. Тут дом их стоял.

Ключи. Дома братьев «Духов» с общим двором, унаследованные от отца Андреем и Поликарпом. Маленький домик за столбом слева принадлежит младшему сыну Федору, которому от отца достались одни карты

Горбунов Федор Васильевич — Федьша «Дух»

Держали двух-трех лошадей плохоньких. А когда пошла в Тагиле добыча руды на огородах, они пустили свой усад в работу. Стали сами работать. Построились вот-де у железной дороги, на Малой Рудянской улице.

Отец-то, когда бедный был, вышивал. А стал работать, видит, что дело ладно, перестал, стал копеечку прижимать. Ребята подросли конечно. Стали заводить лошаденок получше.

Перед смертью сам Горбунов Василий окреп. Настоящим кулачком был уже. Ребята Андрей и Поликарп поближе к нему были. Все на ушко ему. Третий сын Федор любил поигрывать в карточки и потаскивать овес из ларя — на игру и на вышивку. Четвертый сын Семен тоже так же, как и Федор. При отступлении белых ушел из Тагила с ними.

Вася Платоныч только рукавицы на руках носил. Он наденет эк вот рукавицы, пальцы расшарашит, кричит на челядь. Он не рабливал при советской власти. Еще раньше робить раздумал.

Перед смертью Василий Платоныч, как по-старинке, благословил все свое имущество двум сыновьям своим: Андрею и Поликарпу. А Федору дал карты... Купил колоду заранее Федьке за то, что играл и овес таскал у него.

— Вот тебе, говорит, карты — пятьдесят два листка. Играй!

Мартюшев Викентий Кондратьевич

Это при мне лично было. Когда Полька этот был годов одиннадцати-двенадцати, Вася «Дух» устроил его учиться в двухклассное училище. Даже расщедрился, сшил сыну казакин какой-то.

У него было восемь лошадей. Поехали гонять Санька, Андрюшка, Катерина и еще кто-то. На семь лошадей нашлось гонщиков, а на одну не нашлось. У Васи чуть слезы на глазах не навернулися, что лошадь пошла без гонщика со двора. И велел он тут Польке снимать казакин и итти робить. Ведь гонщику надо платить тридцать копеек в день, а тут свой бесплатный. Так Полька и остался неграмотным. А Вася ведь по своему достатку мог бы сыновей и инженерами сделать.

Начальство

Козьмин Федор Данилович

Это было до первой забастовки задолго. Мы, помню, перед работой собирались в казарму на Медном руднике. Прошел слух:

— Демидов приехал!

В то время рабочие и не видывали своих высших начальников. Допуска к ним не было. Рабочие люди все были им подданные так, что хоть узлом завязывай. И вот слышим мы слух:

— Пройдут в контору Медного рудника!

Выйти из казармы боимся — стали в щелки смотреть. Я тоже приник глазом. Вдруг рабочие заговорили вполголоса.

— Идут! Идут!

Помню, он шел впереди всех, Демидов, князь Сан-Донато. Пиджачок на нем был серый, шляпа тоже серая с ленточкой, в руке трость. С лица он был черный, горбоносый такой, ни дать ни взять, как на памятнике[1]. За ним, ясное дело, управляющий, управители, разные господа спешат. Все нарядные, не в курточках перемазанных, как мы. А мы смотрим на них, дивуемся:

— Ишь ты, какое дело!

Рабочий был тогда, как скотина послушная. Скажут: полезай в воду — он лезет. Какой тут разговор с Демидовым, когда выйти из казармы боялись. Никто и не подходил к нему, ни с какими жалобами не обращались. Он с нами не разговаривал и в нашу сторону не смотрел. Прошел, не оборачиваясь, в контору Медного рудника. Не хотел глядеть на нашу нужду.

Да и чего ему глядеть на нас было. После один человек знакомый, который служил у него в лакеях, рассказывал, как в тот вечер Демидов забавлялся в саду. Стали для него уху варить на костре. Варят-варят, а она все не закипает.

Тогда Демидов достает из кармана пачку бумажных денег и ну подкладывать их в огонь, чтобы уха скорее вскипела. Вкусная, поди, уха получилась!

---

[1] В Тагиле на площади у завода был поставлен памятник одному из Демидовых.

Носов Иван Романович

Я работаю с девяти лет. Это сорок лет тому назад было, в 1892—1893 годах.

Я работаю у отца на лошадях коногоном, отваживаю из забоя руду и породу. Начальства мало, и оно пьяное. В Большой выработке два неграмотных десятника и смотритель; он же магазинер Железного рудника.

Мужичок-рабочий с похмелья после пьянки идет в магазин, где у смотрителя редко не ведется водки, привезенной кем-нибудь из рабочих.

В Граневой выработке один смотритель и один десятник.

На руднике есть планщик Иван Гаврилыч Шептаев и замерщик Марк Борисович Суров. В конторе служащие: Шептаев Гаврило Клементьевич и Телепнев Егор Федорыч. Третий — рассыльный. Работают все по-пьянке.

Конница работает так: некоторые легко и много зарабатывают, а другие работают тяжело и ничего не получают. Кроме конницы работают пешие ломщики. Работают все с кубической сажени. Приемка выработанного кубажа — раз в две недели.

Смотритель Иван Николаич Зубакин и Иван Гаврилыч Шептаев, когда выходят на приемку кубажа, первым долгом принимают у ломщиков, которые работают почти на совесть, но ничего не зарабатывают. Хотя некоторые из них тоже лытают и воруют, но зарабатывают мало — «два раза ничего». Много, если заработает 80 копеек в день, говорит: «Хорошо!» А то — 35, 40, 50 копеек...

У ломщиков приемку кончают. Приходят на забои конницы. Сразу берет жажда. Спрашивают:

— Напиться чего-нибудь?

А подрядчики — народ хитрый, догадливый. Знают, что приемщики «утомятся», что их возьмет жажда. К этому времени припасается чайничек или ведерко, конечно не пустое. В нем и пивко и водочка, что угодно.

Только кто-нибудь из приемщиков заикнется о питье, ему указывают на озям, покрытый чайник или ведро. Подходит один, пробует. Промочив в горлышке, крякнет: «Ох, хорошо!»

А раз «хорошо» — подходят все остальные. Промочили горло, писнули в тетрадь и пошли. Подрядчик знает, что заработал...

Так проходит день приемки по Граневой. При окончании приемки кубажа приемщики так «утомятся», что едва дойдут до конторы. Дорога очень «неровная», а в конторе «узкие половицы» — никак не можно пройти по одной.

Смотритель и десятники Железного рудника (снимок 900-х годов)

Вечером кто-нибудь из конницы запряжет лошадку в коробок или в телегу и везет приемщиков в определенное место. Лошадь знает — куда, зря не увезет...

А на другой день в Большой выработке так же.

Ермила Родионыч Бушин — милая головка. Этот например еще и так подрабатывает. Ходят-ходят по забоям, известно — утомятся. Сядут на бревнышко на краю уступа все трое, начнут производить приемку «с дуги». Первую руку подставляет Ермила Родионыч. Сколько на каком забое дуг, т. е. лошадей, столько рублей или четвертей с водкой.

Это продолжалось бы долго, если бы не приезд нового начальства.

Василий Константинович Квятковский, управитель Железного и Медного рудников, выписал себе помощника из Петербурга.

Этот помощник, поляк, Александр Станиславович Бухарский, совершенно ничего не понимал. Он считал, что если пеший рабочий заработал один рубль, значит плата высока, а если 99 копеек, значит нормальна.

Мужики сызоране подсчитают, чтобы вышло по 98—99 копеек, — столько и сдают кубажа. Конница также. Но конница кроме того много воровала.

Крючков Иван Петрович

Я выпросился на Железный рудник работать кузнецом в 1883 году. Проработал три дня. Смотритель Викентий Алексеевич Берг снял меня с работы, неизвестно по какой причине, а вместо меня принял Степана Зось, который принес ему две живых рыбы.

Пошел я к Бергу спросить, почему меня из кузницы сняли. Он ответил:

— Не нужен!

Потом воротил меня и спрашивает:

— Ты охотник?

— Охотник.

— Вот принеси мне рябчиков — на работу приму.

Не хотелось мне итти смотрителю за рябчиками, но делать нечего. Проходил два дня, настрелял шесть штук, понес смотрителю. Берг охотно взял их и велел выходить на работу.

Как-то узнав, что я хороший охотник, он вызвал меня в свой кабинет и говорит:

— Я слышал, что ты хороший охотник. Сейчас весна. Давай, ходи на охоту, рябчиков будем делить пополам. А за это время я буду тебе выписывать по 1 рублю 50 копеек в сутки.

Я согласился и кормил смотрителя Берга рябчиками три весны и три осени.

Ишикун Михаил Андрианович

Идет это ломщик Федюнин. Бутылка за пазухой. Оттопырилась, видать. Смотритель выработки Бушин заметил:

— Стой, Васька! Это чего у тебя?

— Редечка.

— Врешь ты, Васька.

— Право! Ведешка-связчик просил натереть. У его спина болит.

— Погоди, я обыщу тебя.

— Да редечка, редечка...

Обыскал, нашел вино.

— Ну, пойдем. Выпьем в корпусе...

Нес для связчиков, а пришлось с им выпить.

Растворов Константин Сидорович

Я работал на сортировке. Сортировали медистую руду. Приезжает пробиер Орлов брать анализ. Вот надолбили мы руды

мешочек, и он отвез ее в лабораторию, но анализ не вышел. Руда негодная. Значит сработали даром две недели.

Приходит десятник Шурыгин и говорит:

— Ребята! Идите, принесите бутылку вина, полдюжины пива!

Все сказали:

— Мы не получили выписку. У нас не сошла проба.

А он:

— Давайте, это все устроим. Я завтра вызову Орлова. Только принесите по рублю с каждого.

Нас работала артель в сорок человек. Приезжает на другой день опять брать анализ пробиер Орлов. Мы принесли ему, все сорок человек, по серебряному рублю, спустили в мешочек.

Назавтра идет смотритель Иван Николаич Зубакин и говорит:

— Анализ сошел по-хорошему.

Начал принимать у нас всю руду. После приемки через день выслали из Выйского завода лошадей увезти эту руду. Мы купили десятнику Шурыгину бутылку вина и полдюжины пива. Шурыгин стал пить с Зубакиным, а мы в это время снова поправили штабеля после возчиков, чтобы руда осталась в нашу пользу.

Такая работа продолжалась всю зиму. Анализ брали через каждые две недели, и все приходилось спускать серебряные рубли. Если принесем сорок рублей, анализ у нас сойдет, а не принесем — анализ не выйдет.

Шевцев Иван Афанасьевич

Мне пришлось итти работать на Железный в ломку в Большую выработку. Смотрителем выработки был Ермила Родионыч Бушин. Артель нас собралась из шести человек.

Сперва забой нам дали на северном борту, работали мы на нем один месяц, заработали хорошо. Потом дают нам другой забой, на восточном борту, бурые железняки. Проработали две недели, заработали плохо. На поденщину только по 70 копеек пришлось. А от нас отваживал породу Василий Платоныч Горбунов. И говорит он:

— Вот вы заработали плохо, а работали пуще. И я заработал плохо. Надо, ребята, «подмазать», а то вам не заработать. Давайте, три пятерки завертывайте, а я к смотрителю вечерком съезжу. Он мне будет кум.

Отдали Горбунову деньги...

Утром рано приходит на забой Ермила Родионыч Бушин. Здоровается и говорит:

— Что, ребята, вам здесь тесновато вшестером работать? Возьмите другой замер.

И опять потекла работа по-хорошему. Стали каждую выписку через две недели передавать Горбунову по десять рублей.

Носов Иван Романович

Смотритель Александр Палыч Климов был самолюбивый и высоконравный человек, его все боялись. Если он выходит из конторы, то весь рудник знает, что он вышел.

На Салдинском большом погрузочном мосту была штабельщица Авдотья Андрейцева, по прозванию Дунька «Кошка». Только Климов выходит — она завизжит своим женским голосом так, что на весь рудник слышно. Рабочие знают: раз Андрейцева завизжала — значит Климов идет.

Но рабочие еще не знают, в каком настроении Климов, пока

На замерке кубажа в Большой выработке. Виден десятник с правилом — деревянной саженью

они его не увидят. Каждый рабочий изучил: если Климов, идя, тычет тросточкой, значит он «не в духах». Реденький горняк тогда его остановит. Он обойдется с рабочим так, что тот побоится подойти и в следующий раз, когда Климов в веселом настроении, когда он своей тросточкой помахивает.

Беда. Недолго его рассердить. Он очень капризный.

Если Климов заметит, что рабочий до его прихода сидел, а при нем хватается за кайло, то он сразу вспыхивает, как ошпаренный. После этого к нему уж не подходи.

Особенно он не уважает людей, которые «выпимши».

Климов очень любил наушников, которые бы ему все время что-нибудь напевали. Десятники у него — агенты. Что рабочие между собой говорят — он все знает.

Вот факт со мной.

Я работаю в ломке на Шихане. Со мной работают Нефедовы Корнеичи, а ниже нас — забой ломщиков Захара Прохоренко и Захара Миронова. Порода у нас одна. Отвозчиком — подрядчик Иван Николаич Носов.

В одно утро возчик Носов убирал с забоя Прохоренко. Его гонщик по ошибке или незнанию неладно сваливает руду. Хорошую свалил в сернистую.

Десятник отвалов Гараня Карпов, зная, что этот гонщик возит и от нас и от Прохоренко, но не удостоверившись, с какого забоя он вывез сейчас, вызвал меня. Сколько я и гонщик ни доказываем, что это было отвезено не от нас, он все-таки ставит на наш забой штраф по одному рублю. Я не соглашаюсь. Тогда Климов дал мне расчет.

Коннозабойщики зимой

Это произошло в говенье перед пасхой, а на пасхе Климов нарядил меня десятником в Большую выработку. Проходил я две недели. Ничего в уши ему не напеваю. Он меня вызывает:

— Почему у меня нет никаких новостей?

Отвечаю:

— Я вообще не уважаю тех людей, кто лезет в уши, и сам не люблю лезть.

Он отказал мне от работы. Это был жесткий, строгий и преданный слуга капиталиста Демидова.

В то время ни норм, ни расценок не было. Работали с кубической сажени. Оплата этой сажени назначалась смотрителем в зависимости от твердости горной массы. Это давало возможность неограниченного произвола.

Климов ходил с тросточкой. Он много не разговаривал, только молча показывал и постукивал своей тросточкой. По указанию этой тросточки люди двигались, как по струнке.

Бывало, проходит он по уступу, забойщик снимает шапку, мнется.

— Александр Павлович, прибавьте полтинник! Руда...

— Как руда?

Сейчас ткнет тросточкой, расшвыряет рудины. И если под рудой оказывается беляк, то вместо прибавки полтинник сбавит. На руднике боялись его, как огня.

В то время не скупились на штрафы. Штрафовали за всякую мелочь. Вывалит гонщик тележку чуть не у края свалки — штраф.

Бородин Василий Михайлович

Я работал на пожогах, когда смотрителем рудника был Николай Михайлович Образцов. Лет тридцать пять назад. Он маленький был, Образцов, «мальчиком» его звали. В случае смотритель покажется, говорят все:

— «Мальчик» идет!

Этот «мальчик» любил взятки. Со всех-то не брал, а таких людей имел свойских: он им зарабливать даст, а они ему несут взятки. Так у них дельце-то и наладилось.

А вот сторож Артемий Алексеич Боченин не только не давал ему взяток, а и сам-то все норовил, где бы чем на руднике поживиться. Все-то он вытачивает из казенного дерева корытца, топорища, лопаточки. Продаст, на «стаканчик» себе заробит.

«Мальчик» решил его подстеречь.

В одно время Боченин караулил дрова и вытесывал топорище для себя из полена. Образцов тут как тут. Давай на него ругаться:

— Сторож должен охранять, а ты расхищаешь!

И отошел за поленницу, чтобы послушать, что сторож будет делать дальше. Боченин-то этого не заметил и ну его накатывать всяко:

— Недопадыш, обирало, «овечье копытичко»... кровопивец, живодер, кожелуп!

И к каждому слову-то с матершиной. Так его отсобачил...

Образцов слушал-слушал, не вытерпел, выскакивает:

— Ты это не меня ли ругаешь так?

А Боченин ему:

— Что ты, что ты, мила душа! Что ты, голубчик! Это я хвалю тебя тут. Да разве на тебя можно, на красавчика такого, ругаться. Вон и шапочка на тебе как хорошо сидит!..

Образцов и ушел ни с чем. Так наш «мальчик» услыхал о себе правду.

Своенравный этот смотритель был. Нос свой совал, куда надо и куда не надо. Если увидит гонщика, который на беседку сел задом к лошади, — палкой его отвозит.

— Тебе дана лошадь? Дана? Ну и сиди на беседке, как все люди сидят. А то падешь, задавят тебя — смотрителю отвечать.

Еще больно он не любил, когда с гармошкой захаживали на рудник. Вышлет десятника, велит взашей прогнать гармонистов. А не то отберет гармошку и разорвет.

Русско-японская война

Пылаев Иван Михайлович

Это конец 1903 года. Нас вагон цельный был, тагильских. В Красноярске стояли мы сутки. Там железнодорожная охрана нас растравила:

— Скоро попадете на войну. Прямо под пули едете...

Мы стали думать, как бы проделать, чтобы посадили в тюрьму. Лучше, мол, два года просидеть, чем угадать в войну. Весь эшелон тут начал пакостить, но мы — наособицу. Побили раз охрану вокзальную. В Иркутске разбили офицерский бардак. После этого нас забрали в арестантский вагон и так довезли до Порт-Артура.

Сразу поместили в Квантунский экипаж. Форму выдали матросскую, начали муштровать.

Видно, уж репутация наша была плохая. Дали нам обучающего украинца, сверхсрочного Радуна. Боцман был он, здоровенный и очень на лицо некрасив. Рылище толстенное было, сам шадривый, глазки свиные. Взгляд у него просто звериный был.

Сразу у меня с ним и разошлось.

— Я вас вымуштрую здесь, пермские босяки!

Учился я хорошо, но смотреть на него не мог. Как подойдет, кулак мне сунет под рыло:

— Смотри прямо!

А мне не гляделося на него. Опять глаза опускаю.

И кончилось бы — не знаю чем, если бы не земляк Нефедов Федор с «Полтавы». Нас готовили на «Полтаву». Он, когда пришел нас проведовать, то сказал Радуну в глаза:

— Если только пальцем тронешь этих ребят, придем с «Полтавы», пришибем тебя сразу!..

Радуна этого все-таки мы потом пристрелили. Ну, тут скоро война сделалась. А ведь еще при учении офицеры нам говорили:

— Да бросьте! Войны никакой не будет!

— Кто болтает, того надо арестовать...

Ну, а мы чувствовали, что война будет. Из Порт-Артура уже вольные начали выезжать.

Наше учебное помещение стояло возле моря у Золотой горы. Там очень хороший порт. Две горы: Тигровый хребет и Золотая. Между ними, как ворота, — пролив и дальше

среди Порт-Артура — бухта. Так в середине города и разлилась бухта. Тут стояла наша эскадра: «Петропавловск», «Ретвизан», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава» и еще много. Эскадра подходящая. Только не удалось ей действовать.

Однажды ночью все спали. Стоял один часовой. С моря полетели снаряды, и убило нашего часового. Дежурный офицер стал звонить в порт дежурному. Тот отвечает:

— Ничего. Клади солдат спать.

Я слышу, наш говорит:

— Какой «ничего»! У нас окна вылетели, и часовой осколком убит!

В это время снаряды полетели по городу. Тут всю нашу команду сразу погнали в порт. Мы видели японскую эскадру, которая расположилась за двенадцать верст от Порт-Артура и нас обстреливала. Дело было уже под утро. Часов в пять их флот прекратил стрельбу и ушел в море[1]. Нашу команду распределили на работу гребцами.

Возили на катерах и шлюпках снаряды, уголь, какие-то ящики. Консервы, галеты, провиант всякий. Подготавливали суда к выходу.

Тут уж никто не отрицал, что война с Японией началась.

День мы прогрузили. Наша эскадра все стояла в порту. Под второе утро японский флот опять подошел, бросил несколько снарядов и ушел в море. Они вызывали нашу эскадру.

Эскадра вышла на третий день и приняла бой. Все это нам было видно. Наши суда стояли верст за двенадцать, а те — на горизонте. Наши снаряды, исключая только снарядов «Петропавловска», не могли долетать до них. А ихние долетали и даже перелет делали. Сразу «Севастополь» был ранен. Насилу его на буксире дотащили до дока. Хоть на тройке в дыру въезжай — вот какая пробоина была сделана. А у них один крейсер был потоплен снарядами «Петропавловска».

В конце апреля японец создал из негодных судов, из всего старья, барахла, особый флот в пятьдесят транспортов, нагруженных песком и камнем. Ночью, часов в одиннадцать, наши крепости и суда заметили эти транспорты, идущие прямо в порт. Начали стрелять и суда и крепость. Часть транспортов погибла в пути, но остальные все шли и шли. Я стоял на берегу моря часовым у владивостокского кабеля. Мне все это видно было. Люди на транспортах заранее обрекли себя на смерть. Когда их суденышки достигли ворот в порт, то стали сами себя взрывать, чтобы загородить вход

[1] Речь идет о нападении японцев на русскую эскадру в ночь с 26 на 27 января 1904 г.

в бухту и запереть там нашу эскадру. Это им удалось. Несколько судов затонуло в самых воротах. После этого целые семь дней наши минеры и тральщики рвали и растаскивали эту преграду, расчищали вход в бухту.

Все эти семь дней японские суда подходили и в нас постреливали, но не сильно. Они отвлекали наше внимание от десанта, который заходил в тыл крепости с суши. Десант высадился на перешейке «Дальний городок» в сорока верстах от Порт-Артура и шел на нас.

Потом наша эскадра, подготовившись еще, определила бой. Так что она во всем вооружении, вся эскадра полностью хотела выйти. Это было на пасхе. В этот день японская эскадра подошла опять верст за шестнадцать и с утра бомбардировала наш флот, порт и крепость. Мы отвечали и с крепости и с судов, но повидимому наши снаряды не долетали до противника — он оставался на месте. Ведь когда ему туго приходилось, он живо, бывало, уметнется километра на четыре. А его снаряды ложились и разрушали Порт-Артур.

Наша эскадра стала выходить часов в десять. Впереди шел «Петропавловск» с адмиральским флагом.

...Я наблюдал действия флота с площадки на Золотой горе. Тут стояли скорострельные пушки, и наша команда их охраняла. Боялись десанта и шпионов. Просто наблюдательный пункт, сторожевая охрана порта. Наш мичман должен был докладывать штабу по телефону, что делается на море.

От нас было видно все как есть. Шибко высокий пост. Тут мне фартнуло. Я только зрителем был.

...«Петропавловск» идет вперед. Вот он ушел на восемь верст, начал поворачиваться. Вдруг — страшный взрыв. Столб дыма, громадный столб, поднялся чуть не до неба. Когда дым рассеялся, то мы увидели, что броненосец переломился пополам. Нос и корма поднялись кверху, а середина ушла под воду. Так он держался минут десять и затонул. Вокруг плавали люди, имущество. «Петропавловск» наткнулся на мину, угодившую прямо в пороховое отделение.

Тут наша эскадра пришла в замешательство. Все стали поворачивать в порт. В панике чуть друг на друга не натыкались. А мелкие суда встали на якоря и спустили шлюпки для спасения остатков команды «Петропавловска». Из семисот человек команды спаслось едва ли человек восемьдесят.

Шибко печальная трагедия произошла тут...

Бой кончался. Японская эскадра удовлетворилась, перестала бомбардировать и ушла в море.

На другой день мы стали разоружать корабли и укреплять за их счет сушу. Нашу команду отправили навстречу японскому десанту на Волчью гору, верст шестнадцать от Порт-Артура. Туда же отправили три пехотных полка: 12-й, 5-й, 7-й. С японцами мы столкнулись скоро. Волчья гора переходила из рук в руки три раза. Держались недели две, 12-й полк весь выбит был, 5-й полк — наполовину. 7-й полк на правом фланге в Голубиной бухте стоял, поцелее остался. Японец все жал на левый фланг и прорвал тут.

Мы отступили на Зеленые горы. Ближе к Порт-Артуру, верстах в восьми от него. На Зеленых горах тоже не больше двух недель продержались. Японец шибко быстро продвигался вперед. У него механизация была. Мотком железная дорога разбрасывается, и сразу вагонетки идут. В вагонетках — снаряды. Потому он и мог по 1 000 снарядов в день давать на одно орудие. Закидывал нас снарядами. Прижмешься где-нибудь и сидишь. А он льет снарядами. Страшно кидал. Кажется никакого местечка нет свободного...

С Зеленых гор мы отступили к крепости «Литер Б» на «Казачий пласт». Это совсем под Порт-Артуром. Тут расположились наши главные силы, и началась страшимая драча. Мы держались месяца полтора. Площадка «Казачий пласт» верст в семь длиной была нами минирована.

В конце августа 1904 года японец опять нас взял хитростью. Так бы он с год не взял. Клали бы и клали его. Сначала он все бил артиллерией. Наступления он не делал, знал, что это самое укрепленное место. Бил снарядами. На дню у орудий наших раза по три всю прислугу меняли. Всех выбивал. Тут-то меня и произвели в наводчики, в комендоры. Орудия у нас хорошие были: 12-дюймовые, 10-дюймовые. Цементные крепости и морские орудия. Мы тоже здорово его колотили.

И он сделал так. Однажды часа в четыре утра был сильный туман. Японские цепи пустили перед собой большое стадо скота: бараньев, козлов всяких. Сзади шли солдаты и кричали: «Банзай!» Получилась полная картина, что неприятель пошел в атаку. Наши минеры, не рассмотря, включили ток. Трясенье такое было: кто стоял на ногах — пал. Булычи по всему городу летели.

А под вечер японцы пошли в наступление густыми колоннами. Перед нашей крепостью сидели в окопах три батальона флотских — с «Полтавы» и «Ретвизана». Они расстреливали японцев в упор. Дело доходило до рукопашной. Японцы шли снова, и снова их отбивали. Бой длился всю ночь до девяти часов утра. Потом они отступили. Весь «Казачий пласт» завален был трупами. Японцы выкинули

белый флаг. Бой прекратился. Обе стороны начали подбирать трупы...

...И долгие дни так дрались.

Видят они, что зря народ кладут. Тогда их эскадра зашла с фланга и тысячами снарядов разрушила «Литер Б». До основания уничтожили крепость. Перешибли весь цемент, все орудия.

...Пришлось нам отступить на «Второй форт» — последнюю крепость к городу. Но она была уже японцами подкопана.

Пришли мы, заняли места у пушек. Пеший флот засел по окопам. В одно утро мы слышим стук под крепостью. Ихние минеры работают. Слышно, стучит балда об клин.

Я стоял у пушки. Тут пришел наш старый флотский минер и говорит:

— Пойдемте, ребята! Кто пойдет по окопам?

Я согласился, пошел с ним. Поползли на стук по окопам. Я — впереди.

Только стал доходить до стука, вдруг из дна окопа вырастает японский солдат с винтовкой. А мы были только с револьверами.

Оказывается, их траншея пересекала наш окоп и шла под «Второй форт». Дно окопа в этом месте провалилось в иху траншею. А этот часовой на корточках сидел, что ли. Он говорит:

— Оротси — куцай! Кудасай! (Хорошо! Здравствуйте! Идите сюда!)

Положил винтовку и стал звать из траншей своих товарищей. Из траншеи подошло человек десять. Мы крикнули десяток своих. Все сели в груду. Они в своей траншее, мы повыше у себя.

Один из них сбегал, принес папирос, галет — пряники ихние, шоколаду и фляги три виски — водка ихняя. Стали угощать нас. Фляжки пошли из рук в руки. И они пили. Просто попьет сам и передает тебе. Опорожнили фляжки, занялись куреньем и разговором.

Один из наших, Благушин Василий, мало-мало разговаривал по-японски. Он нам все выяснял, чего они говорили. Прежде у них один выступил и сказал:

— Очень храбрые были у вас солдаты, которые много положили наших под «Литером Б», под «Вторым фортом». Нандиск! Нандиск! (Очень много, очень много!) Уходите в город — останетесь цельными. «Второй форт» не сегодня — так завтра мы взорвем. Нам тоже надоело воевать. Переходите к нам в плен и скорее закончим войну.

Они говорят еще:

— Печально, если долго война продлится. Надоело вое-

вать. Вы все равно сидите голодом. А форт мы взорвем. Если отступите в город, будете целы...

Поговорили и разошлись:

— Иороси! (До свидания!)

Попрощались и разошлись по своим местам.

Мы доложили мичману о траншее, о том, что форт будет взорван.

А он:

— Глупость!

Вечером побросали в этот окоп бомб штук 20. Японцы прекратили работу.

А на другой день они сделали пешее наступление. Заухали «банзай» со всех сторон «Второго форта» и полезли. Мы стали отбивать. Когда отбили атаки — получился взрыв. Дальше я ничего не помню.

Я очнулся уже в японском плену, в Японии.

В плену та пища, которую предоставляли, совершенно не шла нам. Стали болеть животы. Мы еле ноги таскали. Некоторые даже начали умирать. И так-то были слабые из порт-артурского гарнизона, а тут помирать стали сряду. Таких могильников нагородили, что страх. Был рис все. Чай и какие-то еще овощи вроде нашего зеленого лука. Тарелочка овощей и все. Разве это пойдет на русский желудок?

Сперва предъявили претензию генералу Фоку, нашему порт-артурскому. Он был тоже в плену и жил в нашем же дворе за перегородкой. Всего нас там пять тысяч было. И флотские и такие. Он сказал:

— Придется терпеть, ребята! У них ничего нет.

Тогда наша братва заявила:

— Сделаем восстание. Все равно околеваем. Вырвем винтовки у часовых и соединимся с двором № 2. Там тоже пять тысяч! Захватим весь город.

Это предъявили Фоку, который сказал нам, что это глупости, можем погибнуть все. Потом мы вызвали переводчика и объяснили ему:

— Будем писать в Россию письма, что вы нас морите голодом. Совсем перестанем есть. Замаривайте нас до смерти.

Так и сделали. Рис покидали в окна и не принимали их пищу полтора суток.

После этого привезли рыбу величиной с сажень. «Морская свинка» ли, как ли ее. Но суп мы тоже хлебать не стали без хлеба. Противный очень.

Брожению этому способствовала одна японка, дочь священника тамошнего. Она училась в Москве и только приехала в Японию. Она часто посещала наш барак и рассказывала, что в России революция.

— И солдатские восстания там и крестьянские. А больше все по заводам.

Вот с ее слов мы и решили, что и тут неплохо восстание сделать.

Но вскоре пришли из Франции солонина, ржаная мука, и нам разрешили иметь свою кухню.

Тут мы маленько оживели.

В ихо 1 мая повели нас посмотреть на гулянку в бамбуковую рощу. Прогулку нам сделали. Такая бугрина — мы наверху сидим. Нас человек с двадцать, сидим по порядочку. Смотрим, как там внизу народ погуливает. Сидят кое-где кучками. Перед каждой кучкой — закуска, водка.

Такая одна артель их сидела пониже нас. Мужчин человек двенадцать. Некоторые с женами были.

Слышим, что переводчик и жандарм с этой артелью спорят. По-своему талалачат. Переводчик кореец был. Он хлопнул жандарма по плечу и говорит:

— Давай устроим!

Мы смотрим, чего будет.

Жандарм пошел вглубь рощи, несет шест бамбуковый сажени в три. Добывает шашку, чертит по полянке черту. Кладут поперек черты шест серединой на нее, ровными концами по сторонам. Подходит переводчик, берет из нас шесть человек поздоровше и ведет нас к шесту. Я тоже в число шести угадал. Мы смотрим, чего будет. Он и говорит:

— Мы вот с теми поспорили, что русский в два раза сильней японца. Пусть их возьмется за шест двенадцать человек, а вас шесть. Кто кого к себе перетянет.

Мы уцепились за свой конец. А японская артель, с кем они спорили, за другой конец взялась. Их было ровно двенадцать. Жандарм и переводчик как судьи. Скомандовали. Мы как потянем — сразу перетянули их. Нисколь даже с места не могли они нас шевельнуть. Ну, чего! Маленькие ведь, легкие... Всю их связку так мы к себе и перетащили. Они упираются, всяко это коверкаются... А мы их таскам...

Тут может сто человек кругом собралось. Все смотреть прибежали, которые хохочут, в ладошки хлопают, а которые плюются. После они нам предложили бороться.

— У нас один очень сильный есть человек, который переносит на себе до восьми пудов. Грузчик.

Полицейский наш говорит:

— Другой раз поведем вас в порт, где этот борец.

А у нас был матрос — латыш Стрел. Чересчур уж силён. Ручищи, как бревна. Он, бывало, снаряд никогда к орудию машиной не подавал, а руками.

Вот пошли мы к ним в порт опять с полицией на про-

гулку. Этот же жандарм, этот же переводчик-кореец. А нам интересно: что за японец, который восемь пудов таскает.

Нас много шло, человек с сотню. Приходим в порт. Там сад такой, в нем площадка песочная. Круг начерчен диаметром в две сажени. И в кругу уж стоял ихний этот приготовленный грузчик. Низменный, широкоплечий, коренастый такой, кривоногий, одутловатый. Выходит Стрел, раза в два выше японца ростом. Бравый такой. А вокруг толпа. Ихних, ихних — ужасть сколько.

...У них борьба такая: наскакивают друг на дружку и выкидывают из круга. Кто остался в круге, тот победил...

Сошлись они, поздоровались, разошлись. Стали сходиться снова. Стрелу посчастливилось зацепить того за одежу, поймать за халат, за полу. Схватил, размахнул и выкинул.

Не толи-ча вытолкнул, а выкинул. Тот сажени две летел. Еще за круг на сажень вылетел к народу. Тут что поднялось! Целое возмущение. Сперва-то некоторые засмеялись, а потом и эти примолкли.

Жандарм скорей нас построил и повел кверху. Вслед камни полетели. Крики всякие...

...На кулаки-то мы были сильны, а все-таки японцы в ту войну и флот и армию российскую расколошматили. Отсталая Россия была, царская.

В конце пятого года нас направили во Владивосток. Но, не доезжая до порта, верстах в тридцати нас остановили. Не пускают во Владивосток. Спрашиваем:

— Отчего? Почему нас держат?

Начальство отвечало:

— Во Владивосток нельзя попасть. Там тралят мины!

А мы слышали выстрелы. Хотели нас заворотить кругосветом на Одессу. Тут братва заявила:

— Ежели не доставите нас сейчас же, выкидаем кое-кого за борт.

И судно пошло на Владивосток.

Когда взошло судно в порт, нас сейчас же встретил владивостокский экипаж, представители матросов, человек 80. Повели в свои казармы. Стали объяснять цели и задачи:

— 31-й полк крепостного гарнизона еще не сдается. А остальное в наших руках. Только сделать связь с Севастополем и с заводами, и революция будет на полном ходу. Манчжурские армии тоже к нам примыкают...

Вскоре 31-й полк сдался. Светланская улица вся разбита была снарядами. Власть перешла к комитету восставших. Держались семь дней.

Однажды ночью во Владивосток потихоньку прибыл генерал Линевич с казаками. Их было пятнадцать тысяч из

состава маньчжурской армии. Ночью же они напали врасплох на казармы, на экипажи и переарестовали всех нас.

На другой же день нас отправили на Чуркин остров в тюрьму. Просидели двенадцать суток. Было разбирательство. Пленных нас освободили все-таки, а остальных участь не знаю. В этот же вечер нас снарядили эшелонами и шугнули из Владивостока в Россию. Весь наш эшелон до того был революционный, что начальство не подходило. Сильный был подъем во всем эшелоне. Только и говорили:

— Вот приедем домой — настоящую революцию сделаем!

Но и всюду в стране и по железной дороге был такой же подъем. На станциях нас встречали приветствиями.

В Верхнеудинске пришли к нам трое партийных работников. Они объяснили нам положение пятого года, что революция потеряна, но временно.

— Приедете, ребята, домой — организовывайтесь пуще!

И многие из нас дали тут же клятву на возобновление революции. Так и говорили:

— Дома надо всех подымать при заводах, при деревнях!

Тут уже пошло такое нетерпение, что забрали в свои руки весь эшелон и погнали сами. Напролом ехали. И на паровоз залез наш машинист-матрос. Всю пехоту позади оставили...

Первая революция

Козьмин Федор Данилович

Появился этот дух вот отчего. Наш товарищ Борисов Павел был отступник от православной веры. Он все искал правду. Пристал к еговистам[1]:

— Лучше, говорит, этой веры я не нашел. Простая вера!

Но видимо в душе и эта вера его не ублаготворяла.

И вот он случайно раз встретился на плотине с безногим студентом, высланным из города Петербурга. Ползал тот на колодках, по колено ног не было. Студент покурить присел. А Борисов шел мимо него. Парень любопытный, остановился, разговорились:

— Кто ты такой?

— Я высланный.

— За что выслан? Как выслан?

Тот объяснил:

— Ты и не знаешь? Студентов, нас, разогнали, а меня вот изувечили. Получил билет такой: нигде больше трех суток не останавливайся. Проходной билет...

Договорились тут, ясно дело. Борисов пригласил его к себе домой, взял извозчика, поехали. Двое суток он у него ночевал, у Борисова. А о чем они там говорили, только они и знали двое.

Студент-от прожил да ушел куда-то, уполз. С тех пор вот Борисов не только перестал проповедовать свою религию, а проникся духом демократическим. Стал рассказывать товарищам о косвенных налогах, сколько на содержание царской семьи в год тратится. Это вот была первая пропаганда, которую я слышал. Помнится, говорили, что на содержание двора тратится 16 миллионов в год. Сознательные рабочие стали себя считать не за скотину, а за людей. Должен, мол, пользоваться всем тот, кто создал. Это в 1903 году.

А в 1904 году, с наступлением японской войны, у Демидова заказов прибавилось. Стали даже пришлых с «волчьими» паспортами на завод принимать. На руднике расценки поднялись.

Мобилизация коснулась нас немного.

---

[1] Религиозная секта.

Меднорудянские страдали сильнее, потому что жили хуже железнорудных. Пришлые люди понемногу разнюхивали публику на заводе и Медном руднике. Появились и свои политики: Добродеев, Копытцев, Борисов, Акинтьев, Сыроегин, Мазурин, Каписко, Елесин, Алексеев и другие. На Медном создался крепкий кружок, который вел подпольную пропаганду.

Малограмотные были люди. На язык-то лютеньки были, бойчились. А знать — знали мало. Агитация шла отчасти уже на политической подкладке, а не так, что одно экономическое дело.

На Медном руднике все время волнения возникали. Щей плохих дадут — зашумят, зарплату задержат — шумят.

Перед 1 мая уговорились собраться провести маевку. Ходили слухи:

— Царя за ноги уже держали, да вырвался, убежал...

Собрались у Мурина за мельницей в болотишке. Тридцать—тридцать пять человек. Партийных — человек пять. Кто-то докладывал, фамилии его не упомнил.

Другой раз сошлись в городском саду от разных предприятий группками по два-три человека с вином и пивом, как на гулянку.

Руководители добывали литературу и раздавали ее рабочим. Эти люди уже были в партии, платили членские взносы. Комитет партии был на Тагильской улице в капустином доме. Туда всех не водили, а ходили только избранные люди. Потом другим под ушко рассказывали, что постановили.

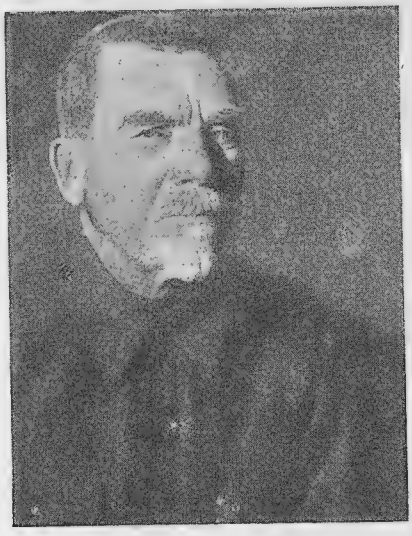
— Вот чё надо делать!

А те слушают и заключают. Посредством этих кружков и подготовлялась забастовка 1905 года. Началась она перед 1 июня. 1 июня был ливень. День это памятный. Несмотря на забастовку люди вышли спасать рудник. По восемь, по девять часов в воде робили. Я ездил по купцам за мешками, отбирал силой. Мешок с песком положим — держится, вали еще и еще. Рудянка из берегов вышла. Желобья лопнули — и пошло...

В шахты-то вода, когда шла, как щепку, бревна бросала.

Я по хлеб еще ездил, кормить тех, которые робили. В кухне варево все время было. Вода доходила и до нее.

И вот за несколько дней до этого потопа от рабочих была послана делегация в Главное правление демидовских заводов в Петербург — Кузьма Бородин, Устин Копытцев и Добродеев Иван. Когда вот они приехали в Питер с



Козьмин
Федор Данилович

требованиями рабочих, в правлении от всяких переговоров с делегатами отказались, а сказали:

— С вами кончено, Медный рудник затоплен.

А ведь боле полутора тыщ в горе работало!

Ну вот, шахты затопило водой, рабочих раскомандировали по разным другим работам. Только часть из них оставили на работе по откачке воды из шахт Медного рудника, а остальных послали на Высокогорский железный рудник, на платиновые прииска, на торфяник. Кого куда растолкали. Меня послали на торфяник.

Чернышева Таисия Зиновьевна

Политические настроения в глубине Медного рудника появились резко в 1905 году.

Были революционно настроенные люди, но вели они себя очень укромно, зря не открывались, действовали тайно. Вот имена этих товарищей: Василий Владимирович Алексеев, Александр Федорович Каписко, Павел Сидорович Свистунов, техник. Открыто выступал Иван Яковлевич Добродеев.

Сначала он был такой же выдержанный и тайный, как остальные. Но потом, когда взбунтовался флот[1], Добродеев

[1] Имеется очевидно в виду восстание на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г.

выступал открыто, даже бросал работу и агитировал за восстание рабочих. После всеобщей октябрьской забастовки он совсем позабыл все окружающее, а знал только одно: доказывать рабочим, что настала наша пора. Как-то раз под воротком[1] он горячо призывал рабочих восстать, проводил всех до одного навэрх и сам выехал...

Потом стало слышно, что Добродеева арестовали.

Каписко Варвара Васильевна

Мой муж часто уходил из дому и один и с Алексеевым, Сидоровым, Спасибко. Я, бывало, спрошу:

— Вы куда?

Они засмеются и скажут:

— Гляди — будет ночью огонь на Голом камне...

И верно. Ночью посмотришь — огонь. Я знала, что мой — «политический», но он со мной ничего не говорил, все молчал.

Когда увезли Добродеева, я пошла по воду. Стоят бабы и говорят:

— Наверно увезут Каписко...

Пришла я и сказала, что слышала. Мы скорее начали все книжки и листовки собирать. Набрали решотку[2], скидали в печку. Но никто не приезжал. Так и шло время. Где-то у них был дом, они в нем собирались. Я это знала. Раз ночью прибежал муж домой и говорит:

— Разогнали! Насилу спаслись. Все убежали, никто не попал.

Оплетин Семен Григорьевич[3]

Силы наши мы попробовали в 1905 году. Тут уж рабочие всех демидовских предприятий начали действовать заодно. Враз весь Тагил поднялся.

Забастовка на нашем заводе как будто началась в мае 1905 года. Помню, что была весна и по всей России забастовки шли.

Начали мы бастовать так. Пришла к нам весть с Выйского медеплавильного завода, что там готовятся к забастовке. Наши с Тагильского завода заявили, что и они не отстанут. У рабочих всех предприятий — Выйского медеплавильного

---

[1] Вороток — площадка подъемника.
[2] Решотка — корзина.
[3] Запись рассказов С. Оплетина и М. Пылаевой сделана Е. В. Кривуленко.

завода, Железного и Медного рудников, Металлургического завода — были приготовлены требования к управляющему заводами господину Егорову. Требовали восьмичасовой рабочий день и прибавку зарплаты.

Когда подошли все рабочие к Главному управлению — заполнили всю площадь. Попросили мы Егорова выйти к нам на крыльцо. Вышел он седенький, такой маленький старикашка. Принял наши требования и не грозил ничего, ласковый такой стоял. «Верно, говорит, господа, что недостаточный заработок, что жизнь ваша нелегкая. Но сейчас я лично ничего не могу сделать. Подождите денька два-три — положение выяснится. Я пошлю телеграмму в Петербург в Главное управление заводами и поместьями Демидовых. А пока начинайте работу, возвращайтесь в цеха». Особенно он уговаривал рабочих с тех предприятий, которым угрожала опасность, например Медному руднику, который могло затопить.

Это еще до затопа было.

Рабочие начали кричать:

— На эту удочку не пойдем. Какая это забастовка — ворочаться обратно в цеха. Не дадим уласкать себя словами.

К работе не приступили.

С нетерпением ждали рабочие ответа от Петербурга. Почти не расходились по домам, днем и ночью не отходили от управления. А утром, так часов в шесть, прискакал на площадь железнодорожный смазчик Иван Александрович Глазков и сообщил нам, что подходит поезд, в котором едут три роты солдат, что поезд уже на Гороблагодатской. Глазков это узнал вероятно от телеграфистов и прибежал немедля оповестить нас. Тогда-то рабочие вполне поняли обман управляющего, поняли, что телеграмму-то он дал, да не в Петербург, а в Пермь губернатору.

С дневным поездом в Тагил прибыл вице-губернатор со своей свитой. И когда он подъехал к управлению, к массе рабочих, то стал, как говорится, увещевать ли, укорять ли рабочих. Говорил так любезно: «Братцы, друзья мои, от праздной жизни народ портится». Развалился в экипаже, голову назад откинул, ручкой помахивает. В это время из толпы были выкрики: «То-то, видать, ты и испортился. Шея толще, чем у быка».

Сделался небольшой переполох, но кто кричал, доказать не могли, улик не было. А вице-губернатор продолжал уговаривать:

— Ведь мы знаем, братцы, друзья мои, что вы не бунтовщики какие-нибудь. Вы мирные забастовщики. Вас

Надшахтный двор Меднорудянского рудника, где горняки собирались во время стачки

вынудила нужда просить прибавки к заработной плате. Вот с вечерним поездом приедет губернатор, вы его встретите по-старинному русскому обычаю, с хлебом-солью.

Нашлись конечно и такие, которые закричали, что нужно это сделать. Которые рабочие имели при себе деньжонки, сделали складчину. Купили серебряное блюдо, заказали в кондитерской Мерцгера хлеб. Избрали представителей для встречи губернатора на станции Тагил. Большинство рабочих от любопытства пошло за представителями, не только пошли, а побежали посмотреть, как они будут губернатора встречать.

И вот только стал поезд останавливаться, подходят они с обнаженными головами, без шапок, с хлебом-солью к тому вагону, в котором сидел губернатор. А он только ступил ногой на подножку, грозя им пальцем, закричал:

— Я вам покажу, мерзавцы, как бастовать!

У подъезда стояла карета, запряженная воронымн. Встречали конечно губернатора его помощник со всей свитой и управляющий.

Вроде, как охранять его приехали. Сел он в экипаж и уехал, а наши представители с хлебом-солью остались с повешенными носами.

Когда губернатор приехал в квартиру управляющего, выслал он оттуда лакея, что ли, — чорт их знает, как их там называют, — который сообщил рабочим, что господин губернатор просит выбрать пять человек представителей для переговоров с ним.

Через полчаса наши выборные возвращаются с квартиры управляющего, где стоял губернатор, прямо как выпаренные в бане. Он им напел и навесил на уши! Нашугал их.

Дрожащими голосами наши представители рассказали, что губернатор приказывает во что бы то ни стало завтрашний день к 9 часам утра разойтись всем по своим цехам. Губернатор хотел разъединить рабочую массу, разговаривать не со всеми вместе, а с отдельными группами по цехам.

И вот, когда это было сделано, губернатор с заводской администрацией и со своей свитой заходил в каждый цех, и первые слова губернатора были: «Не скрывайте, господа, зачинщиков, все равно узнаем, и тогда худая трава из поля вон». Но конечно друг дружку никто не выдавал, а работать мы все-таки не работали.

На это хождение по всем предприятиям, по всем цехам у них ушло два дня. Со мной тут чуть не получилась история. Когда дали нам знать с Медного рудника, что там готовятся к забастовке, в кузнечно-котельном цехе я первый вскочил на бочку и давай кричать:

— Товарищи, позор нам будет, если мы не поддержим наших меднорудянских товарищей.

Когда губернатор ходил по цехам, наш цеховой мастер Кожевников Василий Герасимович сказал мне:

— Уйди ты, пожалуйста, на это время подальше от греха.

Был у нас в цеху один рабочий, вроде как душевнобольной. Сошел он с ума немного и впал в крайнюю религиозность. Над ним ребята наши цеховые смеялись:

— Егорыч, покос у тебя украли.

— Да что ты, что ты, балякало, разве можно покос украсть.

Вот такой был, но все-таки помнил, кто его обижает. Мастер мне и говорит:

— Цикин может сдуру тебя выдать.

И вот, когда губернатор взошел в цех и заявил свои речи, то этот Цикин Андрей Егорыч сказал:

— Как не знаем, ваше благородие? Знаем мы зачинщиков.

Он старый николаевский солдат был, так и встал на вытяжку перед господином губернатором.

Тут из нашей цеховой администрации стали говорить, кажется тот же мастер Кожевников:

— Ему, ваше превосходительство, верить нельзя. Он больной.

— Если больной, зачем держите в цехе?

— Врач его признает душевнобольным, но велит допускать до легкой работы. Как не допускать? Надо человеку как-то существовать.

В те времена пенсию-то не выдавали, а если кому и давали, то рубль-полтора.

Ходили они по цехам, ходили, а результатов не получили никаких. Никто друг дружку не предал, ни одного рабочего не выдали.

Тогда была устроена новая ловушка со стороны губернатора. Он опять приказал на другой день всем рабочим собраться к управлению и сам, выйдя на балкон, громко кричал:

— Советую без крови обойтись, приступайте к работе. Каждый рабочий должен итти записаться в свой цех, где он работает. Не записавшиеся в трехдневный срок никогда не будут приняты на работу.

Запуганные этими словами многие рабочие пошли записываться. Но не все сразу. В тот же день к вечеру были расклеены объявления по всему городу. Там были точно такие же угрозы, которые кричал губернатор с

балкона. И вот уже тут все рабочие не только пошли, а бросились записываться, стояли в очереди.

Вся эта история с первого дня забастовки продолжалась ровно одиннадцать дней, а на двенадцатый уже гудели гудки. Приступили все к работе, не получив по своим требованиям ровным счетом ничего. Никакой прибавки к зарплате, а о восьмичасовом рабочем дне и думать велели забыть.

А вторая забастовка была в 1906 году, в ноябре месяце, бастовали железнодорожники. Арестовали ихних депутатов: машиниста Пикликевича и Бессонова, кассира пассажирской кассы. Посадили их в тюрьму. Железнодорожники много потратили сил, но не могли их освободить. Пришли они к Тагильскому заводу просить рабочих помочь. Рассказали, что уже приготовила тюремная администрация кибитки увозить ихних депутатов. Рабочие Тагильского завода моментально бросили работу и вышли из завода. Было два часа дня. Разделились на два лагеря — одна половина пошла с пруда охранять, чтоб не увезли арестованных, а другая — из города.

По дороге все время кричали, кидая шапки вверх: «Освободите заключенных». У тюрьмы собралось народу тьма. Вышли становой пристав и начальник тюрьмы и говорят: «Сделать этого мы не можем». Солдат в то время была одна рота. Хотя ротный командир не раз намеревался взять на испуг рабочих и командовал: «Ружья на прицел!», но рабочие все время стояли стеной у ворот тюрьмы и требовали: «Подайте нам наших депутатов».

Тогда пристав сказал: «Обратитесь к жандармскому ротмистру». Железнодорожник Иван Алексеевич Глазков погнал на своей лошади. Когда он возвратился обратно, то лошадь была вся в мыле. Глазков сообщил нам, что жандармский ротмистр Фальцевич будет через полчаса.

Рабочие стоят и ждут, им кажется — время долго идет. Этот же Глазков погнал во второй раз и сказал ротмистру: «Господин ротмистр, публика волнуется сильно». Тогда ротмистр вслед за ним приехал и разрешил вывести заключенных на улицу из ворот тюрьмы, чтобы народ удостоверился, что они целы и невредимы.

Когда вывели заключенных депутатов на улицу, из толпы посыпались вопросы: «Како́, товарищи, с вами здесь обхождение?» Они отвечали: «Товарищи, не волнуйтесь, нам никаких притеснений здесь нет». Но рабочие поняли, что это они говорят под страхом, запуганные оружием. Тогда их обоих подняли на табуретки, чтоб видела их личности вся рабочая масса. Вот в этот момент толпа сдвинулась

груднее, дружнее и, подняв депутатов на воздух, понесла их через весь город на станцию Тагил с пением «Марсельезы». Открыли в депо митинг. Он длился до 11 часов вечера. После митинга все разошлись по домам, ушли и депутаты к себе на квартиру. Никто не догадался скрыть их куда-нибудь, и в четыре часа утра они были в одном белье опять арестованы. И долго никто из рабочих не знал, где находятся они. Пикликевича я так и не видывал с того времени.

Бондин Алексей Петрович

Первым забастовал механический цех Тагильского завода.

17 мая 1905 года из ворот механического вывалила толпа. Впереди шел мой друг Илья Сыромолотов. Я работал на паровозе возле здания цеха. Сыромолотов крикнул мне:

— Давай, Петрович, сымай с работы ребят!

Толпа поддержала:

— Бросай работу!

Хлынули в цех рельсовых скреплений, который был между механическим и депо. Там работал один привод. Очень здорово урчали — наговаривали конические шестерни. Как вошла туда толпа — они смолкли. Это врезалось мне в память. Рабочие цеха рельсовых скреплений присоединились к бастующим. Толпа выросла вдвое.

На площадь вышел управитель в очках. Он закричал, что, мол, не надо заниматься глупостями, не надо бастовать, а надо разрешить конфликт мирно. Его не послушали. Часть рабочих побежала на домну останавливать там работу, другие — в мартен, в прокат.

В мартене получилась интересная штука. Смотритель мартена Смольников со слезами упрашивал рабочих не бастовать, не останавливать печей, потому что от этого будет большой убыток хозяину. Среди рабочих произошло раздвоение. Молодежь предложила бросить работу сразу. Но старички — демидовские выкормки — сказали иначе:

— Нет, печи портить не дадим! Сделаем выплавку, продуем печи и тогда остановим...

Так произошло и на домне. Ее тоже выдули, когда плавка была окончена.

Встал весь завод. В цехах на летучих митингах рабочие выбрали своих представителей. От механического, помню, были выбраны: Сыромолотов, Баженов и Телышков. От железнодорожников выбрали делегатом меня. Как только вошли мы с Сыромолотовым в депо, я крикнул:

— Как, ребята? Поддержим?

Молодежь побросала работу тут же, за ней — семейные. Я и раньше вел среди товарищей пропаганду, уже состоял в социал-демократической партии. Мастер депо Овчинников, желчный такой старик, выступил против стачки. Все сгрудились. Он стоял перед толпой сухой, высокий, черный и перекошенный. Искривился всем телом и говорит с насмешкой:

— Что вы это?

Тут поднялась буря негодования сразу:

— Долой Овчинникова! Долой мастера!

И тут же поставили выбрать меня от цеха уполномоченным.

Овчинников стал штрейкбрехером. Один вздумал работать. Прихожу я как-то в депо, а он поползушки на параллель приделывает. Один ворочается, никого больше не было.

Этот Овчинников зверски относился к молодежи.

Помнится такой случай.

Двое подростков работали у паровоза в сильный мороз на улице. Перезябли и забежали в депо погреться. Встали к чугунной печке. Овчинников сзади подкрался к одному из мальчишек, схватил его за руку и прислонил к печке. Печка была накалена докрасна. Одежда на пареньке, вся промасленная мазутом, враз вспыхнула. Если бы не вылили на него тут ушат воды, он сгорел бы. Ожег руки, нос, брюхо, коленки. Парнишку мы отправили в больницу, а на Овчинникова написали заявление в суд. Дело о нем однако замялось. Это было еще зимой 1905 года. Рабочих Овчинников бить боялся, а над ребятишками измывался как мог, шпынял их и колотил.

Он был фанатик демидовщины. Умер он в 1907 году таким образом.

Пришел домой, услал своих детишек гулять, закупорил комнату, облился керосином, зажег себя и задохся в дыму. Но это было много времени спустя после забастовки.

Баранов Илья Гаврилович

Когда прокатилась революционная волна, после того как в Петербурге Гапон шел и расстреливали рабочих, меня всего больше политика заинтересовала. Мы еще раньше знали, что есть социал-демократическая партия, почитывали литературу, газеты подпольные. Была у нас «Искра» ленинская, хорошая газета. Она была небольшая газетка, бумага тоненькая, уплотненно всё. Без малого наизусть изучали. Так всем интересовались.

У меня зять был Устин Копытцев. Самый исторический

Расстрел питерских рабочих 9 января 1905 г. Зарисовка неизвестного иностранного художника

большевик Медного рудника. С него и взялося все. У него боле и работали, собрания проводились. Он по-заукрайности жил. У него все и собирались кружки. Приходили: Добродеев Иван, Антон Акинтьев, Иван Порфирыч Масленников, Елесин, Мазурин.

Мы знали, что в Питере рабочие неспокойны. А как услыхали, что царь расстрелял рабочих, Медный рудник забастовал. Одна смена вылезла, а другая не спущается. К конторе двинулись. Шум подняли:

— Рабочих расстреливают!

— Шли с иконами — вот вам иконы!

— Это чего ж такое?!

Даже бабы выскакивали, кулаками махали.

Управитель Квятковский к нам на крыльцо вышел:

— Успокойтесь, рабочие! Айда-те на работу спущайтесь. Это студенты там баламутят в столице.

Все упрашивал нас на работу встать. А мы долго не спущались. Не припомню сейчас, чем кончилось это дело...

Были у нас волнения и после восстания на броненосце «Потемкине» и после усмирения Пресни[1], но вспомнить, что да как, не могу.

Когда манифест был 17 октября, который дошел до нас 18-го, Медный рудник сразу забастовал и Тагильский завод. Пошли все сначала к памятнику Демидова, потом к памятнику Александра II. С революционными песнями шли. У меня тогда такой дух возбужденный был — через Лисью бы гору перескочил. Полицейские все попрятались.

— Где Вавилка-то? Нет его...

Такая масса, и ни толчков, ни пинков — порядок. Ораторов поднимаем на плечи — «Лешего», московский был парень, и других. Они все говорили. Опустим их, перейдем на другое место...

... Дня четыре еще после этого так-то было. А потом-то начали нас завинчивать.

На третий день после нашей манифестации состоялась черносотенная. С портретами царя, с хоругвями и с иконами. Они собрались у Введенской церкви. Часть к ним пришла с Выи, от Никольской церкви. Потом они все через площадь направились к собору. А от собора мимо завода к Троицкой церкви. Рабочие из механического цеха кричали им:

— Сволочи!

А те отвечали:

— Мы вам покажем, как «не надо царя».

---

[1] Имеется в виду декабрьское вооруженное восстание в Москве.

Северная часть Медного рудника с надшахтными строениями

Маркелушка Коровин там шел на кривых ногах, Яша Мартюшев, подрядчики с Железного рудника, переодетые полицейские, оборванцы, лабазники, сволочь всякая. Шли — пели «Боже, царя храни», «Спаси, господи, люди твоя».

В это время рабочие Медного рудника опять собрались грудой и повалили на площадь. Шли мы по Старобазарной улице, а те навстречу нам по Большой Рудянской. У них были самые боевые намерения. Ведь среди них много шло переодетой полиции, которой хотелось нас разогнать. Один Вавилушка — урядник — по всему Тагилу известно, чего стоил. Но увидя нашу толпу, они стушевались и не решились выйти навстречу.

Мы свободно прошли на площадь.

Мартюшев Викентий Кондратьевич

Вскоре после черносотенной демонстрации, приблизительно через неделю, через две, мой дядя Яков и отец попросили меня покучерить у них. Отвезти их куда-то и постеречь лошадей. На дядиной лошади. Сели, поехали в дом купца Лошкарева, где теперь находится магазин Гиза. В заднем помещении у него, которое в переулке, жили его приказчики и рабочие. Казарма муковозов была там.

Там-то и состоялось их первое организационное собрание черносотенцев. Туда явились почти всё мелкие торговцы Тагила и большинство именитого купечества. Съезжались и сходились. Я сначала-то караулил лошадь снаружи, а потом озяб, залез внутрь погреться.

Стулья были поставлены там, скамьи. Сидели по стенам, кто где пристроится. Попы еще там были: отец Василий Коншин, отец Павел из Троицкой, и из других церквей. Пристав Борька Попов, взяточник, Вавила, знаменитый Бердышев, тоже тут был. Всего человек семьдесят...

Приказчики тогда были демократически настроены. У них даже союз свой был. Так приказчиков и муковозов из помещения выгнали. Помню, еще те, уходя, ругались. Было и рабочих немного. Главным образом из головки. Мастера различные, подрядчики.

Собрание вроде конспиративное было. Стояли у дверей. Как раз мой дядя Яков стоял. Я лезу в дверь, а он:

— Ты куда?

— Озяб!..

— Лошадь привязал?

— Привязал. Куда она уйдет...

— Ну, иди.

Это было вечером поздно. Ночью уже почти. Когда я вошел, как раз пристав держал речь о значении союза. Звал всех записываться.

Потом Чекмарев, мастер с томительных печей, выскочил:

— Царь есть бог земной. На наших глазах поносят бога земного! Разве можно терпеть. Власти наши позорят! Власть нам богом дана!

Отец мой, Кондрат Мартюшев, был рыжий, здоровенный, первый силач по Тагилу почти. Он встает и говорит:

— Насчет царя и бога я не буду говорить. А про наши власти скажу. Есть начальники хорошие, есть плохие. Возьми вот этого Вавилку. Стыда у него нет нисколько, и первейший мошенник.

Мысль у него была такая, что если бы хороши были начальники, то и не было бы никаких беспорядков.

Вавилка покраснел весь. Другие захохотали. Все знали его. Рожа и так была красная, а тут уж побагровела.

В это время дядя Яков вытурил меня кобылу смотреть. Что уж тут было у них дальше, не знаю.

Когда ехали обратно, из разговора-то я понял, что у них организовался союз.

Дядя-то Яша после значок имел, а отец к им больше и не ходил. Еще знаю, что председателем черной сотни сделался этот вот Артамон Лошкарев.

Баранов Илья Гаврилович

А я все работал на Медном руднике. Тут уж еще более мы взялись скрытно работать. Потому что сразу после «свободы»[1] наших, революционно настроенных, стали хватать. Сначала хотели забирать приезжих. Вот «Лешего» хотели арестовать, но он успел скрыться. Еще человек шесть таких же уехало. Они ребята были ловкие. Они нас все предупреждали:

— Смотрите! Это свобода фальшивая...

Уехали они, а мы продолжали работу.

На Большой Рудянской потихоньку печатали прокламации. Там наша тайная типография находилась. Стоял небольшой станок. И наборщики и печатники были из своих ребят. Устин Копытцев про эту типографию знал, а больше не знал никто. В тайне держали шибко. Аккуратно было работано.

---

[1] Имеется в виду манифест 17 октября 1905 г., в котором обещаны были политические свободы.

Свежие прокламации Устин приносил домой и поручал мне их раздавать. Не один я — нас целый кружок был. Мне, другому, третьему даст... Приходилось так: лепили по ночам на колодцы, оставляли в казарме при Медном руднике, раздавали в забоях. Была при Медном водоотливная камера, в которой ночью собирались рабочие из мокрых забоев. Им полагалось работать только полсмены, но до утра не ходила клеть. Там вот они и дожидались утра. Мы с ними беседовали, читали революционные книжки. Скажешь:

— Вот больно интересная книжка!

Читали «Манифест Николая Кровавого», выпущенный нашей тагильской организацией РСДРП.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАНИФЕСТ

Мы, милостью нагаек, пушек и пулеметов, Николай Вторый и последний, данник Японский, покоритель Московский, Прибалтийский, Кавказский, Сибирский, укротитель Саратовский, Тамбовский, Севастопольский, палач Польский, клятвопреступник Финляндский и проч. и проч., преступления совершивший, объявляем всем нашим маловерным подданным:

В непрестанном попечении о нуждах народных и в целях теснейшего единения нашего с возлюбленным народом нашим, признали мы за благо в каждую деревню взамен урядников назначить свиты нашей генерал-адъютантов, с подобающим окладом. Ввиду недостатка в означенных генералах, в виде временной меры, повелеваем производить в сей чин всякого околоточного, организовавшего черную сотню и устроившего погром. Потребные для сего суммы, за пустотой казны нашей, повелели мы нашему министру финансов, по укоренившемуся обычаю, занять за границей.

К крайнему нашему прискорбию злонамеренным лицам удалось доказать заграничным банкирам, что мы с августейшим домом нашим и двора нашего приближенными разворовали все золото и по менили его ничего нестоящими бумажками. С другой стороны, доселе покорный воле нашей мужик не токмо отказался голодать и содержать любовниц наших и чиновников, но, слушаясь злых подговоров нелюбезных сердцу нашему крамольных забастовщиков-рабочих, стал захватывать помещичьи и наши собственные земли и изгонять излюбленных наших дворян из поместий, а нас с августейшим домом и вовсе из России.

Все сии прискорбные обстоятельства вынудили нас учинить расправу, именуемую Государственной думой, дабы оная дума удержала нас на троне, помещиков же наших в имениях, а мужиков в голоде и кабале, крамольных же забастовщиков вовсе уничтожила. Для участия в выборах всего населения повелеваем тащить избирателей на веревочке, подстегивая нагайкой, а для вящшей свободы выборов на оных присутствовать шпионам и полиции с таким расчетом, чтобы угодные народу, но не угодные нам

кандидаты беззамедлительно отправлялись в тюрьму, буде же по обстоятельствам дела понадобится, и в места, не столь отдаленные. При этом считаем своим священным долгом объявить нашим легковерным подданным, дабы они не тщилися провести в нашу думу своих представителей, поелику последние к полицейско-жандармскому званию не принадлежат.

Объявляя о таковом нашем неуклонном решении, предлагаем нашему корпусу жандармов передать монаршее благоволение кадетам [1], а по миновании в них надобности засадить оных в тюрьму, утешая скорой амнистией.

Дан в Царском селе в лето от рождества христова тысяча девятьсот шестое, царствование же наше последнее.

На подлинном подписал: Николай Вторый.

Рукой народа добавлено: и последний.

Н.-Тагильская группа Екатеринбургского комитета РС-ДРП

С жаждой прямо все слушали:

— Ведь вот оно дело-то как?!

Удивлялись. Сперва спорили: царь, мол, этого не знает! Это его плохие начальники...

— А вот, извольте — 9 января! Расстреляли рабочих, нагайками исстегали за то, что к царю с иконами шли. Вот так не знает!

— Это, говорят, все студенты народ бунтуют...

Волновались. Злоба копилась. В эту пору многие рабочие люди переходили на нашу сторону и вступали в партию. Вот Прохорова Дмитрия возьми — он сейчас директором где-то. Наш меднорудянский мужик. Я в аккурат его тогда уговаривал. Мы ему доверились. За Прохоровым пошло много других рабочих. Он пользовался уважением.

А попы и смотрители продолжали все сваливать на студентов. Наши тагильские рабочие слышат: «Студенты, студенты» — заинтересовались. Когда в 1906 году мы устраивали массовку на Голом камне, то, чтобы привлечь побольше рабочих, сказали:

— Студент придет!

Все собрались, ждали. Но он надел не свою одежду форменную, а такую же рабочую одежду, как мы. Никто и не замечал его. А как вышел он, говорить начал, тут все рты и разинули. У нас таких говорков не было.

После разговаривали между собой:

— Вот, говорили, студент виноват. Ведь это наилучший человек значит, раз в лесу говорит с нами? Какая ему корысть?

После этого даже темные рабочие бросили торговцам и попам верить.

---

[1] Кадеты — конституционно-демократическая партия. Кадеты выражали интересы буржуазии.

Оплетин Евгений Павлович

Когда я был еще малолетком, отец рассказывал мне про крепостное право. Рассказывал, как бабушку стегали.

Были тогда люди — назывались «свободолюбивцы». Просто шли они против крепостного права. Собирались и толковали, что как бы, дескать, нам нужно вольность, а крепостного права не надо. Потихоньку, ясно уж собирались по домам как-нибудь. Под видом компании соберутся как будто выпить, а сами толкуют про свое дело. Робили они в Тагильском заводе. Дедушка мой принимал тут участие. Он был подьячим[1], деньги выдавал для рабочих. Потому он так легко и отделался.

Когда начальство про них узнало, деда в конторе давай стегать. А по бабушку домой пришли. Намочили юбку и семь раз стегнули, будь довольна.

Так отец мне рассказывал.

Верно это много повлияло, что он рассказывал. Скорее меня толкнуло на мысль вступить в партию. А я в большевистской партии с 1905 года. Подпольный работник. Рассказы отца натолкнули меня на мысль встать за свободу рабочего класса. Умер отец 72 лет, в 1905 году.

Я работал в 1904 году в Майкопе на заводе. Познакомился там с одним студентом. Просто по случайности, надо сказать, сошлись. Ну, он мне и стал так тихонечко задавать вопрос:

— Что такое косвенный налог?

Я ничего не понимал. Он мне конечно объяснил. С этого и начались у нас с ним разговоры. Стал он говорить сначала на экономической почве. Потом на политическую перешел:

— Что Николай-то у нас сидит? Надо его вышибить!

Я было маленько приосердился даже:

— Рази можно?! Ведь царь-батюшка!

Воспитанье-то како было?!.

А потом, когда он мне разъяснил, что такое Николай да министры, да все, я убедился:

— Верно. Нужно их вышибить...

Студент этот был административно-высланный.

У нас там кружок организовался из 4 человек. Студент узнал, что я тагильский, и говорит:

— Тебе здесь нечего делать. Поезжай в Тагил, отыщи там Телышкова и работайте.

Я сюда в 1905 году и приехал, в январе месяце. В первых числах января 1905 года.

---

[1] Подъячий — здесь в смысле служащий, приказчик.

Телышкова увидал в механическом. Он был рабочий-разметчик. Говорю:

— Так и так, познакомился с таким-то...

На второй же день я попал на собрание. Собирались в доме Гагарина, по Напольной улице. Хозяин робил в доменном цехе. Вот перво и угадал я к нему. Мы с Телышковым вместе пошли. После работы. Двор был заперт, постучались. Во дворе стоял человек, сам хозяин. Сейчас же спросил:

— Хто?

Телышков отвечает:

— Голову проломили!

Тот открыл, мы вошли. Прошли прямо в избу. Там сидели уже товарищи: Петров, Шамин Александр, который тогда скрывался, Добродеев, Евдокимов Николай (его потом расстреляли). Человек шесть их было. Потом-то подходили еще. И вот, когда пришел Панкратов, под кличкой «Сибиряк», то открыли собрание. Он и доклад делал. Говорил, как мы должны готовиться провести забастовку, как агитировать на заводе.

После — прения. Кто, дескать, возражает:

— Невозможно этого сделать...

Большинство товарищей высказалось за забастовку. Проголосовали.

Мне выпало в литейном вести подготовку, меднорудным — на руднике, выйским — у себя.

Разошлись ночью уже. Расходились по одному и по двое, незаметно. Не торопились домой. Шибко интересно ведь было...

И споры бывали. Тут собиралися вместе с нашими и меньшевики, может по-первости, и эсеры. А мне понравилась сразу наша большевистская партия. Вступил в нее тут же, как с Телышковым повидался.

Ведь с рассказом отца явилось во мне какое-то мщение, просто злость к богатеям. Как они живут, как блаженствуют, как угнетают нас... Просто мстить мне им надо было. Старался я встать на эту точку. Торопился к новой жизни притти...

Условились сойтись вновь через три дня у Добродеева на Гальянке. Пароль установили.

...В подполье мне приходилось встречаться с товарищем Андреем — Яковом Михайловичем Свердловым. Ходил он всегда в очках. Бородки у него тогда не было, только усы небольшие были.

Он и на квартире бывал у меня по заводской дороге у Кузнецова в доме. Как-то раз в Екатеринбург ему надо было ехать, и вот он ко мне зашел. Казначеем-то состоял у нас

тогда Муренев, но его не оказалось дома. А ехать было срочно необходимо.

Вечером он стукнул мне в окно.

— Кто там?

— Свой...

Я вышел, впустил его. На нем была коротенькая серенькая поддевка, пальто серого цвета. На ногах сапоги. На голове фуражка с молотками. Вошел и говорит:

— Мне денег надо. Вот какая штука. Был у Муренева, да не застал его.

Денег и у меня как раз не было. Послал жену к хозяевам, пятерку заняли, передали ему.

— Я, говорит, еду в Екатеринбург!

Вышел на улицу, и больше я его не видал.

Это было в 1905 году осенью, когда я с ним в последний раз виделся.

А вот летом 1905 года он был у нас на массовке, которая состоялась у речки Вязовки в конце августа, где теперь площадка Тагилстроя.

Дня за два мы начали сообщать тем товарищам, которых крепко знали и считали надежными, что вечером с субботы на воскресенье будет массовка. Местом самого собрания назначили полянку у Шоринской выработки. Там раньше был прииск, золото добывали, а после все поросло ивняком, глушь стала.

Место это выбрали потому, что к нему со всех сторон можно подойти незаметно. Первочастным можно итти с Белой глины по Салдинской дороге. Из центра тоже незаметно через Рыбаковскую будку, там тогда вересовник был. Выйские могли итти через Красный камень и по Вогульской улице.

Сходиться начали — как водится, — кто будто за грибами, кто за чем. Один старичок, Михаил Афанасьич Шляпников, даже с уздой пошел, будто лошадь в лесу искать. По тропиночкам были расставлены патрули. Тоже кто с корзинкой, кто с палочкой, кто с чем. И похаживали взад-вперед, известно — часовые...

Я шел 3-й Никольской улицей. Пересек железнодорожную линию и вересовником добрался до патруля. Патруль стоял с вицей и перевязанной рукой, да и патруль-то знакомый — Афанасий Баженов из механического. Сказал я ему пароль, он ответил:

— Дальше иди!

Я сразу прошел на место, на эту лужайку посреди ивняка. Ясный хороший день стоял. Собираться начали часов с трех. Когда я пришел, там уже ждало человек десять. Кто сидел, кто лежал, кто в кустах притаился.

Я подошел к Телышкову. Стали разговаривать. Жена тоже со мной. Там как раз тоже сидел с женой Евграф Кузнецов из нашего цеха. Жены между собой разговорились.

Тут люди уже подходили грудно. Так что собралось скоро человек до полсотни. Заводские рабочие, интеллигенция тоже. Петров — студент был, Лущенко — конторский служащий, Горшков — из управления, Левицкая — учительница. Из рабочих, я помню, были два брата Муреневы, Шамкин с Пермской железной дороги, Николай Евдокимов с медеплавильного и еще много других.

Петров объявил митинг открытым. Начал первый сам говорить:

— Товарищи! Довольно уж нам терпеть. Оттерпелись. Давайте как-нибудь организованно будем браться за дело! Ведь не напрасно наш лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Тут все придвинулись ближе. Рабочие тут подошли, которые прямо после смены пришли с завода грязные. Все слушали. Он говорил недолго. Призывал теснее наладить подпольную организацию. Помню, называл царя «Николай второй и последний». Какой Петров партии был — не знаю. Кончил он. Еще выступали ораторы: и эсеры, и меньшевики, и большевики. Спорили между собой о политике. И вот выступает один оратор под кличкой «Андрей». Я тогда его впервые увидел. Он тут же сидел все время с самого начала в сторонке. Молчал и слушал, что говорилось. Все время сидел, молчал.

Наконец он вскочил, говорит:

— Слова!

Председатель был как раз Телышков. Отвечает:

— Пожалуйста!

И Андрей стал говорить. Я помню его слова, как сейчас:

— Некоторые выступающие товарищи идут не по тому пути. Такой соглашательской политикой, чтобы кротко итти, такой тихой политикой ни к чему не придешь...

Начал он нам указывать:

— Нужно власть захватить в свои руки. Нужно свергнуть царскую власть, бороться с буржуями!

Тут некоторые заговорили:

— Попробуйте бороться с капиталом?!

Он ответил прямо:

— Будем бороться — победим и капитал. Не страшен и капитал нам.

Голос у него густой такой был, сильный. Он не шибко громко говорил, но всем слышно было. Одним словом, все было очень понятно.

Он лучше всех говорил на этой массовке. Красноречивости всего больше было в нем и находчивости. Стойкий был большевик, бодрый...

Стала тишина. Все слушали Андрея с таким со вниманием. С тех пор у меня и пошло самосознание настоящее.

Рабочим речь Андрея очень понравилась. Они переговаривались между собой:

— Правильно!

— Эта партия нам по пути будет...

— Эта партия наша. Надо только скорее организоваться.

А интеллигенция охала:

— Вон чего захотели? Захватить все!

Когда он кончил, было уже темненько, смеркалось. И только он успел кончить, как патруль наш донес, что в лесу появились люди.

Тут же прибегает другой патруль.

— Чего делать? Это «рыжий» опять переоделся. Я признал его...

«Рыжий» — это был здесь жандарм очень приметливый, борода во какая!

Здоровый, коренастый такой был, красный. Хоть когда и брил бороду — все равно его узнавали.

Что делать?

Андрей говорит:

— Мы будем продолжать свою работу. А надо кого-нибудь послать узнать хорошенько, что это там за люди.

Так и сделали. Выбрали старичка этого Шляпникова, который с уздой пришел, наказали ему:

— Иди-ка, Миша, распознай, кто это там бродит? Ежели там чего опасное, ты уж не ворачивайся сюда или вернись крадче...

Пошел он по лесу, его те люди остановили:

— Ты куда ходил?

— Я, говорит, лошадь ищу третий день. Ушла у меня лошадь с покоса...

А она у него и, правда, ушла.

— Не врешь?

— Справьтесь, идите...

— Не видал никого в лесу? Никаких людей?

— Нет, никого не видал и не встречал никого...

Они его отпустили, а он обошел кругом и возвратился к нам с другого конца.

Рассказал, что их было пятеро во главе с рыжим жандармом, которого он знал.

— Когда, говорит, я пошел, они тихонько разговаривали между собой.

— Нам ничего одним не сделать. Только бы узнать, кто там есть...

Ну, мы тут обсоветовались немного и решили, чтобы никому не итти домой. Как Андрей сказал, так и продолжали работу. Всю ночь до утра потихоньку обсуждали свои задачи.

Утром послали того же старичка на разведку. Только светать начало. Он вернулся и сказал, что в лесу никого нет. Тогда мы стали постепенно расходиться в разные стороны. По-хорошему возвратились домой.

Козьмин Федор Данилович

В начале 1906 года вода была из шахт откачена, рабочие стали собираться на рудник, но администрация принимала по выбору. Администрация желала принимать тех рабочих, которые были более послушны, которые не совсем охотно участвовали в забастовке. Однако народ настоял на своем, чтобы принимать всех, кто работал до забастовки. Так было и сделано.

Опять пошли наши подпольные работы. В 1905 году на разные собрания ходили открыто, говорили свободно, а тут стало хуже. Полиция начала вылавливать более выдающихся товарищей. Но под руководством партии на Медном революционная работа продолжалась. Была основана библиотека, в которой имелось до трех тысяч книг. Главная задача этой библиотеки — распространять нелегальную литературу, хранившуюся на руках у товарищей, а не в библиотеке. Эта литература передавалась из рук в руки, и библиотека была только ширмой от администрации Медного и полиции.

Летом 1906 года администрация сделала попытку отнять у нас гарантированную поденщину в восемьдесят копеек, завоеванную еще в 1889 году, и восстановить старые порядки.

Но не тут-то было. Рабочие уже нахватались кое-чего. Вспыхнула забастовка. Бастовали не более недели и снова отвоевали свои восемьдесят копеек за день. Все работы, как подземные, так и верховые, перешли на восьмичасовой рабочий день. Добились мы того, что по выходе из шахты прекратили обыск рабочих. Получили и еще некоторые свободы. Тут заступил управителем на рудник Степан Иванович Драге, который повысил цены на работу в забоях и увеличил заработки рабочих. Но это было временно. Цель тут преследовалась такая, чтобы узнать, сколько может человек сработать, а потом сбавить ему заработную плату, принимая во внимание новую его выработку. Так и получилось.

Баранов Илья Гаврилович

В 1906 году весной мы собрались в доме Устина Копытцева на Гальянке для выборов делегатов на Екатеринбургскую партийную конференцию. Собралось нас 30 человек. Из большевиков, помню, присутствовали: Копытцев, Добродеев, Акинтьев, я и другие. Из меньшевиков были: Губин Александр и Серебряков Фока, остальных не помню. К сожалению фамилии выбранных делегатов не помню.

Пока в избе шли споры и выборы, тагильские опричники рыскали по Гальянке, искали нас.

Я и Акинтьев поочередно стояли на карауле. Вдруг слышим — едут. Я предупредил всех, чтобы притихли, а сам стал осторожно смотреть. Вижу, из Хлопотова переулка выехал отряд казаков с исправником во главе. Исправник слез с лошади, подошел к нашему окошку, послушал. Товарищи затаились. Окна были изнутри занавешены половиками. Он ничего не услышал, вскочил на лошадь.

Возвращаясь, они послали впереди себя лошадь, запряженную в угольный короб. В коробе спряталось несколько казаков.

Они хотели захватить нас врасплох, но и эту махинацию мы раскрыли, и опять я предупредил товарищей.

Выборы делегатов закончились к пяти часам утра.

Пылаев Иван Михайлович

Я вернулся в Тагил в начале шестого года. Заступил на завод. Вскоре сделалась забастовка с запросом восьмичасового дня. Мартен не работал долго. Нас вышибли, я работал у арендаторов мелких рудников до 1907 года. Потом меня приняли ломщиком на Железный.

Работая на заводе, я познакомился с подпольным движением. Участвовал в собраниях у Борисова и Добродеева.

Ломщики только в казармах поговаривали, что надо, мол, к меднорудянцам примкнуть, но поддерживать не поддерживали. Я большей частью в одиночку ходил от ломщиков на собрания.

Масленников Дмитрий Иванович

Я учился в то время во втором классе на Балагуровке. Клопишком был. Как сейчас вижу: черноусый дяденька «Андрей», машинка небольшая — гектограф, — работает на ней сам...

Аршинный ящик с книгами и машинкой этой всегда стоял у нас под кроватью, у отца моего Ивана Порфирыча. Собрания в подполье под домом производились. В неделю бывало и по два раза. Народу сходилось человек по пятнадцать, по двадцать. В ночное время. Приходили по одному и патруль ставили вокруг дома, в огороде, везде.

Это было в 1905 году, в декабре месяце, а может быть — в начале 1906 года. Мы жили на Александровской улице. От нас через два дома у соседа Елесина Алексеича тоже по ночам собирались.

Однажды на другой день после собрания отец работал с обеда, а мать на речку белье полоскать уехала. Дома я один оставался. Выглянул за ворота и увидел полицию у соседа Елесина. Окружили дом и взошли. Участвовал в полиции Федька Колесников. Он главарем был.

Я — во двор к себе и заперся кругом. Стал делать яму в снегу за баней. Выкопал яму — давай вытаскивать этот ящик. С трудом выперстил его из избы. И все же таки схоронил его в яму. Револьвер отцов завернул в полотенце и полез под сенки. Пол у нас в сенях был закованный на гвозди. Только собаке пролезть да мне, маленькому. Положил там револьвер. Вылез и стал подметать во дворе.

Стучатся в ворота.

— Кто тут?

— Мальчик, говорят, открой!

Я им в ответ:

— Нет! Мама уехала на речку, дома никого нету. Пускать не велено.

Он упрашивает меня, Колесников Федька.

В аккурат едет мама с речки. Проехала дом Елесина. У нее и слезы покатились из глаз, как видит, что у нас под окном полиция. Подъехала к воротам, стучится и подает голос мне:

— Сынок, открой!

Я открыл ворота, и они все взошли в дом. Обыскивать. Бились они долго, все перерыли-перекидали, на сарае сено поразбросали у нас, а найти ничего не могли... Ни с чем отъехали.

И вот отец пришел с работы вечером, часов около девяти. Мать ему объясняет:

— У нас были с обыском. Все перерыли-перебросали.

А он говорит:

— Нашли чего? Нет?

Мать:

— Ничего не нашли.

Он спрашивает:

— А кто убрал ящик с книгами и револьвер с полатей?

Мать ему и говорит:

— Спрашивай у своего варнака. Я на речке была, ничего не знаю.

А я молчу. Отец стал спрашивать меня:

— Сынок, ты куда девал?

Я ему рассказал, что ящик закопал в снег, след замел метлой, а револьвер под сенками на завалинке.

Все это хранилось дней семь. Собрались снова. У Добродеева Ивана Яковлевича. Приехали ночью к нам, разбудили меня и отрыли ящик с книгами.

Васильев Петр Антонович

Мне примерно было лет шесть или семь, не больше. Отец работал забойщиком в Медном руднике. Мы жили, где и сейчас живем, на Гальянке, по улице Балагуровке в своем доме.

Отец по вечерам куда-то все ходил. После работы оденется и куда-то уйдет. А когда дома, он по целым ночам просиживал, книги читал. Мать проснется:

— Ты все еще сидишь?

Когда ему приходилось работать с утра, он так, не смыкая глаз, оденется и — на работу. Один вечер он матери говорит:

— Сегодня к нам придут, у нас соберутся!

Ну конечно, значит прибрали свою квартирку, ожидаем под вечер.

Мать спрашивает:

— А кто придет?

— Ну, товарищи вот, куда я хожу. Не всегда в одном месте собираться: как крадче.

Пришли они. Сначала пришли рабочие. Так человек шесть, не больше: я вот одного только помню. Это был Андриан Зимарев, горняк. Партизан. Помер после гражданской войны. Другие — наши же рабочие были, горняки, но кто, не помню. А этот — сосед, недалеко жил от нас.

Через некоторое время пришли три незнакомых.

Отец их встретил, вошли в избу. А, ожидая их, говорили все:

— Сегодня придет Андрей!

Как взошли — поздоровались, сбросили пальто, сели. Это было в зимнее время. Минутку спустя говорить стали. И больше всех говорил вот этот, который пришел в черном пальто, Андрей.

...И начали беседовать. Конечно я-то только рот разинул, слушал, не понимал ничего. Все смотрел на Андрея...

Я сидел на полу в избе. Перед тем, как открывать собрание, Андрей спросил:

— А это чей мальчик?

Отец говорит:

— Мой.

И начали беседовать. Конечно я-то только рот разинул, слушал, не понимал ничего. Все смотрел на Андрея.

Он с виду был бритый, чернобровый, усики черные. Красивый такой. Как сейчас, впился мне в глаза. Тонколицый, с черными волосами, улыбка всегда пробегала на лице. Черноглазый, живой такой. Он все доказывал, пояснял. Я ушел в кухню к матери, а они все продолжали. Часов до двух ночи. Потом отец запряг лошадь и свез их к Муравьеву на Вые. Такая же квартира была конспиративная, как у нас.

Не помню, через какое время, а только они еще собирались у нас два раза. Вот этот Андрей приезжал и еще трое с ним. И отец туда к Муравьеву захаживал не раз. После забастовки 1905 года отцу отказали циркулярно от всех девяти заводов Демидова. Он выбранный был. Его вызвал управляющий и говорит:

— Если тебе надо что, так за себя и проси. А что ты за всех просишь? Мы тебе хорошее место дали бы...

Но отец не согласился. Пришлось ему уехать на работу в Сибирь. Там он пять лет пробыл.

Потом как-то уж отец говорил с матерью:

— Ты думаешь, это имя «Андрей»? Это кличка. Он — Свердлов по фамилии.

Так мне пришлось в детстве видеть Якова Михайловича Свердлова.

Реакция

Баранов Илья Гаврилович

В конце 1906 года пошли аресты. Но мы духом не пали. Собрались мы опять на пустошь, там за Гальянкой, кто поактивнее. Говорили:

— Дела идут! Там есть ребята из других мест. Всюду идет работа, не покидать ее нужно...

В то время нагаечка гуляла по спинам всюду. Вскоре у нас в Тагиле тоже казаки с нагайками появились. Но это было уже в 1907—1908 годах. В 1907 году Добродеев очень был активным. Он даже сумел казаков привлечь, раздавал им прокламации. И его за это арестовали в начале 1908 года. Тут-то ингушей и нагнали. Видят, что казаки становятся ненадежны.

Потом он бежал из тюрьмы, скрывался. Его снова арестовали и посадили в Николаевку. Я его видел там одинова на свидании. Меня арестовали в 1908 году в феврале месяце.

Перед арестом моим был такой случай. Я шел с собрания. Лунная ночь была. В феврале месяце, в первых числах. Так что в час ли, в двенадцать ли... Кажись я и шел от Копытцева от Устина. Недалеко от моего дому увеселительная какая-то компания пировала. Свадьбёшка, что ли, была. В доме Нефедова. Вышивали, веселились. Играли в гармошку. У ворот один знакомый стоял:

— Зайди, Баранов!

Немного я там побыл. Входит кто-то:

— Баранов, выйди-ка! Тебя там надо на улице.

Дом по проулку был. На улице на перекрестке, вижу, еще человек стоит.

— Пойдем туда!

Только подхожу — меня по голове чем-то стукнули:

— Вот тебе, потрепанный оратор!

Поленом ли, чем ли. Из памяти сразу вышибли. Я и не крикнул.

Дома я уж очнулся. Весь был, как чурка, избитый. Топтали, видно, и колотили. Ран не было. Я две недели шевельнуться не мог. Глаза, как щелочки, стали, башка вздулась. Они избили меня да испугались, что мужики в избе меня хватятся. Они своей шкурой подорожились. Мужики потом говорили мне:

— Мы бы их убили за тебя, Баранов!

Так они меня притащили к калитке к дому моему. Бросили, сами утекли. Жена под окошком в избе сидела, меня ждала. Что такое, видит? Неужто пьяного принесли? Я ведь вина не пил, и под руки меня не важивали. Видит — прошли, на руках пронесли кого-то. А калитка не стукнула. Надо посмотреть, что такое? Отворила калитку, а я лежу весь избитый. Не посмотри она, мог бы замерзнуть я. Она сестру скричала — втащили меня вдвоем. Две недели я не работал.

На другой день пришла соседка, Ляпцева Александра:

— Иди, Баранов, заявляй приставу. Я пойду свидетелем. Я видела. Топтал тебя Посолилкин.

Вот жена запрягла чужую лошадь. Своей-то у меня не бывало — и повезла меня к Боре Попову, приставу. Доложили ему, что хулиганы избили, чуть не убили.

— Чей он?

— Баранов, говорит...

— У-у-у! Жалко, что не убили! С собрания, видно, шел?

Я понял, в чем дело, и поехал домой.

Дня три ли, четыре ли проробил после выздоровления. Еще не сошли синяки с лица, как меня арестовали.

Оплетин Евгений Павлович

Дело было в доме Осокиной по Синицыной улице, что на задах у почты.

Осенней ночью 1907 года мы с женой только что вернулись откуда-то и еще не легли спать. В дверь сеней постучали. Я спрашиваю:

— Кто тут?

— Я...

Это был Александр Шамин, рабочий-железнодорожник на Пермской дороге. Он состоял в большевистской партийной организации в нашей ячейке. Он был арестован, сбежал и пришел ко мне. Высокий, совсем молодой парень, худой такой, в простых сапогах, в курточке. Лицо у него было очень усталое. Я спросил его.

— Ты чего?

— Пусти, говорит, немного пожить...

— Пожалуйста!

И он у меня остался жить. Вечером куда-нибудь сходит, а днем опять сидит дома. То ночевать придет, то день его нет, то два, то опять показался.

Потом я его как-то спросил:

— А домой-то пошто не идешь? К отцу?

— Мне, говорит, домой нельзя. Меня преследуют...

... Была у меня одна знакомая. Жена урядника Рогожина. Однажды днем она прошла мимо нашего окна и моргнула мне. А мы с женой сидели, чай пили. Как она маякнула мне, я выскочил и за ней пошел. Завернулись за угол. Я спрашиваю:

— Ты чего?

— А ты, дружок, оказывается, политикой занимаешься?

Я говорю:

— Ничего подобного!

— Мне Петр сказал (урядник значит).

— Врет он, ничего он не знает...

— Ну, врет не врет, а в час ночи будет обыск у вас. Вот!

Я сразу заметил, что она говорит правду. Пошел прямо к Муреневу, где у нас помещался комитет, в первой Введенской улице. Хозяйский сын Павел, большевик, наш товарищ, был казначеем комитета. На заводе у нас же в литейной робил, а из-за работы помаленьку сапожничал, глаза отводил просто. Мастерская у него в задней избе была, и он всегда там сидел. Сходит куда-нибудь, чаю попьет и опять там.

Вхожу я к нему, а у него сидят два товарища: Баженов и Худояров. В кружке не состояли они, но мы их не боялись. Надежные ребята-то были.

Я вошел так спокойно. Вызвал его, Павла:

— Мне тебя по секрету надо.

Когда он приблизился, я объяснил тихонько:

— Вот какая штука. Сегодня обыск, говорят, будут делать.

— А как ты узнал?

— Вот от кого. Ты знаешь.

Ну, он говорит:

— Дремать не станем. Придется убирать все, что есть.

А у него были списки всех, кто платил деньги. Еще разные брошюрки были и дела комитета. Все тут у него как у казначея и было.

Говорю ему:

— Так ты убирайся, а я дальше пойду.

А он просит:

— Зайди на рынок, отыщи брата Сашку и посылай сюда.

Младший брат Александр биржевал у них, извозчиком был.

Я нашел Александра на бирже на углу у дома Колодкина, наказал ему:

— Немедленно поезжай домой. Тебя Паше нужно!

Он поехал, а я пошел в квартиру к себе. Как раз у меня Шамин сидит. Я предупреждаю его:

— Саша! Дело-то дрянно: ночью обыск у нас будет. Придется тебе уйти.

— А вот стемнеет — уйду!

Я побежал тогда в Банную улицу в дом Коноплева, где проживала на квартире моя сестра. Там печатались листовки. Работал некто — товарищ Еремеев. Я предостерег и его:

— Товарищ Еремеев! Дело-то вот какого рода. Наверное и здесь будет обыск. Придется тебе кое-чего прибрать. Ты приготовь все, а я сейчас схожу к Мураневым, они заедут и увезут.

Так и сделали. У Мураневых уж лошадь перепряжена была из пролетки в короб. Я им напомнил все-таки:

— К Коноплеву-то, к сестре-то моей заезжайте, листовки возьмите!

— А как же! Ты ступай теперь домой, свое дело правь, а мы все это устроим.

Когда я пришел домой, Шамина у меня уже не было. Я стал тоже прибирать кое-чего. Брошюры, листовки разные утопил палкой в уборной, а палку в огород бросил. Потом вошел в комнату и говорю жене:

— Теперь спокойно. За двор-то мы не отвечаем, потому что не одни тут живем. Уборная во дворе стоит.

На стол в передний угол перед иконами мы положили евангелие, все честь честью. Посидели, поужинали, легли спать. Ночью к нам как раз и приехали. Не приехали даже — пешком пришли. Сплю — слышу забарсили в дверь, в сенях затопотали.

— Кто тут?

— Отворяй! Полиция.

Ну, я сразу и отворил. Раз, мол, требуют так строго, так как иначе? Они вошли. Во главе шел пристав Горох. Не знаю уж, настоящая его фамилия это была или кличка, но только его так звали. С ним жандарм, урядник Рогожин и полицейских трое. Всего их шесть человек было, да двое еще во дворе стояло.

Одеты они были в вольных одеждах, под которыми виднелись револьверы и мундиры. Как вошли они, Горох говорит:

— Вот собаки! Раскопай-ка вот их попробуй? Вплоть живут, а не знаешь!

Горох-то в соседях у меня жил, на задах.

Ну, давай делать обыск. Все везде перерыли: и в печи и в чулане. На вышку уж не полезли, потому что вышка у нас общая с хозяевами. Сундуки, кровать — все растрепали и подушками о пол шлепали, но так ничего и не нашли.

Горох евангелие взял со стола, с усмешкой говорит:

— Будто молится!

А я отвечаю:

— Как же, говорю, не молюсь?! Ведь я православный. И молюсь и читаю евангелие. Все вместе.

Они с собой привели хозяйку дома как понятую. Хозяйка тоже за нас вступилась:

— Они люди хорошие, никуда не ходят, я, ровно, не замечала...

Тут Горох со своей полицией и жандармами пошел из дому. На прощанье кто-то из них сказал:

— Тут наверное все скутано уж было, схоронено. Ну, да все равно мы найдем. Не здесь, так хоть где отыщем...

Ушли. В эту же ночь обыск был у Муреневых и у моей сестры. Но нигде ничего не оказалось найдено.

Еремеева я после того не видел. Вся литература наша была увезена на покос, как после стало известно. А Шамин уже зимой был взят полицией и заморожен в холодной.

Баранов Илья Гаврилович

Как будто бы это случилось в 1907 году. Решено было провести маевку. Местом избрали Голый камень. Вопрос стоял о летней работе и выгодах экономической забастовки. Нужно или не нужно бастовать нам нынешним летом.

Сколько возможно, рабочим было объявлено, что будет маевка на Голом камне.

Погода выдалась хорошая. День чистый и ясный. Солнечный. Потянулись люди на Голый камень со всех сторон Тагила по ниточке. По одному, по два человека потекли. Ползут, видать. Там один ползет, тут — двое. Собралось на западном склоне горы народу около четырехсот человек. А на самый камень был выставлен наблюдатель.

Больше всего явилось горняков, заводские частью были и несколько человек из местной интеллигенции. Были и из Екатеринбурга люди. Наши оделись, как обыкновенно рабочие. «Демократия» была в шляпах, в тонких ботинках. Женщины их в шляпках с перьями, как тогда велась мода.

Полянка там обширная на склоне горы. Кто как расположился: кто в сидячем, кто в лежачем положении. На бочку лежали. Некоторое время поджидали, когда люди подтянутся. Пели, разговаривали. Было радостное настроение, думали, что нас никто не видит, забрались, мол, на самые небеса, а нам всех видно.

И вот вышел оратор из Екатеринбурга годов двадцати пяти, студент, в черном пальто, в черной шляпе. Черная сатиновая рубашка с белой пуговкой на воротнике на косо-

воротке. Это примета у нас была. Раз пуговка есть — значит наш.

Впоследствии жандармерия узнала нашу примету, и стоило какому-нибудь парню простому надеть черную рубашку с верхней пуговкой перламутровой, как его хватали. Бывали такие случаи.

После короткой вступительной речи оратора наблюдатель заметил отряд конной полиции. Лошадей в пятьдесят. Отряд скакал по направлению к нам по Висимскому тракту. Мимо старого могильника на Ключах. Там поперечная дорога есть. Они хотели ее перехватить, но не успели. Участники массовки быстро рассыпались по лесу, вниз к речке Лебе, под склон. Некоторые шляпы поостановили на месте, когда закричали «полиция». Особенно женщины. Пух из шляп летит. Густой сосняк-то. Когда пробиваться приходилось — только перья сыпались.

Часть товарищей ушла на Горбуново и под вечер вышла на Гальянку. Обошлось благополучно, безнаказанно. Другие возвращались одиночками, парами. А некоторые имели по куску хлеба с собой и ночевали в лесу. На другой день пришли.

А в 1907 не то в 1908 году собрались однажды в овине. Шла последняя неделя поста. Как сейчас помню, в четверг угадали. Между Гальянкой и Горбуновым пашни раньше существовали. Теперь там огород — совхоз Тагилстроя. Тогда для сушки овса овины устраивались. Среди поля стоят четыре стены с вырубленным окном. Внутри имеется редкий настил из жердья. Аршина на полтора вышины. Ставится железная печка внизу. Снопы-то туда кладут на настил, овин топят, они просыхают. А сверху крыша деревянная.

Одно окно там. Оно и дверь и все. Снопы, чтобы затаскивать. Стены копченые изнутри, загорелые, черные. Овин, вроде как баня черная. Сажи-то нет, а дымом прокопчено все. Собрались мы туда. Свечек не покупать — у каждого горняка свечи свои, казенные. Из-за этого мы не страдали.

Человек тридцать наверное нас собралось тогда в это место. В аккурат вечером в то время, когда 12 евангелий читают. Меньше наблюденья: молятся все. Более надежный момент. Степан Коровин Дорофеич был. Он теперь на мартене. Добродеев был там покойный, Копытцев, Елесин, Сыроегин Иван Иванович.

Собрались, толковали по поводу тактики. Чувствовали себя, что будто все большевики. Не подозревали ничего. А тут часть меньшевиков к нам затесалась. Человека четыре.

Вопрос встал об отчислении от заработка на приобретение оружия. Получились возражения со стороны меньшевиков. Возражали они, как сейчас помню:

— Вы со своей тактикой и себя погубите и рабочие массы.

Алексеев Василий выступил резко против них. Он сказал:

— Мы не собираемся губить ни себя, ни рабочие массы. А вот таких «сторонников», как вы, и сейчас из овина выкидаем.

Поднялся шум. И кто-то повидимому из них, находящийся у окна, закричал:

— Со стороны Тагила слышен конский топот!

— Полиция наверно!

С крику огни погасили, стали все выскакивать из окна, разбегаться в разные стороны. На дворе была распутица, грязь. Каждый остановится, прислушивается: верно, шлепают. И дальше бежать. Один от другого!

Мы со Степаном Прохоровым выскочили, бросились прямо в сторону Тагила. Отбежав немного, прислушались. Слышно, шлепотки-то во всех сторонах, то ли полиция, то ли нет. Ледок еще был, с грязцой-то шлепат. Благополучно добрались до Тагила. Никого не встретили. Заключили потом, что это было провоцирование со стороны противившихся.

Другие кружки собирались в нежилых домах по проработке популярной истории России. Для каждого занятия подыскивалось обязательно новое место.

Вопросы организационного характера — приобретение литературы, оружия — выносились на конспиративные массовки с расстановленными патрулями.

Пылаева Маремьяна Ерофеевна

Сколько богатства в доме управителя Квятковского было. Ой, и жили, и жили хорошо. Музыка играла почти всю ночь, песни, пляски. Самая была блаженская жизнь, роскошь в доме была. Мы, дураки, этим чужим богатством гордились.

Где живешь?

В доме управителя, в услужении.

А что толку-то? От всей этой роскоши у нас ноги пухли. На одном боку уснешь, на одном и проснешься. Целую ночь и не приснится ничего.

Так два года прожила я в управительском доме... Жила я у них и видела все их мошенства, видела, откуда роскошь берется. На руднике четыре подрядчика было, и все ходили

к управителю, на стол пакетики клали. Придет подрядчик, рожа, что самовар, борода, что лес дремучий. Барыня тоненько так скажет: «Проводи, Маремьянушка, в столовую». Жилось, бывало, подрядчикам! Они ближе к начальству были, взятки давали, поблажки получали. А бедный прибежит без шапки, в ноги кланяется — «прибавьте, барин, полтину на замер». Даром ходит, понапрасну просит. Тому прибавят, от кого интерес видят.

Призывает меня как-то барин Василий Константинович Квятковский и говорит:

— Поди, Маремьяна, поживи у жандармского полковника.

Жандармского полковника я знала, с нашими господами он дружбу вел. Имя его было Александр Вячеславич фон Берг. Знала я, что недавно женился полковник на молоденькой, к Квятковским с визитом приезжал.

— Как я пойду,— отвечаю Квятковскому.— Готовить, как повара, не умею.

— Ты, говорит, грамотная, барыня молоденькая, много требовать не будет, купите поварную книжку, ну по книжке вдвоем и справитесь.

Командовали тогда нашей сестрой, как и при крепостном праве. Обещал барин приятелю своему полковнику отпустить меня к ним, и уж воли моей не было отказываться — послали жить к полковнику.

Пришел за мной жандарм, повел к полковнику. Выходит полковник — он был годов сорока — под ручку со своей дамочкой. Женился он на Ольге Константиновне Душиной, на богачке, ясно. Жандармский полковник, он простую не возьмет. Он куда поедет, так за ним стражи сколько едут, верховые.

Посмотрел на меня полковник.

— Ты, говорит, солдатка блондинка?

— Кака блондинка? — я и не знала, что за слово такое.

— Одним словом, ты солдатка, что у управителя Квятковского живешь?

— Я буду.

— Пойдешь к нам служить?

— Пойду, только мало готовить могу.

— А что можешь? Расскажи.

Рассказала я.

— Ну, нам больше ничего и не нужно.

В одно время много мужиков к нам с рудника взято было. А мужички-то были мне знакомы.

Тогда совершались политические дела, и мужиков по доказу за политику брали.

Сидят мужики в кухне на диване, фонари в руках дер-

жат, сидят, как мертвые. Их вводят по одному в канцелярию, жандармы возле дверей слушают, а я готовлю и смотрю на мужиков. Знать охота мне, за что их взяли, а и слова ни сказать, ни спросить нельзя, — жандармы смотрят. Ну, думаю я в свое время все вызнаю. Было их человек восемь, все с Гальянки. Душа у меня болит — знакомые все, которы подружек моих мужья, знаю, что политические дела вели с зятем моим Алексеем Порфировичем Масленниковым.

Спросила я у барыни:

— По какой это причине, барыня, мужиков берут допрашивать?

Барыня засмеялась и говорит:

— Это секрет.

Очень охота мне было узнать, в чем дело. Ну, думаю, я с Ефим Федоровичем, вахмистром старым, который все дела бариновы кончает, договорюсь.

Самые секретные дела он вместе с барином разрешал. Только он один и сидел с полковником за одним столом. Каждый день все бумаги разбирали. Грудь у вахмистра была вся в медалях. Стала я его спрашивать.

— Ефим Федорович, скажите пожалуйста, что с мужиками арестованными сделают? Меня все бабы спрашивают, ревут. Все мне знакомые, подруги.

— Их услали сейчас, а потом на суд пригонят.

Да где там! Врал мне вахмистр. Совсем кончили все с мужичками. Так и не видели их больше, и куда делись — никто и не знает по сию пору.

Тогда не знала я, что врет вахмистр, что мужиков уже нету.

Спрашиваю его.

— А за что взяли мужиков, скажите, Ефим Федорович, пожалуйста, будьте добры? Я барину не скажу.

— А вот как было, — говорит он, — они в работе ругали царя и бога. Бог-то их сам будет судить, а за царя они посажены.

Как дозналась я, что взяли мужиков за политику, побежала к зятю моему, рассказала ему, какая переборка у нас вышла, что Добродеева, дружка его, не видать им больше, сколько людей пострадало. Говорю ему:

— Скрывайся, Алексей, книги, каки есть понадежнее, припрячь. Если и докажут на тебя, да ничего не найдут, ничего и не будет тебе!

Предупредила кое-кого еще, про кого знала, поосторожнее чтоб были. Сказала матушке, чтоб за Митькой — Митька мой брат родной тоже был в политике — приглядывала. Ну, она шибко испугалась, все и пожгла.

Так тогда больше никого и не взяли — народ уже предупрежденный был.

Потом прибирала я как-то в комнатах. Попала мне на глаза книжка одна, вижу, на шкафу лежит, а у самой все мысли про мужиков из головы не идут. Подумала: может в этой книжке какие бумажки про наших гальянских позабыты, утащила книжку.

Никого в доме не было. Открыла я книгу, бумажек в ней не было, и начала я ее читать. Испуг меня взял — такая там правда была написана, будто про мою жизнь, про все несправедливости, что я испытала: там и про церковь, и про царя, и про богачей. Так мне все это в душу пало. Злость во мне была. Попало мне в голову, как я всю жизнь под нажимом жила. Начиталась я до самых потемок. Три дня крадче читала. Читала я в книжке и про исповедь, как попы все вызнают, если важное что, и полиции доносят. Решила: не пойду больше на исповедь. А дело как раз шло великим постом, и у нас барин с барыней назначали: таку-то неделю говеет кучер, таку — стряпка и так далее. Вот и спрашивает меня вахмистр:

— Вы когда на исповедь пойдете?

— Не пойду, — отвечаю.

— Как же так, не пойдете? Да разве можно?

— У меня, — отвечаю ему, — всякие грехи есть. У меня может такие тяжкие грехи есть, что и знать их никому не следует. А как поп про то барину скажет, возьмут меня, как тех мужиков.

— Ты, Маремьяна, эти разговоры брось. Как ты про священника можешь такое мыслить, есть телесные врачи, а он врач душевный. Тайны никому не выяснит.

Говорит это вахмистр, а сам на меня во все глаза смотрит.

— Вот вы называетесь, — режу ему, — тайная полиция, а потом возьмете, все и выясните.

И тут стала я ему говорить, что несправедливое правительство. Все, что наболело, все обиды и все это из книги той, что прочитала подбираю. Я ему такие вопросы задаю, что он и руки опустил, смотрит на меня:

— Ай, ай, ай, и где все это ты наслышалась? Кто это у вас в родне политический? Ты мне все доложи. Если не скажешь, скажу начальнику. Пойдем с обыском по всем твоим родным. Не могла ты все это от себя выдумать.

Начал со мной говорить сначала вежливо, ласково, а потом по-серьезному, угрожать начал.

Вижу, дело плохо. Не только меня возьмут, а и зятя моего Алексея Порфировича Масленникова и брата Дмитрия, что с зятем вместе политикой занимались. И говорю тогда вахмистру.

— Ошибка-то ваша, Ефим Федорович. Вы виноваты, что знаю я все это и верю во все это, как в святую правду божию. Начиталась я из вашей книги. Вы не оставляйте в другой раз книжки. Такие книжки прятать надо — кто ни прочтет, каждый увидит, что правда в них написана.

Показываю ему книгу. Он испугался:

— Ой, ой. Правда твоя. Как это я так забыл про книжку.

Побежал с ключами, запер.

Так он барину ничего и не сказал, раз за ним промашка была.

Баранов Илья Гаврилович

Этого я никогда не забуду. Врезалось мне в память пребывание в Николаевской туринской тюрьме. Я был арестован в 1908 году в январе месяце за подпольную работу и направлен одиночным в ручных кандалах под усиленным конвоем в Николаевскую тюрьму. Жандармы очень боялись побега. Как раз недавно сбежал один политический.

До станции Кушва направили поездом, а от Кушвы — на лошадях. При выезде из Кушвы навстречу нам шел какой-то пьяный, который, не доходя до нас, запнулся и упал. Жандармы, подумав, что здесь кроется какой-то подвох, избили нагайками неизвестного пьяного человека. Дорога до Николаевки пролетела незаметно. Только подъезжаешь к следующему перегону, а там уже ждут готовые лошади. Все 90 верст даже не дали обогреться.

По прибытии в Николаевку меня сразу раздели донага. Старший надзиратель от ненависти заскрипел зубами и шипящим голосом произнес:

— Не носишь креста? Жаль, что не попал раньше к нам, а то бы давно спустили шкуру!

В годы реакции часто применялось избиение политических.

После приемки меня направили в одиночку. Через небольшой промежуток времени ко мне кто-то начал стучать в стену. Но я не знал тюремной азбуки, не мог понять стуков и не ответил.

В одиночке я просидел две недели. Время тянулось мучительно. Ежедневно утром и вечером поверка, во время которой полагалось стоять на вытяжку, как солдат. Днем ложиться не разрешалось. Кормили полусырым хлебом, гнилой рыбой и теплым пойлом, именуемым «чай». Прогулка полагалась 30 минут в сутки. Но даже и на прогулках не удавалось видеть своих товарищей. Хитрая механика тюрьмы

Илья Баранов (крайний справа) с товарищами в ссылке в Вологодской губернии

перетасовывала прогулки камер таким образом, что не представлялось возможности встретиться.

Чтения никакого не полагалось кроме «божественных» книг.

Через две недели я был переведен в общую камеру, и потекла такая же однообразная жизнь с той разницей, что теперь были товарищи и одиночество не угнетало.

За малейшее отступление от правил — карцер под названием «могила». В карцер садили, сняв с тебя все, на ноги давали только лапти. Карцер — это каменный мешок под землей. В нем сыро, темно, ни сесть, ни лечь. После суточного пребывания в карцере человек становился неузнаваемым.

В то время Николаевская тюрьма усиленно охранялась ингушами и казаками.

Из пребывания в тюрьме мне особенно помнится ночь, когда повесили десять революционеров. С вечера все камеры были предупреждены о том, чтобы к волчкам[1] не подходить, в противном случае в нас будут стрелять. Через товарищей,

[1] Отверстие в двери для наблюдения за заключенными.

знавших тюремную азбуку, стало известно, что готовится расправа с десятью товарищами.

Томительно тянулось время. В камере было тихо и жутко. В двенадцать часов послышался шум, стук открываемых дверей. Смертников повели по коридору. Один из них крикнул:

— Товарищи, прощ...

Докончить ему не удалось, послышался удар и шум от падения тела.

Гнусную роль палача выполнял некто Помазкин, приговоренный к каторжным работам на 20 лет за то, что вырезал целую семью. Но и этот зверь смог повесить только восьмерых. Остальных двух повесил надзиратель.

Это мы узнали уже позднее...

Второй случай припоминаю такой. Один товарищ при попытке к бегству был ранен в ногу. Через некоторое время его стали выводить на прогулку, но раненая нога мешала ходить, и он больше сидел. Однажды старший надзиратель внезапно застал его сидящим и приказал встать.

Раненая нога помешала товарищу выполнить приказ быстро. Тогда старший размахнулся, ударил заключенного по лицу. Тот не стерпел и ответил тем же. За это его стегали розгами.

Но несмотря на все преследования мы, политзаключенные, всеми мерами боролись за свои права.

Однажды в виде протеста против сырого хлеба, плохой одежды и короткой прогулки мы вздумали объявить голодовку. После трех дней голодовки все условия наши были приняты.

После шестимесячного тюремного заключения я был послан в Вологодскую губернию в ссылку на два года. Направили меня поездом вместе с товарищами через Пермь. На этапах нас ожидали грязь, ругань, избиение.

С Котласа нас пешим этапом погнали в Сольвычегодск. Во время следования мы себя чувствовали свободно, но, не доходя верст пятнадцать до Сольвычегодска, нас встретил урядник — рыжий детина, настоящий держиморда, и с ним несколько полицейских. Он сразу же грубо окрикнул нас:

— Стройся, собаки, а то перепорю!

Тут же его ударом была сбита с ног женщина — наш товарищ. Пришлось везти ее на лошади.

При входе в Сольвычегодск один из политических крикнул встречавшим нас местным политическим ссыльным:

— Здравствуйте, товарищи!

За это он был немедленно сшиблен ударом приклада.

Шуточки Ковылова

Пылаев Иван Михайлович

После 1905 года шатался по Железному руднику Кузьма Васильевич Ковылов, который шуточками говорил много революционного. Он был будто бы высланный за политику интеллигент. Это я от него самого слыхал. Или с Кавказа или с юга откуда-то. Тут его все жалели. Когда хлеба поднесешь, когда рюмку. Всех просмеивал: и кадетов, и эсеров, и меньшевиков за то, что только обещать — обещали, а ничего не добились. Пустоговорки были. А пуще всего не любил он полицию и царя. Сколь принимал побоев за это...

Носов Иван Романович

Кузьма Васильевич Ковылов с борта выработки взывает к горнякам, указывая в сторону начальства:

— Рабочие! Смотрите! Это ваш рудник. Чего они светлые пуговицы понадевали. Это ваши приказчики!

— Рабочие! Дойдет время — ни одной лошади в руднике не останется. Машины будут робить. На покос и по дрова на машинах будете ездить!

— Га-га-га! — дружным хохотом отвечают ему подрядчики.

Если в эту минуту мимо проезжает Бурдаков, то Кузьма Васильевич во всеуслышание восклицает:

— Евгений Смарагдыч! Грабитель Медного рудника!

— Как вы сказали?

— Правитель Медного рудника!

Пылаев Иван Михайлович

Сидим раз на железной дороге. Девчонки подбирают камешки. Солнце печет... Вдруг идут: Смарагдыч и другие. Кузьма Васильевич встал эк-вот посреди дороги, указывает им на девчонок:

— Смотрите! Рабочие дети камешки собирают, а ваши жены подолы подымают...

...Рваный, бывало, ходит. А соломенная шляпа большая.

Здесь была портерная или кабак. Холостяжничали тут. Приходит как-то Кузьма Васильевич голодный, холодный. Разговорились насчет царя. Он хватает портрет царя, рвет напополам. Кондрашка подхватил.

Приходит в чужой дом. Пьяный. Висит икона, Николай-угодник, святой всемирный.

— Ты не святой всемирный, а мошенник всемирный!

Грубо это конечно, а и на том спасибо! Действовало.

Коровин Кузьма Дорофеевич

Он идет по руднику. Бегут экскурсанты-горнозаводцы.

— Вы куда?

А они:

— Ха-ха! Хи-хи!

— Все продажные твари будете со светлыми пуговицами! Такие же мошенники будете!

Боровых Михаил Фомич

Обыкновенно он носил очки. Приходит в контору. Там в переднем углу образ Иисуса Христа висел. А под образом сидит за столом Иван Николаич Зубакин. Как увидит Ковылова, в лице весь изменится, задрожит. Очень его боялся. А тот повернется задом, очки таким вот порядком на затылок наденет:

— Хр-р-рм!

Иван Николаич сидит, дрожит. Зубы эк-вот стучат: в-в-в-в... ввв...

— Хр-р-рм! Ворона! Пиши ордер на два рубля!

— В-в-вы знаете, с кем говорите. В-в-в-в... Я помощник смотрителя...

— А я помощник (пальцем на икону) спасителя!

Борьба продолжается

Козьмин Федор Данилович

В 1907 году стали сбавлять заработную плату, стали затягать расчеты. Не рассчитывали людей по три, по четыре месяца. Потом стали рассчитывать талонами. Напишут в конторе рудника талон на известную сумму, и иди с ним к любому торгашу, покупай, что угодно. Он выкладывает тебе залежалый товар, зная, что ты все возьмешь. А то бывало и так: встанет в дверях магазина и спрашивает у рабочего:

— Что, с талоном, поди? Куплю по 20 копеек за рубль. Получай деньги!

Дело сделано, талон продан, деньги получены...

— Эх, зайти с горя выпить!..

Вот и пропита вся заработка, а семейство голодуй...

Торгаши два раза в месяц ходили в управление и получали сполна по этим талонам деньги.

Партийные кружки работали, подготовляя забастовку. Летом 1908 года забастовка и началась, но мы не надеялись на свои силы, и пришлось притти к соглашению с администрацией, чтобы рассчитывали наполовину деньгами, а наполовину разными товарами.

Рабочим приходилось хитрить, получали деньги обманом. Кто на «свадьбу», кто на «похороны».

Пойдешь, бывало, к попу:

— Напиши, батя, записку, что у меня покойник! Дашь ему, бывало, рубль, и готово дело.

...Так шло до 1909 года.

В это время администрация рудника разделила рабочих на «сынков» и «пасынков». Одни зарабатывали от 1 рубля до 1 рубля 50 копеек в день, а другие от 50 копеек до гарантированной платы — 80 копеек.

Партийная организация работала скрытно. В комитете были Борисов, Копытцев. А мы очень прислушивались к ним. Исполнители были.

Под руководством подпольного большевистского кружка основалась касса взаимопомощи, организовалось нелегальное страховое общество от огня и от падежа скота, а перед империалистической войной — больничная касса.

Расчеты все еще производились с затяжкой. Тогда рабочие написали петицию, и я поехал в Государственную думу.

Благо, что у меня там был знакомый уралец, большевик, член Государственной думы Николай Максимович Егоров, который внес нашу петицию на рассмотрение Думы.

Однако разбирать нашу петицию не торопились. Положили в долгий ящик, вопрос признали неспешным. Мы пошли к министру торговли и промышленности Тимирязеву. Наше дело разбирали в присутствии директора Горного департамента Коновалова.

Мною доложены были все обстоятельства и просьбы рабочих рудника, а моим товарищем Евдокимовым — то же от Выйского медноплавительного завода. Тимирязев ответил:

— Медь ваша продается в убыток, у помещика денег нет, а субсидии мы ему более не дадим, он и так много должен. Потому и задерживаются расчеты.

Мы говорили:

— Отдайте в наше распоряжение рудник и завод, дайте нам субсидию, мы вам докажем, какой «убыток» от наших предприятий Демидову!..

Тимирязев обещал:

— Не успеете приехать домой, как такое распоряжение будет дано!

Но по приезде домой мы узнали, что никакого распоряжения не было, да и не могло быть. Не такое время было.

Тут наши рабочие еще более поняли, что на царскую власть и на милость заводчиков надеяться нечего. Мы принялись основывать союз горнорабочих. Отпала вся покорность рабочих администрации, не стали шапок ломать перед начальством. Заработок пошел выше рубля.

Рудничным администраторам была не по нутру такая наша работа. Сено и дрова возить им никто не стал. Телят и цыплят и рыбы никто не носил. Тогда администрация остановила рудник на три дня. Собрали рабочих. Мы согласились работать, но с тем условием, чтобы в кухне была пища такая-то и такая-то, чтобы не порочить людей, не обыскивать их, заработок чтобы был, как писано, не меньше восьмидесяти копеек, чтобы наш человек ходил в каждой смене, расценки ставил.

Так проработали до 1 мая 1911 года. За это время администрация стала нарушать условия этого договора, который был у нас заключен на весь 1911 год. Мы снова забастовали, но уже не стихийно, а более подготовленно. Бастовали целых три месяца. Эта забастовка оказалась для нас неудачной. Администрация объявила локаут.

Рудник был закрыт. Рабочих на рудник не пускали. Во все концы администрация послала агентов для найма рабочих. Набрали на Луньевских копях татар, настроили для

них в руднике деревянных бараков. Татары жили в них, не выходя за ограду рудника, боясь старых рабочих.

А царская полиция работала. Меня как руководителя и зачинщика целого ряда стачек осудили заочно к высылке в Архангельскую губернию без срока. Но я сумел убежать на Дальний Восток, где и находился до 1918 года.

Панников Григорий Федорович

Выписок по восемь было, что не отдавали денег. Дадут талоны, и иди, куда знаешь. В рынке купцы их брали. Уткин брал, даже мясники некоторые брали. Залежалый товар выпустить имя надо. Приходишь. У тебя талон на десять-пятнадцать рублей.

— Талоны берете?

— На сколь у тебя?

— Рублей на пятнадцать...

— Э-э! Тебе муки, поди, надо? Бери конфетов, вот этой разной бакалеи...

Всячины тут возьмешь... Потом просишь — сватаешься:

— Дай мешок муки...

Он наконец даст мешок. Ну, а на остатки — рублей 5—10— чего глаза глядят. Товар залежалый надо столкнуть ему...

Продолжалась эта талонная писка, бумажная волокита, около года. Денег все не было. Придет рабочий к управителю, шапку снимет:

— Василь Константиныч! Дай денег...

Разно говорили: у кого бабушка померла, у кого корова сдохла, у кого печь провалилась. Кто как сумел.

Денег понемножку давали. Так держали народ, чтобы шибко не отощать ему. С год тянулось.

Год этот нам памятный. Бывало, просишь:

— Выдай денег!

— Ребята! Вот Салдинскую дорогу[1] продадим — будут деньги...

Потом стали говорить:

— Дом в Петербурге продадим — деньги будут!

Вроде как насмешка над народом.

А то вот наша рабочая насмешка.

Раньше ходили по миру. И вот нищий на себя навешивал мешок с лямкой. И насбирывал, сколько мог. Вот тут и произвели к этому, что Демидов прожился, превратился в нищего, народ рассчитывать ему нечем.

[1] Ветка чернозаводской железной дороги между Салдой и Тагилом, принадлежавшая Демидову.

Дескать, мы тебе поможем!

На площади у завода памятник Демидову был. Мешок с куском хлеба ему на шею повешали да три копейки денег спустили. «Положили бы больше, да выписки давно не было». Повесили мешок ночью. А утром народ пошел... Беда! Заводское начальство насилу сняло. Тут что было-то! Смехуто... Срамота!

Титов Андриан Филиппович

Возмутились мы просто-напросто, как заработок не выдавали в 1908 году. Бросили работу и пошли всей массой к Спижарному в управление. Которые на улице к нам примкнули. Одним словом, полная прихожая и на ступеньях еще народ.

Были мы растравлены до того, что хотели управляющего прямо в мешок спрятать, как земского начальника. Настроения такие были.

Не забыли, что Спижарный обманул нас в пятом году. Ведь он был как оратор, участвовал на собраниях и митингах, ходил и к Мурину и на Голом камню бывал. Агитировал, что, мол, надо делать подъем революции, всякие штуки такие. А потом оказался управляющим девяти заводов и стал очень даже прижимать людей. С целью просто своего шкурничества.

При нем талоны были введены. И так ничтожный заработок был, а выписку, расчет — месяца два ли, три ли не давали. Народ поднищетел страшно. Прямо напросто сделали забастовку, не пошли робить. Не пошли с утра, не пошли с обеда, и ночные не пошли. Все три смены собрались на Медный и отправились толпой по Старобазарной через Тагильский завод к главной конторе. Толковали одно, что нужно чего-то делать. Не дадут выписки — будем контомить, как земского начальника. Сдавнем и в мешок.

Мы молодые были. Я в ту пору только в гору спустился.

Вызвали его. Вызывали долго. Он долго не выходил. То ли сговаривался, то ли чего.

Сейчас, как войдешь, ступеньки-то чугунные, подымешься во второй этаж по ступенькам — в аккурат тут была его комната, стеклянная дверь.

Мы все были на ступеньках. А туда нас не пускали. Стояли швейцары эти. Вплоть-то не допускали. А допустили бы вплоть — сочинилось бы это. Не будем говорить, что десятки людей, а сотни тут были. Всех касалося это, всего Медного рудника.

Памятник Н. Н. Демидову, на который рабочие падали нищенскую сумму

Когда он вышел, стали требовать выписку, ту задолженность, которая была за ними. Бурно кричали.

Кто сзади кричит, кто спереди. Конечно спереди вежливо говорили. Шумят:

— Давай выписки!

Он уговаривал:

— Идите работать, выписки отдадим.

Макся Ярунич конечно был сильно растравлен и хотел как бы подхватить его. Ну, ему не дали. Мои же слова были:

— Предатель! Был с нами, а очутился тама и стал жать нас!

И те ребята кричали, которые по горам с нами ходили, участвовали на собраниях.

Он в дверях стоял. Даже не выходил на площадку. Бритый. В цветном каком-то костюме.

Ну, конечно тушевался он тут.. Потому что видит тех людей, которые с ним были в 1905 году.

Поговорили и разошлися. Большинство не пошло робить, пока не отдали выписку.

Все-таки выдержали...

Огороды

Приходько Николай Зиновьевич

Почему такой широкий размах приняла разработка огородов?

Тут мартит был, красная руда. Ее нет нигде на Урале, а у Демидова она была. Ну и у нас была по ключевским огородам. Они работались медленно, огороды, так до 1909 года. В силу они вступили уже в 1909 году. Тогда Верхисетский завод только что открыл мартен. Тут вскоре Коношка Бурашников с Манушкой Коровиным робить огороды и стали. К ним примазался Коншин Петруха.

Раньше-то сдавали руду из огородов Демидову по 2½ копейки пуд. А Коншин нашел тропу в Исетский завод и начал получать по 6 копеек за пуд. Хозяева-то и радовались. Бойкий мужик был этот Коншин, такая птица... На том коне только и сидел, как бы что выиграть. Все, мол, так начинается: с маленькой головки до большой дойдет.

Его звали «Настичем», что от девки родился. Назови-ка его, попробуй, в глаза «Настичем»! Он-те покажет! Он — «Максимыч»...

Начали робить, где жили, у себя на усадьбе. Против столовой, там яма теперь с водой. Тут широкая улица была тогда, оба порядка[1] были.

Потом уж стали у других скупать огороды. Курочкин Кирилла Федорыч, он задаром отдал Манушке Коровину. За пятьсот ли, чего ли, вот так отдал. Вот тогда уж конкуренция стала. Появились скупщики: Стрижев, а потом Горяев. Многие мужики им за грош свою землю отдали:

— Сто рублей ты возьми, да вот тебе пай по полкопейки с пуда. Тысячу пудов выробишь — 5 рублей получаешь.

Сейчас нотариальный документ. Можно бы мужикам и самим робить. Да по первости не знали, куда обратиться.

Краснобаев Александр Иванович

С 1906 года начались работы в огородах жителей по Большой Рудянской улице. Тут народилось много всяких подрядчиков-арендаторов: Треуховы, Горяев, компания — Коровин,

[1] Порядок — ряд домов.

Груздев, Малков и т. д. Руда идет вовсю на заводы. Пошла конкуренция. Кто покупает руду дороже, тому и продают ее. Многие горняки уходят с рудника работать «на огороды». И тут не обходится без мошенничества. Вместо руды отправляют пустую породу. Вот Ангенов Кирилл даже красит обыкновенные камни красной глиной и продает их по три копейки за пуд, как мартит.

А рудовоз Козьма Пылаев возит руду скупщику Горяеву, перекупая ее у граждан. Кладет руды на воз пудов 70—75 — у него было две хороших лошади — и продает ее по четыре копейки за пуд, а продавцу говорит, что воз потянул только пятьдесят пудов, и расплачивается с продавцом по три копейки за пуд. Чтобы подделка не обнаружилась при взвешивании, он заставляет лошадь задним копытом наступать на весы...

Люди бросаются к красным отвалам Железного рудника, копают и собирают руду или просто камни. Все уходит, лишь бы было черное или красное, — Горяев покупает по три копейки за пуд.

На руднике рабочие начинают убывать, потому что, набирая руду из отвалов и продавая ее Горяеву, он, рабочий, заработает больше, чем обыкновенной поденщиной. А главное — придет он или совсем не придет — ему никто не укажет.

Начальство Железного рудника догадалось, что дело идет неладно. На участках стал появляться старший дозорный Андрей Ефимович с толстой нагайкой, он расшугивает всех, как голубей, но когда начальство удаляется, рабочие опять приходят работать на отвалах. Андрей Ефимович приезжает ежедневно по нескольку раз. Он отбирает ведра, в которых таскают руду, отбирает кайла, лопаты и т. д. и своей нагайкой хлещет рабочих.

Тогда рабочие начали ставить своего товарища на караул. Только он увидит дозорного — сейчас же скричит рабочим: «Объездной едет!» Все рабочие бегут с отвалов рудника в огороды. Там они уже не боятся дозорного.

Так продолжалось до революции 1917 года.

Сморчок

Боровых Михаил Фомич

Обеденный перерыв. Паленье[1] у нас идет. Я исполняю должность технического надсмотрщика. У наблюдательной будки, у извоза Граневой выработки, стою. Паленье уже начато...

По дороге прямо ко мне, к наблюдательной будке, идут двое. Брюки больно узки на нем. Одет в белую пару, с тросточкой в руке, сам черный на вид, нос горбом. А она в белом платье, в шляпе большой с пером, платье коротко-коротко, сумка на ней через плечо. Видно, тут папиросы были.

Выдернет одну, закроет. Папиросы большие, «баронские» называются, с длинным мундштуком. Она этак на сторону: пых-пых!

Я значит сразу говорю:

— Разрешите вас остановить. Здесь во время паленья нельзя быть. Надо на это иметь особое разрешение от смотрителя...

— А вы, — говорит он, — идите, принесите мне разрешение.

— Мне с поста уйти нельзя.

— Хм!..

Переглянулись, повернулись и пошли. Так вот, до конторы не дошли несколько сажен — Климов уж выскочил. Ему, видно, сказали. Не бывало у нас, чтобы Александр Палыч кому выходил навстречу. А тут выскочил, вот так вот кланяется, шляпу сымат, потом подошел — ручку принял.

Я думаю: это каки-нибудь климовские знакомые. Климов остановил паленье шпуров, пошел с ними в выработку работы осматривать...

Народ бежит:

— Фомич! Демидова видал?

— Где?

— Да вон где, с женой в выработке ходит.

— А я его не пустил, едри его мать! Хоть посмотреть как следоват. «Мешок с деньгами». А маленький, махонький. Тощой. Не больше меня никак. Не упитанный, ничего. Сморчок.

---

[1] Взрывы скважин.

Васильев Александр Григорьевич

С 1912 года я находился на службе в качестве мелкого служащего в геологическом отделе управления заводами Демидова.

По 1914 год я раза два видел магната заводов Элима Демидова с его женой.

Хорошо помню одно посещение этой парой геологического отдела, помещавшегося тогда в верхнем этаже здания конторы Нижнетагильского завода.

Комната, в которой я занимался вместе с заведующим разведками и счетоводом, была проходной в кабинет геолога, поэтому каждый новый посетитель, желающий видеть геолога, спрашивал нас, как его найти.

С таким же вопросом обратилась к нам однажды чета Демидовых, проходя медленно через нашу комнату и рассматривая картины с видами Тагила, висевшие на стенах.

«Сам» Демидов, мужчина среднего роста, неопределенных лет, очень смуглый или загорелый, бритый, с носом, напоминающим клюв хищной птицы, с сигарой в зубах, с дорогой палкой в руке, просто, но со вкусом одетый, производил впечатление уроженца Балканского полуострова.

Жена Демидова, дочь Воронцова, наместника кавказского, женщина средних лет, выделялась ростом — на полголовы, если не на целую голову выше мужа. Подробности время изгладило. Осталось в памяти: тонкая и высокая, как жердь, и в очень коротком платье.

В это посещение Демидов интересовался разведками.

После общего обзора состояния разведок на горе Высокой геолог стал доказывать необходимость увеличения средств для расширения алмазного бурения.

Демидов ответил классической фразой, характерной для большинства владельцев уральских заводов и месторождений:

— А я думаю, что все ваши дырочки на Высокой лишние. На наш век руды хватит!

Потом добавил:

— К чему на это тратить деньги?

Очевидно эта фраза была сказана не в шутку — ежегодные кредиты на разведочные работы были донельзя малы.

Федюнин Илларион Гаврилович

Между Большой и Граневой была раньше неприступная сопка. Так что в квадрате сажен 20, вышина сажен 15. Порода — слитой камень рудный. Руда одна. Потому обой-

...А тут выскочил, вот так вот кланяется, шляпу сымат, потом подошел ручку принял...

дена она и осталась, что черным порохом не рвало ее. Но всю ее избили буры...

Это дело было, скажем, лет сорок тому назад. До белого пороху. Последний раз ее палили тогда.

Приехали гости, человек пять: Женец[1], из себя высокий, крупный, здоровый. Считался побочным братом Демидова. Не знаю, в какой войне ногу потерял, ходил на резиновой. С ним приехал Элим, ну а еще — кто их знает, какие гости...

Где теперь отроблена стена — перила были. Они на перила эти навалятся, смотрят в выработку. Шпуры уж приготовлены, заряжены там в сопке. Палельщик зажигает. У него веревочка из пакли свита, долго горит. Он ее продувает и запаливает шпуры. Прячется.

Потом хлопки друг за другом, дым, вылетает пламя. Хлопков тридцать... А они стоят наверху и смотрят. Им занятно.

[1] Жонесс.

Механизмы

Нехорошков Александр Осипович

Когда хозяин Демидов посетил нашу скважину, мы бурили на Шихане в поисках меди. Он явился в сопровождении каких-то иностранцев и сам был похож на иностранца. Организация производства его видимо совершенно не интересовала, ее он не знал. Зато его очень интересовала прибыль.

«Скважин не надо, медь надо!» говорил он нам, рабочим алмазной вышки. Этим он хотел сказать, что наш труд интересен ему лишь постольку, поскольку он может извлекать из него бешеные доходы путем эксплоатации медных месторождений, на которые тогда появился огромный спрос.

Если хозяин-капиталист Демидов смотрел на разработку природных богатств только глазами хищника, то и служащие его так же относились к разведкам. Вот хороший пример надувательской работы высокооплачивавшихся американских алмазников у нас в Тагиле.

Американцы бурили с погонной сажени, т. е. чем больше они за смену углубят свою скважину, тем больше их заработок. Когда алмазный станок бурит твердую породу, то он извлекает на поверхность «керн» — каменную палку той длины, какой глубины скважину прошел бур. Когда же бур проходит сквозь мягкие слои, то керна не получается.

Вот американцы, добывая, скажем, керн длиной в полсажени, ломали его на две части и записывали себе погонную сажень, как будто между двумя кусками ими же разломанного керна находилась мягкая порода. Так они обманывали геолога. Немудрено, что теперь мы не придаем значения их данным.

Епимахов Давыд Павлович

С 1907 по 1914 год Высокогорский рудник питался электроэнергией со станции Медного рудника от генератора мощностью в 100 киловатт. От этой станции в Большой выработке работал приводной насос с сорокасильным мотором, а в Граневой — компрессор производительностью пять кубометров воздуха в минуту при моторе мощностью в 50 лошадиных сил. Ею же обеспечивалось и электроосвещение рудника.

В 1913—1914 годах одновременно построили две подстанции: на Медном и на Железном рудниках. Мощность Высокогорской подстанции — 750 киловатт. Для ее питания с новой станции Нижнетагильского завода подводится силовая магистраль напряжением в 5 500 вольт. Ток трансформируется на рабочее напряжение в 550 вольт и вторым трансформатором — на освещение в 120 вольт.

В 1914 году с усилением подстанции в Большой выработке установили второй водоотливный центробежный насос «Нейман» производительностью 3 кубометра в минуту, мощностью мотора в 130 лошадиных сил.

В 1913 году начали постройку в Большой выработке наклонного подъемника № 1. Устройство бетонных площадок и фундаментов под устои эстакад велось под наблюдением управителя Медного рудника Бурдакова. Монтером был некто Петров, вновь приезжий, знакомый управляющего Спижарного.

Петров не был специалистом по этому делу. При изготовлении например фундамента для болтов нужны отверстия. Для этого обыкновенно замуровывают квадратные тонкостенные трубки из дерева, которые потом можно легко расколоть и вынуть. Петров вместо трубок приказал забетонировать целые деревянные бруски. Когда потребовалось их извлечь, пришлось выжигать их железными, нагретыми докрасна шомполами. На этой работе потеряли очень много времени.

Работа производилась зимой. Укладка бетонных площадок на наклонном пути происходила в тепляке. Когда бетонирование наверху было закончено, Петров решил тепляк целиком спустить вниз по уложенным рельсам. Угол уклона — 22 градуса. Для спуска тепляка Петров навесил на ручную лебедку пеньковый канат.

Растворов Константин Сидорович

Постройкой подъемника № 1 руководил Александр Петрович Петров, взбалмошный, сердитый и полуграмотный человек. Рабочие ненавидели его за придирки, за грубое обращение.

Дело было зимой. Для бетонирования площадок подъемника был сделан передвижной теплячный корпус длиной в сажень, шириной сажени в три. Он был построен из досок, между которыми навалили земли. Сверху, чтобы теплее было, тоже засыпали беляку.

Тепляк был очень тяжел. Когда закончили бетонировать вторую площадку, понадобилось переместить его уступом

ниже, на третью. Петров решил спустить его не разбирая.

Сзади тепляк привязали за веревки на три круга, чтобы полегоньку отпускать через балки. Спереди человек двадцать стали его тянуть за канат. С боков подшевельнули ломка́ми. Снежку еще подсыпали под него. А Петров сам командовал, стоя на нем наверху.

Под команду — «Раз-два, сильно!» — стали тащить книзу. Веревки лопнули назади, и корпус сам пошел. «Курьерским». Удержать его никто не мог. А Петров был на нем. Едет, кричит рабочим. Там конно-рабочие внизу были.

Конница вся врозь, в дым... Спасать его никто не подумал. Корпус раскатился на мерзлые беляки. Столб был такой из беляков. В их стену значит он и ударился. Рассыпался весь вдребезги. И завалило этого самого Петрова...

Рабочие были рады — одной собаки нет. Не любили его, беда, все рабочие. Вдруг, смотрим, через несколько минут вылезает.

Ах, язви тя в душу! Спасся.

Перед империалистической войной

Носов Иван Романович

В 1909 году кончаю я службу, возвращаюсь на родину. Вы думаете, сразу я попал на работу?

Прихожу на Медный, прошусь у Евгения Смарагдыча Бурдакова. Получаю ответ:

— Вам работы нет!

Иду на Железный рудник к Климову. Такой же получаю ответ:

— Работы нет...

Собралось нас, солдатни, человек десять. Айда к Спижарному, управляющему рудников и заводов. Приходим. К нему нас не допускают. Рекомендовались, что пришли из армии и хотим работать. Так и велели доложить швейцару, его придвернику. Швейцар доложил. Спижарный приказал написать заявление ото всех и войти подать одному. Написали. Ивойлов Александр с ним говорил. Получил ответ:

— Работы нет.

Что будешь делать? Некоторые из нас пошли кто куда. А я тут же написал и подал заявление Мазурину, старшему объездному тагило-кушвинских заводов и рудников. Мазурин принял меня в объездные на своей лошади на гору Благодать.

Прихожу домой. Стал говорить отцу, что здесь работы не дают: я, мол, выпросился в объездные на гору Благодать на лошади...

Но и у отца получил отказ:

— Если хочешь, работай на лошадях здесь.

Думаю: куда теперь кинуться? Служил-служил и работы не заслужил... Кое-как пристроился работать на перевозках из Тагила в Висимский завод. Проработал на лошадях зиму. К лету попал на Железный рудник.

Проработал лето. Перед зимой я разделился с отцом. Досталась на долю мне от отца опояска да одежа рабочая. Боле ничего. Хлеба ни куска. Да у отца-то только и было в обрез. Что поделаешь — нужно мириться.

На другой день на Железном руднике Климову заявляю: дескать, я работать на лошадях боле не буду. С отцом разделился. Хочу работать пешком.

На этот раз счастье мне улыбнулось. Видно, пришел я

в счастливую минуту. Климов меня принял, т. е. перевел в ломку. В ломке проработал немного. Александр Баранов предложил мне итти к нему на водоотлив подручным. Я пошел. Климов не поперечил.

Проработал месяца два — не поглянулось мне, что мал заработок. Стал проситься на погрузку вагонов. Климов не отпускал сначала. Я заявил:

— Заработок мал, а мне деньги нужны на пропитание...

Тогда он согласился.

Проработав на погрузке, я перешел снова в ломку и был там до 1914 года.

Баранов Илья Гаврилович

Я вернулся в Тагил к осени 1910 года. Пошел на Железный. Сразу не взяли на Медный-то меня. Проробил там год забойщиком. Приняли меня обратно на Медный рудник. Меня туда и тянуло, потому что там были революционные рабочие. Профсоюз организовался и все такое. Многих не досчитывались уже. Добродеев покойный был. Копытцев сидел с год, его выпустили. Борисов тоже сидел, но к моему приходу был тоже выпущен. Остальных не тронули. Тогда больше брали нетерпеливых, горячих, вроде меня. А кто потихоньку работал в подполье, тех полиция отыскивала с трудом.

В 1911 году на Медном началась забастовка. Тянулась она три месяца. Я был в числе одиннадцати зачинщиков — выборных.

Когда забастовка окончилась неудачей, нас всех, одиннадцать, уволили циркулярно с запрещением работать на демидовских рудниках и заводах. Везде бумажки были разосланы, чтобы таких-то ни в коем случае не принимать.

Как раз головка самая попала в число одиннадцати: Копытцев Устин и другие. Вот Федор Данилыч Козьмин в это число попал. Тогда же он после этого и сбежал. А я поступил работать к подрядчику Леонтию Карягину, шурину своему. Шесть лошадей у него робило на Железном. Он сказал:

— Ну уж иди, у меня работай!

Полчаса я проработал, не больше. Бежит Климов:

— Айда, Баранов, отсюда! Айда, айда, айда! Бросай кайло, еще меня из-за тебя арестуют!

Я ушел. Пришлось мне робить сначала за Екатеринбургом на Медном руднике. А потом, году в 1913, я поступил в товарищество «Рудокоп» к Александру Никитичу Губину,

бывшему секретарю социал-демократической организации, меньшевику. Эта артель скупала на Ключах огороды, руду, вела мелкие разработки. Здесь собрались и другие социал-демократы. Губин был в этом товариществе смотрителем. Работали мы отрядно. Приходилось зарабливать иногда побольше, чем зарабливали на Медном.

Но политически мы шли с Губиным вразрез. Своей дорогой мы шли. Он ведь меньшевик. Мы с ним все сражались, ему доказывали:

— Ты что нас эксплоатируешь? Разве ты этому нас учил?

Это бывало каждый раз, когда он несправедливую оплату нам выставлял. Я с ним тоже много шумел. Последнее время я был у него весовщиком и приемщиком. Приходишь к нему в квартиру. Как взойдешь, жена его говорит:

— Ну, сейчас будет крик...

Уж как мне он ни объяснял:

— Куда вы идете? Пустая ты голова! Буржуазия все-таки должна быть сохранена. Чего мы можем без их, такие пустые головы?

Он ярый меньшевик был. Стоял только за то, чтобы свергнуть самодержавие, а остальное все сохранить. И поповщину и буржуев.

А я с ним не соглашался. Хоть я и не мог так рассказать, как он, но говорил по-простому:

— Если власть, так наша рабочая. Только тогда и будет житься рабочему хорошо. Диктатура должна, мол, пролетариата быть в конце концов. Буржуев робить заставим. Что они, дармоеды, на нашей шее?

...Спорили шибко с ним. А жена его, Александра Терентьевна, сидит, смеется. Как я ловкое скажу что-нибудь, она ему:

— Вот как тебя Баранов!

Работа революционная продолжалась. Все время дело велось, не падало. Устин Копытцев объединял товарищей. А у нас библиотека работала, и литература подпольная по рукам раздавалась. Бывало, Копытцев скажет:

— Вот, ребята, денег на литературу надо.

Мы тут же давали.

Иногда приезжали товарищи из Екатеринбурга. Они так и знали квартиру Копытцева. Один раз даже питерский рабочий недели две жил у Устина. Его везли на суд из Николаевки в поезде. По дороге он выскочил из вагона и отшиб себе ноги. Раны были на ногах. До Тагила добрался и сразу к Копытцеву. Вот какая тогда была связь у большевиков.

Работали несмотря на гонения.

Моя обязанность все та же была: где побеседовать, где книжку всучить.

Уже собраний мы больше не созывали. А каждый вел, где мог, агитацию.

У Губина мы работали до самого свержения самодержавия. Всю германскую войну мы оставались у Губина, он нас освободил от призыва в армию. Ведь руду-то надо было, чтобы снаряды делать.

Хотя наша головка и была отделена от Медного рудника, все-таки влияние большевиков сильно сказывалось на медно-рудянцах. Масса рабочих нам сочувствовала и пособляла. Для товарищей, попавших в тюрьму, собирали по подписному листу деньги. Кто рубль, кто полтинник даст, а вместе много насбирали. Таким образом моей Степановне еще в 1908 году, когда я в тюрьме сидел, вручили шестьдесят рублей.

Империалистическая бойня

Бурков Александр Осипович

В 1914 году я сидел еще на школьной скамье, а в 1916 году пошел работать гонщиком в Большую выработку. Я помню вид рудника в империалистическую войну.

По длинному извозу тянулись бесконечные вереницы двуколок. Выработки были полны людьми. Хотя многих горняков и забрали на военную службу, но большинство осталось на руднике как на предприятии оборонного значения. Железный рудник работал лихорадочными скачками, обеспечивая сырье для производства снарядов. О вскрыше почти перестали думать. Руда была дорогая, и ее старались выцарапывать изо всех концов ямы, из всех уступов, где только можно. Уступы тогда все суживались и суживались. Появилось много всяких мелких заездов, небольших углублений, ямочек-закопушек.

Власть администрации очень усилилась. Ведь уволенные рабочие сейчас же попадали в солдаты и отправлялись на фронт. Климова стали бояться еще больше, чем прежде.

Мой отец, гонясь за заработком, посылал меня с лошадью после двенадцатичасовой работы развозить смотрителя Климова в город по разным компаниям. Пока Климов кутил, мне, голодному, приходилось ждать его на морозе. Сидишь, стынешь ночью, а сам думаешь, что и поспать будет некогда, скоро утро, на работу пора...

Климов разговаривал тычка́ми. Бывало, везешь его по улице, и если надо ему своротить направо, то он тыкал меня в правый бок, а если налево, то в левый бок. Если же надо было остановиться, то он дергал меня сзади, как дергают лошадь. Все это проделывалось без слов...

Носов Иван Романович

Здесь на руднике в германскую войну Климов вел себя так, как бывшие помещики вели себя с крепостными. Кого вздумает — оставит на работе, а кто не понравится ему — сейчас же направляет к воинскому начальнику для зачисления в армию.

Все равно, что крепостное право. На Медном руднике, бывало, как только кто провинится, на того надевали «красную шапку». Это было наказанье — «царская служба».

Крючков Егор Петрович

Я работаю на руднике с малых лет. Во время германской войны мне было 43 года, я работал в Гранэвой выработке. От войны я остался по удостоверению, и с тех пор меня начали поджимать в заработной плате. Не давали ни денег, ни хлеба, ни талонов на хлеб. Я решил перейти на другой рудник рядом, на Невьянский. Об этом узнал смотритель Климов и сообщил в воинскую часть. Меня вызывает пристав. Явился. Пристав закричал:

— Почему не едешь на фронт? Ты — дезертир! Не хочешь защищать отечество.

Чуть тут же не отправил меня. Но я попросился на одни сутки проститься с семьей. Семья моя была: четверо малых детей и беременная жена. После прощанья вернулся я к приставу. Он сейчас же меня отправил на станцию. Посадили в вагон для заключенных, отобрали 25 рублей денег и ножик. Довезли меня до станции Благодать, высадили и повели в Кушву, в тюрьму. Просидел три часа. Издевались надо мной всячески. Потом перевезли в Верхотурье и снова посадили в тюрьму.

Через четыре часа меня потребовал воинский начальник и определил в часть.

Горбунов Ермолай Евстигнеевич

Я был мобилизован на германскую войну в 1914 году и отправлен в Екатеринбург. Там я устроился каптенармусом на хлебопекарке. Приходилось получать муку из провиантского магазина. Видел, как воровали муку, отправляли ее частным торговцам. Отправлял полковник, заведующий хозчастью. Раз он приходит и говорит мне:

— Давай, заставь хлебопеков вытрясти мешки.

Я заставил. Возле помойной ямы лег от мешков слой мучной пыли. Он приходит опять, увидел пыль и говорит:

— Вот это убыток казне — сколько на земле муки!

А я ему отвечаю:

— Это пыль. Без этого не может быть. И невелик убыток. А убыток большой, когда мука увозится возами.

Горбунов
Ермолай Евстигнеевич

Он на меня покосился и ничего не сказал. Но на другой же день зачислил меня в маршевую роту и отправил на фронт.

Нас сформировали в батальон из четырех рот. Приехали в Варшаву... Там нам выдали каждому по 250 штук патронов и на тысячу человек только 250 винтовок. 750 человек остались с патронами без винтовок. Прибыли на фронт, в 27-й Витебский полк. Выдали старые винтовки, как палки. Полны песку — насилу мы открыли затворы. Кое-как немного прочистили.

Во всем полку был один пулемет и тот без ленты патронов. А германцы засыпали наш полк шрапнелью и резали пулеметами.

23 декабря 1914 года нам дали приказание часа в 4 итти в наступленье. Подали команду:

— С правого фланга по одному вылезай!

Только показались мы на борту окопов, как нас осыпали шрапнелью и градом пуль. Я пробежал шагов 15. Над головой треснула шрапнель. Сделал прыжок, чтобы не засыпало, и в этот момент справа, шагах в трех, взорвалась вторая. Стаканом шрапнели мне ударило между ног и оторвало левую ногу. Я пал, но уползти в окопы не мог...

Носов Иван Романович

С действительной я возвратился домой в Тагил младшим унтером. В самую первую мобилизацию я угадал младшим унтер-офицером «15-го стрелкового Николая I, князя Черногорского, полка» и очутился подо Львовом в августе месяце 1914 года.

Сильный там бой был. На восьмые сутки противник отступил от Львова. Нашей дивизии дали семь суток отдыху. Два дня мы варили в котлах вшей. Вшей было столь, что не поверишь. Сунешь под рубаху щепоть — штук пять достанешь, сунешь за воротник — полну горсть вытащишь. Если отворотишь воротник — как песком усыпано. Кишмя кишели.

Парили мы их так: рубашку, шаровары, шинель, мундир, белье — все в котел кладешь, а чистое надеваешь. Часа через три опять на тебе вшей полно. Котлы кипят, скидываешь вшивое, опять в котел кладешь, а то, которое уж высохло, на себя надеваешь. Через три часа опять смена. Два дня возились со вшами, пока их вывели. Но это было только начало. Настоящее я покормил вшей и повалялся в грязи на германском фронте в 1915 году.

Скоро нас опять послали в бой, и меня ранило мортирным снарядом.

Девять месяцев пролежал в госпиталях. Потом меня отправили в 15-й Сибирский стрелковый полк. Там нас послали в окопы без ружей. Сказали:

— Дожидайтесь, когда кого убьют или ранят из передней цепи. Тогда подбирайте винтовки и ложитесь на их место...

Но на наше великое счастье германец прорвал фронт, и нам пришлось бежать во всю прыть. За ночь верст 70 откатали. Ведь враг, ровно на конях, гонит за нами. Летят и летят пули, летят и летят...

Прибежали в деревню Хвосты, где встретил нас генерал Оглобля, наш дивизионный командующий:

— Вы такие же сволочи, как и те, которые сдались там!

Нас вооружили и бросили под Белосток. Мы продержались сутки. Я был ранен и переведен в Богучарский полк. Оттуда нас погнали под Оссовец. Оглобля сказал командиру полка:

— Окопы для вас там готовы. Инженерные войска делали. Не разбить германцу.

Разыскали мы эти окопы. Окопы оказалось сделаны были нашими саперными войсками не для русских, а против

В окопах

русских. Хорошие окопы! Накатник здоровый, блиндажи что тебе надо! Рельсы, бревна, земля толстым слоем на блиндажах. Только бойницы обращены против русских. Тут измена была.

Мы в эти окопы не пошли, отступили саженей на 500 и сделали свои окопы. На четвертые сутки в ночь немцы выбили нас из этих окопов, и мы побежали еще шибче, чем тогда.

Прибежали в местечко Радунь часам к одиннадцати утра. Здесь для нас были устроены простые окопы. Держались под Радунью три дня.

Германец сделал канонаду. Ох, и канонада! Никогда он так не бил по нас. Ясный день был, а стал точно вечер темный. Тут и снаряды рвутся, тут и песок легит, и сено и солома горят, вся деревня горит. И простые снаряды и зажигательные летят. Крик, вой. Вот тут-то нам жара и была. Осталось нас 13 человек от всего полка. Я в это время был фельдфебелем.

Отступили из Радуни на Бельск. Подходим к Бельску. Встречает нас генерал Оглобля со своей свитой.

Мы идем. Впереди командир полка со знаменем, командир батальона, три ротных командира, два фельдфебеля, семь унтер-офицеров. Рядовых в полку — ни одного...

Генерал командует своей свите:

— Смирно! Равнение на знамя!

Командир полка командует нам:

— Смирно, господа офицеры!

Генерал спрашивает:

— Какой полк идет?

— Богучарский, ваше превосходительство!

— Знамя цело?

— Цело, ваше превосходительство!

— Командир полка жив?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Командиры батальонов целы?

— Трое без вести, один цел.

— Ротные командиры?

— Трое осталось, ваше превосходительство!

— А рядовых?

— Рядовых ни одного, ваше превосходительство.

— Ну, этой сволочи найдется!

Под деревней Боровички я был ранен в глаз, и мне оторвало палец. Попал в госпиталь в Витебске. Отоспался. Сижу раз ночью.

Доктор изгадал нам политически грамотный. То и дело чем-нибудь перекинется с ранеными. Знал душу каждого.

Сидело нас трое: я, татарин один, еврей. Входит доктор.

— Что сидите, товарищи?

Тут я впервые за годы войны услышал слово «товарищ».

— Рассуждаем, ваше благородие!

— Вы, говорит, меня сейчас не называйте «благородием», пока никого нету. А скоро будем товарищами все.

Завязался разговор о политике. Он рассказал нам про пятый год и говорил, что будет дальше. Не в долгий, мол, а в короткий срок будет революция. По словам его он большевик был. Тут же он обещал не отпускать нас больше на фронт и действительно не отпустил. Это было уже в июле 1916 года.

Шесть месяцев мы у него прожили. В начале января 1917 года меня отправили в Брянск, где меня произвели в прапорщики, и я принял роту запасных, сорокалетних стрелков. Там был до революции 1917 года. Приехал в Тагил как раз 1 мая 1917 года и больше в армию не поехал.

Всего за войну я получил семнадцать ран.

Часть вторая

Октябрь и гражданская война

От Февраля к Октябрю

Баранов Илья Гаврилович

Слышим мы, что царя Николая свергли. Сюда в Тагил телеграмма, видно, пришла. Уж как мы себя тут на высоте почувствовали! На галанчах зазвонили в колокола:

— Давай сход!

Народу сбежалось — тучи!

Со всех концов народ на сход побежал. Собирались по частям: на Вые, в первой части, в третьей части. Всюду ребята ладные были, наши — рабочие. Тут-то большевики и выделились.

Первым долгом предложили:

— Долой полицию!

— Долой наемных шкурех!

— Пусть будет наша народная милиция!

Я был на гальянском сходе. Меня выбрали в число милиционеров. Интересно то, что Филипп Чулков, крупный кулак — подрядчик с Железного, был промеж нами выбран начальником.

Надели красные повязки на рукава, стали наблюдать за порядком. Тут подошла пасха. Уж Гальянка наша известна была драчами. Раньше, как пасха, бывало, пьяных кругом полно, хулиганство, драчи. Полицейские на Гальянку даже боялись ездить. А тут всем на диво показалось. Даже бабы удивилися.

— Вот тебе и изволь! Полиции нет, а тихо.

Ни хулиганских песен, ни криков — все честь честью. Мы безоружны ходили. Скажем только:

— Ребята! Порядок чтобы! Чтобы не было безобразий этих, какие раньше велися. Бросьте!

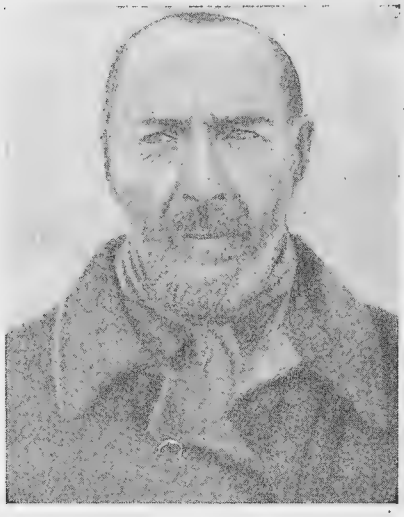
Все слушались. Если играют где в картёшки на улице — разойдутся.

Порядок был.

А сколько демонстраций, митингов было! Выступали тут и кадеты, и меньшевики, и кулаки, и рабочие. Как будто об одном говорили, но выходило как-то по-разному. Плотников — кадет, адвокат — на дороге вдруг остановит всех, заорет:

— Товарищи! Да здравствует Временное правительство!

Дамочки визжат:



Баранов Илья Гаврилович

— Ура-а-а!..

И многие подхватывают. Пели только: «Отрекемся от старого миру!»

«Интернационал» тогда мало кто знал.

Пылаев Иван Михайлович

Первое собрание после Февраля было на заводском нижнем дворе, в помещении театра, где теперь столовая № 10. Горняки были тут и металлисты и все. Интеллигенция пришла тоже. Настроение было бодрое.

Даже пристав Землевич тут же среди нас оказался. Вышел на сцену каяться.

— Я тоже под ваше крылышко, рабочие...

Тут некоторые не из рабочих заговорили:

— С кем греха не бывало!

— Сохранить его для сотрудничества!

А заводские рабочие да горняки зашумели:

— Долой его!

Сейчас же за ним на сцену бросились. Он, было, скрываться в костюмировочную. Нашли его, обезоружили, содрали с него погоны.

— Убирайся отсюда!

Вскоре разоружили полицию.

Носов Иван Романович

В 1917 году работали в Тагиле: Нижнетагильский металлургический завод, Высокогорский завод, Выйский завод, Железный и Медный рудники и ряд мелких полукустарных предприятий. Все они трудились «на оборону». Работало на них очень много таких людей, которые раньше-то и в заводы не заглядывали. Эти люди сделались рабочими для того, чтобы получить отсрочку по призыву на войну. Это были мелкие кустари, ремесленники, торговцы и прочая шантрапа.

Робили они во время войны спокойно, подходяще зарабливали. Поэтому они были настроены оборончески. Их всячески разжигали на воинственный лад меньшевики да эсеры.

В то время, в конце мая 1917 года, меньшевиков в Тагиле было тысячи две, эсеров с тысячу да кадетов с полтысячи. Большевиков было мало.

Главное гнездо меньшевистское было на Высокогорском заводе. На Тагильском заводе да на Пермской дороге их было меньше, на Медном и на Железном рудниках совсем мало. Верховодили у них: Алексей Козлов, Александр Словцов да Иван Иванович Лощенов.

Эсеры объединяли служивую мелкоту и немного рабочих. Вожаком их был Алексеев. Кадетов было совсем немножко, они вербовали своих сторонников из специалистов и буржуазии.

В то время главной властью в Тагиле был уполномоченный Временного правительства. Совет рабочих депутатов существовал тоже. В совете было человек сто, сплошь меньшевики и эсеры. Большевиков в нем имелось только двое: Бархатов, рабочий Высокогорского завода, и Сенчуков — Тагильского.

На заводах тогда организовались завкомы, а на рудниках — рудкомы, но вели они работу больше культурную. Политической и экономической работой занимался совдеп, без его разрешения администрация предприятий не могла принимать и увольнять рабочих и служащих, не имела права сбавлять заработок.

Пылаев Иван Михайлович

В июне, не то в июле 1917 года приезжал в Тагил кто-то от большевиков из Екатеринбурга. Зашевелились тагильские большевики, начали на собраниях выступать, говорить тверже, привлекать к себе новых членов. Стали мало-мало разъяснительную работку вести. Меньшевики на это злились

и палки в колеса ставили, но те ребята не шибко на них глядели. Улегов на Железном вел работу.

Тогда в большевистскую организацию входили: с Высокогорского завода — Бархатов, Федоров, с Тагильского завода — Телышков, Сенчуков и Гаев, с Пермской железной дороги — Бондин, с Железного и Медного рудников — Хабаров Александр, Иван Сыроегин. Кроме этих товарищей в организации состояли и другие.

Артель была небольшая, но крепко спаянная, сколоченная. Агитацию большевистскую рабочие стали слушать внимательно.

И вот большевики решили расколоть меньшевистскую организацию и перетянуть из нее к себе рабочую часть.

Как раз в Петрограде произошли июльские события [1]. Меньшевики Тагила созвали свое общегородское собрание. Большевики знали об этом за несколько дней. Готовились потихоньку. Написали декларацию, в которой всяко клеймили политику соглашателей и призывали рабочих переходить к большевикам. Прочитать декларацию заранее было поручено товарищу, который незадолго перед тем прибыл к нам из Екатеринбурга. Фамилию его не упомнил. Собрание было бурное. Лощенов шибко шумел, что большевики, мол, — это немецкие агенты, что в петроградских событиях они, мол, показали свое лицо. Всякие помои он выливал на большевиков. После речи Лощенова встал наш товарищ. Все примолкли и глядят на него: что за человек незнакомый. А он громко да внятно прочитал декларацию и говорит:

— Товарищи! Кто из вас с этой декларацией солидарен — покидайте собрание.

Большевики с шумом подымаются и идут из зала, а за ними встает и выходит еще человек тридцать рабочих-меньшевиков.

Тут же условились, где собраться, и эти товарищи вскоре вступили в большевистскую группу.

Очень накалена была тогда политическая атмосфера в Тагиле. Трудно было вести пропаганду и агитацию. Меньшевики, эсеры, кадеты имели сильных ораторов, имели свою печать, а большевикам только изредка присылалась из Екатеринбурга газета «Уральский рабочий». «Правда» в то время была закрыта. Про нашу партию враги распространяли всякие грязные сплетни. Болтали, что Ленина подкупили немцы, что большевики — немецкие шпионы и т. д. Но большевики несмотря ни на что вели свою пропаганду и агитацию в

[1] 3—5 июля 1917 г. происходили массовые демонстрации и забастовки с требованием перехода власти к советам. Движение было подавлено, и контрреволюция перешла в решительное наступление.

массах. Постепенно организация наша пополнялась новыми товарищами, и рабочие все больше и больше прислушивались к большевистским словам.

В начале августа большевики давай выдвигать на рабочих собраниях вопрос о перевыборах совета.

— Засиделись депутаты. Пора освежить состав.

Носов Иван Романович

Тагильский завод и Железный рудник вынесли постановление о перевыборах. В середине августа совет переизбрали. В новом составе его оказалось уже семь-восемь большевиков. Среди них были: Бархатов, Федоров, Климко и другие. А тут началась подготовка к выборам в волостное земство[1]. Мы еще не окрепли, как следует. Поэтому многие из нас высказывались против участия в выборах. В конце концов партком решил участвовать в выборах в земство. В дь большевикам не места в земстве были нужны, а надо было использовать выборы для своей агитации.

Комитет большевиков находился в помещении общества потребителей. Председателем общества был Д. Добрынин. Он считался революционером еще с 1905 года, но определенной политической окраски он не имел.

Составляют большевики список своих кандидатов в земство. Приходит Добрынин. Предлагает им:

— Выставьте мою кандидатуру по большевистскому списку.

Большевикам было странно это, но авторитет его среди тагильцев решено было использовать, и они выставили его кандидатуру на выборах.

Прошли выборы. Из полусотни мест большевикам досталось шесть. По большевистскому списку прошли в земство: Добрынин, Постыляков, Мухин-Петров, Панкратов, остальных не запомнил.

Первое заседание земского собрания состоялось 17 сентября в бывшем заводском театре. Перед открытием отслужили молебен, на котором присутствовали все делегаты кроме большевиков. Но никакие молебны этому земству не помогли. Через несколько месяцев его распустили, оно даже и не защищалось.

---

[1] Земства возникли в 1864 г. как органы местного самоуправления. Они занимались хозяйственными делами и стояли на страже помещичьих интересов.

Буржуазное Временное правительство ввело в дополнение к существовавшим губернским и уездным земствам волостные земства с целью укрепления позиций кулачества.

Баранов Илья Гаврилович

Положение, брат, было — хуже некуда. Выписки жалования затягивались. Промтовары неизвестно куда девались. Продовольственные управы работали никуда не годно. У нас тогда были районные продовольственные управы и общегородская управа. Руководил ею эсер Кондратьев из Висимо-Уткинска. Рабочие начали сильно недовольствоваться этими продовольственными работниками. Большевики давай выступать, давай доказывать.

— Плохо живется потому, что власть у буржуазии. Буржуазия своими выгодами для рабочего не поступится. Меньшевики продают рабочих буржуазии...

А меньшевики и эсеры против нас доказывают, что виновата не буржуазия, а смутьяны-большевики. Но наша сила все крепла. Рабочим слова наши были понятнее, чем меньшевистские. Мы говорили:

— Если власть будет в руках советов, которые состоят из рабочих и солдат, то эта власть будет действовать на пользу рабочим.

С каждым днем мы все больше и больше завербовывали себе крепких сторонников.

Октябрь

Пшикун Андриан Иванович

Поди уж не упомнить мне, чего на этом собрании говорилось. Шибко много время прошло. Семнадцать годов без малого. Собрались мы тогда в рудовесной, тесно один к одному. Ну, ровно дохнуть негде. Теперь эта рудовесная уже снесена давно, а в то время больше ее не было помещения на руднике. Парно да грязно, да повернуться негде, а послушать больно охота. Не припомню я, кто это говорил, но только был он делегатом от тагильских рабочих на II съезд советов, который взял власть в Питере.

Мы диву даемся, а он пуще рассказывает: рабочие, солдаты да матросы по призыву своей большевистской партии вступили с юнкерами в страшимый бой. Юнкера эти за буржуйскую власть стояли. Но только их в скорости отовсюду повыбили, и они сгрудились у дворца. А во дворце схоронились от народного гнева министры-капиталисты.

Наш-то делегат как раз проходил мимо, когда красногвардейцы ко дворцу подступали. Но задолживаться тут было ему нельзя, посколь он был нами послан на II Всероссийский съезд советов.

И вот, говорит, открылся съезд. Зала громадная, народом битком набита. И вдруг поднялся такой шум, что слыхать ничего не стало. Кричат все, ладошами хлопают, солдаты прикладами гремят об пол, инвалиды костылями стучат. Все в голос одно орут:

— Ленин! Ленин!

И на трибуну выходит сам Владимир Ильич Ленин, чтобы делать съезду доклад. Тут сразу тишина наступила. И он говорил рабочим и крестьянским и солдатским депутатам, что надо им брать власть в свои руки. А к нему то и дело подходили товарищи и докладывали, как бьются у дворца рабочие с юнкерами.

И вдруг в два часа ночи Владимир Ильич говорит съезду:

— Временное правительство низложено!

Тут встали все и запели «Интернационал», и наш делегат пел вместе со всеми.

...Вот он нам все это рассказывает, а мы слушаем и не верим своим ушам. Кончил он, и берет слово Александр Павлович Климов, смотритель рудника. Александр-от Павло-

вич говорить красиво умел, баско. Он и давай издеваться над советской властью, давай всяко большевиков поносить.

— Если, говорит, большевики останутся у власти, то скоро все хозяйство России прахом пойдет. Все рабочие станут голодными, безработными, пока не образумятся и не прогонят большевиков.

Мы слушаем его, а сами думаем:

— Не то чего-то он говорит. Если большевики рабочим заводы да рудники отдадут, это нам подходяще будет.

И тут мы выступили против Александра Павловича Климова и дали ему на его слова прямой горняцкий ответ. Мы постановили приветствовать советскую власть и согласиться с нею.

Баранов Илья Гаврилович

Стали мы проводить в Тагиле декрет от 14 ноября 1917 года о рабочем контроле на предприятиях. Тут-то меньшевики и запели. В один голос с управителями заводов и рудников завопили:

— Какой контроль! Зачем контроль! Кого контролировать?

— Что вы, с ума сошли? Вы будете контролировать управляющего Гибсона? Да ведь он член английской рабочей партии![1] Да ведь он свой человек рабочему классу.

А мы, не глядя на ихние вопли, добились все-таки своего и создали рабочий контроль. Мы митинговали на предприятиях, настаивали на рабочих собраниях:

— Вот вы, рабочие, теперь получили возможность контролировать работу администрации. Надо эту возможность использовать и узнать все проделки заводовладельцев.

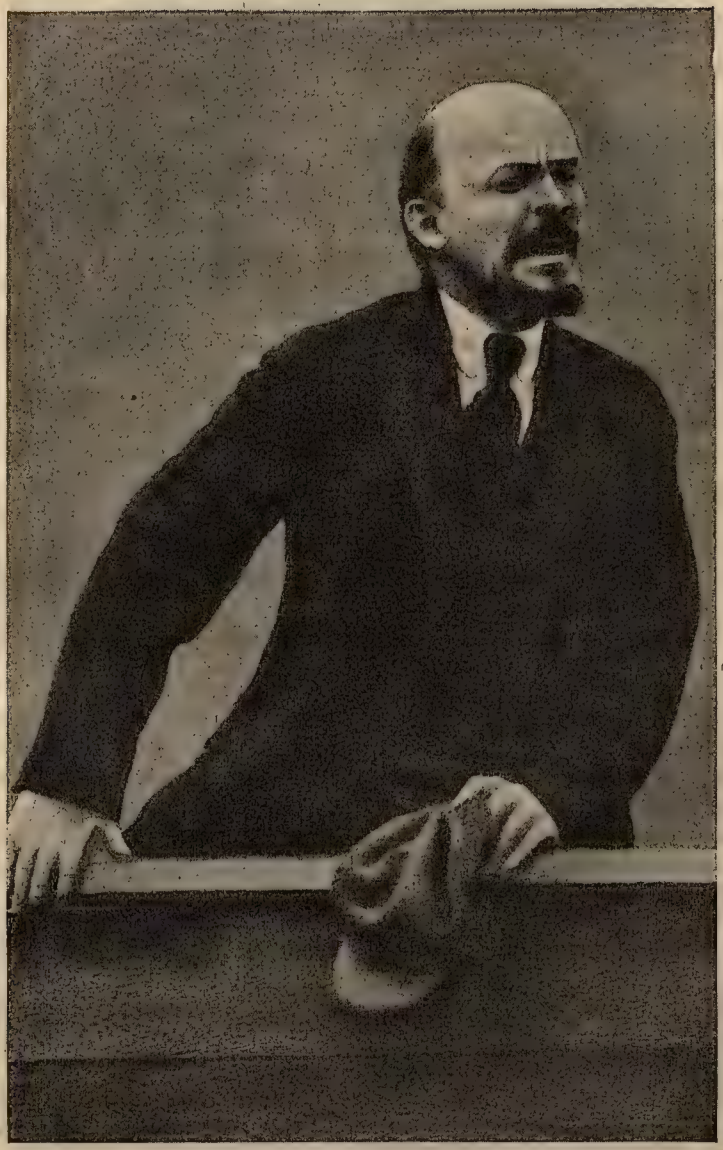
Рабочие нас слушали и выбирали контрольные комитеты. А Главное правление заводов и рудников находилось в то время в Петрограде. Как наш рабочий контроль ни придет к управляющему Гибсону, тот все ссылается на Главное правление в Петрограде. Тогда в Петроградском правлении демидовских предприятий заправляли Ратьков-Рожнов и брат Петра Струве[2]. Они слали из Питера к нам в Тагил извещения, что заказов не предвидится, а поэтому, дескать, приходится ждать лучших времен и рабочим малость терпеть.

Правление задерживало нам зарплату, отписывалось:

---

[1] Английская рабочая партия — предает интересы пролетариата, проводя политику соглашения с буржуазией. Ссылка на предательскую английскую рабочую партию характерна для меньшевиков.

[2] Струве — идеолог русской буржуазии. В настоящее время — в белой эмиграции, активнейший враг СССР.



В. И. Ленин

— Банки национализированы. Без разрешения правительства нельзя из них получить ни копейки.

А потом мы узнали, что дело было наоборот: банковские заправилы не выполняли распоряжений правительства и нарочно не отпускали денег на зарплату рабочим.

Пылаев Иван Михайлович

С продовольствием дело шло все хуже и хуже. В продовольственных органах сидели в то время не наши люди. Были там кадеты да интеллигенция меньшевиствующая. Они не заботились отыскать продовольствие для рабочих, а только «служили». Служба эта их была заправским саботажем работы. Сидели за столами, расхаживали из комнаты в комнату. Сочиняли про нас сплетни да анекдоты. Очень позорно вели себя левые эсеры[1]. При нас они прикидывались друзьями нашими, а без нас называли большевиков «узурпаторами» и ругались мудреными всяческими словечками, которых рабочие не понимали и не слушали.

Тогда, в конце 1917 года, все тагильские предприятия работали. Людей на них было много, но вместо дела все больше митинговали. На заводах уже начиналась поделка всевозможных домашних предметов из заводского материала.

В тяжелых условиях приходилось тогда робить большевикам. Чуть не каждый день митинговали с рабочими из-за хлеба. С продовольственными работниками разговаривали и честью и угрозами. Посылали своих рабочих-большевиков на помощь продовольственным агентам по заготовке хлеба. Но железнодорожники под влиянием Викжеля[2] не давали вагонов и паровозов. Они ссылались на военное положение и на расстроенный транспорт, а мы знали, что мешочники больше загромождают транспорт, чем перевозка продовольствия для рабочих организаций.

Мы искали не только хлеб, нам был нужен еще и овес для лошадей, на которых возили топливо. Ведь заводы тогда работали исключительно на древесном топливе. Всякая заминка в его доставке отражалась на работе заводов и рудников. Электростанция в то время топилась торфом, который тоже подвозился на лошадях.

В декабре создалось тяжелое положение: ни денег, ни хлеба и ни овса. На заводах нехватка топлива. Того гляди —

---

[1] Левые эсеры откололись в 1917 г. от эсеровского большинства и примкнули на короткое время к большевикам. По мере развертывания Октябрьской революции произошел разрыв с большевиками, и левые эсеры перешли к контрреволюции.

[2] Викжель — организация железнодорожников, отражавшая интересы железнодорожной верхушки.

Взятие Зимнего. *С картины художника Г. Горелова.*

остановятся все работы. А администрация и служащие вместо помощи нам сочиняли ядовитые басни:

— Вот теперь советская власть частные банки прикрыла, а в государственном с работой не может справиться. Да и денег-то в государственном банке едва ли хватит и на армию и на промышленность.

Все эти толки возбуждали рабочих.

Носов Иван Романович

А все же силы большевиков росли. Как нас ни ругали, как ни оплевывали, а все-таки каждые перевыборы все больше и больше давали нам перевес.

Железный и Медный рудники шли за большевиками. На районных собраниях 3-й и 4-й частей кроме большевиков не давали говорить никому. Меньшевики имели кой-какое влияние на Высокогорском заводе.

В конце декабря мы решили произвести перевыборы советов. Созвали собрание по заводам и рудникам, перевыбрали депутатов. На этот раз из 100 членов совета было 40 большевиков, 20 меньшевиков, 15 эсеров, остальные беспартийные, которые всегда голосовали с большевиками. В президиум вошло 2 большевика, 1 меньшевик. Председателем совета был избран Добрынин, заместителями — большевик Панкратов и меньшевик Козлов. Большинство в исполкоме получили большевики. Из 15 членов президиума было 10—11 большевиков.

Это я пишу приблизительно, так как записи с того времени не сберег.

Баранов Илья Гаврилович

В начале 1918 года мы получили декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Декрет этот был издан советским правительством 23 января 1918 года. Встает вопрос: а как его практически проводить? Мы думаем, а церковники не дремлют тем временем. Они сами объявили прихожанам об этом декрете советской власти и стали проводить по церквам собрания. Что же нам оставалось делать? Мы пошли на эти собрания, выступали в защиту декрета. Попы и их прихвостни кричали и ругались, не давали открыть нам рот.

Больше всего шуму было из-за того, что государство отказывается платить попам жалованье. Не столь шумели

об отделении школы от церкви, сколь об отделении церкви от государства.

В тот же день мы созвали общее собрание граждан третьего района — Ключей. Пришло народу великое множество. Процентов 80 было там горняков, процентов 10 — заводских. Остальные — кустари и домохозяйки. И тут выступления были тоже шибко горячие, но вовсе не такие, как в церкви. Кроме отдельных стариков все выступали за одобрение постановления Совнаркома. Такую резолюцию и приняли. А с этой резолюцией нам уже было легко выступать в остальных районах. Через некоторое время мы стали проводить декрет в действие административным порядком.

Первые шаги

Пылаев Иван Михайлович

Начало советское правительство вести с немцами переговоры о мире. У нас, среди тагильских большевиков, поднялся из-за этого шум. Большинство нашей организации было против заключения с немцами сепаратного мира.

Нужно сказать, что горняки Железного и Медного рудников оказались оплотом ленинской политики партии, а остальные предприятия, подогреваемые меньшевиками, эсерами и даже кое-какими большевиками, так называемыми «левыми коммунистами», голосовали против мира. Тут сказалось влияние таких областных работников, как Преображенский, Сосновский и другие.

На Железном руднике в красной школе был сделан горнякам доклад о мире.

Рабочие массы рудников решительно высказались за мир. Ефим Егорыч Горностаев сказал:

— Заключить мир — плохо. Но воевать нечем — остатки добьют.

Большинство было за точку зрения Ленина.

Носов Иван Романович

Мы распустили земцев. После этого было вынесено постановление о разоружении меньшевиков и эсеров Тагила. В объявлении о сдаче оружия значился срок 4 марта.

При обходе по домам в поисках оружия были случаи сопротивления. Шурин Бабина сказал:

— Через труп перешагнете, а оружие я не сдам.

Все-таки оружие у него взяли.

За несдачу оружия стали судить меньшевиков и эсеров. Отобрали для этого самых злостных, человек восемь.

Тут заводы уже еле дышали. Ведь они работали на оборону. Лили сталь для снарядов, медь — для поясков. А после заключения мира военное производство прекратилось.

В январе 1918 года издан был декрет Совнаркома о национализации заводов и рудников Нижнетагильского округа. Некоторое время спустя мы организовали на предприятиях деловые советы, которые стали управлять производством.

Честные специалисты стали помогать деловым советам; кто не хотел помогать, тех прогнали, а некоторые сами ушли.

В марте в связи с прекращением работы по военным заказам начали сокращать рабочих. А с фронтов прибывали солдаты, искали работы. Меньшевики повели бешеную агитацию: «Было Временное правительство — была война, была и работа». Вот до какой подлости они докатились.

Рассчитывать рабочих стало нечем. У ликвидированной земской управы остались одни долги. А тут в Тагиле существовал тогда торгово-промышленный комитет — организация буржуазии. Мы на них поднажали: просили у них денег взаймы на выдачу заработка. Но прежде чем настаивать на этом займе, проводили собрания рабочих-металлистов и горняков. На собраниях слышались голоса: «Какой заем? Так забрать». Не меньше полумиллиона с них в первый раз собрали. Добровольно сам ихний комитет дал. В марте рассчитали рабочих.

Но не больше чем через полмесяца нам надо стало денег опять. Тут мы нажали по-другому. Наложили контрибуцию. Набрали около 2 миллионов. В апреле стали с деньгами.

Баранов Илья Гаврилович

Это вот не заем был! Помню, как стали обследовать Кокушкина и Железкова, к Серебрякову ходили. Они отказывались, говорят: «Все отдали». Забрали их на работу: на доменный цех, на Высокогорский завод. Человек сорок. Кокушкина — барыня на высоких каблуках — пришла в кисейном платье железные стружки таскать. Дён пять проработали, сказали: «Все принесем».

После этого и понесли, что на кого наложено было.

Заработок рабочим мы наконец выдали, обложив местных купцов приличным сначала займом, а потом просто контрибуцией.

К маю-июню 1918 года задолженность по заработной плате была ликвидирована.

К этому времени на заводах и рудниках большевиков становилось все больше и больше. В завкомах и рудкомах руководящую роль заняли уже большевики, которые хотя и медленно, но вникали в сущность управления производством.

А когда произошло нашествие невьянской банды на Тагил, то мы уже смело и уверенно по свистку собрали рабочих на борьбу с невьянцами и хотя не без труда, но разбили их наголову.

Козьмин Федор Данилович

Я пришел из Сибири 9 января 1918 года. Дней через пять заявился в рудник. Тогда было объявлено выбрать ревизионную комиссию и профсоюзный комитет.

Я тут и вернулся. Выбрали меня в комиссию. В это время еще рудники и заводы принадлежали Демидову. Цель комиссии была — проверить прибыли и все производство. Все это и было сделано. И добычу, и выплавку, и оплату рабочих, и накладные расходы выяснил. Но продажную цену меди они мне не говорили. Сколько раз я ходил к Спижарному. А он отвечает:

— Это знает только петербургское правление...

Запросили правление. Они пишут: «Не ваше дело!»

После этого вскоре, в январе же, было собрание в исполкоме, где объявили:

— Все рудники и заводы переходят к рабочим.

Тут выступил Васька Данилов Салдинский, говорит:

— Не справиться нам с этим делом. Лучше им обратно отдать. Чего мы, рабочие, можем сделать?

Но мы тут же ему доказали, что найдутся люди и из рабочих, которые лучше Демидова сделают...

Первого марта были созданы деловые советы. На руднике нашу ревизионную комиссию стали считать временным деловым советом. А постоянный совет выбрали на собрании всех рабочих Медного. Выбрали Василия Алексеева, Ивана Марковича Замотаева и меня. В конце апреля мы созвали в кабинете управителя Бурдакова собрание всех служащих. Подавляющее большинство служащих проводило саботаж. Раз, мол, рудники перешли к рабочим, так мы не будем работать.

Я собрал их всех в кучу. Нужно было узнать, кто за нас, кто против нас. Спрашиваю первого управителя Бурдакова:

— Как мнение ваше?

— Я как был кадетом, так и буду кадетом.

Шляпу надвинул, вышел из комнаты.

Башкиров Алексей Федорович — тот прямо молча вышел.

Потом оба вернулись, сели. Я опять:

— Ну, чего?

— По-старому.

А остальные говорят:

— Раз уж переворот, то нам служить все равно кому.

Счетовод Осипов Павел Мануйлыч спорить начал. Мы ему пригрозили арестом, он струхнул и замолчал.

... Так мы брали в свои руки рудничное хозяйство. Но заняться им как следует не пришлось. Начались схватки с белыми.

Начало гражданской

Носов Иван Романович

Это было летом 1918 года.

Накануне у нас проходило исполкомовское собрание. Поспорили — повздорили. Кто-то выступил.

— После тихой погоды бывает буря, — предупреждал он товарищей, — надо приготовиться на всякий случай.

Действительно мы долго в Тагиле не получали никаких известий извне.

Тут же некоторые товарищи остались ночью в совете, получили винтовки, стали обучаться обращению с ними. Было у нас пять человек опытных солдат. Они учили незнающих. Домой разошлись с винтовками.

А днем, в час-два ли, нагрянула невьянская меньшевистско-эсеровская банда. Дома я был.

Услыхал тревожный свисток на заводе. Прибегаю в совет. Там дежурило наших человек тридцать.

Совет тогда помещался в уткинском доме, где теперь типография.

Банда, прибыв на поезде из Невьянска, обезоружила Красную гвардию на винном заводе у станции, двинулась по Салдинской улице и окружила шибневский дом, где теперь нарсуд.

Они думали, что там находится совет. А на самом деле там помещались только некоторые комиссары.

Когда они узнали, что ошиблись, то бросились по Александровской улице к совету. Но мы уже засели в канавах, и начался бой. Часа три продолжался бой.

На гудки да на выстрелы к нам стали сбегаться рабочие на помощь. Невьянцы, отстреливаясь, отступили по Салдинской, сели на поезд и угнали. А мы за ними тоже в поезде в погоню. Под Невьянском уже находились отряды Красной гвардии из ближайших заводов. К ним мы присоединились.

В течение нескольких дней выбивали белогвардейцев из Невьянска. Они там в цементный завод засели.

Когда мы ворвались в Невьянск, то первым делом побежали к подвалу — выручать тамошних партийных ребят. Но большинство их нашли убитыми.

Перед отступлением руководители невьянского восстания бросили в подвал бомбу.

Пылаев Иван Михайлович

Пылаев Иван Михайлович

После невьянского восстания беспартийные рабочие человек по 10, по 15 приходили к нам в третью часть проситься дежурить на случай второго восстания. Потом они в партию вступили. Мы организовали отряд человек в шестьдесят.

Тогда Екатеринбург был еще занят красными. Но от Челябинска на север уже двигались чехо-словаки и банды оренбургского казачества. Однажды партийный комитет Висима сообщает нам: недалеко от Галаша появились казачьи разъезды. Помогите!

Рудничные ребята откликнулись на призыв о помощи. Здесь же, где столовая теперь, устроили собрание. Записалось человек шестьдесят добровольцев, пошли.

Пришли на Висим, потом на Шайтанский завод, что на Чусовой. От Хромпика повыше, тут деревня была Мартьяновка. Часов в пять утра подошли к этой Мартьяновке. На реке челядёшка рыбачила, она нам все как есть рассказала:

— Старые полицейские ходят, а на заводе казаки ездят с красными лампасами.

Мы весь день до вечера в лесу простояли. А вечером я, Митька Казарец и покойный Миша Усов в разведку поехали. На Казарца офицерские погоны надели. Он был в суконной куртке, видный парень.

Подъехали на огонек к волостному правлению. Там какая-

то керосиночка горела еле-еле. Вошли туда. Темновато, сидит человек шесть, а в углу у двери оружия груда целая припасена: винтовки, шашки, наганы.

Как вошли, Казарец крикнул:

— Красные есть?

Человек говорит:

— Какие красные — в Шайтанке казачий разъезд. Завтра Висим возьмем.

Митька как пыхнет из нагана, кверху выстрелил. Ну, а мы у порога ружья, шашки, револьверы — захватили все их вооружение. Мишка Усов да я.

Уж когда отъехали, два выстрела получили от них, сверху откуда-то. Тут же начали наступление делать на Шайтанский завод.

Отовсюду стреляют: из поленницы, из церкви, из огородов, из галанчи — выстрелы несогласованные. Залпа настоящего не было. Всюду их людей насовано было.

Мы знали, что больших сил нет. Одни и те же восемнадцать человек на лошадях всюду ездят, где ни спросишь. Остальное — местные банды. А у нас шестьдесят человек с пулеметом.

Кругом пашни были, а внизу завод. Как рассвело, мы из пулемета. Видим: в гору они на лошадях погнали. У нас ни одного человека урону, а ихних двоих захватили, уже переодетых, не в казачьем. К поленнице их — суд известный.

Тут человек шесть из подвала выпустили, совет восстановили.

Когда чехо-словаки выступили в конце мая, нам уже нельзя было черпать из Шадринска хлеб. Жил там я, Левченко с Выи, Телепнев. Приезжал к нам Сергей Иванович Пискунов, привозил средства. И мы муку доставали.

Когда уже было известно, что надвигаются чехи, мы с Левченко выехали. Остался один Телепнев с денежками. С намерением остался. Я вернулся в Тагил и рассказал все. Военный комиссар Григорьев сделал тогда доклад о том, что хлеба нет и что надо создавать Красную армию. Но мы еще успели заготовить на Каме 50 тысяч пудов муки, и нам хватило хлеба до самого отступления из Тагила.

Начиналась гражданская война.

Носов Иван Романович

Здесь была банда Павловского. Из меньшевиков, эсеров и монархистов. Они открыто не выступали, а организовывались исподволь. У них связь была с Невьянском и мест-

ными кулаками. У этой шайки в лесу за Выйкой своя «фабрика» была, патроны набивали.

Когда разнюхали их существование, организовался у нас отряд человек в двадцать на конях ликвидировать банду. Они сами себя обнаружили. Отряд и не подозревал, что они находятся в болоте. Десять человек из нас заехали с одной стороны, а десять — с другой. Когда первая десятка проезжала мимо болота, выстрелом из кустарника был убит наш товарищ Васильев. Мы бросились в кусты, но никого не поймали. А с той стороны Мамонова взяли.

Василий Мамонов. Он забойщиком на Железном руднике робил. Действительную в Семеновском полку проходил. За участие в усмирении московского восстания в 1905 году у него еще значок какой-то был. Он еще хвалился и гордился этим. А как женился на дочери кулака Воробьева, совсем к врагам откачнулся.

Как ловили его? Стала вторая наша десятка народ на покосах спрашивать. Говорят нам:

— Вы в избе Мамонова или Мартюшева ищите.

Сказали, что вечером они в мамоновой избе были. Не доезжая до мамонова покоса, видим огонек в избе. Стали подходить. Никто не выглядывает. Зашли сзади с избушки. Отец его вышел, теперь покойный. Обробел, крикнул. А мы вломились в избу. Человек шесть оттуда выпустили: отец, мать, жена, брат, еще кто-то. Видим — лежат овчины. Пошарили — сапог тяжелый, с ногой.

— Выходи! — Вылез Мамонов Васька. Мы в город его доставили. Потом он будто бы заболел и из больницы удрал. Поймали. Опять «урыл». Третий раз арестовали. Он снова убежал и скрывался до прихода белых.

Всю их шайку мы ликвидировали. Самого Павловского Кузьма Дорофеич Коровин схватил на улице. Агроном ли, чиновник ли этот Павловский был.

Все первые антисоветские выступления организовывали меньшевики и эсеры.

Пылаев Иван Михайлович

Когда Екатеринбург был взят белыми, мы на площади Медного рудника тут же организовались в отряд, направились в Лавроньевский приют и влились там в Тагильский коммунистический батальон. Батальон был настоящий, до 250 вооруженных бойцов, с обмундированием, все настоящее. Сели в поезд и приехали на станцию Таватуй, верст тридцать от Екатеринбурга.

Там были части, которые отступали из-под Челябинска со 165-й версты. Был там первый рабочий отряд, был отряд конных мадьяр человек в семьдесят-восемьдесят. Алапаевский батальон. Стали собираться отряды с других заводов.

Когда мы прибыли в Таватуй, то разоружили ненадежные части и отправили их в Тагил. Потом разделились на две половины: одна, под командой Казарца, пошла к Екатеринбургу по линии железной дороги, а другая, с Угловым — в обход вокруг озера.

Когда сошлися на железной дороге с противником — перестрелка началась, цепь уж сделали мы, как надо. Они сперва ни пулеметов не показывали, ничего. Просто отступали. Цепь наша раскинулась далеко. Шел по железной дороге только броневик и два вагона. Люди — по обе стороны. Перестрелочка небольшая была.

Как до болотины дотянули нас, вдруг сразу оказался броневик у них и пулеметы по сторонам. Орудия были возле дороги спрятаны. Уперлись мы в их главные силы. Целую ночь бой был. Нам в болоте ни развернуться, ничего нельзя. Утром пришлось отступать. Пушки наши мелкокалиберные были. Броневик наш начал спячиваться. Тагильский рабочий батальон первые бои тут сглонул. Потеряли мы человек тридцать.

А другая наша часть, которая по озеру шла, не дождавшись сигнала от нас, тоже бросилась в наступление. Из пулемета их разом и стригнули. Начали они отступать в беспорядке. Тут тоже тагильцы пострадали, человек шестьдесят легло. Самых молодцов...

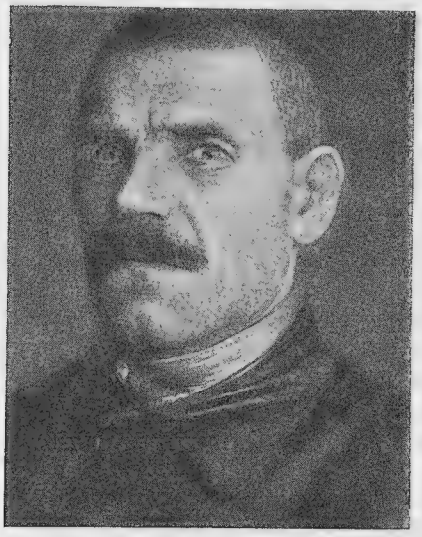
Опять под Таватуем собрались. Упадок настроения был.

Потом из Верхнейвинского села пришла женщина за ягодами и сказала, что там заговор. Бросились мы туда, расстреляли урядника Порошина. А в два часа все-таки разразилось восстание. Выстрелы раздалися отовсюду. И тут пришлося отступать нашему броневику. В одном вагоне провиант, а в другом дежурная часть. Ближние ребята там были: Хабаров, Сыроегин. Я все уговаривал их не сидеть в вагоне. Ночью, часов в 10, прямо на ходу вагон этот взорвали. Гранату видимо бросили, да не одну. Я слышал взрыв да видел пламя. Верст может десять тащился он с пламенем.

Отступали до станции Анатольская. Пути мы не разрушали. Их броневик прямо шел. Потом казачьи части появились с левой стороны.

Что за войска против нас сражались?

В плен-то мы в тех боях много брали их: чехов, казаков, деревенской белогвардейщины.



Носов Иван Романович

Носов Иван Романович

От Таватуя мы отступали до Тагила девять суток. Каждую пядь земли отдавали с боем, за каждую деревушку дрались. Числа 26—27 сентября 1918 года белые подступили вплотную к Тагилу.

Фронт растянулся полукольцом на юго-восток от города. Мы укрепились от Сухого лога до пруда возле речки Большой Кушвы, перерезав линию Пермской железной дороги. Вторая линия обороны пролегала на версту ближе к городу по речке Малая Кушва.

На Большой Кушве мы дрались только два дня. Держались-то больше на Малой Кушве. Тут много наших положили.

Ну и чехов много поклали. День на третий мы отогнали их обратно версты за две. С обеих сторон тут сотни были покладены.

Мы подобрали свои трупы, вернулись назад и еще тверже закрепились на Малой Кушве.

Нельзя было духом падать. Как звери, дрались, жалко было свои семьи и дома оставлять. Лобовые атаки белых мы все отражали.

Тогда неприятель пошел в обход. Часть своих сил он направил от Невьянска на Горбуново к южной стороне города. От этой части отделились еще отряды, которые пробра-

лись в лесах через гору Керкину на Моховую и к Висимскому тракту. И эти в свою очередь выделили еще небольшую группу, обошедшую нас с запада через речку Каменку и Тонскую гору на Черемшанскую дорогу к Высокогорскому механическому заводу.

На все эти передвижения у белых ушло дня четыре.

Числа, видно, 1 октября их силы неожиданно показались у деревни Горбуново и на Висимской дороге.

Нам пришлось образовать новый фронт от пруда у Александровской церкви через Черноисточинский и Висимский тракты, по полям и торфяникам, вдоль Висимской узкоколейки до подъемника Большой выработки. Тут стояли Рабоче-крестьянский полк и Тагильский коммунистический батальон.

Тут дрались трое суток. В то же время белые наседали и на Большой Кушве.

Отряд белых появился у Высокогорского завода 4 октября. Одновременно свежие белогвардейские части оказались с другой стороны у Красного камня. Нам оставался единственный путь отступления из Тагила — Кушвинский тракт, который, того гляди, мог быть перерезан.

4 октября в двенадцать часов дня мы сдали Тагил белым, отойдя по Кушвинскому тракту на Лаю. Сдать Тагил нас заставили исключительно обходные движения белых, которых провели по лесным тропинкам предатели рабочего класса: с востока Нехорошков Иван, с юга Николай Федюнин и с запада Семен Котов.

Красная армия

Носов Иван Романович

В Салде фронт мы держали с месяц или больше. С продовольствием вначале было хорошо, пока молотили хлеб, оставленный жителями, но потом стало хуже и хуже. Обмундирование тоже было неважное. Находились отдельные малодушные люди, которые вели агитацию за то, чтобы полк вывести в тыл на отдых.

Помню собрание, на котором отдельные «доброжелатели» разгорячились вовсю, стали агитировать, что систематическое недоедание ведет к истощению, плохое обмундирование ведет к простуде и т. д. Пришел командир полка товарищ Галенкин. Он горячо выступил, резко оборвал крикунов, и предложил нам решить самим, что делать.

— Если кто боится трудностей и опасностей, то может избрать себе дорогу, уйти домой, бросить все дело революции.

Надо было видеть, какой взрыв негодования вызвал Галенкин против крикунов и с каким презрением разнесли их сами бойцы. Все дали торжественное обещание не опускать винтовку до тех пор, пока не разобьем в пух и прах всю белогвардейщину. Потом товарищ Галенкин сообщил нам о революции в Германии, а также о взятии красными Ижевского и Воткинского заводов, чем еще поднял боевой дух всех бойцов. После этого ни о каких трудностях люди не заикались, и шептуны замолчали.

У всех бойцов явилась уверенность, что мы, заброшенные в тайгу, в глушь лесов, оторванные от всего мира, в своей борьбе не одиноки, что есть еще много людей, которые также борются за одно с нами дело.

Отступаем очень медленно. Деремся за каждую сажень земли, за каждую деревушку. Реденький бой идет, чтобы не взяли пленных. Отступаем на Глазов. У станции Григорьево происходит большой бой.

Наш Рабоче-крестьянский полк занимает деревни Федотово, Вороны и Григорьево. Командир батальона Гуськo — боевой парень. Когда мы не выдержали и начали стороной отходить — белые отрезали нам прямую дорогу, — комбат, пришпорив коня, пролетел напрямик через цепь белых. Его окружают, хотят взять живьем, в ручной схватке

он изрубил несколько человек. Тогда его убили выстрелом из ружья.

Мы отступаем дальше, потеряв убитыми шесть товарищей.

У деревни Солодяшки опять загорелся бой. Такого не было за все отступление из Тагила. Неприятель пустил на нас 9 цепей подряд. Тогда 6-я рота осталась на месте удерживать противника в лоб, а я с 5-й ротой иду в обход.

Ну, и даем мы тут белым жару! Одних убитых они оставили сто человек, не меньше и тяжело раненых. Оказались среди них и наши тагильские «земляки» — офицеры, попы, рядовые солдаты...

Но все же на другой день белые нас сбивают. Приходится опять отступать. Отступаем неохотно и медленно.

Всего от Тагила до конечного пункта нашего отступления — деревни Нюра — мы шли целые десять месяцев.

На фронт приходит приказ: «Ни шагу назад. Итти вперед».

Как ни трудно было нам, но удалось сломить белых. В этом бою по собственной глупости мы потеряли 900 самолучших бойцов. Когда мы сбили врага и стали его преследовать, то его части раздвоились и, пустив нас в середину, порезали пулеметным огнем.

Больше я не видал белых. Наша конница так гнала их, что мы, пехота, никак не могли поспеть. Под Ишимом неприятель попробовал удержаться, но получил опять трепку и скатился в Сибирь.

Сустнов Семен Петрович

После разгрома белых на Урале они начали спешно отступать в Сибирь. Только в Ялуторовском районе мы входили в соприкосновение с неприятелем, который почти не оказывал сопротивления и утекал дальше, стоило нам только обстрелять деревню или село, где он был. Где-то возле озера Бутнижного мы захватили татарскую деревню, название ее не помню. Зашли в халупу, там сидит старая-престарая старушка, чуть жива от страха. Больше никого не видать. Попросили ее поставить нам самовар и стали спрашивать, где остальная семья.

Она говорит, что никого нет, старик помер, сын ушел на германскую войну, а дочь лежит больная.

Но вскоре старушка видимо убедилась, что от нас худого не будет, привела своего старика, старик сходил за сыном, и моментально оздоровела дочь.

Суетнов Семен Петрович

Спрашиваем:

— Почему вы от нас прятались?

— Да нам белые, уходя, говорили, что вот, как мы уйдем, то придет Красная армия, которая истребляет все население, что осталось живого от Красной армии, после всех идут за Красной армией идут китайцы, которые добивают все, коммунисты, которые также вырезают всех и забирают все имущество в коммунию.

Мы постарались разъяснить им, что все это — враки белогвардейщины, и отношения между нами стали самые дружные, а когда покидали деревню, то нас провожали уже со слезами. Часть мужчин села верхом на коней, взяла у нас винтовки и пошла помогать нам выгонять белых из соседней деревни Кривой.

После непродолжительной перестрелки наш батальон бросился в атаку на деревню. Белые не выдержали и «драпанули» от нас в село Кызыл-Бай. Мы влетели в деревню, где захватили в плен десятка три белогвардейцев. Причем двоих взял в плен один местный крестьянин-нацмен. Эти два беляка в момент отступления вздумали помародерничать. С этой целью залезли к нему в амбар и начали там шарить. Хозяин их уследил. Видя, что белые уже дрогнули, начали отступать, он подбежал к двери и запер ее на накладку снаружи. Мародеры хватились, но уже было поздно. Хозяин

же, как только мы вбежали в деревню, сказал нам, что двоих белых запер в амбаре. Мы подошли к амбару, отворили дверь, взяли винтовки наизготовку и скомандовали:

— Выходи, белая сволочь!

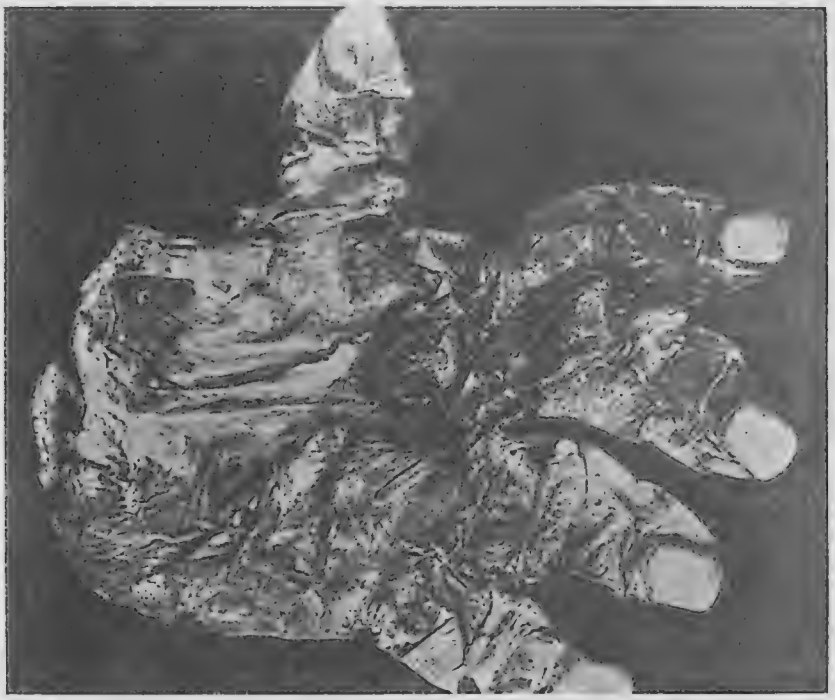
Конечно они сдались без всякого сопротивления.

В этой же деревне Кривой нам удалось спасти одного крестьянина от расстрела за сочувствие большевикам.

Их было двое. Могила была вырыта. Их поставили на край могилы и дали залп. Но случайно одного не задела пуля. Он все же пал в могилу. Белые велели крестьянам их зарывать. В этот момент мы повели наступление на деревню. Крестьяне-нацмены сразу заметили, что один из двоих жив. Надеясь, что белых сейчас прогонят, они шепнули в могилу:

— Товарищ, лежи, сейчас Красная придет.

И стали медленно их закапывать, стараясь как можно больше оттянуть времени. Белый офицер, руководивший рас-



„Перчатка" из человеческой кожи. Содрана колчаковцами в 1919 г. с руки красноармейца на ст. Сахарная Уральской области

стрелом, слышал, что красные наступают, очень волновался и торопил крестьян. Только чуть-чуть успели закидать землей «убитых», как он увел своих с могилы. Крестьяне больше зарывать не стали, завидя нас, моментально разрыли землю, и один из расстрелянных вышел из могилы жив и невредим.

Радость спасенного трудно описать. Он то плакал, то смеялся, заставлял нас ущипнуть его, не верил, что жив.

Пылаев Иван Михайлович

Отступили из Тагила. Я сильно заболел. Открылась цынга, экзема, старые раны гноиться начали. Когда прибыл я в Пермь, лежал сперва в околотке. Потом отправили нас в Самару. Козьмин Федор Данилыч уехал, Долженков Николай Константинович, Игоня Прохоренко, еще ряд товарищей.

Белогвардейцы дошли уж до Кинеля. В это время в Самару пришла формироваться Чапаевская дивизия. Я пошел в Иваново-вознесенский полк.

Наш полк направился в лоб противнику вдоль железной дороги. Полк почти весь был коммунистический. На 80 процентов были в нем большевики — иваново-вознесенцы. Я вступил в партию в марте 1917 года, а иваново-вознесенцы были большевики старые, добровольцы, годов по 45.

От Кинеля Колчака толкали вплоть до самой Уфы. Тут он маленько уперся, и бой был страшный. Наша рота стояла как раз у железного моста. Он уже был взорван. Мы забили их в город.

В это место враг сильно бил. Однажды ночью мы обстреливали вокзал, остатки их выбивали со станции. Сделали себе временные окопы, лежали за грудами шпал.

Ночью среди нас появился Михаил Васильевич Фрунзе. Пришел пешком, один, небольшого роста, коренастый. Сзади стояли его штабные. Он высматривал, где противник, откуда получаются главные выстрелы. Ему надо было узнать, куда направить наш артиллерийский огонь.

А кругом нас пули свистят, снаряды рвутся. Осколки, камни кругом летят. Такой свист пуль шел — беда!

Старый иваново-вознесенец Шелехов лежал рядом со мной за шпалами. Человек двадцать нас было. Лежали, нельзя было поднять головы. А Фрунзе смотрел стоя.

Шелехов говорит:

— Миша! Уйди! Здесь тебе не место. Тебя могут поранить или убить...

...Их поставили на край могилы и дали залп...

Он ответил:

— Товарищи! Неужели я один дороже вас, тысячи?

Тут прилетел осколок, и Фрунзе легко ранило в руку. Ребята иваново-вознесенцы, человек шесть, выскочили и начали его отводить насильно. Они его хорошо знали по партийной работе. Скоро возвратились:

— Ничего, пустяшная рана!

Партия тут организованная была. В каждой роте — ячейки и полковой комитет громадный. В этом полку партийная организация была сильная. Мне пришлося на двух собраниях побывать полковых.

Помню партийное собрание в Белебее.

Наша хозяйственная часть хотела нам удружить: поспеть вперед нас и все подготовить. Она шибко нам пособляла и прошла тропинками в одну деревню под Белебеем.

А там оказались белые...

Они утром угадали, а мы часа в два заняли эту деревню.

И видим возле пожарной лежат наши товарищи, 19 трупов. Шибко были изуродованы. Носы, уши отрезаны, члены были вырваны — страшно взглянуть. Жители потом рассказывали, что разбегались, когда наших терзали...

Тут наши ребята остервенели.

— Ни одного беляка в живых не оставим больше! Не станем брать в плен.

По этому поводу, когда взяли Белебей, сделали партийное собрание.

Выступил политком, черненький такой, маленький. Парень геройский был и развит чересчур. Он руководил всей нашей партийной организацией. Он разъяснил так:

— Товарищи! Я слышал возгласы всего полка, что не будем брать в плен. Что будем также тиранить белых, как они тиранили наших товарищей. Но это неправильно. Мы не варвары. Кого следует, будем судить своим революционным судом и тоже сделаем, что нам надо. А могут быть и невиновные среди белых, такие же рабочие и крестьяне, как вы. Их надо привлекать к нам. Это коренная белогвардейщина озорует. Ей одно место — только река Белая. Оттуда и не выпустим никого...

На дальних фронтах

Титов Андриан Филиппович

Когда нас с сибирского фронта бросили на польский фронт, мы, не доезжая Москвы — сколько верст, не могу сказать, — прибываем в город Сергиев.

Просто стоит эшелон оттого, что пути были занесенные. Занесло пути снегом.

Шадрин Василий, заведующий хозяйственной частью был — теперь он покойный, на польском фронте помер. Вот он сам с некоторыми людьми куда-то сходил. А потом пришел в эшелон и говорит:

— Там есть святой какой-то, нетленный Сергий. Мощи...

Мы заинтересовались, побежали толпой сразу.

Видим — крепость. Ворота заперты. А по обеим сторонам два длинноволосые «шпиёна». Монахи. Молитвы на листовочках продают.

— Куда вы? Нужно взять молитву!

— Какую молитву?

Отталкиваем их, идем, куда надо. И пробились в их «святость».

У них там строение и сад. По праву руку сад, а по леву — строение их, низменное. Мы подходим к дверѐ. Стоит длинноволосый. Здоров, ну прямо раскололся от жиру. Их мало там тощих было...

— Куда вы?

Мы говорим:

— Посмотреть...

— Нужно свечку купить.

— Ладно. Не надо нам никакой свечи!

Когда спустились в саму их каюту, видим, там сидит другой монах у дверей. Груда свеч. Такой же рылàн толстомордый. Опять предлагает купить свечу:

— Без свечи вас этот святой не допустит!

— Каки могут быть свечи? Мы не за свечами пришли...

Не стали с ним шибко много разговаривать. Пошли вперед.

Вошли в залу, в которой он у них помещается. Стоит гроб стеклянный. Свечи. А над гробом люстра. И около гроба стоит такая же морда толстая, как вверху.

Подошли. Теперь эта самая фигура рыластая, последняя,

расшарашила свои руки, не пускат нас. Уговаривает своими молитвами:

— Святой вас без свеч не допустит!

Ну, мы на их свечи не поглядели...

Стали разглядывать «святого».

Две ступени к ему подняться еще надо. Поднялись. Человека три. Друг из-за дружки смотрим.

Из-под стекла видно плохо. Пришлось нахально отворить эту покрышку.

И лежит... головёшка. Череп головы. Черный. Кость обыкновенная, а под ней или вата или воск, просто-напросто. И покрыто все бархатным полотном. Не так, чтобы прямо покрыто, сборенное, ровно наподобие ребер.

Всё мы пересмотрели. И поднялся после этого смех. Кто поскакал, кто толкатся... Смехотвором побежали обратно.

Двойников Исаак Титович

В конце 1916 года меня призвали на военную службу, но после разных передряг мне удалось вернуться на Медный как на оборонное предприятие. До лета 1918 года я все работал на Медном руднике, а потом уже после невьянской банды записался в Красную гвардию.

При сдаче Тагила я попал в плен к белым. Три месяца наш эшелон везли на Дальний Восток. Лучше в тюрьме сидеть, чем в таком эшелоне ехать. Набито было, как сельдей. Кормили, чтобы только не помер с голоду. Последние семь суток совсем почти ничего не ели. Когда приехали в село Шкотово под Владивостоком, нас высадили и направили в лагерь. Начался повальный тиф. Ежедневно выбрасывали по пятнадцать-двадцать трупов. Месяца через два перевели в другой лагерь в Никольско-Уссурийск. Оттуда мне удалось бежать в партизанский отряд учителя Степаненко.

Два года я бродил с партизанами. Степаненко перешел на партийную работу, Андреева — начальника другого партизанского отряда — белые сожгли в паровозной топке. Жили мы по деревням и в тайге. У нас уже был отряд богатый, вооружен до зубов. Нас человек тыща да забайкальских казаков тыща. Забайкальцы перешли к нам от Колчака. Мы хотели сначала уходить на Читу, разбить остатки Семенова и соединиться с Красной армией. Но пришлось до 1923 года остаться близ Никольско-Уссурийска. Заведовал я приморской базой в Еловке. Сражались с каппелевцами и японцами.

Когда партизаны разбили Калмыкова и заняли Амурскую и Приморскую области, то японцам пришлось эвакуироваться на родину.

А тут эшелонами отправлялись во-свояси. Силы их стали скопляться во Владивостоке, Никольско-Уссурийске, Спасске и других пунктах Приморья.

Наша партизанская часть стояла в Никольско-Уссурийске. У красных создалась тут целая армия тысяч в пятнадцать как из коренных партизан, так и из колчаковцев, перешедших на нашу сторону. Командовал гарнизоном тов. Андреев.

В городе находились и японские части, тысяч восемь. Кроме того через город все время следовали к Владивостоку японские войска из Амурской области.

Партизаны Сучанского района (Дальний Восток)

Мы были готовы к неожиданному выступлению. Несколько раз возникали у нас «тревоги», но каждый раз конфликты с японцами разрешались мирным путем.

Однажды в ночь началась опять тревога. Партизанам была дана команда: «В ружье!»

Мы с японцами заняли позиции друг против друга. По улицам ходили и наши и ихние усиленные вооруженные патрули. Встречались, винтовки наизготовку, но друг друга не шевелили.

На рассвете прибыли новые японские части из Спасска. Идут по улице густыми колоннами к своему штабу мимо крепости. А крепость занята партизанами. Если бы начать тут стрельбу, то всех бы их пулеметами покосили. Нас было в городе гораздо больше, чем японцев, и все наше снаряжение было лучше. У нас было все, что хочешь: и пушки, и броневики, и пулеметы. Мы легко могли бы их переколотить.

...Они движутся совсем близко, но Андреев дал нам приказ никоим образом не стрелять. Он прогнал на автомобиле мимо нас в штаб к японцам, чтобы разрешить и этот конфликт...

Мы лежали.

Вдруг сразу по всему городу японцы стали стрелять в наших. А у нас приказ — не стрелять. Мы отступили. Человек с тыщу тут погибло. Оказывается, японцы в один и тот же час выступили во всем Приморье. А у нас связь с Владивостоком с командованием нашей армии была прервана.

Некоторые наши части все-таки приняли бои с японцами. Но гарнизон в целом отступил по разным направлениям из города. Много снаряженья осталось в городе.

Весна. По воде, по болотам отступали. Отступили в Полтавку, сгрудились. Потом перешли из Полтавки в Прихайканский район. Оттуда хотели итти через Манчжурию на Читу, чтобы соединиться с Красной армией. Но потом решили остаться в Приморской области и закрепились в тайге в селе Анучино. Позднее мы узнали, что Андреев отступил на Спасск, был захвачен белогвардейцами Бочкарева и сожжен в паровозной топке.

Белые в Тагиле

Зимин Павел Кононович

Они летом пришли, под осень 1919 года. Мне было лет десять, не больше. Погода такая пасмурная была. После двух часов был дан свисток на заводе. Сразу раздались выстрелы на Малой Кушве. Побежали мы на свалку смотреть. Шу́хорно было ведь. Видим: выстрелы, огоньки. До вечера были там. Мать прибежала, плачет:

— Айда домой! Отец больше не придет... Отступил с красными...

Отец до этого дня проведовал нас, приходил с ружьем. Сперва-то он на работу с винтовкой ходил. Работал машинистом на водоотливе в Большой выработке. С винтовкой и спать ложился. Мать ругается. А мы, маленькие, прижмемся в угол, боимся.

Он дежурил вот здесь. На Лисью гору мы к нему ходили.

Мы все ушли к дяде. Дом рядом был. В избе спали все. Имущество в погреб стаскали: машину швейную, половики, сундуки, с одежой которые. Кадку с водой поставили. Снаряд падет, загорится погреб — тушить. К нам приехал красноармеец, сказал:

— Уходите все из домов, бой будет.

В Большой выработке под подъемником № 1 на 1-й площадке объездная штольня была. Мы в ней первый день и сидели. А второй день свой окоп сделали. Из шахты в огороде Крючковых... Потолок из бревен. Егор Крючков на японской войне да на германской был. Он все знал. Блиндаж хороший сделали. Хлеба, молока нанесли.

Четыре семьи: две Крючковых да наши две. Мы, челядь, все к выходу — посмотреть, как там? А нас не пускают. Егор Крючков смотрит:

— Шрапнелью бьют.

Стрельба продолжалась дня два. Потом утихло.

Разведка: два ли, три ли на конях проехали. Белые флаги велели вывешивать. Мать просто какой-то белый платок взяла, скатерку маленькую. На другой день с утра они праздник свой открыли. Звон подняли. Мы в два часа на рынок побежали, мальчишки. Там поп шел, пел «Христос воскресе», солдаты с музыкой шли. Мне брат старший сказал:

— Айда, пойдем, а то нас заберут.

Мы и побежали. Мать узнала, что мы в рынок ходили, и давай лупить нас.

Дня через два после этого они к нам в улицу пришли. Спрашивали, где живет здесь Зимин, коммунист. Соседи сперва было не сказывали, потом сказали. Они оценили дом, думают, дескать, тут он сидит: «дожидается» их.

Мы с матерью и пошли — как я старший — отворять. Они уж двери начали ломать. Говорят:

— Где ключ?

Она:

— Вот-де!

Стала отворять, да и не может, испугалася, видно. Они сами отворили и вошли. Ее два раза нагайкой, что не отворяла. У одного маузер больно хороший, вороненый был. Я посмотрел. Он как даст мне подзатыльника, я кубарем. Заревел. Мать тут заревела. По доказу они пришли, но никого не нашли.

Быков Григорий Семенович

В 1918 году поступил я к Шибневу робить, 12 лет мне было. Мать выпросила меня в батраки к Григорию Кирилловичу, Гришке Шибневу.

На Ключах у него тоже был дом и лавка. Тут у него зять жил, Марченко Михаил Григорьич. Тот, что потом заведовал Большой выработкой. Кривой. Глаз у него оловянный.

Приезжал я на Ключи только назём чистить. А жил там. Робить не под силу рядили. С потемок и до потемок, дворником и кучером, а ежели справишься, так гнали робить и в колбасную. На свалку мяса, от костей его отделять. Мясо свалишь, а кости на продажу — обрези-то продавали — или мясо подтаскиваешь.

Жил я в кухне на сундуке. Сундук стоял с конной сбруей. Большой сундук. Так я на нем спал. А Шибнев сам жил шибко роскошно.

Он толстопузый, выйдет из своей спальной, почесывается...

Я жил, как собака, а они — как в раю. Зал был у них большой для столовой. Пол крашеный, половики суконные, шкафы с хорошей посудой. Этот зал внизу. А вверху спальня, другой зал и еще комнаты...

Они гостиницу «Эрмитаж» содержали до революции, колбасную, магазины.

Как красные-то были тут, отобрали у них гостиницу. При белых комендант там стоял, а полдома они занимали. А торговля и колбасная мастерская у них все это время работали.

В 1919 году при власти белых Гришка Шибнев говаривал мне с насмешкой:

— Ну, как твои братья-красножс.....? Думают вернуться? Нет, мы их тяпками зарубим, а в Тагил не пустим!

Особенно часто приходилось мне слышать от этого неуклюжего толстяка похвалы боевой белогвардейской дружине:

— Вот они — наши герои, наши лучшие братцы — Дмитрий Андрианыч Горохов «Дерун», Костя Бушарин, Котов Коля! Слушай, Гришуха! Таких героев я всегда берегу!..

Мне от этих слов становилось нехорошо. Хоть я был уже четырнадцатилетним парнишкой, а чуть вожжи не выпадали из рук. Я вспоминал, что видел, когда Шибнев отправлял меня на дежурство к белогвардейскому коменданту подавать тому лошадь. Это все было в доме по Шаминой улице, где сейчас расположен военкомат.

Когда я заходил в коридор, то заставал там обыкновенно ряд наших ключевских мужиков, которые служили в боевой дружине при коменданте. Сидели они с винтовками, против дежурного. Был там белобрысый Котов Николай Семенович, был длинный с прищуренными глазами Бушарин Костя. Был кое-кто и еще. Об этих-то «героях» и говорил мне хозяин Шибнев.

Мне часто доводилось подолгу просиживать в коридоре, ожидая выхода коменданта. Сидишь, потихоньку смотришь, видишь страшные вещи.

Дружинники вдруг начнут торопиться, бегать книзу, в подвал. Оттуда доносятся стоны, крик, рев.

Потом оттуда проводят по коридору рабочего в промасленной блузе, руки связанные. Дружинники смеются:

— Его благородие подбавит еще тебе!

Я при этом вспоминал про своих отступивших братьев и думал, что если они попадут в плен к белым, то будут так же страдать от рук проклятых белых дружинников, как я не раз видал здесь.

Тогда я спускался по маленькой лесенке вниз во двор к своей лошади. Двери подвала отворялись во двор. Из подвала выводили рабочих, мужчин и женщин, избитых, заплаканных, затуманенных, и вели их, зачем — не знаю, к «его благородию». У двери валялись окровавленные поленья...

Я быстро подхожу к лошади, поправляю на ней сбрую, а сам гляжу. Тут-то мне и становилось понятно, за что Гришка Шибнев называл дружинников «героями».

Горохова Деруна я и раньше знал хорошо. Николая Котова знал на руднике как подрядчика. А Бушарина Костю тоже знал, только плохо. Тут-то я во всех них и всмотрелся...

...Однажды ехал я с комендантом, и вдруг порвалась супонь. Я соскочил быстро с козел, завязал и обратно сажусь на козлы. Комендант на меня рявкнул, как зверь:

— Сволочь! Мальчишка негодный! Шкуру спущу! Ты ведь меня сконфузил!

Я только успел понужнуть лошадь, а комендант меня сзади нагайкой ка-ак резанёт. Я чуть с козел не пал. Слезы из глаз потекли ручьем. А он опять на меня:

— Поезжай, сволочь, быстрее!

Кое-как я отвез его в Тагильскую улицу, завернулся и поехал обратно к Шибневу. Еду и думаю:

— Не буду работать. Все равно уйду!..

Приехал. Шибнев выходит:

— Ну, Гришутка, съездил? Езжай, давай, на Ключи!

Я сразу ему туг и отвечаю:

— Нет. Заболел я, пойду домой. Возьмите лошадь-то...

Повернулся быстро к воротам и от ворот бегом...

Прибежал домой. Старше меня дома был брат Иван. Он спрашивает:

— Ты что прибежал?

Я ему рассказал все. Он осерчал шибко:

— Ну их к чорту! Как-нибудь проживем. Говорят, красные скоро вернутся... Я тебя больше к Шибневым не пущу.

На другой день старший сын Шибнева Николай подъезжает к нашему дому. Я, завидя его, спрятался. Он начал стращать брата:

— Зачем Гришук с работы сбежал? Коменданту скажу! Все равно работать заставим!

Брат Иван отвечает:

— Кого ты заставишь-то? Гринька в деревню уехал.

Тот поворчал, поругался, отъехал ни с чем.

Назавтра брат говорит мне:

— Ну, давай, убирайся из дому! А то увидят и на самом деле возьмут, да и не так надерут, а сильнее. Вон сродный наш брат Антоха в деревню едет. От греха подальше поезжай-ка и ты с ним. Сегодня вон опять по тебя от Шибневых заходили...

И поехал я с Антохой под Алапаевск в деревню Коптелово. Поступил я там в бороноволоки и жил до прихода красных. Красные возвратились. Я вернулся в Тагил. Сродные братья и брат родной — все оказались дома, красноармейцы. То-то радости было.

Горностаев Ефим Егорович

В девятнадцатом году я был десятником на бремсберге в Большой выработке. Приходит Климов утром часов в девять и говорит:

— Большевикам уж остается держаться недолго.

Я спрашиваю:

— Каки ваши соображения? Почему это так?

Он мне и говорит:

— Линии железных дорог — восточная, южная и западная — отрезанные. Восточная здесь из Сибири отрезана Колчаком, Дутовым, а остальные — Деникиным. Все дороги отрезаны генералами. У большевиков остался только один северный путь, который на Вятку и на Москву. Так что, дескать, им например на одном пути этом развернуть никакого широкого действия не придется. Потому что переброска транспорта узкая.

И армии у них настоящей квалифицированной не имеется. И организовать, дескать, у них ее некому. Потому что ни офицеров, ни настоящего командного состава у них нет.

Теперь значит мой ответ ему на это дело. Я ему говорю:

— Ваши соображения совершенно неверные. У большевиков уже армия частью имеется. Из тех солдат, которые участвовали в окопах в империалистической войне. Сейчас же с ружьями не пошли домой, в деревню, а пошли против белых. И большинство рабочих центра уже взялось за ружье. Из себя составляют второй резерв армии. И по моему соображению у большевиков дело должно двигаться вперед.

Он мне сказал на это:

— Ваши взгляды по-моему совершенно детские. Вы рассуждаете по-ребячьи.

А я ему сказал:

— Сейчас мы спорить с вами не будем. Посмотрим, что станет в будущем. Дороги — дорогами, а красные и пешком придут, коли надо!

Так и разошлись тогда.

Быков Григорий Семенович

Во время колчаковщины на Урале в Тагиле много красноармейских семей пострадало от белого террора.

Семья партизан Мамоновых — Ильи, Петра, Николая — потерпела за то, что они ушли в Красную армию.

Когда в Тагил вошли белые, то пособники их — Криворучкин Матвей с женой Ариной — отправились доказывать, где живут красноармейские семьи.

И вот как-то смотрю я — едут офицеры в погонах по нашей улице. Едет еще с имя́ Горохов Дмитрий, по прозвищу

«Дерун». Это был прежний ключевской старшина и десятник Железного рудника.

Начали делать у Мамоновых обыск. Насмехаются:

— Награбили буржуйского добра? Думали, что проживете вечно?

Сделали обыск. Поотбирали все, что под руку попадало хорошее, заработанное своим рабочим горбом. Говорили:

— Это буржуйское!..

Вскоре Криворучкин Матвей добровольно вступил в боевую дружину белых. Вступили туда же Котовы, Николай и Семен, и ряд других. Начались аресты. За свою предательскую работу дружинники получали похвальные листки от коменданта города.

По их доказательству был арестован отец партизан Мамоновых — старый Тихон. За ним посадили сына Николая Тихоныча, который отстал от отряда после боя у Сан-Донато.

Это Семен Котов провел чехов тропинками к Сан-Донато, чтобы отрезать путь отступающим частям Красной армии. Тут произошел страшный бой. Погибло несколько сотен красноармейцев. Под Красным камнем были навалены кучи трупов.

Посадили партизанок Аграфену Пестову и Антониду Масленникову. Издевались над ними всячески, избивали, мучили, расправлялись жестоко.

Офицеры опять приезжали к Мамоновым и хотели всю семью нагайками застегать. Старика Тихона через несколько месяцев выпустили. Сына же Николая увезли.

Пошли слухи, что красные части ведут наступление на Кунгур и белые готовятся удирать из Тагила.

Приезжают опять офицеры к семье Мамоновых. Вывели из дому мать партизан — Авдотью. Белобандитка Арина кричит:

— Драть надо их пуще! Не могла уговорить сыновей.

Офицер замахнулся нагайкой и ударил в плечо Авдотью. Детишки закричали:

— Не троньте мамку!

Офицер на рыжей лошадке вертелся и угрожал револьвером:

— Всех расстреляю большевиков-подлецов!

Авдотья стояла, рыдала слезно:

— Пожалейте хоть малых деток моих!..

Вдруг в соседней улице грохнул выстрел. Офицер повернул лошадь и быстро помчался прочь. А Арина все издевалась:

— Вот, сыны твои — Илюшка и Федька — расстреливали людей. От них, гадов, Треуховы погибли. Это все делали ведь дети твои. Федька, как отслужил германскую, добровольцем пошел к красным. Мошенники твои дети!..

Но вот красные очищают Урал от белобандитов, и Арина Криворучкина сразу прижала уши. Вернулся из леса Тихон Мамонов, приехал с фронта Илья. А Петр промчал мимо дома гнать Колчака до полной победы. Потом он боролся на польском фронте и угадал в плен.

Однажды на нашей улице мне попадается почтальон. Спрашивает:

— Где тут Мамоновы — Илья или Тихон? Вот открытка им...

Я посмотрел. В открытке пишет из Сибири Мамонов Николай Тихоныч...

Через долгое время вся семья собралась вместе, и началась у них мирная жизнь.

Пестов Федор Иванович

В детстве на меня очень сильно повлиял один случай.

Мне тогда было 8 лет. Белые отступали с Висима через Тагил. Они остановились по всей Большой Рудянской улице, Малой Рудянской, Ключевской и Старобазарной. Наша изба стояла крайней у самого полотна железной дороги по Большой Рудянской улице. У нас остановилось белое начальство. Напротив — караульная рота.

Офицеры отдали моей матери печь хлебы. Ни дрожжей, ни закваски не было. Хлеб неудачный вышел. И когда этот хлеб мать стала сдавать им, офицер Беляченко говорит:

— Это не из нашей, а из вашей муки хлеб. Мы вам давали белую!

Начал к ней приставать:

— Давайте, платите за весь хлеб пятьсот рублей керенками, или мы уведем вашу корову!..

Из избы тут все повыскочили. Крестная убежала к тетке Насте Катаевой. А офицер выбежал во двор, кричит:

— Запорю! Взять! Запороть!

Он стоял на крыльце со стэком. Ростом маленький, коренастый, волосы волнистые. Красный сам, глаза кровью налиты чертовски. Вбежали два солдата. Мать бросилась в переднюю избу. А бабушка и тетка Клавдия убежали за железную дорогу совсем.

Только солдаты взялись за мать, я заревел, стал просить их:

— Дяденьки, не троньте!

Они меня оттолкнули и повели мать на улицу. Но в это время к офицеру подбежала крестная и подала ему пятьсот рублей, которые заняла у Катаевых. Он только крикнул:

— Ладно, что уплатили деньги, а то бы всех запорол!

Но хлеб они забрали.

Все это врезалось в мою память.

Возвращение красных

Боровых Михаил Фомич

Когда красные ушли из Тагила, главным инженером в горном отделе был Кузнецов. На руднике работали: Климов — смотрителем, Иванов и Кондаков — помощниками, один по Большой, другой по Граневой выработкам.

Работ больших не производилось. Со всеми коннорабочими, пешими и женщинами на руднике числилось не больше четырехсот человек. А лошадей и полтораста не насчитать бы...

Приблизилось время возвращения красных. Стало кое-чего чувствоваться. Стал показываться народец, оттуда вот, с Голого камня, на хороших упитанных лошадях. Запряжены были лошади крупные в крепкие коробки. А в коробках все сундуки, постели, разная одежда.

А мы глядим на это, ничего будто не понимаем, спрашиваем Климова:

— Александр Палыч! Откуда это мужики такие бородатые едут?

Он не хочет ответить, что, мол, белые отступают, и говорит:

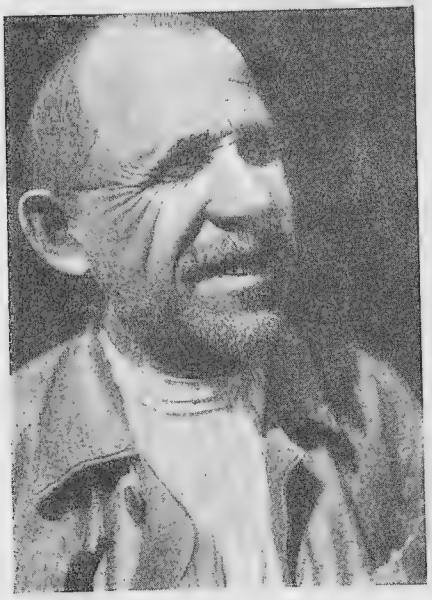
— А это струхнули там, видно, маленько. Вот и поехали кольцом. Теперь все так колечками и ходят во время военных действий. В лоб отступят, а сбоку, глядишь, вперед уйдут...

Ну только не походило на то, что белые и с боков наступают. Стало их появляться все боле и боле. Сначала вереницами часов по двенадцать без перерыву шли. Ехало, ой, и много!

Потом один раз три дня ехали, страсть... А там подряд боле недели: и попы, и дьякона́, и дьявола́ — все тут.

И народ на заводских не походит, все рослый, русый народ, чернобородых не было. И лошади баски́е, хоть воды взлей.

Бедного народу среди них не было. Все кулачье одно. Некоторые из них на Невьянск поехали, некоторые на Салду — не помещались все на одной дороге. Они на Шадринск в хлебные места направлялись, отступная-то публика. Потом солдаты пошли, «серо-горе». Множество шло солдат. Двое суток. Схватит там стакан или ведро водицы попить, поставит и бегом опять дальше. Молчали, ничего не говорили. Скучные совсем шли. Сильно оборванные...



Боровых Михаил Фомич

Отступали они из Перми по Сибирскому тракту через Кунгур, Висим на Тагил. Весь буржуазный класс уже давно прошел, а солдаты все прут да прут. Ну, думаем, какая же должна быть у красных сила, что такую тьму-тьмущую перед собой гонит!

Наконец все прошли. Тихо стало. Тут уж нам жутко сделалось. А ну-ка, напоследок они с нами по-своему попрощаются.

Ведь здесь белогвардейская охрана стояла с июня 1919 года, конницы человек сто и пехоты рота. На Ключах офицеры их у Лизы Мамоновой да у Яшниковых квартиру имели.

Стали и они постепенно отступать тоже. Так легонько, тихо смотались. Последняя партия уходила — кости с черепами на руках. Цилиндры у паровозов на станции рвать начали, чтобы красным уменьшить транспорт. Окошки дребезжали.

Наши техники, заслышав, что скоро в Тагил вступит Красная армия, решили, что жизнь их станет от этого не красна. Созвали в Главном управлении собрание всех технических сил горного отдела. Решили бросить всю работу в отделе и на рудниках и отступать с белыми.

В назначенный день техники развезли свое имущество из квартир на руднике, кто куда: к друзьям и к знакомым в

разные концы Тагила. Рабочие только разводили руками: как, мол, мы будем робить без техников...

Уезжает заведующий всеми рудниками инженер Кузнецов, средних лет, высокого роста, тонкий, белый. Одежду он носит хорошо сшитую, «по кости». На носу его поблескивают очки в золотой оправе. Он очень важно ступает по земле и видимо считает себя умнее всех прочих.

Уезжает Вениамин Петрович Иванов, очень быстрый, маленького роста, ворчливый и нервный. Собирается он скоро, боится остаться в Тагиле.

Уезжает Алексей Михайлович Кондаков, черный, как цыган, средних лет, собирается быстро, плачет.

Уезжает механик рудника Давыд Павлович Епимахов, очень тихий, для всех милый, любящий рудничные машины, как своих детей, и все же бросающий их на произвол судьбы.

Уезжает помощник механика Полузадов, сбрив себе волосы.

Уезжает Филипп Кириллович Францев, толстый, как бык, кругом обритый. Староста гальянской церкви.

Вызвали меня в горный отдел. Пришел. Кузнецов сидит:

— Ну что, Боровых, намерен отступать с нами? Нет?

— А мне чего отступать?

— Там идут чернокожие да краснокожие! Всех почем зря режут-лупят...

— А наши-то мужики где, что ушли с красными?

Второй раз вызвали:

— Вот, Боровых, ты не едешь никуда?

— Нет.

Белые отступили, а с ними вся административная знать. В городе затишье, нет пока никаких властей...

Но вот в Главном управлении собрался совет под председательством Семена Андреевича Саламатова и его заместителя Яновича, где техник Иван Лукояныч Ляпцев утверждается заведующим рудником, а я, Боровых, его помощником.

Вот тут-то и началась работа. Рудник, как новорожденный ребенок. Налаживаем дороги, чистим русло Рудянки, сеем руду из подрудков, обмеряем и записываем остатки запасов руд на всех рудниках: Высокогорском, Лебяжинском, Марганцевом, Березовском, Шиловском, Жеребцовском.

В Граневой обили стену, чтобы можно было свободно работать, не ждать, что камнем голову размозжит. По всем уступам чисто подобрали руду и породу, скидали ее наверху в штабеля. В Большой выработке то же. Словом, навели порядок и ждем только, какое распоряжение получим на добычу руд.

Недели через три стали прибывать красные войска. Все наши, большей частью тагильские ребята. Архиповы Александр, Всеволод и Авдей, Ганя Боровых, Сережка Жерин и много других, страсть много, всех не перечесть.

Немного раньше пришел на рудник человек, борода большая до колен, а по осанке не старик. Просил:

— Нельзя ли покараулить, не пустите ли?

— А чего у нас караулить? Нечего.

Прошли мы с ним в кабинет. Тут он снял парик. И оказался Вася Чистяков. Все рассказал нам. Недалеко у них отряд Красной армии скрывался.

Он нас обнадежил, сказал:

— Хорошо вы сделали, что сберегли машины.

Дали ему из наших запасов хлеба 50 пудов на прокорм частей Красной армии.

Второй пришел Гринька Ивойлов, шадривый, гальянский. Еще власти не было, он тоже откуда-то пришел, поперед красных частей.

Приехали Дюшка и Андрей Архиповы. Стали организовывать профсоюз. Другие горняки приехали. В вечер может быть человек 50 приехало. Они поперед своих частей.

После Миньки на третий день загонщик приехал: «Идут». И пошли мы встречать. В колокола зазвонили, народу множество. По Черновскому тракту. И войска насквозь прошли. Остался дивизион один. Ну, ребята тагильские, которы были, суток трое-четверо по домам ночевали.

А на руднике работа еще шла плоховато. Ляпцев еще боялся разворачивать ее, работу-то. Стали уступы чистить. Васька Полузадов приехал. Усы, бороду, все обрил — такой старухой приехал.

Власти съехалися, стали организовываться. Члены горсовета были прикреплены по отраслям: один по горной, другой по металлургии. Санька Саламатов первое время всем воротилой был.

Производство стали развертывать вплотную. Прокладывать дорожки, чистить оплывы, исправлять вагоны, ремонтировать водоотлив. Главное, ведь устои подмыло.

Красные пришли 18 июня 1919 года, а это начали с осени. Когда вскапывали дорожку, заморозки уж были. Динамит сбирали везде: и в Надеждинске, и в Богословске, и в Алапаевске.

Когда красные войска прогнали Колчака и советская власть начала укрепляться, к нам на рудник стали обратно прибывать техники. Такие кроткие, тихие, оборванные, худые — никуда не годны на вид.

Первым является Филя Францев, говорит:

...Недели через три стали прибывать части красных войск. Все наши, большей частью тагильские горняки...

— Я был от Тагила недалеко, верст за 25, на покосе у своего щегеря Николая Ивановича Гаева, близ деревни Грань. Хорошо я там пожил, отдохнул в стороне от дороги, никто меня не видел, и я никому в отступлении не мешал. Если хотите, возьмите меня по вашему усмотрению на службу...

Недолго думая, решили посадить Францева начальником в горный отдел.

— Ну, Филя, служи, только больше от нас не бегай.

Назначили его заведующим горным отделом. А потом он уж сделался большим воротилой.

После него вскоре явились механик Епимахов, горные техники Кондаков и Веночка Иванов. Эти куда-то далеко ездили, но по приезде были приняты на руководящие места.

В конце 1920 года была организована Райруда. Все техники собрались. Они всё боялись, в глаза не смотрели. Как в очках ходили. Стыдно ведь было.

Стали за вскрышу приниматься. Южный борт совсем глиной заплыл. Стали подъемник № 2 строить. Все деревянное устройство сделали, а железного устройства не было. Всюду собирали.

Козьмин Федор Данилович

Я возвратился с гражданской войны 4 августа 1919 года. Профсоюзной организацией я был поставлен на работу в качестве руководителя восстановления Высокогорского рудника. Я заступил на службу почти что с первых дней восстановления. В Большой выработке еще до войны был устроен подъемник, который обслуживал только два уступа: восьмой и девятый от верха. С первого до седьмого работали на лошадях. Работалась конями и задирка, т. е. углубление выработки. В течение 1918—1919 годов Большая выработка превратилась в воронку. Грунт в ней глинистый. Во время таяния снега, во время летних дождей уступы все оплыли, их мало было заметно, железные дорожки были совершенно завалены. Водоотлив все же работал. Мы сделали небольшой ремонт подъемнику и приступили к работе.

До прихода красных в Тагил Медный был затоплен белыми, и рабочие перешли на гору Высокую. Но беда в том, что ни инструмента, ни фуража для коней не было. В это время поступило распоряжение правительства о присоединении к нам соседних рудников: Верх-исетского, Строгановского, Стенбок-Фермор и других. Я собрал там весь инструмент, и работа у нас пошла. С первых дней мы взяли на

работу не более пятидесяти человек и тридцать-сорок лошадей.

Пустили очистку железной дорожки, для начала всего в четыре вагонетки. Взялись за работу горячо, пока на одну смену. Подошли к первому забою, пустили его в ход. Были частые случаи, что перед концом смены мы с покойным Алексеевым Васильем Владимировичем придем в Большую выработку, сделаем маленькое собрание, объясним рабочим, что товарищи с Медного рудника ходят, просятся на работу, но ставить их некуда, к забоям ходу нету еще.

— Так, чтобы ускорить это дело, давайте, еще накладемте по вагонетке!

И накладывали и еще подвигались на несколько саженей вперед. Освободишь забой — четыре человека на работе прибавятся. Таким образом с первым уступом окончили, взялись за второй, взялись и за верхние уступы.

Пришли старые подрядчики, которые раньше ходили в белых запонах и с вачегами на руке. У которых раньше было по три-четыре лошади — осталось по одной, по две клячи. Хороших коней белые «благодетели» отобрали ведь. Ни один подрядчик не ушел в Красную армию, и при мобилизации все оказались как будто бы негодны.

Часть третья

Восстановление

Робить надо

Шишкун Андриан Иванович

Значит уж мои года уклонные. У меня одна заповедь: надо робить. То надо сделать, это надо сделать. Больше ничего. Ну, я все же доволен. Я два документа имею героя труда. Роблю и роблю...

В девятнадцатом году осталось нас на руднике, конно-забойщиков с лошадьми, человек десять. Фомич тогда ходил за смотрителя. Он с нами всю бытность тут водился до двадцать первого года.

Думали: «Сохраним рудник? Сохраним!»

Ночью бежит Фомич — рассылок-то не было.

Он, Михаил Фомич Боровых, сам все бегал. Если сам нарядит, — придем. К Гане прибежит, ко мне ли, к Васе Бородину, — бывало, никогда не откажемся. С семьями прямо приходили.

Дожди были сильные. Подмывает трубы водоотлива. Они по красному боку, по мягкому, на брусьях висят. Кабы тóрнуло магистраль — затопило бы выработку. Мы уж брусья запасные да столбы припасали для подставки труб.

Раз дождь был страсть сильный. Ровно таких дождей и не бывывало. Устои под водоотливными трубами подмыло. Рудянка из берегов вышла. Ой, мать честная!

Ночью Фомич прибежал на рудник. Мокрó. Темень. Он кричит машинистам водоотлива сверху:

— Как, ребята? Ровно плохо идет вода? Плохо вода убывает у вас! Что не пускаете моторы?

— Да толку-то, — кричат, — никакого нету! Гнет трубы. Свертки перегибает!

Взглянул Фомич на магистрали и обомлел. Батюшки, что делается! От каждого свертка — где труба с трубой свернута — вода по белякам бьет. Трубы уж качнулись сильно и того гляди совсем разойдутся. В свертки бежит вода. Гайки-то отвернулись.

Побежал наряжать близ живущих рабочих. На третьем уступе было, на самом это на паршивом месте. Мягкая глина больно была, выворотить ногу не можно. Грязúна, да ночка, да ничего не видно, да будь ты трижды проклят! Взглянет на ноги: то ли в обутках, то ли в чем! Все-таки идет спасать рудник. Потом говорил Фомич:

— Не будь вас, вот этих мужиков, ничего бы от рудника не осталось. Все бы залило. Пруд бы на этом месте был.

В такую мóкреть вытащи кого робить! Три слова только и сказал бы другой: «Да больно-то нужно...»

А мы пошли!

По Кузьку Бушуева, перво он прибежал. Кузька пришел и артель свою привел — братьев Зыковых. Федька Раскатов, Ганя Якимыч, я, еще кое-кто пришел. Собрались на уступе, начали столбы подставлять, чтобы трубы не падали.

После мотор спасали.

Мотор один совсем было затопило. Вот воды сколько уж было! Выше гайки с полметра. Стали отрывать его — нейдет... Ганя Якимыч говорит:

— Ну, ребята, деваться некуда, последнюю гайку надо отвернуть, уж ни срубить ее, ничего нельзя.

И с ключом в руках опустился в воду. Сам-то стоял в аккурат по шейку, в аккурат до этих пор в воде. Вода была ключевая, уж очень холодная. Зубами он так: «А-в-в-ва-в-ва! А-в-ва-в-ва!»

Как сейчас помню. Отвертывал он ключом гайку. Два поворота сделал:

— Ну, ребята, спасены!

Веревками сперва спутали мотор. Талью подняли на третий уступ.

Я вино не пью. Мне и было поручено угощенье мокрых мужиков, которые отрывали мотор. Я только давал по стаканчику, по одному. А так нельзя было много-то. Перепьются.

— Когда работу кончите — тогда досыта пейте.

Спасли мотор мы. Наладили трубы водоотлива. Радуется Фомич:

— Ну, ребята, бегите домой... Просто спасибо.

Никому так не доставалось, как нам доставалось. Ругали подрядчики:

— Ну какой вас чорт ночью несет робить? Хватаете на кого?

И все же наша взяла. Были мы ударниками и в то время.

Андрейцева Авдотья Максимовна

Мне очки как бы надо. 55 лет выробила и все на руду глядела. Пошто-то слеза бежит. Как робить стала, так и попортила глаза...

В голодуху мы робили хорошо. Кони в Большую яму ходили. Там Горностаев робил щегерем. Я на мосту стояла.

...И с ключом в руках опустился в воду... Вода была ключевая, уж очень холодная...

На мост кони руду в тележках возили. А мы сваливали ее из тележек через дыры моста в вагонетки. Вот, бывало, в лавке навесят тебе фунт муки да щепотку соли. Голодному трудно робить, а робили. Свою работу не бросали, Федор Данилыч на этой работе был начальником.

И ходила я все времечко на собрания, на субботники. И хорошо стало в руднике, чисто, опрятно. Мы дорожки прокладывали, ящики на мосту вычищали, мост чистили, уступы прибирали.

Хошь голодный ли, как ли, а робить надо. Что сделаешь? Кусок у тебя есть — начетверо разломишь, отдашь... Бывало, говоришь:

— Ребята! Пойдите, хоть отдохните немного. Отдышку поимели бы!

А они:

— Нет, Максимовна! Робить надо.

А собирались мы в клуб, где теперь столовая. Высказывали все: Александр Каписко, Игнатий Прохоренко, еще другие. Игоня, как начнет говорить, — заплачет. Уж очень мы трудно двадцать первый год прожили.

Потом стало налаживаться. По мешку ржаной дали, мясо давали, материю давали. Проса по полпуда отпускали. Жисть-то и пошла веселее...

И коней и пеших больше стало на руднике. Зачали сильнее робить.

А у подрядчиков все одно хлеб был и в двадцать первом году. Они все на гонщиках да на кладчиках жирели. Бывало, смеются они над нами:

— Ро-обят! Пущай робят!

— Вон Андрейцева старается! Клади пуще! Золотой подарят...

А мы на них нисколечко не глядели. Робили. Я, Горностаев, вся артель наша робила. Нам надо было. Мы горе терпели, переносили.

Ездила по муку к кулакам деревенским. В какую избу ни придешь — отказ:

— Вам надо эту власть — руки вы подымали, пусть она вас и накормит.

Так вот я сейчас этим кулакам в шары наплевала бы.

Беспризорник

Быков Григорий Семенович

Наступил голодный 1921 год. Пришлось мне ездить в поисках хлеба. Спекулянты уставят все нары большими мешками с мукой или рожью, а сами разлягутся на мешках. Везут всего подходяще. А мы, ребятишки, сидим под нарами, ждем, чтобы контроль прошел. Контролером был Колька Баранов Трифоныч, курносый парень с Гальянки. Каждый его знал. Мы сидим под нарами, молчим, авось не услышит. А спекулянты доказывают ему:

— Сидят, под нарами-то!

Он спрашивает:

— Кто под нарами?

Мы отвечаем:

— Зайцы!

— Вылезайте!

— Волков боимся!

Он засмеется и уйдет.

После проверки спекулянты ложатся спать. Большие мешки кладут под головы, чтобы их не украли. А мы снизу в щели между досок прорезаем перочинными ножами эти мешки и подставляем свои. Мука ли, рожь ли тоненькой струйкой бежит сквозь щелку из их мешков в наши. Спекулянтка на мешке, знай, храпит, а голова-то ее все ниже да ниже клонится. Как только наполнишь свой вещевой мешок, быстренько завяжешь его, на первой же остановке выскакиваешь. Спекулянтка проснется, начнет шуметь:

— Мешок распороли! Хлеб покрали!

А нас поминай, как звали. Мы на обратном поезде уже к себе домой едем...

Так шла моя жизнь в 1921 году; в 1922 году я совсем обнищал, пошел по деревням под окнами побираться. В тот год много народу померло. Покойников часто складывали в пустые сараи на околицах деревень. Я залезал в такие сараи и менялся с мертвецами обуткой. Стянешь с него пимы хорошие, а ему наденешь свои:

— Носи, друг! Тебе ведь все равно на том свете. А мне холодно...

Однажды я возвратился из деревень больной. Девять дней пролежал дома. За девять дней у нас умерло четверо человек: мать, бабушка, двое братьев. Я остался один, тяжело

недужный, очень слабый и истощенный голодом. Лежал в избе у окна. Караулил, когда мимо пойдет старый горняк большевик Каписко.

Вот он показался, высокий, черный.

Я открыл окно и стал просить его, чтобы он меня убил. Он посмотрел и спросил:

— За что?

— Я голодаю четыре дня...

Он сказал:

— Подожди минутку. Я сейчас пришлю...

Прошло пять минут. Прибегает мальчишка, такой же черный, как и он, сын его Мишка. Принес булку хлеба.

И так каждый день Каписко стал заносить мне хлеба. Когда идет со службы, обязательно передает мне фунта два или полтора. Он кормил меня, пока я не поправился.

Собирание сил

Двойников Саввин Титович

...Известный всем кадровикам рудника оратор Ефим Егорыч Горностаев говорит:

— Красная армия сметет всю контрреволюцию. Красная армия разбила Колчака, Деникина, Врангеля, разобьет всех, кто посягает на советскую Россию. Голод нам не страшен. На трудовом фронте должны мы драться за победу. Ясно, как день!

Скричит, так далеко слышно. Голос у него здоровый, резкий. Что ни скажет — все сбывается. «Ясно, как день» — у него поговорка. Надо поднимать дух-то, вот он и поднимал. Чуть что — митинг о наших делах.

Голодный наробишься — идешь... Эпизоды боев он рассказывает. Как обуты, одеты красноармейцы. Доказывает, как они нас отстаивали:

— Они — там, а мы — тут, на трудовом фронте. Ясно, как день!

Он так говорит резко и громко, что заинтересовывает рабочих. Получая вести из центра, собираемся после работы на митинги и собрания, идем послушать, что нового. Даже из города приходят слушать Ефима Егорыча.

Горностаев Ефим Егорович

Я стал работать в рудкоме с двадцатого года, с апреля месяца. Я ведь с красными отступал добровольцем, а как вернулся — меня избрали в объединенный рудничный комитет. Он объединял Высокую, Лебяжку, Геолого-разведку и Нелобский кварцевый рудник — есть такой за Салдой. Четыре производства.

На общерудничном собрании выбрали меня. Там, где столовая теперь, помещение такое клубное было. Избрали нас тройку целую: Николая Константиныча Долженкова, Ивана Фотеича Приходько, меня.

Много народу было. Человек пятьсот. Сильное было тогда собрание.

Затем мы конечно заняли помещение для рудкома. Раньше там кто-то жил из рудничного начальства. Распределили между собой обязанности. Меня поставили председателем.

Горностаев
Ефим Егорович

Работа началась. Стали организовывать — создавать разные комиссии: по охране труда, рабоче-крестьянскую инспекцию, кассу взаимопомощи. Организовали культкомиссию. Начали создавать тарифно-нормировочную комиссию. Потому что ничего тогда не было, никаких норм выработок. Все было по-старинке.

Я работал по двадцать третий год, по апрель месяц. Так что вышло три года с тремя днями.

Особенно в двадцать первом году было сильное затруднение с продовольствием.

Централизованное снабжение часто запаздывало. Перебои со снабжением получались, заминки. Привезут вагон овса, смелют, раздадут. На Тагильской улице была мельница. Я подстегивал хозяйственников. Понужал их, чтобы быстрее продовольствие доставали. Это в их руках было. А мне уж приходилось только их наряжать, что называется.

Трудная была работа. Приходилось удерживать отсталых горняков от вспышек. Вообще-то за все время моей работы никакой даже коротенькой 2—3-часовой стачки не произошло. Все удерживали, доказом брали.

Созывались частые общие собрания. Велась, как говорится, разъяснительная работа.

Были случаи такие, что отдельные личности просто говорили:

— Три дня уж никакой корки хлеба ни я, ни семья не видим. Как же я могу работать.

Я отвечал:

— Положение такое трудное. Вся страна так. Приходится переносить. Ясно, как день.

Как я был специалист по войне, я рассказывал, что где на фронтах происходило, как это делается, какие трофеи взяты. В газетах, что вычитаешь, идешь говорить рабочим.

Часто приходилось и в забоях быть. Там иногда и поспоришь. Сначала дашь ему «натешиться». Сначала он и покричит и чего. А потом уж его «подпояшешь», как говорится. Он и сядет в конце концов.

Конница была враждебна к производству. У коннозабойщика ведь два интереса только: сам да лошадь. Других у него нет.

Вот Горбуновы, Бобровы, гальянские Титовы Илья да Василий. Титовы — те даже приходили в рудничный комитет, все жаловались, что их обмеряли, неладно у них кубаж приняли и так далее.

Я когда в рудком заступил, так у меня волосы на голове целы были. А через два года вылезли. Голова стала греться, и волосы полезли: хватишь — волосок ползет. От напряжения от сильного. Был я малограмотный, самоучка. А тут митинги эти вокруг, делегации разные приезжают. Раз, помню, приветствовал чехо-словацкую рабочую делегацию. Выдвигают меня ребята:

— Айда, скажи чего-нибудь!

А ведь никто меня не выучил. Выворачивайся, как хочешь.

Приходилось все в себе находить. Вот в чем и трудность.

Тогда каждые шесть месяцев перевыборы рудкома происходили. Как соберутся рудничные коммунисты — никого промеж себя не могут найти кроме меня. Вали опять. Так три года отбарабанил.

А потом, когда ушомкались немного дела, меня заменили.

Отчего меня теперь нигде видно не стало?

Как начнешь где на собрании говорить — получается внутри захват. Врачи нашли как бы неврастению и сказали мне: большие выкрики из себя не производи.

Боровых Михаил Фомич

В красной школе на Ключах дело обстояло плохо: окна побиты, двери поломаны, печи топить нельзя — разрушены, да и дров нет. Рудком горячо принялся исправлять все

неполадки. В школу рудком выделил своим представителем Михаила Фомича Боровых, дал мне наказ скорее все исправить, починить и натопить печи, чтобы 250 горняцких ребятишек не мерзли. В красной школе учились дети рабочих-горняков, охочие до грамоты.

Заведывал школой старик-учитель Топорнин, очень любил он свое дело. Он учительствовал уже не менее лет 50 и все в Тагиле, в самом бедном горняцком районе. Ремонтировать школу охотно помогали своим трудом Филиппов и Анфисин Кирилл.

Вот все устроено и налажено. В школе светло, тепло и чисто. Можно начинать заниматься. Школа служит также местом собраний, заседаний и обучения военному искусству. Собрания большей частью проводит Носов, а военную учебу — Стаканчиков, Голованов, Коля Солин. За порядком следит народный милиционер, старший по участку и его помощник.

В рудкоме работают: Горностаев, Козьмин, Кладыков и другие товарищи. Всех не перечтешь. Польза от них большая, потому что они очень хорошо разъясняют порядки.

Но особенно любили все рабочие товарища Рындина, председателя районного партийного комитета.

Кладыков Сергей Андреевич
Нефедов Иван Степанович

Горняцкий комсомол организовался в 1919 году, осенью. Вскоре после ухода белых прибыл в Тагил из Красной армии Александр Иваныч Бобков, сын горняка с Большой Поперечной улицы. Секретарь горисполкома, сам молодой член партии, лет 25, он и организовал комсомол сначала при районе на Вшивой горке. Райком комсомола тогда помещался в доме теперешнего санпроса, райком партии — в Уральской улице, а исполком — в гостинице «Красный Урал». Внизу в гостинице был штаб Красной армии.

Вскоре организовался комсомол и у нас в 3-м районе. Мы заняли бывший Серебряковский дом по Большой Рудянской улице. Наш район начал называться горняцким только в 1923 году. Председателем комсомола был Бобков, секретарем — Алексей Носов.

Вербовка производилась так: дают нам, малышам, из газеты тему денька на два, на три. Выучиваешь наизусть по газете, а через три дня выступаешь перед беспартийным собранием.

Ну, видит беспартийная молодежь, что малыши так политически выступают, идет в комсомол записываться. Стало нас до ста человек. Таким образом набралось к нам много ребят не наших. Поют, танцуют, а рабочие подростки по стенам жмутся. Но потом собралось нас побольше, и наше влияние увеличилось.

Нашим первым пропагандистом был Пирогов Ливерий. Военные и политические занятия посещала исключительно рабочая молодежь. Учащиеся и служащие больше интересовались постановочками. Раз произошел спор. Молодой парнишка Воронин, брат студента-меньшевика, очень яро выступал против нас. Страсти разгорелись, чуть не передрались тут все. Этот Воронин потом вышел из комсомола еще до мобилизации.

В конце 1919 года мы переехали в бывший поповский дом у Троицкой церкви. Подоспела тридцатипроцентная мобилизация комсомольцев в ряды Красной армии, на деникинский фронт. Только объявили мы о наборе — случайный элемент сразу оставил зал заседания. Тогда мы вынесли решение — мобилизоваться не на тридцать, а на сто процентов, пойти на фронт всем кроме самых малых и девушек. Отправилось нас в Свердловск человек сорок с лишком. Ехали: Носов Алексей, Кладыков Серега, Свистунов Федор, Колеватовы — два брата, Третьяков, Веретенов, Андрейцев, Ливерий Пирогов и другие. Ехали весело.

Поселили нас в каком-то сарае. А шел ноябрь месяц, холодно. Мы пошли в Оровайские казармы, где разместились такие же мобилизованные ребята. На другой день отправили Серегу Кладыкова к начальнику политотдела проситься на фронт. Он был всех солиднее. Налепили ему большой красный бант. Но начальник все же ответил:

— Пушечное мясо из вас не хотим делать. Сначала здесь поучить надо...

Кто постарше был — отправили в Пермь, в тыловые части, а остальным по заячьей шапке дали — поезжайте домой! Мы челядь же были...

Уехали все старшие ребята на фронт, оставили секретарем Вороненко Елизавету. Деваха — во! Но тут началась зима, и поповский дом застыл. Является раз туда Николай Зиновьич Приходько. Ребята приуныли:

— Товарищ Приходько! Холодно...

Отправились вместе с ним на добычу. Разыскали в огороде пол-угольника угля. Разогрели комсомол. Ячейка оживилась. Начал работать драмкружок.

Поперетаскали мы стулья в поповский дом, все перетаскали, осталась рояль. Только взялись за нее — она нас и

придавила. По счастью проходил мимо горняк Криворучкин Яша, по кличке «Муха». Как лычанину себе на плечо надел — протащили рояль сразу...

К пасхе потеплело. Начали мы работу развертывать в соседстве с молящимися. Здесь же комсомольская организация и здесь же рядом поповская церква, Троицкая. Как молодежь отбить? Мы окна и двери свои — настежь, кто на рояли, кто на чем задубасил. Молодежь слышит шум, заинтересовывается, к нам заходит.

Двадцать первый год. Голод в дровах. Все отказывают дать дрова. Отвели нам участок на Долгой горе. Летом, примерно так в июне или в июле. Кто же об эту пору дрова пилит? Не расколешь, ведь сырняк. Все смеялись над нами.

А мы свое знали, субботники делали. Участвовало человек 20. Женщины, девчата-комсомолки участвовали. Кокуркина Мария, Карамышева Нюрка, Носова, Мамонова Люба. Инициатором был Свистунов Федор. Он на своей лошади и возил. Давали участнику пайку хлеба. Заготовили дров для комсомола на целый год.

А потом притащили мебель, диваны, шторы, цветов нахапали. Стало в комсомольском доме хорошо, обиходно.

К началу 1922 года у нас осталось только пятнадцать человек. Но это был очень крепкий коллектив. Почти жили все там, в комсомольском доме. И всяким попыткам разбить наш коллектив на отдельные группочки мы давали строгий отпор.

Помню, Шурка Колеватов приехал. Сын жандарма, а был у нас в комсомоле. Жил в Тагильской улице, торговлишкой занимался. И вот раз во время политзанятий мы сидели в большой комнате, прорабатывали какую-то тему. А они, несколько человек, в канцелярию забились беседовать: он, Катя Титова — кисейная барышня-гимназистка — и еще таких несколько.

Мы узнали. Федор Свистунов с возмущением заорал:

— Мы тут сидим, рабочая молодежь, интересуемся политическими вопросами, а там «золотая серединка» набилась. Долой ее!

Тут Шурка с кулаками на него выскочил. Но мы резко поставили вопрос и Шурку одернули. А потом всю их компанию распатронили постепенно. Они начали вместе пьянствовать. Петька Бобков был у них, известный рецидивист. На одной из пьянок Бобков убил Колеватова. А мы были рады, что отшили всю эту брашку от комсомола. Наша организация стала еще крепче и здоровее.

Секретарем был Шурка Коровин. Опять стал нас донимать холод. Один раз я прихожу — ребята печку затопили на

кухне разным барахлом, сидят, ноги греют. Цветки все замерзли. Стужа!

Что делать?

Соорудили несколько субботников. Достали дров.

Тогда был голодный год. Весной все собирались сеять. И мы решили организовать огород. Очень удачно вышло. Посеяли свеклы, моркови, репы. Сами лопатами все копали. Сколько надо было от урожая — себе взяли, а остаток отдали в пользу голодающим.

Кроме того сеяли овес, на болоте за огородами. Яшку Саматова командировали в Екатеринбург к губпродкомиссару за разрешением на овес. Он позволил. Здесь, из упродкома, нам выдали по наряду десять пудов. Засеяли $^3/_4$ га.

Надо жердье нарубить было, огородить овес. За красной будкой по висимской узкоколейке усады какие-то были. Нам их отдали. Мы выпросили в управлении дороги паровоз с двумя вагонами и перевезли усады к себе на изгородь. Поехали на лошадях. Соху Свистунов привез из дома, а лошадей дали с рудника. Но собрать мы ничего не собрали — все выгорело. Пришлось одну солому скосить. Потом за нее нам возили дрова из лесу...

Так работал наш коллектив горняков-комсомольцев в 1922 году.

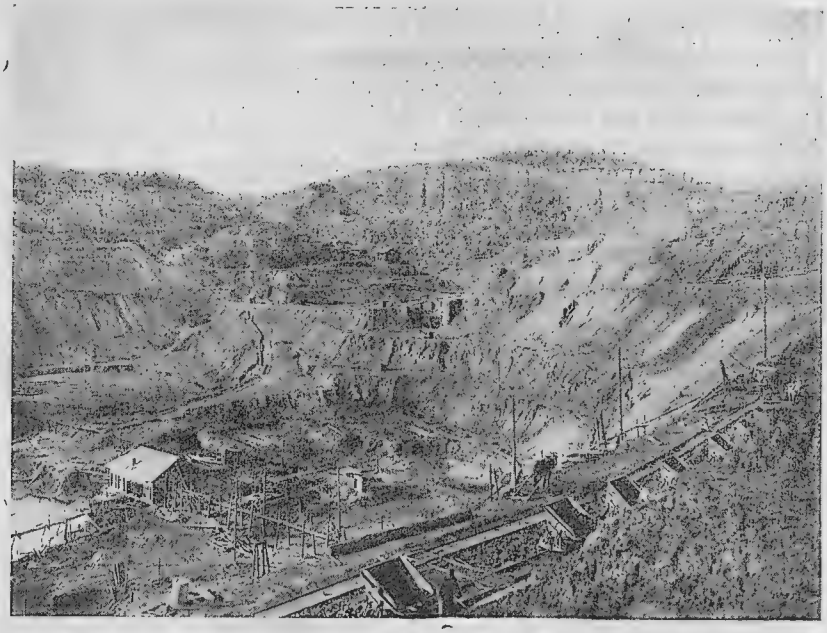
Пылаев Иван Михайлович

По возврату с гражданской войны осенью 1919 года я сразу пришел в партийный комитет города. Меня послали организовать отдел социального обеспечения. Проследили все семьи красноармейцев, обеспечили их, чем надо. Когда все сделал, был переброшен на производство в конце двадцатого года.

Прихожу на Высокогорский железный рудник. Вижу, в каком плачевном состоянии оставили рудник белые.

Выработки очень запущены. Большая выработка настолько, что по уступам нельзя ходить без риска для жизни. Особенно южные уступы все сплошь завалены оползнями — заячьи тропы, человеку пройти невозможно.

Водоотлив работает лишь столько, сколько нужно, чтобы не затопить рудник совсем. Очевидно власти белых не надеялись продолжать работу. Механизмы в самом плохом состоянии. Подъемник совсем стоит, мост его местами просел, искривлен, стены подъемника в некоторых местах выпучены, начинать на нем работу нельзя.



Вид на рудник с южного борта Большой выработки. Внизу тепляк водоотлива, от которого идет наверх водоотливная магистраль

Граневая выработка почти зарезана еще с 1915 года. В ней добывали только то, что можно было добыть без особой затраты средств.

При белых рудник только поддерживал водоотлив да грузил руду из старых запасов.

Работала часть замеров в Граневой. Всего до ста человек и несколько лошадей. Остальные рабочие — кто на фронте, кто работал в других местах.

Когда красные взяли Тагил, пришли на рудник и старые горняки. Рабочих стало триста человек, лошадей — сто четыре. Это в конце 1919 года.

Приходят товарищи — Телепнев Николай, Каписко Александр — из организации «Райруда». И все, общими силами, с партийными товарищами во главе начинаем восстанавливать рудник. По инициативе городских партийных, профсоюзных, советских и других организаций начинаем делать субботники, приводить в порядок механизмы и очищать выработки.

Городской комитет партии очень способствует восстановлению рудника. Он часто посылает товарищей из города на субботники и вообще заботится о состоянии рудника. Горняки, на своей спине испытавши власть белых, очень дружно берутся за работу, хотя и голодны, разуты, раздеты. Несмотря ни на что остаемся на субботники по очистке замеров, по нагрузке руды, по ремонту бремсберга.

Горностаев Ефим Егорыч добыл немного муки и картофеля. Он добыл также лаптей и ниток. Рабочие радуются, получают муку и тут же в замере начинают печь лепешки. Некоторые товарищи, надевая лапти, говорят:

— Обуты!

Федор Данилович Козьмин делит нитки для починки одежи. Он дает конец нитки одному из товарищей, велит бежать до определенного места. Добежал — стоп, нитка обрывается, и товарищ получает ее. Берется следующий.

1920—1921 годы. Организуем свою столовую, варим суп. Если в суп ложат немного крупы и картофеля — считаем хорошим, а если в котел попадает иной раз конина — очень хорошим. Горняки прекрасно учитывали положение страны и состояние советской власти. В горняках было много энтузиазма.

Стали товарищи возвращаться с фронтов. Сильный приплыв начался в партию. Организация была общегородская, ходили на собрание в город со всех частей.

Когда перекинули меня на производство, то был поставлен вопрос об организации партийных ячеек-кустов по месту жительства. Мы собрались на Ключах, создали свою ячейку при клубе на площади Медного. Вся организация у нас тут была человек 25. Секретарем работал Игнат Прохоренок. Я политучебу тут проводил. Политучеба — читка была. Один читает, а все слушают и потом сообща разбирают вопросы.

Очень активная в этом клубе у нас повелась работа. Постановки делали и днем и ночью. Ни одного дня не проходило без постановки или вечера. Не только коммунисты и комсомольцы, а даже беспартийные мужики и женщины к нам ходили, помогали деньгами, охраной. Сами своими руками переделывали клуб: делали сцену, оклеивали, прилаживали выходы. Материалы нам частью давал рудник, а работали все дружно.

Этот клуб мы приспособили из старых бараков, в которых жили татары в 1911 году. Он был все-таки стар и тесен. Настаивать начали мы перед городским комитетом партии дать нам другое здание под клуб. Нам дали хорошее помещение с Высокогорского механического завода, которое мы

перевезли на Железный рудник и поставили у рудовесной. Там теперь столовая и комсомольское общежитие.

Мы перенесли всю работу своей ячейки на рудник. Тут и другие стали следовать нашему почину. Вскоре партийные организации стали группироваться вокруг производства. По ячейкам собирались раза четыре в месяц, а раз в месяц — на общегородское собрание. На руднике наша работа еще живее пошла, но много борьбы стало. Хулиганили молодые ребята, еще не втянутые в работу: Гришка Быков, Китаевы, Чернышн, Криворучкины и другие. Шибко бушевали подрядчики.

Мы в эти годы собирали и сплачивали свои партийные силы и вокруг них объединяли пролетариев-горняков. Если бы не это, то не было бы никакого сладу с подрядчиками.

Орлов Константин Александрович

Мировая война, создавшая большое оживление по добыче железных руд наилучшего качества для изготовления снарядной стали, вызвала постройку на Высокогорском железном руднике подъемника № 2. Подъемник был рассчитан на производительность около четырехсот тонн в сутки и на богатый высокосортными мартитами южный борт Большой выработки.

Проектирование и заказы на оборудование задержались, и к постройке подъемника приступили в июне 1917 года. До октябрьских дней успели изготовить только бетонные опоры для эстакады.

Военные события уменьшили темпы строительства, а вторжение белых окончательно приостановило его. В конце 1919 года, когда Урал, и в частности Тагил, был освобожден от белых, строительство подъемника было возобновлено.

Необходимо было привести в порядок сметно-проектную часть стройки, восстановить заказы на металлические детали, пополнить запасы строительных материалов и наконец подобрать людей.

Цемент, который входит незаменимой частью в опоры и наклонный путь, пролежав около трех лет под навесами, сильно потерял свои строительные качества. Выход из положения был найден в прибавке к раствору железных стружек.

Не было никаких строительных механизмов. Работу предстояло выполнить одной мускульной силой. Район, где был заложен подъемник № 2, имел оползни. Пришлось предвари-

тельно произвести дренаж и пробить почву рельсами. Только тогда стало возможно начать бетонную кладку.

Бетон нетрудно класть на горизонтальной плоскости, но под углом в 33 градуса — дело трудное. Трудно также подавать материал вниз. И потому нет ничего удивительного, что расстояние до первой площадки и сама площадка строились до 1923 года.

Строительство совпало с голодными годами, с разрухой после гражданской войны. Однако работа не прекращалась и хоть медленно, но шла к намеченной цели.

Одновременно с бетонными работами идут плотничьи. Здесь также каждый брус, стойка, крест, болт или другая какая деталь обрабатываются и пригоняются точно, так как вся конструкция должна выдерживать напряжение и нагрузку до четырехсот тонн. Это прекрасно сознает бригада плотников, изготовляя каждую деталь. Только поэтому подъемник № 2 безаварийно работает с 1924 года по настоящее время.

Честь создания прочности и надежности подъемника № 2 принадлежит старому мастеру — ныне пенсионеру — товарищу Бушуеву и братьям Зыковым — Николаю, Дмитрию, Анатолию. Эта бригада бессменно работала с начала и до конца постройки.

Монтажная часть была целиком выполнена силами механического цеха Высокой. Лебедка требует многих приделок. Вся тонкая работа по этой части производилась бригадой под руководством старого мастера товарища Федосеева.

Самая сложная часть работы — сделать машину послушной — была осуществлена правильной схемой электропитания, контроллера, реостатов, автоматов и т. п. Схемы этих установок нет. Такая же работа на подъемнике № 1 была в свое время произведена одной шведской фирмой. Но и эта задача была успешно разрешена рудничными работниками товарищами Епимаховым Давыдом Павловичем и Раскатовым Федором Игнатьевичем.

Для клети и противовеса не оказалось шариковых подшипников. Простые буксы ставить неудобно. По нашим чертежам и расчетам Тагильский завод изготовил роликовые, которые мы и поставили.

В первых числах октября 1923 года — первый пробный перепуск. Все участники стройки, несколько волнуясь, ждут результатов. Механизм и конструкции капризничают две смены. Наконец сооружение всеми признается пригодным к сдаче.

День сдачи назначен на 14 октября. Это большое торжество, так как в строй входит сооружение производитель-

ностью до четырехсот тонн горной массы в сутки, построенное в тяжелых условиях для власти советов, построенное без помощи капиталистов, исключительно силами и средствами рабочего класса. На приемку подъемника № 2 пришли представители городских организаций.

Под звуки оркестра клеть плавно рвет красную ленту, опустившись, принимает с площадки № 1 два груженных мартитом вагона и также плавно выдает их наверх. Все механизмы послушно работают.

Без всяких «детских болезней» подъемник начал свою работу по увеличению количества вскрыши и добычи.

Подрядчики

Чернышев Зиновий Александрович

В 1925—1926 годах конная работа была расширена против первых годов советской власти.

Сначала работали на легких условиях с прохладцей, потому что платы на кубометр были очень высокие. Потом рудоуправление начало разбираться в точности плат, начало ставить хронометраж, учитывать точно, какая где должна быть оплата за кубометр. Платы поснизились, нормы прибавились, работа сделалась потруднее. Тут многие коннозабойщики обратились к хитростям: начали жульничать с замеркой и создавать конфликты. Они так ловко забивали администрацию, что та не знала, что делать. Бывало, если конфликт у Гаврилы Бородина, то на его замере соберется масса коннозабойщиков и орут кто чего, кроют матом.

Стаканчиков Степан Иванович

В годы гражданской войны эта воровская волынка исчезла. А потом, когда снова конский актив окреп, она началась опять.

Когда введена была новая экономическая политика, люди с конями и с капиталами оказались тут как тут.

Они-то и протаскивали фальшивую нормировку труда.

Технические зарисовки забоев отсутствовали. Замеривали работу на-глазок. От подрядчиков много обмана было. И потому, когда на руднике основался Отдел экономики труда и попробовали вывести первые нормы, то нормы эти получились несуразно большими, процентов на 200 больше нормального. Ни один честный ломщик и ни одна лошадь не смогли бы в среднем выробить столько, сколько наворовывали подрядчики путем мошеннических проделок.

Заметно было так: Яша Кизим, Паша Токарев, Рязан Абрамыч Крючков вечно робили на совесть и ничего не зарабливали.

Говоришь заведующему цехом Кондакову:

— Эти ребята работают хорошо — почему не зарабливают?

Он отмалчивается или прогудит себе под нос:

Подрядчик
Марк Прохоренок

— Ладно! Как-нибудь сделаем...

Добавлял им. Писали среднюю ставку, тарифный заработок.

А «Духи» — Горбунята, Бобровы, Вася Пылаев и прочие — все отлично зарабливали да старались еще и нас осрамить:

— Не робят, «клячи»!

Иван Васильевич Трофимов — «Кында» — плакался даже раз на собрании:

— Убить бы надо этих подрядчиков — жуликов!

И ушел с собрания. Он тоже честно, хорошо робил.

Я в то время был в общерудничной расценочно-конфликтной комиссии и решил своего добиться — нормы правильные, искренние нормы установить.

Атмосфера раскалилась. Порядочная доля этих крепеньких мужичков ополчилась тогда на меня и Кынду. Они поняли, что мы пересекаем тот ручеек, по которому им деньги текли бесплатно. Почти весь цех настроили против нас и администрацию рудника. Но часть кадровиков все же за нас стояла. Как нормы подогнули повыше, так и начали толковать, что нормы великоваты. Стали до причин добираться.

А тут как раз в клубе был вечер вопросов и ответов устроен. Приехал товарищ Рындин, секретарь райкома партии. Зал полон набился. Особенно вся конница тут была.

Бурно все настроены так, шумят. Тут появился товарищ Рындин. Рабочие знали Рындина, всегда его на собрания приглашали. Он ясность давал большую, невзирая на лица шпарил. Был очень прям, ничего не утаивал.

Уйму вопросов задавали тогда Рындину. И выпал вопрос насчет хищения кубажа горной массы. Так его и поставили прямо, что, мол, это преступление налицо.

Рындин ответил:

— Раз это так, то выберем сейчас же комиссию для установления факта.

Выбрали мы комиссию из трех человек: Костя Бушарин, Костя Широков и Иван Афанасьевич Шевцев. Комиссия в скорости проверила на Шихане забои: Прохоренка Маркухи, Гани Бородина, Зимарева, Ермилова, Александра Титова. Для проверки Игоню Шишку спускали на веревке с Шихана. Для технических подсчетов был Костя Першин мобилизован.

И обнаружили, что сданная кубатура не укладывается ни в какую физическую возможность. Значит явное надувательство тут открыли. Да подрядчики и сами-то признавались:

— А коли меряют на-глазок, так чего мне не обмануть?..

Пришли мы с этими данными к директору Калмыкову, рассказали ему все. А он отвечает:

— Это неверно!

Я говорю:

— Это дело доведено до конца. Вот результаты!

И протягиваю ему наши выводы. Он как заорет:

— Я вас посажу, если вы этого всего не докажете!

Он не верил в продажность своей администрации. Закричал на нас.

Недолюбливал он, когда рабочие в кабинет его заходили.

Приезжала потом бригада из областной контрольной комиссии во главе с Борисовым, но полного перелома добиться не удалось. Калмыков к тому времени уже был переброшен в Свердловск в рудное управление Уралмета. Правда, после за эти рудничные делишки его сняли из Уралмета.

Когда ставили мы этот вопрос на собраниях, то подрядчики стращали меня и Кынду. Особенно на Кынду наседали:

— Встанем вот на ножку тебе, да за другую и дернем. Напополам разорвешься!

А Кында — маленький мужичонко. Его опасенье брало. Они сами-то после молчат в тряпицу, а Зимарева натравливают. Тот шалый, напьется допьяна, в дом к Кынде придет, зубами скрипит, кулаки точит. Кында его боялся, прибежал раз ко мне:

— Бить хотят меня!

Я успокаиваю:

— Днем-то не пошевелят, а если ночью придут, дай знать тогда. В открытую рукопашную вступим...

На руднике нас прославили бузотерами и перебросили из Граневой в Большую выработку.

Конноработчие стали относиться ко всей нашей комиссии наплевательски. Считали сыщиками, шпиками, изменниками старым традициям, потому что в своих выводах мы сделали предложение или принимать работу с весов или ввести сетку маркшейдерскую. Сетка с того времени и пошла, но как следует до двадцать седьмого года ее ввести не могли.

Глазкова Наталия Якимовна

С 1925 года по настоящее время работаю я в погрузочном цехе. В то время погрузка руды производилась на лошадях. Большая и Граневая выработки складывали руду в штабеля, а из штабелей возили ее лошади на эстакады грузить в вагоны. Эстакады были маленькие, и в одну партию загруживали не больше десяти вагонов.

Конноработчие нисколь не старались, как бы скорее погрузить вагоны. Во время работы сгруживались вместе и тайком выпивали водку, а за них работали гонщики. Конноработчий Савинкин любил рассказывать шутливые рассказы. Он рассказывал их во время работы, рабочие собирались вокруг него, слушали его анекдоты и забывали про работу.

Заведующий цехом был в то время Дмитриев. Любил он выпивать и в пьяном виде грубо обращался с рабочими. Любил повелевать, кататься на казенных лошадях. Случалось даже так: звонит он мне раз по телефону и приказывает, чтобы я пропустила без пропуска 100 бревен. А когда я не пропустила, то он посылает десятника Зубакина, с грубостями. Прибегает десятник и говорит мне: «Почему ты, Глазкова, не пропускаешь и бузишь?»

А я отвечаю:

— Рудничное добро воровать не дам!

Носов Иван Романович
Шморгун Александр Прокопьевич

После смерти отца братья Горбуновы Андрей и Поликарп захватили за железной дорогой место под пахоту, десятин шесть-семь. Начали сеять хлебушко. И в то же время работали на казенной работе, на государственной. Но, работая

Горбунов Андрей Васильевич — Андрюша «Дух»

в поле, получали за это время оплату, как будто работают на Железном руднике.

А почему так случалось?

Братья Горбуновы очень подхалимы. К реденькому начальнику не сумеют подделаться. Как например с вредителем Ляпцевым гуляли и выпивали.

Вот Дмитриев был один такой. Шут его знает — откуда. Ляпцев заведовал тогда рудником, а тот — погрузкой.

После одного вечера в клубе выпили «Духи» с Дмитриевым.

Потом они домой его зазвали. Потом он частенько ездил к ним. Смычка стала у их. Приписка руды с пуда.

За бревна, которые привезены были чужими поденными лошадьми, «Духи» вторично получали «с бревна», как будто сами возили. Они, «Духи», везде поспели. Зарабатывали они много. Бывало, что и руду-то они возили на веса, да опять в свой же отвал. Вот какие дела были.

А приди человек, докажи это? Его же и завинят. Попробуй, перевешай весь штабель!

Но все же выбранная рабочими комиссия доказала ихнее мошенничество. Партбюро постановило снять Дмитриева.

«Духи» — хитрые. Как-то потом, когда он, «снятый», приехал к воротам их, они ворота на палку закрыли: нет дома, мол. А раньше издалека открывали...

Горбунов
Поликарп Васильевич
Полька «Дух»

Свистунов Михаил Николаевич

На Магните они работали в двадцать шестом году. Я гонял у них, у «Духов», Андрея и Поликарпа. Мы, гонщики, здорово робили, а они, подрядчики, не делали ничего. Но хорошо зарабливали.

Мы делали вскрышу. Два конных забоя: наш, горбуновский — шесть лошадей да еще, не помню — чей, на четыре лошади. Над Верх-исетским ущельем лежали навалы старые, чья-то бывшая вскрыша. Так мы эту вскрышу вскрывали наново, отваживали ее подальше, где «Борзиг» теперь стоит. Над Жуковским разрезом в аккурат было дело. У теперешней конторки Шихана.

И тут вот устраивался первый фокус: наращивание стены. Скажем, я раскапываю навал, зарезался в его стену. Кубаж работы моей, сколько я из стены выроблю, будут потом мерять от края этой самой стены. А я край стены наращиваю. Чем отваживать всю выробленную породу, я часть ее незаметно подсыпаю к верху стены. У меня из забоя порода-то убавляется, а к стене прибавляется. Стена-то фальшивая все растет.

Замеривал Петр Павлович Климов, брат Александра Павловича. Он уж знает, что его обманут. Он тоже хитрый мужик был. Но разобраться в этом очень тяжело. Если под-

считывать весь наш кубаж обманный, то заработок у «Духов» получится несоразмерно велик. Кубаж-то он смерять — смеряет, а сам заранее подсчитывает примерно средний заработок на лошадь в день и все, что лишку у «Духов» получается, срежет.

А они и этим довольны были. И так получалось сытно. По работе-то настоящей они и на средний не натрудились бы. Значит все же у них выходило лишку.

А потом между собой говорят:

— Вот и заработали получше.

Или месяца через два начнут хвастаться:

— Вот как мы тогда зарабатывали!

И «Духам» это все как-то благополучно сходило с рук.

А вот Гаршины-Трофимовы тут попались. Сначала они тоже и немногим довольны были, а потом у них на заработок глаза разгорелись больше.

Утром рано приехали, на два часа раньше смены. Вырыли с корнем совсем сосну, от которой измеряли выработанный кубаж, и пересадили ее подальше на новое место. Сосну с этот вот дом. Но вкопали они ее неудачно — обложили камнями.

Обнаружил это Алексей Михайлович Кондаков. Он как раз угадал на приемку с Петром Палычем. Заметил, что сосна чего-то обложена. Подошел и толкнул ее — она упала.

Так в этот месяц подрядчики ничего и не заработали.

Вот какими приемами наша конница «вскрывала» Шихан. Так вскрывать — тыщи лет нехватит.

Зось Валентина Сергеевна
Вяткин Павел Яковлевич

Трудно сказать, кто после кого робил, но только подъемник постоянно обслуживался кем-нибудь из подрядчиков. Друг дружку сшибали, кто подешевле. Торги. Один, скажем, робит по одиннадцати копеек с вагона, другой выступает по девяти или по восьми. Кто подешевле возьмет, тому рудоуправление и сдает. Старого по шапке.

— Айда! Другие вместо тебя есть.

Вася Пылаев из всех подрядчиков самый оборотистый был. Он все бегал, добивался. Брат с ним робил Кузьма Иванович, одному-то подрядчику трудно было: лошадей 25, вдобавок два подъемника. Сколько коней было! Куда девалось! Да все сытые. Бывало, идут, идут — конца не видно.

Сам хозяин с конями вместе приходит. За полчаса до работы. Мужик настойчивый, Вася-то.

У них семья большая была, мать строгая, тетка Матрена.

Бывало, говорят, чай пить сядут — она сахар в мешочке держит. Скупая была. Каждому по кусочку маленькому дает, чтобы хватило напиться — наказывает. А если нехватит, как хочешь — вылезай из-за стола или с солью, буде, напьешься.

Сахар-то стоил всего ничего, а она бережется. И ребят приучила всех. Она и сейчас жива. В Малой улочке Вася живет с матерью, а Кузьма — в Извездной. Дом у них сгорел родительский. Они новый купили у дяди Сани Горохова. Хороший, очень даже хороший, на четыре окна. Летом-то чуть засветло, бывало, Вася на работу приходит, а что зимой, так темно еще.

Если гонщик вплоть от него живет, ясно, к Васе за конями зайдет, чем пешком итти, а которые на Вые живут, те просто в тепляке собирались.

— Айда, гонщики, запрягайте лошадей!

Выходят, начинают запрягать коней, порожняк отваживать, кто за чем.

А Вася ходит по свалкам, дорожку проверяет там, чтобы кони не провалились. Дорожка обиходна — коням легче.

После работы постепенно тут же на руднике распрягает всех лошадей, всю снасть смотает, на них вешает, чтобы не растеряли. Так по одной и отправляет их, а на последнюю сам садится.

Кондратьев Константин Иванович

У него, у Пылаева, было очень много лошадей. Работал он на подъемнике. Сам безусловно ничего не делал, сидел в тепляке и грелся. За гонщиками посматривал.

Близкие коногоны ходили к нему на дом. Утром зайдут, на коней, точно казаки, посядут и — на подъемник!

Сам он конечно запрягал себе лошадь в короб, накладывал сена коням и продукции себе для еды.

Приедет, сейчас значит коногоны запрягают каждый себе лошадь в свои оглобли, и начинается работа.

Сам он курит, сидит, анекдоты рассказывает. Я, помню, один раз ночью работал. Так он всю ночь прорассказывал. Подпояшется красной опояской, пройдется до свалки, придет назад, закурит, рассказывает. Пройдется до отвала, пройдется в конец, где руду валят, и опять греться. Развалится и курит.

Воротовые тоже ходили греться. И мы, как только пригоняешь лошадь, ставишь, видишь, что вагонов нету, — туда!

Анекдоты у него все больше были похабные да антисоветские. Рассужденья такие были, припомнивается:

— Вот коней, говорят, ликвидируют. Механизировать будут все. Разные какие-то техники пошли... Да — врут это все. Без коней не обойтись...

Хоть тогда до механизации на нашем руднике еще далеко было, но мысль эта уж кое-кому приходила в голову. Так-то и я думал.

— А что это все задираются и задираются вглубь... Дойдет время, уж лошадям из выработки будет не вылезти. Как же тогда-то робить станем?

Был он высокий с виду, белый, сапоги — ботфорты, красная опояска...

Быков Григорий Семенович

Один человек рассказывал мне такое. Когда Вася погорел в 1924 году, он в Висим поехал, поторговал пивишком, потом новый дом поставил и пошел ширяться. Что называется — оперился мужик круто.

Пылаев торговал на Висиме. Так, харчевка была, столовка. Он долго там торговал, с год поди. Только «фирма» одна была. Ну, от супа, от чая какой доход? Ясно, что потихоньку они там платинёшку скупали. Но доказать — нельзя. Не пойман — не вор.

Потом здесь в Тагиле Вася Пылаев имел свыше двадцати лошадей. Он был очень ласковый, но сам ничего не делал. Работали за него гонщики. И дрова и сено заготовляли. Он держал связь с начальством, особенно с Михаилом Григорьевичем Марченко, зятем Шибнева. В 1926 году Марченко заведовал Большой выработкой, а Вася обслуживал подъемник.

Пройдет по выработке, посмотрит — и нет его. Как феодал был. Водил он компанию с завом, и выпивали вместе.

И еще мне рассказывала одна горнячка о Николае Васильевиче Бушине, друге Васи Пылаева. Вот что говорила она:

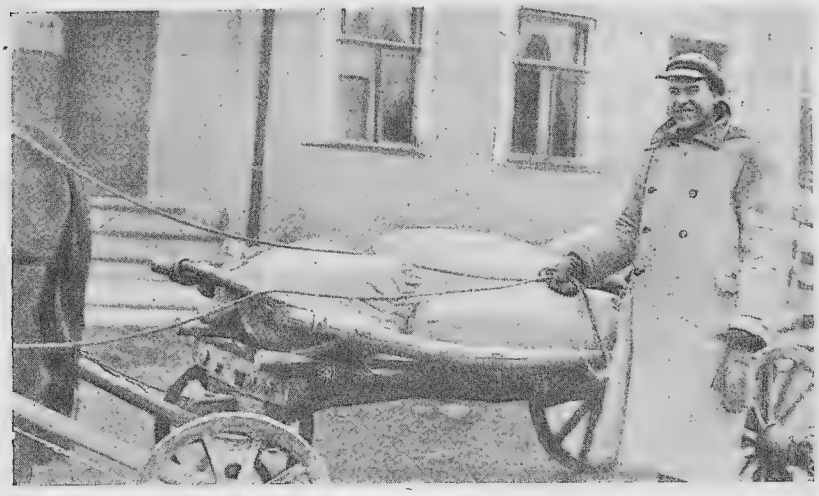
— Тетушка моя—шьет. А кто шьет, у того всегда новостей много. Все обо всех знает.

Вот идет один раз мимо нас барышня. Тетка и говорит:

— Смотри, какая хорошенькая девушка. Это Ольга. Дочь Бушина Николая Васильевича.

Мы о нем и разговорились.

Она говорила про них, что дом у них самостоятельный, полная чаша. Да горе-то в том, что чужим горбом это богатство нажито. Я, мол, вот шью весь век, а богатства никакого не нажила.



Подрядчик Вася Пылаев

У него хоть дом и не каменный, а такой, как подрядчики раньше строили. Черный такой дом, черненный, старинный. Ставни белые. По одну сторону пять окон, по другую — три. Двор глухой. Злая собака. Дикошáрая.

Тетушка рассказывала, что знает Бушина с малых лет.

Отец его был коннорабочим на Высокой и на Лебяжке. Сам Николай Васильевич был с детства примерный парень, не пил, не играл и не хулиганил. Тихий такой, любезный малый, работал молотобойцем в кустарной мастерской.

Льнул он все к людям, которые побогаче, жизни хотел хорошей. И достиг он все-таки своего. Женился на дочери крупного подрядчика Кондакова. Как за ласкового такого, обиходного паренька ее за него выдали. После женитьбы жизнь Бушина сразу на улучшенье пошла. Изба у него стала хорошая, девять на двенадцать аршин. Построил он сарай. Имел свою домашнюю кузницу. Подручным у него робил сирота Соложнин. Имели корову, лошадь, теперь осталась одна корова.

Жена Николая Васильевича в партию записалась, он тоже пролез в партию. Работала по дошкольному воспитанию в детсадах. Заведовала буфетом и участвовала в комсодах. Теперь ее вычистили за что-то. А сам Николай Васильевич очень хитрый и ехидный мужик оказался. По улице ко всем соседям не ходит, связывается только с зажиточными. Вот

к Калининым, к Шурову часто заглядывает. А к братьям моим ни шагу, хотя проживает наискосок.

Был он кладовщиком на руднике. Выдавал коннорабочим овес. Вася Пылаев с кем-то уговорили его. Он отпустил им овса да еще кровельного железа дал. Это было в 1928 году.

Тогда его сняли еще до чистки. Это разбиралось на бюро партийной ячейки. Здорово выступали, крыли его, а в чистку исключили из партии.

Я не знаю, почему тогда Саньку Свистунова, предрудкома, из партии не вычистили. Он за Васю горой стоял. Все именовал его:

— Это самый честный, преданный работник по руднику!

А «честный» работник обворовывал горняков на десятки пудов овса.

Возьми-ка, если тысяча лошадей на руднике робила, по фунту на лошадь недовесить — сколько получится? Тогда ведь давали по тридцать фунтов овса в день на лошадь. Из-за фунта и не вязались. А если пять-шесть мешков на весы бросит — попробуй, учти тут фунт. Раз целые дома засыпались овсом до крыши, тут тонну украсть все равно, что коробку спичек. Не перевешивать же весь овес в доме.

На этом-то овсе Николай Васильевич Бушин грел ручки с Васей Пылаевым.

Стали замечать, что Вася Пылаев больно по многу овса возит с рудника. Не столь робит, сколь овес с Железного возит.

Дошло до парткома. Тут чистка 1929 года. На чистке их и разбили. Оказалось, что Вася получал овес не в те дни, когда все, а без свидетелей. Соседи его тоже учли, что Вася возит овса не на двадцать лошадей, а гораздо больше.

На чистке Бушин сознался. Тут его из партии исключили, судили.

Нехорошков Александр Осипович
Жбанов Николай Евлампиевич

Было у Ворониных по три лошади. Три брата, конноза-бойщики.

Ввиду недостачи фуража подрядчики от работы на бремсберге[1] стали отказываться. Раньше Вася Пылаев командовал. Его кони ходили, до двадцати лошадей.

Они были рассосаны, разбиты на разных мужиков, на

[1] Подъемник.

работников. Они писались не на Пылаева, а на артель Пылаева.

Пылаев значит гнет цель: высосать увеличенную зарплату. Было объявлено:

— Кто будет работать на бремсберге помимо Пылаева?

И согласились братья Воронины. Тут Пылаеву «не отломилось».

Братьям Ворониным дирекция разрешила большую сумму денег — две тысячи рублей — на приобретение коней, тяговой силы. Минимум до двадцати лошадей.

Они взяли эти деньги под долгосрочный заработок.

На лакомый кусок они попали, да подавились костью, с работой не справились. Все потому, что жадничали.

Когда они со смены отпускают в хомутах лошадей домой, никто за лошадьми не смотрит, некоторые не доходят до дома, кружатся в хомутах вокруг Магнита.

И когда нужно вести опять на смену — лошадей не досчитываются.

Пронька голубей шугал. Гонщики приведут коней, а он сам уж на сарае голубей шугает.

Поить лошадей? Какой там — поить! Сами по дороге напьются — ладно...

На другой день работать с утра, а они до обеда не могут коней собрать.

Часто их лошади щиплют-щиплют траву. Хомут спадет. Приносят часто им хомуты. Знают: уж это Вороньих. Их не «Воронины», а «вороны» и звали.

За 150, за 200 рублей купят лошадь хорошую! Им скажут на смех:

— Ей два вагона не свезти!

— А ну: цепи, цепи!..

Лошадь вынуждают брать два вагона. Она в скором времени выходит из строя. Пашке-татарину продают за бесценок на мясо.

Так-таки и не справились с делом.

Быков Григорий Семенович

В двадцать седьмом году робили на конях тоже на подъемнике вверху и внизу подрядчики Воронины. По многу лошадей-то они имели. Гонщики у них были. А я забойщиком робил в Большой выработке.

Пронька Воронин все время ругался на гонщиков. Шумел, матерился. Шумоватый парень-то был. Я предупреждал Проньку:

Подрядчик Пронька Воронин

— Ежели ты будешь на гонщиков шуметь, ругаться или тронешь их, то я с тобой рассчитаюсь.

Один раз я услыхал, как закричал гонщик:

— За что ты меня толкаешь!

Гонщик выскочил из-за вагона, мне не видно было, чего у них получилось, гонщик со слезами. Пронька за ним выскочил. Он его за вагоном толкнул, гонщик пал на камни и поцарапал себе лицо.

Я стоял на забое. Спустился с забоя, поймал Проньку. Говорю:

— Вот пришла к тебе и расплата!

Он здорово боялся меня. Как хулигана знал. Говорит:

— Я его легонько...

Я говорю:

— Ну, и я легонько с тобой.

Скричал я связчика, Митьку Кедуна, «Князя».

— Тащи мазуты!

Тот принес. С буксы нацарапал от вагонетки. Он взял оттуда с паклей совсем и принес. Я уронил Проньку, снял с него штаны, и ему туда смолы наворочал. Он только кричит:

— Больше никогда не буду!

И с тех пор я не видывал, и никто не видывал, чтобы он

шевелил гонщиков. Позаглазно ругал, а так не трогал. Рабочие долго над ним смеялись. Стращали:

— Вот Быков придет, так он опять тебе или снегу или смолы наложит!

Сергеенко Иван Григорьевич

Он только года на два меня старше. Без малого товарищи были. Все вместе шатались.

Это первейший с молодости был хулиган. Как в драче чего — обязательно Мишка Пискунов. «Мишка Шарун» — кличка его была. Под судом бывал много раз. Еще когда холостой был. В германскую войну он не угадал. Таких хулиганов с судимостью сперва не брали. А потом уж отвертелся, видно, от службы. На работе ли остался, чего ли. Стал итти призыв добровольцев в Красную армию, он записался. Выдали нам винтовки, обучали на Медном руднике — Ваня Сыроегин да жена его Катя, — но когда надо было ехать под Таватуй на фронт, Михаил и еще кой-кто получили паек, мясо и не поехали.

Белые стали теснить красных, кто-то из партизанских начальников приезжал собрать дезертиров. Кажись Паша Пылаев. С ним Васька Пискунов приезжал, партизан, брат Михаила. Уговаривали Мишку вернуться в ряды красных. Так он руку прострелил себе из нагана. Самострелом. Хитрая птица...

Белые-то ведь тоже сначала добровольцев набирали себе. Он это время просидел на Сан-Донато, за 15 верст от Тагила. А потом, когда поушомкалось это все, он вернулся в Тагил и зачал спекулировать.

Первое — он чайную в рынке открыл небольшую. Чай ведь выгодно продавать. Там и пирожки и самогон, чего больше — и девчата там тоже...

С этой чайной он стал расти, лошадок завел, перебрался в Черноисточинск. С Ваней Перепелкиным они в паях состояли. Игоня Носов им самогон поставлял. Вася Пылаев капиталом поддерживал.

Они там большое заведение открыли, где форменно спаивали приисковых рабочих. По слухам, скупали платинёшку и золотишко. Плутовали.

Конечно запрещалось это! Ведь и самогоном торговать запрещалось.

Там же у них и картежное дело шло. На деньги да, говорят, на платину. Насыпят будто бы грудку платины: этот насыпет, тот насыпет. Вешать-то ведь некогда... Ну и играют.

В это время сильно окреп Мишка, завел черную доху, пару гонных лошадей, дом отстроил. У вдовы партизана за бесценок сарай купил, за мешок овса.

Чувствовал себя, как помещик. Жил! Прислугу нанял, взял сына себе, приемыша, деньги было девать некуда. А в это время здесь голодом мы работали: Ефим Егорыч Горностаев хлеб по четвертушке делил.

Наконец прошел голод. Работы стали восстанавливаться. В двадцать пятом году Корсаков Федор Васильевич сюда Мишку перетащил. Съездил туда зачем-то и сговорил его итти на Железный. Сперва забойщиком, а потом запальщиком. Мишка стал здесь тянуться в партию. Он уж понял, что крепко дело пошло, и пролез в партию, стал пропагандистом.

Но все-таки в тридцать первом году чувствовал свою гибель, чувствовал, что нечистое его дело. Как шло сильное раскулачивание, он пришел ко мне, предложил мне свою корову, сказал:

— Не нужно мне ее. Боюсь я, раскулачат меня, уведут так корову...

Я купил корову.

А из партии-то его вычистили. Как же иначе-то.

Вредители

Князев Яков Михайлович

Филя Францев — техник с большой практикой, сын рабочего мужика.

Отец у него был машинист. Ходил за деревянными штанговыми машинами. Где клинышек подточит, где что... Через двор они жили от нас. Соседи. Отец их простыл на работе, умер.

Он в сиротстве и выучился. Семьища большая их после смерти отца осталась, человек девять. Которы на возрасте были — жили в прислугах. Мать тоже все ходила — прислужничала. А малые дети были в приюте.

Учиться помог ему дядя Алеша Нехорошков — купец. Всю семью их поддерживал: мешками муку им возил и все. Жили они тут по соседству у гальянской Александровской церкви.

Филя был видный, солидный, красивый парень. Женился он на поповой дочери, когда уже стал служить. И прослужил много лет. Пользовался он тут большущим авторитетом. Он был такой простоватый по разговору, мужиковатый. К рабочим выходил, чуть что — матом.

Пылаев Иван Михайлович

Он, Филя, выше был Климова. Начальник геолого-разведочного отдела. Получал сотни рублей в месяц. Он служил еще при Зубакине. Патриархальщина в то время была, старожилье.

Замерщики назывались палочниками. Придут, бывало, на замер, и, прежде чем начать им приемку, хозяин в угол указывает. Там чекмени или озямы стоят. Открывает — в них вино и закуска...

Замерщики раза два палку перевернут:

— Ладно...

И давай угощаться.

Смотришь, напоследок их в бричке домой вывозят. Сами уж не могут итти. Старожйловский порядок такой.

Филя Францев по-своему соблюдал старожиловские порядки. Он все по разведочным скважинам разъезжал. При-

едет, сперва напьется по-свински и лежит он сутки, как боров.

Вот какой вел порядок.

Нажить он успел за это время кое-чего. И после революции снились ему все привилегии. Ну, а мы смелее стали, как возвратились из армии. Мы старожиловские порядки, понятно, отменили. Гражданская война да Красная армия шибко нас укрепили. И кое-кому из старых специалистов не нравился наш рабочий указ. Мы подправлять их стали. Вот с чего, как мы потом пережевывали, он и занялся этим делом вредительским.

Словач он плохой был. Самая грубая была у него ужимка. Бывало, выступит на собрании, так скажет такое, что уши у всех краснеют. Стыдно сделается всем. Или какую-нибудь чушь поплетет, которая всех расстроит, а не настроит.

Возьми Сергея Александровича Соловьева. В выработку придет, наговорится с тобой дотла. Дотла объяснит все. А этот нет. С Францевым немного наговоришься.

Он был тонкий соображением. Даром, что пузом толстый.

В это время он уже работал вредительски.

Ведь это же видно было: и подсечка уступов, и робили не там, где надо, и фабрику неладно настраивали.

Самая главная их задача была — зарезать рудник, задержать вскрышные работы по сравнению с добычными. Ведь в рудничном деле вскрыша — это подготовка фронта работ для добычи. Она должна опережать добычу на несколько месяцев. Не вскроешь во-время пустую породу — нечего будет и добывать, негде развернуть фронт добычных работ. А вскрывают рудник широкими ступенями — уступами шириной в несколько метров каждый. Вот вредители и вели дело к тому, чтобы превратить наши выработки в гладкие воронки с тропиночками вместо уступов.

И особенно они старались не допускать разработки самых лучших, самых богатых месторождений, которые берегли для Демидова. Вместо этого они пускали в эксплоатацию руды похуже и победнее.

Всячески срывали они и строительство обогатительных фабрик.

Он вел себя такой тихонькой сапой. Даже подавал заявление в партию. Приходил ко мне:

— Будешь подписываться, за меня поручишься в партию?

А я сказал:

— Напрасное дело...

Вредительство проводила их компания: Францев, Ляп-

цев, Трубин, Хряпин и другие. Мы тогда были технически неграмотны, но в производстве кое-что понимали и не глянулися имя... Филя с подрядчиками чересчур в хороших отношениях был. С Иваном Котовым, с Бобровыми, с Прохоренком Маркухой. Едва ли и в гостишках не бывал. С Васей Пылаевым был он связан, с Бардаковым гальянским. Зато, когда сено или дрова ему вывозить, дадут ему подрядчики лошадей двенадцать, сразу вывезут. Назавтра приедут, хвастают:

— Эх, вчера выпили хорошо!

— Где?..

— Да сено вот отвозили!

— Кому?

— Филиппу Кирилловичу Францеву!

Бывший заведующий Отделом капитального строительства нашего рудника Витьша Горбунов, Филиппович, рассказывал мне о вредительстве в постройке обогатительных фабрик на Высокой.

В двадцать девятом году поступил он работать в рудник. В конце года он услышал, что здесь предполагают строить громадную обогатительную фабрику. Была избрана авторитетная техническая комиссия с участием местных партийных и профессиональных организаций. В комиссии были: Францев, Трубин и другие. Он рассказывал со слов участников комиссии. А документа, которым утвердили место постройки, в деле нет. Документ видимо похищен...

В тридцатом году Витьшу выдвинули для работы в Отдел капитального строительства заведующим, где он стал ближе сталкиваться с поступлением проектов для фабрики.

Все сложные детали, которые являются ответственными механизмами фабрик, проектировались частными лицами на дому. В Москве, и в Ленинграде, и в Свердловске по домам работали. Были случаи такого порядка, что проекты частные лица сдают в Свердловске, а деньги получать едут сюда, в Тагил. В уплате этих денег нескольким лицам отказали. Они уехали. Обиделись: «Мы работать не будем».

Его этот вопрос интересовал. Он как-то спросил у главного инженера Михайлова, чем объясняется работа проектов на дому частными лицами и почему нет визы проверки правильности этих проектов. Проекты как есть были чистые.

Михайлов ответил:

— Кто там принимает в Свердловске и в Москве — я не знаю. Но ведь проекты подписаны составителем.

Витьша заявляет:

— Так ведь написать фамилию можно какую угодно.

А при случае неправильного проекта где искать виноватого — адреса здесь нет. Это ясно.

— Да, говорит, это все так. Это нас все вынуждает спешность постройки фабрики...

В конце тридцатого года постройка фабрики перешла в организацию Горнорудстрой. Витьша остался одним из ответработников. В скором времени после этого были проведены аресты Трубина, Францева, Пономарева и целого ряда других вредителей.

Работники его — начальник проектного отдела Хряпин, главный инженер Михайлов и инженер-конструктор Мочалов — беседуют однажды об аресте Трубина.

— Что с ним сейчас может случиться?

Хряпин и Михайлов уверяют, что освободят. А Мочалов меняется в лице и говорит:

— Освободят-то может и освободят, а ведь дела-то с проектами плохи...

Витьшу заинтересовал последний разговор. На Мочалова он почему-то надеялся больше всех. На следующий день вечером он собрал троих конструкторов: Воронина, Жемчужникова, ну и Мочалова. Стал Мочалова спрашивать:

— Скажи, что по проектам неладно?

— Говорят, что почти все неладно. Все чертежи требуют переделки, так как они безответственно работались частными лицами по домам и принимались без проверки.

Гурьянов Василий Игнатьевич

Я пришел на фабрику в тридцать первом году в мае месяце, 5 числа.

Сделаны там были по обеим секциям только фундаменты, делалась конструкция деревянная.

Самое первое, что встретилось мне, — это взлом фундаментов первой секции.

Работа была варварская. Плохая была работа. Перво-то подрывали эти фундаменты лопатками, ручным способом. Свалили их. Для удаления их, поскольку они значит большого объема — не поднять их, рабочим приходилось брать клинья, разбивать бетон молотками. Отдельными кусками бетон убирали с секции. Недели две шло это дело, не меньше. Я удивился очень. Хотел узнать, почему ломают. Но работали мы в таких условиях, что добиться этого было нельзя. Нам отвечали:

— Изменен проект!

И все.

Только теперь я увидел, что эти фундаменты по новому проекту занимают то место, где нынче возведен зумпф шлихов [1].

Может ли нравиться рабочим такое дело? Одна лишь взломка этих фундаментов стоила строительству по 23 рубля с кубометра. Нам трудно было понимать с первачка, в чем дело. Мы были запутаны. Проекты каждый день поступали все новые.

Я был десятником строительных работ. Приходилось переделывать все плотничьи работы. В большинстве случаев проекты строительные не имели никакой увязки между собой. При установке механизмов деревянные, ранее сделанные конструкции требовали больших переделок. Транспортер № 2 переделывался два раза, транспортеры № 7 и 7′ тоже переделывались снова два раза. Стол под магнитный сепаратор на тринадцатом транспортере тоже дважды перестраивали. Лишняя затрата времени, средств, лесоматериала... Приходишь к рабочим, говоришь:

— Вот, ребята, будем переделывать. Пришел новый чертеж. Размеры изменены...

Они допрашивают:

— Скоро ли мы кончим эти переделки? Надоело!

Сердились. У рабочих совсем опускались руки. Разъели кровь им эти переделки. Вот бригада Нечаева, плотников ударная бригада, действительно боролась за быстрое развертывание работы. Так эти переделки никак ей не давали развернуться, падали на нее всей тяжестью.

Вот случай со шлиховым отделением. Возведены были стенки, бетонные стенки. И после того вскоре поступил к нам новый чертеж на выход галлереи шлиха. Чертеж потребовал слома одной стенки.

Взяли рабочих, взяли буры, бурили эту бетонную стенку. Работали медленно, неохотно. Да и нужного инструмента достаточно не было. От крепости бетона буры то и дело приходили в негодность. Потом затребовали амонал, подрывную команду, и наша стенка взлетела в воздух.

Что рабочий мог на это сказать? Строил, работал, трудился... И все его труды взорвали в воздух.

А где надо было, там проекты не изменялись. Возьмем устройство перекрытий первого этажа в шлиховом отделении. Они сделаны плохо. Никаких собственно опор не имеют. Мы подвешивали их на брусья к третьему этажу. Об этой вещи много разговоров было. Но тут-то как раз чертежи не

---

[1] Зумпф — бетонированная яма с водой, в которую заваливается горная масса для начальной промывки; шлихи—мельчайшие отмытые частички руды, встречающиеся в глине.

перепроектировали несмотря на то, что верх был неспособный.

Пиломатериалов в нужный момент обычно не было необходимого сорта. В конструкции ставили не то сечение брусьев, которое нужно по проекту, а какое имелось. И конструкции выходили не те. Они теряли даже свой вид. И прочности становились не той. Не было болтов для конструкции отсадочного отделения. Почти вся полностью конструкция была собрана без постановки болтов.

Где самая ответственная и такая объемистая конструкция, там-то и делали без болтов. От ветров, дождей, солнца дерево сохнет, извертывается. Получился перекос. Болты ставить начали послевременно. Отверстия, которые для них были просверлены ранее, уже не подходили по своему ходу к болтам...

Заедала еще нас грязь. Куда от нее деваться! Грязи много было. Грунты тут глинистые, ногу вытащить трудно.

От грязи очень трудно пришлось при установке опалубки зумпфа первой секции. Неоднократно котлованы затапливались. Нарушалась правильная опалубка, требовалось дополнительное крепление. Работа между прочим самая ответственная и трудная.

И еще надо отметить частую смену руководителей стройки. За время моей работы, за 2½ года, сменилось десять прорабов. Еще некоторый прораб в курс дела не успеет войти, а его уж сменяют. Какой же тут интерес к работе! Был вот прораб Кононов, который совершенно не имел понятия о самой фабрике. Он кажется больше был по железнодорожной части. Я к нему не раз обращался за разъяснениями чертежей. И он отвечал мне так:

— Я понимаю в этом деле, как свинья в апельсинах или как баран в библии.

Много напакостили нам эти вредители. Долго следы их чувствовались. Когда раскрыли Промпартию, забрали и наших местных вредителей.

Борьба

Стаканчиков Анатолий Иванович

Это конец 1927 и начало 1928 года. В аккурат зимой дело было. Я состоял секретарем ячейки ВКП(б) Большой выработки. Коммунистов в цехе было пять человек: Кузьмин Александр, Судьин Семен, Пшикун Андрей, Шморгун Александр и я.

Работу мы все-таки проводили. С конницей шибко спорили. Я тогда тоже на конях робил. Конница бузила, что мало овса стали коням давать. По двадцать фунтов в день вместо тридцати. Подрядчики говорили, что кони задыхаются, не могут робить. Требовали прибаву овса. За ними шла большая часть двухлошадников.

Надо было утихомирить коннозабойщиков. Устроили общерудничное собрание в клубе, где сейчас столовая № 12. Бурное очень. Из окрпрофсовета приехали члены президиума товарищи Трофимов и Колеватов. Едва они успели войти на сцену, как поднялся шум, гам. Подрядчики орали:

— Не выробиться коням!

— Подохнут кони!

Общий гвалт получался. Рудкомщики старались усмирить конницу, но ничего не могли сделать. Совершенно люди не слушались. Кричали прямо в лицо:

— Вы не работаете и ничего не понимаете!

Того гляди — стащат всех со сцены за ноги! Я вижу — дело плохо.

Разбивать мнение конницы приходилось мне как секретарю и вдобавок конному человеку.

Выскочил прямо в запоне на сцену. Говорю:

— Товарищи! Я сам работаю вместе с вами. 30 фунтов давали — конечно лучше. А если 20 дают? Все же работать можно. Мы в Красной армии в восемнадцатом году были, нам овса давали на лошадь всего только по 8 фунтов в день. И лошадь каждый день носила бойца. А теперь и подавно на 20 фунтов в день робить сможет. Если на ипподром гонять после смены, так конечно не выдержит. А робить можно на ней.

Как я сказал — атмосфера сразу охладилась. Это очень на конницу действие производит, когда сам же коннозабойщик говорит с ней.

Замолкли постепенно. Затихли. Собрание стало итти как следует. Решили, что овса дают удовлетворительно и нормы выработки выполнимы...

На другой день в замере Семен Котов, Иван Котов, Минин Сережа и другие подрядчики опять поднялись.

Я им стал доказывать, что в переходный период могут быть затруднения, а норма наша в самый раз, и овса выдают достаточно. Все же разубедил их.

Скоро надо было распространять нам крестьянский заем. Я подписался на 100 рублей и пошел по замерам.

— Вот, говорю, на крестьянский заем подписка. Сельское хозяйство поднимать надо нам...

А коннозабойщики:

— А ты сам-то на сколько подписался? На сто? Ну, и мы на сто!

Пошла подписка по замерам не ниже чем на сотню рублей.

В самой гуще работа у нас кипела. Партийная массовая работа. Вот сбились по извозам дороги. Надо новые стлани делать, грязь расчищать с дорог.

Ходишь по забоям и агитируешь.

— Надо извоза поправлять. Никто, как мы. На себя делаем. Чтобы не было унижения программы и избиения своего конского поголовья. Ее, лошадь, ведь бьет пуще, если по плохой дороге она идет. И снасть и лошадь ломает. Ведь разница тут большая: или она по ныркам идет или по ровной дороге...

Подрядчики поодиночке все соглашаются, а как сделаешь собрание — тому некогда, этому некогда...

Вышли на субботник кому было можно. Регистрацию провели. На другой день опять идешь по замерам:

— Ты почему не был?

— Домашние причины все.

— А по какой дороге будешь ездить, по плохой или по хорошей?

Он наконец соглашается отработать свою долю.

Трудненько было с конницей робить, у каждого обыденные дела свои — то тележку починять, то кобылу перековывать, то пьяный, то с похмелья...

Но я как коммунист считал своей обязанностью не гнушаться трудной, грязной работой, а ребята по ячейке мне помогали, особенно Кузьмин. Мы подрядчиков все вдвоем ломали с ним.

В 1928/29 году на рудник к нам набежало много чужих кулаков и белогвардейцев, утекавших от коллективизации: омские, томские, барнаульские, шадринские, тюменские, ялуторовские! Со всех сторон понаплыли.

Решили мы их с рудника повыкурить. Я знал, где кулаки останавливались по квартирам. Все больше у крупных подрядчиков, своих же «братьев». Об этом мне рассказывали рабочие.

Поехали в два часа ночи на лошадях. Перво к Горохову Василию Митричу. У него застали всех пьяными: сидят и пируют, полна изба, человек двенадцать.

Мы постучались. Горохов Митрич меня знает прекрасно. Открыл:

— В чем дело?

— Разрешите взойти! У вас публика посторонняя есть, проверить надо.

Он пустил. Входим в избу:

— Здравствуйте! Как живете? Разрешите ваши документы!

Документы оказались фальшивые. Мы этим людям приказали снаряжаться. Человек тут одиннадцать захватили. Построили, повели дальше. Всего за ночь набрали их 21 человек. К утру привели их в ГПУ, куда следует.

В следующую ночь еще человек пятнадцать забрали. Жили они еще у Мамонова, у Горохова Егора, у Гореликова Петра Николаича. Я знал все хаты, где кулачество заседало...

Дней через десяток возвращаюсь домой вечером. У Извездной улицы встречает меня лошадь в кошовке с тремя людьми. Я с голыми руками с работы шел. Кричат:

— Стой!

— В чем дело?

Лошадь на меня. Я в сторону. Они выскакивают на меня. Я сразу через прясло и — ходу. Выстрел мне по запяткам. Я — быстрее. Огородами пробрался домой.

С тех пор не стал впотьмах возвращаться.

Я все был секретарем партийной ячейки Большой выработки и рассматривал эту борьбу с кулачеством как свою первейшую партнагрузку.

В 1929 году меня выдвинули от ячейки председателем комиссии по очистке рядов рабочих нашего цеха от чужаков.

Такая же комиссия была создана в Граневой...

Мы в Большой чистили Андрюшу Артюгина, Котовых, еще кое-кого...

Отстыдили их, дальше некуда, за то, что к Марченко закладные бревна возили:

— Как он рассчитывался с вами?

— Обед да по стакану водки...

— А остатки?

— Да по замеру дописывали...

Тут рабочие и поднялись:

— Как так? Мы робим и не зарабливаем! А тут «именинники» «солнышко караулят»?

И пошло... И пошло...

Пуще всех кричал Кында — Иван Трофимов:

— Мы робим не в поту, а в крови, заробить не можем. А они, сытенькие да гладенькие, посиживают.

Мы мобилизовали ярость массы на этих людей, которые подлостью зарабатывали себе деньги.

Вот еще помню случай.

Работница Елена Масленникова подала мне заявление, что в нашем цехе работает тот самый Иван Николаевич Нехорошков, который провел белых к нам в тыл при сдаче Тагила в 1918 году. При белых по доносу Нехорошкова был жестоко избит отец Масленниковой. Я принял заявление.

На первом же рабочем собрании мы скричали Ивана Николаевича Нехорошкова:

— А ну-ка, расскажите, кто вы такой и ваше прошлое?

Когда Нехорошков начал рассказывать свою биографию, как вспомнил я год 1918 и события у станции Сан-Донато, где валились десятки невинных душ от рук палачей, пробравшихся незаметными тропами, не мог я как председатель комиссии выдержать и тут же скричал ему:

— Выйди отсюда, враг и тиран народа, пока ты еще жив!..

Нехорошков удалился немедленно с рабочего собрания, а горняки с еще большей активностью стали продолжать собрание и разоблачать чужаков, которые вели борьбу против красных.

Вот как приходилось бороться большевикам Высокой с кулацкой агентурой в 1927—1929 годах.

В 1929 году, когда я был помощником Бориса Ивановича Шептаева по мелким рудникам, произошел со мной такой случай. Приехали мы с маркшейдером Ф. А. Ивлиевым делать приемку на Каменском руднике. Доходим до шайтанского подрядчика Короткова, профуполномоченного по цеху. У него в замере кочка перенесёна.

Спрашиваем:

— Сколько предполагаешь сдать?

— 240 кубометров.

Приступили к обмерке. Намеряли только 120. Коротков тогда заявляет:

— Не намеряете 240 — кайло вам обоим в спину!

Ивлиев растерялся. А я говорю:

— Ничего подобного. Сколь сработал, столь и получишь.

Так сто двадцать и приняли. Никакие обжалования не помогли ему. Через два-три дня он ушел с предприятия...

Борис Иваныч часто мне говорил:

— Я — Борис Иваныч, ты — Анатолий Иваныч! Я езжу на вороном коне, ты на соловом. Нам из-за куста с тобой головы оторвут...

А ничего. Живем до сих пор.

Горбунов Василий Аверьянович

Году, видно, в 1926 работал у нас секретарем ячейки ВКП(б) Архипов Александр Кузьмич. Сам он был рабочий Тагильского завода и коренной ключевской житель. Жил у могильника «отца Иова» на Малой Рудянской улице.

Вернувшись с гражданской войны, он немного поработал на производстве, и его выдвинули на партработу сначала на заводе, потом на руднике. Вот Архипов и взялся настраивать нашу рудничную организацию. Самой главной работой его было расставить партийных людей в те цехи и места, где их нехватало. Наша ячейка в 1920 году насчитывала всего 21 человек. Потом стало 30, 50, а к 1928 году на руднике уже было 130 членов и кандидатов партии. Как только надежные силы были расставлены всюду, где требуется, началось вылавливание «мошенства».

Архипов нажимал на администрацию, чтобы добиться разбивки рудника на сетки для устранения этого мошенничества. Он как заводской человек не мог примириться с рудничной патриархальщиной. Больно он не любил подрядчиков, а ведь они-то, самое главное, жульничеством и занимались.

Он собрал ребят-коммунистов, которые на конях работали, и тех, которые ходили десятниками, беседовал с ними, все им объяснял. И они ему свое мнение давали: почему подрядчик заробит, а я нет? Потому что ему примерили, а мне нет. Он украл, а я нет...

Архипов этими рассказами очень интересовался. Ходил во время приемки и сам наблюдал, знакомился, как «примеривают». По его предложению некоторых подрядчиков переставляли на другие места в ряд с честными работниками, чтобы после сравнить, кто сколько сработал. И получалось, что подрядчики зарабатывали по фактической работе меньше других рабочих, а «по приписке» на старом месте у них выходило больше. Честные рабочие стали к Архипову все ближе грудиться, когда увидали, что он борется с безобразиями. Из коммунистов его первыми помощниками были Стаканчиковы Степан и Анатолий, Корсаков, десятники: Прохоренко Игоня, Пылаев Иван Михайлович и другие товарищи.

Архипов, веселый, бойкий парень, молодой был. Он и сам шибко стал развиваться у нас на руднике, все выступал, го-

ворил так толково все и умел заставлять делать. Мы с ним как товарищи в малолетстве росли и жили рядом без малого. Он часто со мной разговаривал, когда стал работать секретарем. Он говорил, что сперва ему было очень трудно работать на руднике, потому что он ход горняцкой работы не знал, а потом, когда товарищи мало-мало ему показали и разъяснили дело, начало работаться легче.

Все-таки он своего достиг. Рудник у нас на сетки разбили. Ведь раньше существовали только границы у рудника с соседними рудниками, а внутри самих рудников границ никаких не было. При этой системе никто точно не знал, что выработано, а что оставлено. Один и тот же замер можно было сдавать два раза, если только передвинуть привязки. Так и делалось. А под нажимом Архипова, который мобилизовал вокруг этого вопроса общественное мнение, передовую часть рабочих рудника, сетка была введена. Весь рудник был разбит на точно вымеренные квадраты. Маркшейдера ходили и измеряли всю территорию выработок. Теперь, скажем, если возникал спор между рабочим и администрацией насчет неправильной приемки, то ту точку, от которой рабочий начал робить, всегда было легко определить верно, считая по сетке. Мошенничать стало много труднее.

Пылаев Иван Михайлович

За время Архипова работишка поднялась. Когда заступил Архипов, он сразу начал отбивать кулакам руки. Он сразу организовал группы коммунистов в цехах.

Нас в Граневой было человек пять: я, Горбунов Василий, Носов Иван Романович, Шадурин и еще кто-то. Членские взносы у нас на месте собирал Шадурин. Он был вроде секретаря. Шадурин был и в бюро общерудничной ячейки РКП(б) № 7. Архипов был веселый шутник, страсть, какой удалой был. Масса его сразу залюбила.

Вот я расскажу один факт.

Приходит он однажды к нам в Граневую и говорит:

— У вас непорядочек в Граневой не оттого, что дождик, не оттого, что овса нет, а оттого, что у вас белогвардейцы работают. Первым долгом давайте сделаем заседание. Уволить надо Ваньку «Суку» — Титова, Котова Семена, торгаша Коновалова. Еще кого-то.

Они блекотали языками до тех пор, пока их Архипов не вышибил.

Коммунисты выработки сделали с Архиповым совещание. Он эти же слова свои подтвердил, что белогвардейцы разлагают рабочих, уговаривают не робить.

Сидели мы тогда в граневской конторке, шестеро человек, рассуждали, что у нас идет плохо дело: горняки стали рано бросать работу, поздно выезжать на нее и середь дня тоже бросать. Эти слова были мои, я доложил как десятник.

Ни председателя, ни протокола у нас тут не было. Архипов сидел напротив меня. Красивый он такой был: краснорыленький, чернобровый, баскòй. После этих моих слов он рассмеялся и говорит:

— Товарищи! Рабочие понимают затруднения советской власти. Вот бурильщики при всех трудностях хорошо работают. Вот некоторые ребята на плохих лошаденках работают и работают хорошо. Рабочим можно все объяснить, и они поймут. А это вас враги изнутри подтачивают...

Мы сразу с ним согласились. Ведь на нас эти белогвардейцы шипели, смеялись, что ничего нашей ячейке не сделать, что слишком она слаба. Самый горлан был Ванька «Сука». Пуще всех он орал.

Архипов нам предложил собрать после работы на часок рабочих и поговорить о затруднениях советской власти. Он и сам сомневался в настроениях горняков.

— Послушаем их мнение!

Пришел он в назначенный срок ровно. Вижу, бежит в выработку, хохочет. Рабочие засмеялись тоже:

— Ишь, Архипов бежит веселый! Наверно овса достал!

А он им:

— Нет, товарищи, я вам несу не овес, а полную загруженность рабочего дня!

Некоторые начали тут:

— Кони-то вышлись без овса! Устали, не на ком уж возить!

А Архипов им:

— Ничего, ребятки, повезут полегоньку.

Пошел в конторку, а рабочие толпой за ним. Сразу открыл собрание. Стал рассказывать, что затруднения у нас временные, что надо работать честно. Если, мол, мы не будем работать, то можем остановить заводы, которые нас рассчитывают и дают нам фураж. А остановим — еще дольше ни денег, ни фуража не получим.

Часть рабочих это поняла. Большинство. А остальные шептались и из углов кричали:

— Выбьем лошаденок своих!

— Лошади падать будут!

— Останемся совсем пешими.

После этих выкриков Архипов пуще выступил:

— Вот тот, кто сейчас кричит, что останемся без лошадей, — у того лошади сытые. Вот у Котова, у Титова, у

Лампатовых. Они-то и тормозят в работе. Дело не в этом, а в том, что среди вас есть противники советской власти, которые не хотят переживать с нами трудности и нам мешают.

Тут же и указал на белогвардейцев:

— Вот они в восемнадцатом году были ярые противники наши и теперь противники. Надо их отсюда убрать!

Тут шум поднялся, гомон. Ухают, грозятся, кричат. «Сука» за спиной моей стоит и орет во все горло:

— Не то что без лошадей, а и без штанов останемся с этими затруднениями.

Я кричу ему:

— Проси слова! Проси слова!

А он знай свое все орет. За ним остальные. Водворил я порядок. Выступил Гараня Усов:

— В 1921—1922 жили вовсе голодом, разутые, а работали тяжелей, чем сейчас. А сейчас еще лошади ходить могут. Надо переложить стлань, счистить грязь на дороге, и лошади пойдут.

И предложил:

— Убрать этих людей!

Гришанов тоже его поддержал. Постановили убрать чужаков из выработки.

Директор Калмыков тогда вызвал Архипова и сказал:

— Ты у меня лучших рабочих с сытыми лошадьми убираешь из ямы?

Архипов ему на это:

— Вот посмотри, завтра будет очищен извоз, и все лошади хорошо повезут руду.

Так и случилось. Программа начала выполняться.

Двойников Исаак Титович

Году в двадцать шестом получилась у нас плохая штука с вагонеточным парком. Весь парк разбит, штук сорок только осталось. Тогда ведь и механизация вся заключалась в одних коппелевских вагонетках. Меня перебросили в вагонеточное депо восстановить это дело, довести парк до 85 вагонеток. С горем пополам догнали. Совались и к кустарям и всюду. Кустарь Саламатов на Малой Кушве имел вагранку и лил для нас полускаты. Стали испытывать, видим — никуда не годятся. Пришлось отказаться от такого литья. Тагильский завод наконец согласился отливать для нас полускаты, но тоже делал с большим процентом брака. Очень много воевали мы за эти полускаты для вагонеток. Приходи-

лось напором брать материал. Куда только ни бросались мы, чтобы получить его.

Начальство даже стало бояться к нам заходить. Как заглянет — мы сразу чего-нибудь требуем для работы. Обидно было деньги получать за простои. Раз рудник в таком отчаянном положении, то надо его скорей выручать. Как вагон кончаешь — думаешь:

— Вот еще один добавился!

А в это время два вагона из строя выйдут. Злишься, нервничаешь. Рабочие в цехе маются, поднимают вагоны из грязи. Я уж стал бегать к ломщикам в выработку, помечать больные вагоны заранее, чтобы их слали скорее к нам. Доведешь парк до 60 вагонеток, радуешься, а в это время из числа еще не проверенных вагонетки опять выбывают из строя. Глядишь — опять пошло назад — только полсотни стало. И опять нажимаешь. Все-таки до 85 вагонеток мы наш парк довели. До нас слесари получали по 45 копеек за то, чтобы только поставить коробку вагонетки на калягу.[1] Бывало, свальщики наопрокидывают под откос вагонеток, коробки и каляги разлетятся в разные стороны. Чтобы доставить вагонетки из-под свалки в депо конной силой, платили подрядчикам по рублю с вагонетки. А слесари приходят в депо, в какой-нибудь час все коробки поставят — получат по 45 копеек со штуки да плюс к тому поденный заработок.

На какой же мне чорт эти 45 копеек, если от этого производству убыток! Не дело слесарей заниматься такими глупостями. Надо парк ремонтировать.

Кузнецов Абрам Зотеевич

Осенью 1923 года меня приняли на Железный. Мне было семнадцать лет.

Рудник еще совсем мало работал. Подъемник ремонтировался в то время, работали одни кони.

Я поступил в гонщики к однолошаднику Горохову. Потом гонял у Коли Костенничка. У того тоже была только одна лошадь. У Матьши Кутемова долго гонял я.

В выработках трудились однолошадники, двухлошадники. Но были мужички победнее и на погрузке. Артель, в которой гонял я, состояла из Мати Кутемова, Андриана Ивановича Пшикуна, Александра и Федора Бородиных, Пологовых, Жериных. Из мужичков покрепче в нашей артели были: Андрей Мулыгин и Марк Прохоренок.

---

[1] Каляга—рама вагонетки.

Кузнецов Абрам Зотеевич

Наши однолошадники старательно робили. Когда подавали вагонов сверх нормы, оставались работать и на другую смену. Также работали и пешие грузчики: Петя Лунев, Митьша Пологов, Пестов Паша и другие. Это самая трудная работа была. На погрузку ведь шел работать не каждый.

Как только я пришел работать, вскоре же вступил в комсомол. Заявление мне писал Санька Боровых, комсомолец. Комсомол тогда развертывал массовую работу: культвылазки в лес, на рыбалку, занятия спорткружка, драмкружка. Меня эго заинтересовало. Ячейка в то время была одна на весь рудник, при клубе, и называлась «клубная».

Я сразу стал работать в кружках. Больше всего мне нравилась физкультура. Мы готовили вольные движения, пирамиды и тут же их показывали на вечерах. Политическое развитие мы получали на собраниях. Молодежь в комсомол очень сильно привлекала наша стрелковая секция. Секретарем комсомола тогда был Ваня Нефедов. Активно работали: Колька Раскатов, Николай Горбунов, Люба Мамонова, Маруська Кокуркина, Мишка Шевцев. Я в клубе был каждый вечер и сделался активистом.

В 1924 году происходила перестройка комсомольской организации по производственному принципу. Создались че-

тыре ячейки: кузнечно-механическая, поденно-погрузочная, клубная и гонщиков. Меня избрали секретарем ячейки гонщиков. Комсомольского комитета на руднике не было. Ячейками руководил райком.

Эта перестройка помогла нам ближе подойти к массе. Начался прилив в комсомол. Наша ячейка гонщиков с тридцати человек выросла за пять месяцев до восьмидесяти человек.

Я был в то время и секретарем ячейки гонщиков и рудкомовским работником среди молодежи. Но ни то, ни другое не давало освобождения от производства. Я продолжал исправно гонять гнеденького мерина Мати Кутемова. Гонял до 1925 года. Как работник по защите прав молодежи я часто сталкивался с подрядчиками. Приходишь на забой, говоришь:

— Почему заставляешь подростков работать не по шесть часов, а по восемь?

— Я и не заставляю... Они сами работают.

Я ссаживал малолетнего с тележки, лошадь передавал другому гонщику, а первого отправлял домой.

Бывало, встанешь на извоз, смотришь. Для молодежи был установлен гудок на два часа раньше конца работы. Как прогудит гудок, проверяю, не едет ли по извозу кто из малолеток. Ведь домой они уходили пешком по лестницам. А если едет по извозу — значит с породой. Значит продолжает работать. Я таких тоже ссаживал и отправлял домой. Все это было согласовано с хозяйственниками. Еще мы отстаивали всяческими путями повышение процента молодежи — и особенно девушек — в броне учеников на механизмах. Это входило в задачи комсомольской работы.

С 1926 года по май месяц 1930 года я сам работал в механическом цехе. Поступил я подручным слесаря к Исааку Двойникову. Он был внимательный и требовательный учитель. Толково показывал, как что надо делать, проверял, понимаю ли я, приучал к старательности и аккуратности. Человек он крутой, серьезный. Уж этот действительно дрался за производство, болел душой.

Мы делали с ним ремонт вагонов для Большой выработки. У нас так было. Мы не ждали, когда к нам поступит вагон, а сами шли в выработку и смотрели вагоны: не стучит ли, не проседает ли коробка, есть ли застежки, чекушки. Мы ходили под свалкой и требовали поднятия опрокинувшихся вагонов. Работали, не считаясь со временем. Работали не покладая рук несмотря на поденную оплату. Часто вечеровали.

Вагончики ведь были старые, все разбитые. Системы

Артура Коппеля. Приходилось за ними смотреть вдвойне.

Мы знали, что недостача вагонов может сорвать программу. Тогда тоже были годовые программы. В Большой выработке уже работали пешие кадровики-горняки. Подъемнику полагалось выдавать в одну смену определенное количество вагонеток. И мы боролись, чтобы было больше порожняку.

В партию вступил я в 1924 году и с этого года по 1927 бессменно работал секретарем комсомольской ячейки гонщиков. Когда была образована общерудничная ячейка, меня выбрали ее секретарем. Два года работал секретарем комсомольского комитета горы Высокой. Весной 1930 года меня выдвинули на профработу.

Пестов Федор Иванович

Я родился в 1909 году. Отец был ломщиком на Железном. Он умер, когда я был совсем маленький. Не знаю даже, какой он был цветом. Мать работала сызмалетства в гонщицах на Железном руднике. Она меня и воспитывала. Мы жили одной семьей с двумя сестрами матери, моими тетками. У тети Клавдии муж тоже помер, оставив девятерых детей. У тети Маши, моей крестной, детей не было. Мать матери, моя бабушка, девяностолетняя старушонка, возилась со всеми нами. А тетки тоже гоняли.

В 1925 году 15 мая я поступил на Железный рудник. Приняли меня собирать камешки, но я вскоре гонять пошел. По потомству, как говорится. Гонял до осени 1928 года.

Я работал у подрядчика Андрея Артюгина из Верхнерудянской улицы. Правда, тогда уже гонщики получали деньги через контору, но мне как несовершеннолетнему контора проводила зарплату только за шесть часов. А работал я полных восемь, и доплачивать за эти два часа в день Артюгин мне должен был сам, из рук. Я об этом не знал.

Как-то раз поднимался я из Большой по извозу. Навстречу идет комсомолец Клюкинский. Он работал в комитете комсомола, защищал права рабочих-подростков. Он спрашивает меня:

— Как дела? Сколько часов работаешь?

— Восемь часов.

— А сколько лет тебе?

— Шешнадцать лет, семнадцатый...

Мы тут с им маленько поговорили. Он сказал:

— Мы сегодня с тобой в клубе встретимся, ты расскажешь мне, как у тебя чего...

О комсомоле я знал давно, что существует такая организация. С 1924 года я был в пионерах. Ездили в лагеря даже. Меня и в комсомол вербовали, но я не шел, потому что был неграмотный. А в драмкружке активно работал и ужасно это дело любил. В клубе терся все время...

Пришел я в клуб вечером. Клюкинский записал все, что я сказал ему, вызвал Артюгина и предложил, чтобы тот уплатил мне все деньги, которые задолжал. В следующий месяц я получил все, что следовало, и вперед стал получать аккуратно. Этот случай еще ближе сплотил меня с комсомолом. Ребята все уговаривали меня учиться, а я отказывался:

— Ну, чего там... Не надо. Гонять-то и так можно...

В октябре 1927 года нас человек десять торжественно перевели в комсомол. В то время союзом молодежи руководил Абрам Кузнецов. Он здорово на меня налегал, все заставлял учиться. Я проходил в ликбез три месяца и опять бросил.

И только в двадцать восьмом году, когда меня по неграмотности не приняли добровольцем в морфлот, я поставил перед собой задачу учиться. Самообразованием постепенно выучился читать и писать.

По комсомолу мне давали тогда разные небольшие нагрузки: созвать на собрание беспартийную молодежь, в клубе за порядком следить и другие.

В 1927 году я перестал гонять. Проробил около года на разных других работах: в ломке, на бутаре, в шахте № 3 по спуску крепи. В 1928 году в октябре комсомол меня выдвинул помощником машиниста на водоотлив в Большую выработку. Так я и стал работать по насосам до осени 1930 года. Потом монтировал граневскую канатную дорожку, был на ней машинистом и бригадиром.

С сентября 1931 года я нахожусь на комсомольской работе. Был освобожденным секретарем ячейки горпромуча, был культмассовым работником комитета комсомола. Работал несколько месяцев по линии профсоюза. С 1932 года в партии. Сейчас я парторг ячейки горпромуча.

Чернышева Таисия Зиновьевна

С шестнадцати лет я замужем. Началась революция. Я тогда еще не представляла себе, что революция — наша избавительница, что революция сбросит с женщин цепи.

Но я довольна была, что муж пошел добровольцем в Красную армию.

По поручению военного комиссара мой муж формировал кавалерию. Эскадрон был им сформирован и пошел в наступление под Екатеринбург. Мне нравилось это, но я не понимала еще, что мой муж завоевывает.

Чехи быстро погнали партизан от Екатеринбурга. Мой муж тоже должен был отступать из Тагила. Тут-то я от него уже не отстала. Была вместе с ним десять месяцев в прифронтовой полосе. Мне нравилась партизанская жизнь. У нас была самая настоящая коммуна. Все жили заодно, как родная семья. Когда нам бывало жарко от белогвардейщины, мы не падали духом, а дружно и спокойно выходили из трудностей. Вот Колчак прогнат из Тагила. Я снова дома. Муж уехал в Сибирь.

Кончилась война с Колчаком. Мой муж домой воротился. Начали мы заводить хозяйство. Я домохозяйничала до 1927 года. А в 1927 году мы разошлись с мужем. И не стало у меня ни хозяйства, ни мужа, и снова я вернулась на рудник.

Опять я на Железном. Но чувства совсем другие.

Рудника не узнать. Идут собрания рабочих, семейные вечера, на производстве все как-то просто, по всем отраслям идут производственные совещания, вносятся рабочие предложения. Все товарищеское, коллективное. Даже и следа не найти от того господства начальников, перед которым раньше дрожало мое детское сердце...

Вот я сразу в активе рудника. Принимаю во всем участие, хотя и недостаточное — нехватает грамоты. Но тут уж я себе представлять стала ясно, как много работы на пути у большевиков. Работа моя проходила с желанием им помочь.

Вспыхнул конфликт на Восточно-китайской железной дороге. Я видела, как готовились торжествовать враги советской власти и большевистской партии, как они начали поднимать голову. Во мне поднялась буря ненависти к этим людям. Я дала себе отчет, что должна быть с коммунистами. Пришла в парткомитет и сказала:

— Вступаю в партию!

И с этих пор я еще больше стала чувствовать свою ответственность перед рабочими...

Ведь надо сказать и то, что не зря повозились коммунисты с беспартийными рабочими рудника с 1921 по 1929 год. Хоть подрядчики и гнули свое, но партия их во-время одергивала. Партия организовывала и воспитывала рудничных пролетариев. Темнота-то какая была на горе Высокой при

И. Д. Кабаков — секретарь Свердловского обкома партии

демидовских управителях! Все мы темными да неучеными жили. Только и закон один существовал для всех: воруй, мошенничай, рви где чего можно. Чтобы эту нашу застарелую привычку преодолеть да обучить железорудных горняков добросовестной, коллективной работе, много пришлось потрудиться большевикам рудника.

Хоть я и не работала в те годы на руднике, но зорко присматривалась к тому, что творится на производстве. В клуб ли пойдешь с мужем, в лавке ли с бабами разболтаешься или так по какому делу на рудник сбегаешь, все видишь — горняцкое производство поворачивает на новую линию. Спервоначалу-то шибко трудно это коммунистам давалось, двигалось дело медленно, маленькими шажками, но они не смущались, духом не падали, настаивали в конце концов на своем. Такие партийцы, как Архипов, Пылаев, Илья Баранов, Иван Романыч Носов, Семен Суетнов и много других, воспитывали своим примером десятки беспартийных рабочих, поднимали их культурный и политический уровень, втягивали в ряды ленинской партии. Без этой работы партийной организации рудника за годы

восстановительного периода никогда бы ряды большевиков Высокогорского железного рудника не достигли такого роста к 1930 году и не смогли бы так успешно повести за собой горняцкие массы рудника на выполнение первой и второй пятилеток.

К лету 1930 года кулаки и вредители организовали настоящий саботаж работы на руднике. Массы кадровых рабочих во главе с коммунистами горели желанием дать отпор классовому врагу, но партийно-хозяйственное руководство рудника растерялось.

Мне рассказывали, что в 1930 году летом на рудник приезжал руководитель уральских большевиков Иван Дмитриевич Кабаков. Вместе с секретарем окружкома партии товарищем Нефедовым, с директором рудника Сесюниным, помощником директора Каписко, секретарем парткома Холодиловым и другими товарищами Кабаков обошел весь рудник. Он видел опустевшие выработки, подрядчиков, которые отдыхали возле забоев, видел рельсы и шпалы недостроенной канатной дорожки, разбросанные по дну Граневой, видел простаивающие механизмы. Осмотрев предприятие, товарищ Кабаков будто бы произнес только одно слово:

— Лежит!

Все отлично поняли, что это означает. Было время страды, и на руднике действительно все спало, лежало. Лежали люди, части механизмов, оборудование, лежала под пустой породой руда. Руководители рудника очень смутились такой оценкой состояния предприятия.

В скором времени партийно-хозяйственное руководство Высокогорского рудника, не справлявшееся с работой в условиях реконструктивного периода, было обновлено. При расформировании округов на гору Высокую был направлен в качестве помощника директора работник окружкома ВКП(б) товарищ Давыдов. Вскоре стал он директором.

Часть четвертая

Реконструкция

Накануне перелома

Чернышева Таисия Зиновьевна

В 1929 году летом прокатилась на руднике волна ударничества. Некоторые рабочие с таким горением начали работать, что приезжали раньше времени и домой уезжали позже. Я обслуживала одна целый штабель за четверых.

Но ни ударники, ни лодыри не учитывались. Были красная и черная доски, но так они и остались досками. В рудкоме был тогда Свистунов. Я говорила ему, бывало:

— Свистунов! Что вы не закрепляете энтузиазм рабочих!

Но он как-то все отнекивался.

Мою работу отсталые рабочие отмечали насмешками. Так тогда волна ударничества и успокоилась.

Осенью двадцать девятого года звонит по телефону заведующий Граневой — Шляпников Виталий Васильевич:

— Тася! Нам придется распроститься. Ты по распоряжению партийного комитета едешь в деревню.

Жаль мне было расставаться со штабелем, но нечего делать. В райкоме дали путевку. Жутко было сначала. Бригадир проинструктировал нас и сказал мне:

— Ты, товарищ Чернышева, иди проводи в деревне Маслянке женсобрание. Только не ври! Прямо говори, какие трудности есть на пути коллективизации...

Иду в деревню, сама боюсь. Но там не оказалось никого сильней меня, и я с успехом провела женсобрание. Все дворы вошли в колхоз, только одного кулака сами крестьяне не приняли. Он выл, как волк.

Работала я там 6 недель, и работа моя была успешна.

Потом на совещании в районном комитете партии стали намечать тех, кто может самостоятельно работать в деревне. Меня выдвинули председателем сельсовета. Я боялась, чувствовала, что слаба буду. Делать нечего, взялась, приняла сельсовет. Сначала бойко пошла работа, ну а потом везде стала сказываться моя малограмотность. Проработала я четыре месяца и решила уехать. Поучиться хотелось шибко. Но мне не пошли навстречу, и я уехала самовольно, а за невыполнение партобязанностей меня исключили из партии. Я-то имела в виду, что только подучусь и снова вернусь в деревню, а вышло не так. Возвратилась я обратно на рудник.

Чернышева
Таисия Зиновьевна

Тут ждало меня мученье, а не ученье. Помощник директора Каписко Иван Александрович послал меня переезды чистить. А я не чистила их сроду. От такой неожиданности у меня и дух захватило. Анатолий Стаканчиков устроил на Жуковский [1] к штабелю. Снова начала работу — общественную. В контрольную комиссию подала заявление — меня восстановили в партии.

В Жуковском разрезе производилась вскрыша. Штат рабочих был подобран работоспособный. Там было сорок конных забоев, трудились кадровики. Работали действительно по-ударному. Даже мы, свальщицы, целый день откидывали за гонщиков, чтобы они нисколько не стояли на свалке. Но рабочие вешали головы и говорили:

— Не вырабливаемся... Остаемся должны конторе...

Расценки были такие, что рабочие стали долгу нарабливать и вынуждены были покидать работу. Это были вредительские расценки, рассчитанные на озлобление горняков.

В мае все разъехались с Жуковского, и моя работа ликвидировалась. Я ушла оттуда последняя.

Иду в контору, прошу Каписко:

— Мне работы надо.

Он послал меня к штабелю Большой выработки. Иду

[1] Жуковский разрез — один из мелких цехов Высокогорского рудника.

утром на работу. Гляжу — время вышло, а почти никто не шевелится. Прошла я мимо многих цехов. Сравнила, как мы на Жуковском робили и как робят здесь, в центре рудника. Руководства много, а люди праздно шляются.

Прихожу к своему штабелю. Там уже сидят четыре работницы, я — пятая заявилась. Сидят компанией, точно на посиделках. Я говорю:

— Что это такое? За что вам платят?

Мамонова Марья только смеется. Я говорю опять:

— Да ведь я в прошлом году одна управлялась тут!

Тут они все на меня и напустились:

— Ты подъедать хочешь!

Я говорю им:

— Даром получать я денег не буду!

Решила подождать Каписко, в ожидании брожу по цехам. И доходилась я по цехам до того, что все до одной нервочки мои запсиховали. Разгильдяйство кругом так на меня подействовало, что я не сумела взять себя в руки. Полетела я прямо к директору Сесюнину. А он ехал на рудник, и я по дороге же стала с ним говорить. Он слез с коробка и пошел пешком со мной рядом. Я давай ему наворачивать:

— Что ты, не видишь, что у тебя на руднике делается? На Жуковском все в доску заробились и должны остались конторе, а в других цехах «посиделки». Взгляни в погрузку, сколько балласта там! Взгляни в Граневой — сколько людей на солнышке дремлет! Взгляни на штабельщиц, что они делают — Зину Прохоренко окружают, а она им сказки рассказывает! Смотри, что твои помощники делают!

Он меня выслушал. Дошли до кабинета Каписко. Сесюнин давай его шугать:

— Что это за безобразия у нас? Вот работница говорит...

И стал ему пересказывать. Ушел Сесюнин. Я сама доказала Каписко, что там на штабеле народу без дела много. Каписко отвечает мне:

— Тогда нет тебе работы!..

И осталась я безработная. В скором времени проходила конференция горняков. Я пришла и выступила на ней. Ладно ли, неладно ли, но слова мои были направлены к одному: критиковала я всех руководителей за то, что они не выполняют своих обязанностей, плохо организуют производство.

Пшикун Андриан Иванович

Я такой человек, сумнительный. Всякую сортировку справляю. Чуть что, какой камешек попал — кричишь гонщице:

Пашкун
Андриан Иванович

«Вынимай!» Выговора пуще всего стыжусь. Нет хуже, что придет десятник на замер, скажет:

— Андриан Иваныч, у тебя с качеством плохо!

Сам встанешь и цельный день не отойдешь от тележек, покамест не исправится сортировка. Злонамеренно другой раз плохие замеры мне отдавали.

Я родился в этой яме, в ней и помру. Рудник — он нам родной. Уходить нам с него не славно, хотя и трудновато когда приходится. Взялся за гуж — будь дюж.

Вот, помнится, было дело одинова в Граневой выработке в тридцатом году. Последнее лето уж мы там дорабливали, конная сила. С осени канатная дорожка пошла, и стали робить пешие ломщики. А летом недостача овса. Нету ни зернышка. Я сам пять пудов покупал — скормил. Волнуются, шумят мужики:

— Бросаем работу!

Тут, вишь, страда подошла. Немного уж осталось-то коней. Споры. Старики кричат на собрании:

— Нам нужна страда!

— Две недели.

— Покос у меня далеко...

— А у кого близко?

— Так должно и быть, отпустить чтобы...

— Не надо нам ваше ударничество. Дайте овса только. Мы и так ударники.

Ну, я выхожу вперед:

— Чего? Хватит уж об овсе-то говорить — дорабливать надо. Работать можно и кормиться можно. Не всегда будет масленица. Как бы ни было — робить надо. Больше нет ничего! Ребята! Мы должны так сделать. Мы сами ведь не косим — нанимаем. Мы должны в это время работать. Гребь поспеет не у всех сразу. Верно?

За меня сразу встали: Герасим Петрович Усов, Алексеев-Гришанов, Кирилл Пестов, Третьяков Яков. Наседаем мы. Шум, галдёж. Артель большая: один так говорит, другой так...

Все же постановили: как у кого гребь поспеет, должен заявить администратору, что поехал. Если в четыре дня, скажем, управился — должен на производство ехать работать. Не так, что раньше как: на две недели отпущен, отстрадуется, ходит без дела, в рудник не заглядывает.

Вот, отец, как!

Канатная дорожка

Пестов Федор Иванович

Первый раз я о канатке услышал на партийном собрании. Вопрос стоял об ускорении постройки силовой станции. Это было в начале 1930 года, еще зимой.

Выступали партийцы-рабочие и требовали ускорить доставку деталей механизации. Решено было послать толкачей на заводы, которым рудник заказал механизмы.

Заинтересовался я, но не мог еще представить себе, как это канатом потащат вагонетки из ямы. Весной, в мае, проходя мимо стройки силовой станции, я с любопытством рассматривал установленные там переклады. А в июне, числа десятого, нас четверых послали на силовую — для монтажа механизмов. Вот я обрадовался, что попал наконец на такое крупное дело!

Плотничьи работы уже были окончены. Мы работали в корпусе силовой: я, Дьячков, Семенов, присланный из Свердловска, и Степка Шелудяков. Всем монтажем руководил Топорнин, а старшим среди нас являлся Семенов.

Пришли мы — части лежат. Подшипники, валы и шкивы все уже находились на месте. Только нехватало двухручейного большого шкива. Он лежал у старого варианта.

Сначала мы шаберили подшипники. Шабер — это треугольная стальная пила. Ею подтачивают подшипник, стирают с него медь, подгоняют диаметром под вал.

Кончили подшипники, приступили к установке постаментов на цемент. Укрепляли болтами вмертвую. Начали ставить валы, горизонтальный и вертикальный, поставили натяжной одноручейный шкив. На этом мелкий монтаж прикончился. Наступило уже 1 августа 1930 года. Работать конечно было трудно, потому что для четверых срок выпал довольно жесткий. Но я очень заинтересовался механизмом канатки и делал все с удовольствием. Кроме того мы знали, как важно поскорее механизировать Граневую.

Когда начали создаваться ударные бригады, то и мы решили записаться в ударники. По-ударному стали мы работать еще лучше, выполнять производственную программу целиком. Мы трудились всерьез. Монтаж канатной дорожки нас захватил без остатка.

...Потом в... Граневую перетащили стальной канат полуторакилометровой длины.
Его спустили вниз от конторы и растянули вдоль линии всей дорожки...

А вот Степка Шелудяков исполнял работу кое-как. Он даже осмеливался читать в рабочее время, за что получал замечания от Семенова. При записи в ударники Шелудяков заныл:

— Работать и так приходится тяжело... Зачем это какие-то бригады ударные?..

Мы с Дьячковым были два комсомольца, а он — кандидат партии. Заявили мы, что исключим его из бригады и поставим в ячейке вопрос об исключении из партии. Только после этого он согласился записаться в ударники.

Для крупного монтажа организовалась бригада уже из других товарищей. И я в нее угадал. Мне очень хотелось сначала и до конца участвовать в механизации Граневой. Бригада состояла из Паши Серебрякова — сегодняшнего начальника транспорта, Александра Белохохлова, меня и Илюшки. Илюшку — не помню его фамилии — мобилизовал нам на помощь комсомольский комитет Пермской железной дороги.

Приступили мы к сборке силовой станции. Начали с установки большой цилиндрической шестерни. С этой шестерней видимо имели дело вредители. Диаметр вала, на который надо было ее надеть, равнялся 175 миллиметрам. Мы уже опустили нижнюю половину шестерни в цементную канавку под валом и хотели приспосабливать верхнюю половину, как вдруг заметили, что диаметр отверстия, в которое должен пройти вал, на 25 миллиметров уже. Повезли шестерню на завод для расточки диаметра втулки и потеряли на этом пять дней.

На ударной сборке мы работали с шести утра до десяти-одиннадцати часов вечера.

Окончили на силовой весь монтаж, поставили моторы и натянули ремни. А на угловой получилась задержка. Там Леся Локтев и Киприян Колесников не успели поставить свой двухручейный шкив. Нас послали на помощь им. Топорнин распорядился во что бы то ни стало закончить к 6 часам утра установку. Мы горячо работали, падали от усталости, но не оставляли работу.

Несмотря ни на что к утру мы собрали шкив...

Потом в Граневую перетащили стальной канат полуторакилометровой длины. Его пустили вниз от конторы и растянули вдоль линии всей дорожки. А мы натягивали канат на «ручьи» шкива и сращивали его концы...

Начались перепуски[1]. Я остался машинистом на силовой. Стали цепить первые груженые вагонетки. Все время возникали аварии. Дорожка была не обкатана и не рассчи-

[1] Пробные пуски.

тана. Вагонетки то и дело срывались с рельс. За смену Граневая давала сорок-пятьдесят вагонеток руды, а норма — двести. Тут конновозчики и порадовались:

— Вот построили, механизировали, а выдают меньше конницы. Программу выполняли на конях лучше, чем этой механизацией.

Но долго насмехаться им не пришлось. Субботниками подняли профиль рельс до уровня натяжки каната. И в ноябре дорожка уже давала пятьсот тонн в смену, а норма была четыреста.

Я, машинист канатки, почувствовал себя очень гордо. Не зря мы трудились, не зря работали!

Тихонов Яков Михайлович

Было в моей бригаде шестеро нацмен-татар. На рудник они пришли 16 декабря 1929 года строить канатную дорожку. Коннозабойщики на нашу работу посматривали с усмешкой:

— Все равно без лошади не пойдет дело.

А работа двигалась быстро. Что ни день, то рельсы от силовой станции все заметнее протягивались вглубь Граневой выработки.

Подрядчики сидели да покуривали, ожидая, когда их лошади придут за породой. А шесть нацмен-татар работали на постройке канатной старательно, деловито.

Вот имена татар-ударников: Икрам Ахмадаев, «Алешка», Мирза Микбодиров, Махна Гарипов, Шарафутдинов, Шайхун Галиахметов.

Март. С канаткой торопят. Сделано уже много, это заметно и нам самим. Пути канатки начинают принимать ясный вид. Но к нам редко кто ходит, как будто нас и на свете нет. Придет начальство, посмотрит по сторонам и уйдет...

Подрядчики все посмеиваются: — «Бесконечная». И конца ее постройки не будет...

Не верили вместе с ними и многие подкулачники. Распускали по руднику всякие нелепые слухи:

— Вступишь в бригаду, а если сделать не в силах что-нибудь?

— Под суд отдадут тогда.

Несмотря на застращивание я записался в ударники. За мной вступили все остальные шесть татар. Мы крепли, учились работать, учили других работать.

Помню, долго, тихо копались у начальной лебедки, выводя крутые кривые. Робили до темна. Бывало, все уйдут

уже, останется только моя бригада. Решили темпов не спускать до конца и во что бы то ни стало уложить все пути к сроку.

Лето уж. Вот дорожка готова. Стали ее опробовать. У начальной лебедки вокруг горизонтального вала никак не идут вагоны. Буксы у вагонеток ржавые, а рельсы новые, да и больно круто. Лошадь насилу везет вагон.

Но все это скоро направилось, и канатная дорожка стала работать.

Крючков Агафон Иванович

При постройке канатной дорожки во время сборки машины вдруг обнаружилась утеря всего комплекта шпонок. Были потеряны все шпонки и больших и малых размеров. Как монтировать механизм?

Приходят ко мне:

— Выручай, Агафон! Из-за шпонок все дело остановилось...

Вид на рудник с Шихана. Справа — линия канатной дорожки

Крючков
Агафон Иванович

— Сколь сроку даете?
— Дён пять.

Пришлось поднатужиться. Через трое суток силовая получила все шпонки.

Потом поручили мне в семидневный срок отковать 20 подшипников. Работал сутками. Подшипники изготовил час в час.

Так молот горняка-кузнеца помогал механизировать Граневую. Удары его были ударами по классовому врагу, тормозившему механизацию рудника.

Кириллов Яков Митрофанович

Двигатели и шкивы для канатки получены, но они лежат на старом варианте[1]. За доставку их лошадьми на силовую подрядчики просят по тысяче рублей за тяжеловес. Жаль советской копейки, да и на лошадях везти долго, не поспеть к сроку.

Подрядчики были рады случаю сорвать, но не тут-то было! Энтузиасты-ударники, организованные партийно-хозяйственным руководством, дали им бой за канатку. Пример

[1] Старые погрузочные эстакады.

показывает рудничный большевистский актив. Начинаются субботники по перевозке грузов.

С новой эстакады на старый бункер брошены рельсовые пути. Тяжеловесные машинные части десятками горняцких рук погружаются на тележки от коппелевских вагонов, втягиваются лебедкой по крутому подъему и мимо бремсбергов по мосту нового бункера катятся один за другим к силовой.

Однажды редактору нашей газеты товарищу Чумичеву чуть не раздавило голову между кузовами двух коппелевских вагонов. Он сходил перевязаться и, как мулла в чалме, вернулся на субботник кончать работу. Пять субботников подряд — все шкивы и моторы на силовой. Рвачи-подрядчики получили большевистский отпор.

Установка готова. Необходим канат. Он есть, но находится у рудоуправления. Его надо тащить к дорожке и растянуть по ее длине. Еще субботник. Спустили конец каната в Граневую и один за другим дотащили этот конец каната до силовой станции. До темна таскали канат. Десять потов сошло, но канат на месте.

Подрядчики на первые неудачи канатки ехидствовали, качали головами: не выйдет, мол, у них механизация... Им жалко было терять свой рваческий заработок.

Но канатка начала набирать темпы и вытеснила всех подрядчиков из выработки.

Гришин Иван Григорьевич

В 1930 году у нас на шахте № 3[1], где работали старые меднорудянцы, появилось соцсоревнование и ударничество. За сентябрь наша шахта выполнила задание на 130 процентов. Лучших рабочих премировали промтоварами. После собрания предшахткома Мамонов начал нам выдавать ударные билеты. Не все шахтеры отнеслись к этому одинаково. Ведь наряду со старыми меднорудянцами, которые составляли основной кадр рабочих шахты, в наш цех проникли и пришлые случайные люди. Кое-кто стал отказываться от ударных билетов. Послышались голоса:

— Возьми — и тебе не дадут отдыха!

— Пошлют работать за эту картонку, не вылазя из шахты...

— Расслоить хотят рабочих!..

[1] Шахта № 3 была пройдена на Высокогорском железном руднике в 1926 г. для добычи железной руды подземными методами. С 1930 г. законсервирована как перспективная...

Основная масса шахтеров осмеяла этих запуганных болтунов и дружно хлопала товарищам, получившим билеты ударников.

Вскоре ударники проявили себя. Было внесено предложение спускать крепь в шахту за час перед сменой, чтобы в рабочее время совсем не гонять клеть с лесом, а выдавать руду. Кому-то надо было начать проводить это предложение в жизнь. Нашлись рабочие, которые, посмеиваясь, говорили:

— Ну, ударники, таскайте, спускайте лес...

Что ж, мы взялись за это и с честью выполнили.

Выдачи было больше, и работа забойщика стала успешней. Но числа 10 октября на шахте случилась авария: провалился рудный двор с 30-го марта на 40-й, и все сдавило.

Заведующий подземным цехом Иванченко дал распоряжение перебирать проходную и опытных забойщиков поставить на устройство рудного двора; ремонт проходил медленно, а клети нельзя ходить выдавать руду.

В это время перепускали канатную дорожку Граневой выработки. Когда спешным порядком, субботниками, устроили дорожку, коннозабойщики стали смеяться:

— Мы не пойдем работать, и ваша механизация простоит зря!

Тогда пришли к нам на шахту № 3 директор Давыдов и председатель Востокоруды Маврин. Они разъяснили рабочим, что нам нужна добыча руды, а не ремонт шахты, и горняки согласились перейти в Граневую работать на канатке.

Лунев Петр Аристархович

Когда у нас в Граневой построилась наземная канатная дорожка, она заменила сразу тысячу лошадей. Но дорожку-то мы построили, а обслуживать ее оказалось некому. Конные забойщики разъехались кто куда, пеших совсем нет, а старые кадры меднорудянских шахтеров еще с 1926 года сосредоточились в цехе подземных работ.

Тогда директор рудника товарищ Давыдов и представители партийной и профессиональной организаций пришли на шахту № 3. Там я и мои товарищи работали забойщиками. И разъяснили они нам, что надо перейти в Граневую выработку ложить руду в вагонетки, которых канатная дорожка увезет чорт-те знает сколько. Только успевай клади да подцепляй, а она уж увезет.

— Шахта ваша, — говорил директор, — может выдать толь-

Лунев
Петр Аристархович

ко три, много четыре тысячи тонн руды, а канатная при этом же количестве забойщиков может дать руды минимум 8 тысяч тонн в месяц. А руду нам до зарезу надо, потому что по пятилетнему плану нам нужно построить множество заводов, фабрик и всевозможных машин. Это все называется тяжелой индустрией.

Выслушав директора, мы, шахтеры, поняли, что в Граневой мы можем дать больше пользы, чем в шахте № 3.

23 октября 1930 года мы, горняки шахты № 3, в семь часов утра отправились с оркестром в Граневую выработку, где, не покладая рук не прогуливая ни одного дня, кладем и кладем до сих пор руду, а канатную дорожку закласть никак не можем — она все тянет, только подавай.

Немало потерпела она разных аварий и простоев из-за неумения обращаться с механизмом, от неусовершенствования самой дорожки и по халатности рабочих. Немалую роль сыграла тут и рука вредителя. Но несмотря ни на какие трудности канатка прет и прет руду наверх.

Давыдов Андрей Александрович

Летом 1930 года в Граневой почти совершенно замерла жизнь.

Была в упор поставлена задача: или механизировать или закрыть выработку. Нельзя было ждать окончания страды.

И вот героическими усилиями передовых горняков Железного рудника во главе с партийной организацией была закончена постройка механизированной канатной дорожки. Ежедневными субботниками, круглосуточной ударной работой дорожка была пущена в ход. В одно из холодных октябрьских утр шахтеры, бывшие меднорудянцы, спустились в выработку. Вот некоторые результаты механизированной работы. Если в августе 1930 года Граневая дала 2 800 тонн, то в октябре ее добыча выразилась в 6 187 тонн, в ноябре — в 8 946 тонн, а в январе достигла уже 11 295 тонн, с тех пор Граневая не спускала свою месячную добычу ниже 8 тысяч.

А в октябре 1932 года она с успехом боролась уже за 12 тысяч тонн. Ни «петровы» дни, ни «покрова», никакие праздники, никакая страда, никакая непогода зимой не влияют на работу канатной дорожки. Круглый год, каждый день и любой час она вытягивает вагонетки с рудой.

Теперь все убедились, что механизация облегчает труд, дает большую производительность, повышает зарплату. Граневская дорожка была у нас только первой ласточкой, за ней пошли экскаваторы, паровозы, думкары, электровозы.

Забойщик

Прохоров Иван Алексеевич

В мае месяце будет сорок годов, как я зачал робить. Большую часть из них я проработал в забоях. Последние три года роблю в Граневой выработке.

Я забойщик, руду копаю. Сорта руды у нас разные: магнитный железняк, мартит, полумартит, сернистая и третий сорт. Есть и пустая порода.

Железняк крепкий. Вид у него темнокарий. Мартит краснее железняка, светлее, тяжéле. Полумартит — тот помягче. Ноздреватей против мартита. И весом полегче он. Сернистая руда есть вроде малиновой породы и есть темная, как угольная, с отблесками сквозными, вроде меди и серебра. Третий сорт — это магнитные железняки, но с пустой породой, с сиенитом[1]. Желтые они.

В забое они лежат постепенно. Магнитный железняк и сернистые породы лежат вместе, прослойками. Кто не знает, не отличить ему сернистую от хорошей руды. Полумартит с мартитом тоже, бывает, перемешиваются. Третий сорт перемешивается с первосортным железняком.

Во всей этой каше забойщику приходится разбираться и сортовать. Тут должны быть вострые глаза и практика. Прежде чем в вагон класть, надо расширить забой и все разложить на три части. В вагон накласть хорошей руды. Сернистую, пустую и третий сорт — по грудкам раскласть. Если забойщик прозевает и сернистая руда угадает в домну, то чугун не выдержит пробы. Железо из такого чугуна будет грубое, лóмкое.

Поэтому забойщику надо смотреть в оба. Прихожу я на смену. Первым долгом осматриваю свой забой: как шпуры вышли, опасного места нет ли. Разберу все. Потом приступаю класть.

Вагонетку мне подкатят. Нагнешь ее, палочкой подопрешь под коробку и начинаешь класть. Так пониже и полегче забойщику.

Берешь первым долгом кайло, перебуторишь, чтобы полегче лопатка ходила. Большие камни берешь руками в вачегах, спускаешь в коробку. Которые не в силу камни—

[1] Крепкая каменистая горная порода.

Прохоров Иван Алексеевич

разобьешь балдой. А потом — лопатку в руки и давай класть-помахивать. Лопатку через коленку пускаешь, чтобы легче поддеть, почерпнуть руду. Если на пупок лопатку, то она уж сама не ходит. Не взять столько руды. Руда тяжелая, класть ее трудно. Тут сноровка требуется в кладке, чтобы не торопиться, а так плàвненько класть. Будешь торопиться — забьешь сам себя, программу не выполнишь.

Первая и последняя вагонетка — две самые трудные. Сперва́чалу у тебя запасу не припашёно, да и не размя́лся еще. А под послед — шибко устал уже.

Норма у нас от 4½ и до 6½ вагонеток руды в смену. А беляков — все 8 вагонов без малого. Я ударник. Эту норму выполняю и перевыполняю, на 120—125 процентов. Я больше все роблю на магнитных железняках. Нравится мне подрывать гору, ворочаться у нее в нутре. Работу забойщика я уважаю. Заинтересован я ею. На какие работы ни выдвигали меня, я все говорил:

— В забое лучше!

Ведь забойщик своими руками достает из горы руду для домен. Своими мускулистыми силами.

Молодых ребят мне часто учить приходится. Сказываю, где какая залежь руды лежит. Приходится указать, как где бур бить. Вот здесь, мол, в активную породу сегодня

бей, а завтра — в пассив. Чтобы не перемешать актив с пассивом. Разные буры набьешь — меньше сортовки в руде. Больше активу дашь. Укажешь, как лопату держать, как разбивать кайлом породу, как сплеча лучше бить. А где и легонько заденешь и выворотишь камень. Когда балдой бить надо, так скажешь:

— Нужно камень немного вызнать. На поверхности его бить. А то в почву вколотишь, а разбить — не разобьешь. Бить камень надо по слоям.

Вот так я и обучаю ребят, молодых забойщиков. Опыт свой им передаю. В Граневой у нас много теперь молодых ребят. И наш стариковский опыт шибко им пригождается. Гляди-ка, как робим! Годовую программу к середине декабря всю закончили.

Горное дело мы от отцов и дедов и прадедов переняли. Двести с лишком годов у горы Высокой копаемся. Сноровка подходящая накопилась. И на Медном, и на Железном, и в шахтах, и в выработках поробили. Научились, поди, с рудой справляться. И теперь эта наука шибко рабочему классу идет на пользу.

Подъемники

Баранов Илья Гаврилович

В Граневой руду наверх выдают через канатку, а в Большой — через подъемник. Кто хозяин над подъемником, тот хозяин и над всей Большой ямой. До осени 1930 года и в яме и на подъемнике шибко конница лютовала.

Работали в Большой яме пешие ломщики. Работала конница. Она разрабатывала самый низ, чтобы углубить подъемник.

Вот извозик. Это место работали подрядчики Федор Горбунов и Федор Трофимов. Когда жив был отец, у Трофимовых лошадей восемь было. Брали подряды, имели работников. Пашня имелася. У них вот Шевцев Иван гонял малолетком. А вот Бородин лошадей 18 гонял на подъемник. Всех из своего дому гонял!

А Маркуха Прохоренок! Такая птица хитрая, страсть! Они, сосуны эки-то, совести нисколь не имели.

Такая лиса хитрая!

Вот у меня шурин был, Карягин Леонтий. 8 лошадей имел. «Богомаз» — работать не любил. На покосе лежит, брюхо поглаживает.

Эта страда сколь нашему производству напортила. Никто не идет робить — все едут на покос страдовать.

И пешие в это время тоже идут страдовать. Коров держат. Закроют, бывало, в старо время рудник на две недели — поневоле бездельничашь.

Уговариваем мы подрядчиков:

— Что вы! Нельзя же останавливать производство...

Они смеются. Думают — все от них! Как вздумают — так и делают. Зарабливают!

Ломщики к ним симпатии не имели. Бывало, вставляют:

— Ни одного из вас не будет, как механизация будет. И звания вашего не будет, конницы. Без вас обойдемся...

Она нам напилила, конница, шею.

Кричат в ответ:

— Это ваша фантазия. Вы этого сделать не можете. Еще десятки лет на конях будем робить.

Это было в 1929 году и раньше.

Подрядчики развели такое рвачество в Большой яме, что

спасу не стало от летунов. Такой текучести, поди, еще не бывало.

Разжигали приезжие. Поступит он и сразу ведет агитацию. Такие были кулачки, сразу и не узнаешь, кто он.

Вот, бывало, плачет:

— Отобрали двух коров да тому подобное...

Какой-то здоровый был, на воротке работал. Так прямо и говорил, сколько у него лошадей да коров было:

— Самая плохая моя лошадь была лучше этих ваших...

Я старшим воротовым работал годов наверно пять. А всего на руднике — годов сорок. Хорошие у меня ребята были. Никогда не прогуливали. А в ударники итти многие из них стушевались.

Если, мол, запишешься — просмеют. Подрядчики тут и батраки их работают. Они и просмеют. А воротовые все около них вертятся. Какая агитация тут идет? Очень ясно.

И многие ребята робят — лучше не надо, а в ударники не пишутся.

Вот женщина, Вороненко Наташа. Отец у нее подрядчик был. Она и воспитания такого духу, а работала хорошо.

— В ударницы? Никак нельзя!

Смеются ведь над ней: «Ударница, мол! Нос выше!» Известно, подрядчикам противно ударничество. Как им было не вести агитацию? Они ведь понимали, что крышка им будет в конце концов.

Владычеству подрядчиков на подъемнике пришел конец осенью 1930 года. Давыдов поставил на откатку казенных коней из хозцеха. Но кулацкая рука исподтиха срывала это мероприятие.

Я был воротовым на подъемнике, когда там ликвидировали подрядчичьих коней. Их заменили рудничными конями из хозцеха. Было тут при этом вроде вредительства. Кое-кто все хотел сорвать работу, доказать, что без подрядчиков подъемник не будет действовать. Гляжу, бывало, семь часов уже, а коней все нет. Работа в 5 часов начиналась, а коней приводили в восьмом. То седёлки потеряются, то чего. Ответ был у Кондакова один:

— А чего ты, Баран, сделаешь? Когда хозяин досматривал, то все было на месте...

Саботаж настоящий был. Переломили его.

Баранов Илья Гаврилович

Когда наладили механизацию Граневой, взялись за Большую выработку. Надо было доказать и рабочим и хозяйственникам, что подъемник можно использовать гораздо лучше,

чем использовали его подрядчики. Две смены Большой ямы, Шевцева и Криворучкина Митьши, соревновались на первенство в конкурсе с 1 февраля до 1 марта 1931 года.

Я был в смене Шевцева.

Работал только вороток № 1. Второй подъемник стоял. Машинисты были: Пылаев и Авенир Криворучкин. Паша Дергач в той смене за старшего наверху ходил.

Чтобы выиграть конкурс, обязательно стараешься узнать, сколько та смена выдала, и ту смену перевысить. На конном дворе выбирали лучших лошадей. Гонщики тоже заразились, запрягают коней — пошла!..

С обеда приходим робить — та смена старается. Время выходит. Перерыва этого в полчаса в ту пору не было. Шумим на них: «Выпрягай коней — наша смена!» Сейчас их воротовые отступают, наши приступают к клети.

А вороток — он существо такое: лишь только поднять дух ему, чтобы подавали, чтобы действовали, чтобы не задерживались вагоны.

Чуть остановка — сейчас звонит книзу десятник или воротовой:

— В чем дело? Что у вас там заколебалось?

Подъемники. Вид с северного борта Большой выработки

Тут, брат, как на весах.

Ну, а в общем-то наша смена победила, Шевцева. Мы премию получили.

Пылаев Андриан Николаевич

Работа наша известная. Сидишь в своем «скворешнике», ожидаешь звонковой сигнализации. Как позвонили — включаешь рычаг контроллера. Постепенно включаешь — сразу нельзя. Ведь в нем до шести контактов. Легонечко переводишь с первого на второй и так далее. А если сразу включить, то или на станции или на подстанции может предохранители вышибить. Мотор пережечь может. Если сразу, «барсом», включать — аварий не оберешься. Простоит тут и выработка и рудник. Ведь нашу Большую выработку сейчас, в 1933 году, один только подъемник обслуживает. Один подъемник. И вскрышу и добычу — все через него выдаем. Остановился он — цех стоит. Ежели надолго подъемник остановился — всех рабочих из выработки переводят куда-нибудь в другой цех. Вот что такое подъемник № 1 для выработки.

Ведь там ни одной лошади сейчас уже нет. Даже не попадешь теперь на лошади-то в Большую выработку. Все извозы, как есть, подробили. Всю горную массу вывозит наверх подъемник. Значит роль машиниста стала вдвое ответственнее, чем раньше. От умелости наших рук зависит бесперебойная работа всей выработки. В летнее время мы за смену давали около трехсот вагонеток — 270 — 280, однажды выдали 302. По триста две вагонетки еще никакая смена не выдавала. Вот как это произошло.

Смены трех техников — Шевцева, Зуева, Криворучкина — между собой соревновались. Я, как работаю в смене Шевцева, сговорился с ним взять рекорд.

Выдадим, мол, триста!

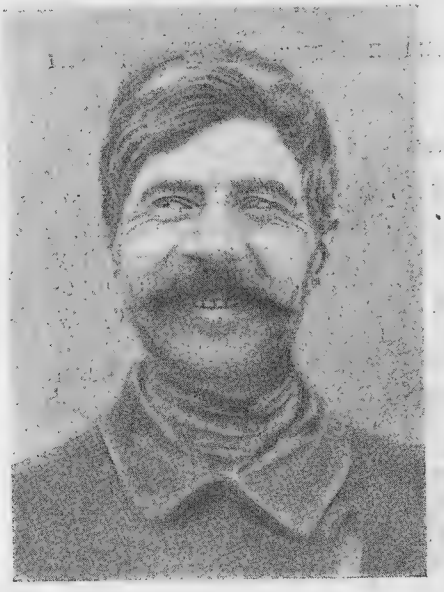
Я договорился с воротовыми: верхним и нижним.

— Давайте работнем-ка сегодня. По-ударному!

Они согласились. Десятник был Иван Анастасеевич Перепелкин. И с ним столковались тоже. Он нашугал своим коногонам, свальщикам, чтобы ни одной минуты не прохлаждались. Люди те же работали. Нигде ни человечка лишнего. Было особое настроение. Только и кричали в тот день все наши:

— Даешь триста и никаких!

Робили мы во вторую смену. Ни своего, ни чужого времени зря нисколь не затратили. Отработали нормальные семь часов.



Шевцев
Иван Афанасьевич

Между сменами нам дается получасовой перерыв на паленье, от двух до половины третьего. В эти 30 минут я заправил машину, подготовил ее, чтобы выдержала, вообще все осмотрел, весь механизм. Где какая неисправность была — сладил. Масла подбавил, само собой. Заправил машину по всем статьям.

А Иван Анастасеевич командовал в это время над конюгонами и над остальными рабочими. Их заряжал как следует. Коней запрягли они, по местам все расставились. Все сделать поспели к сроку.

Шевцев внизу насторожил забойщиков:

— Ребята! Робить, так робить!

Ровно в половине третьего нижний воротовой дал сигнал. Пробренчал звонок электрический. Клеть пошла.

Воротовые заработали, что тебе надо. Клеть только подходит кверху, а они уже с маху вагонетки хватают. Груженые выталкивают, порожняк ставят. Клеть — вниз. Секунд в пятнадцать-двадцать справлялись, не больше. Это выкатка и закатка. Шибко быстро работали.

Вообще-то по триста вагонеток давать не просто. Воротовые все время бегали. Даже присести им было некогда за всю смену. Хватали вагоны, как черти.

Ну и я в этот день поробил. Тоже посидеть не пришлось. Так например, когда легонькая в другой день работа, клеть

подкатишь и сидишь. Видишь, что воротовые заканителились, застой у них получился какой-то, и сам не торопишься. Сядешь и сидишь. Рычаг стоит.

А в этот день мне сесть ни на одну минуту не удавалось. Взглянул — вкатили! И нисколь не ждешь, отправляешь. Тут по правилу, когда снизу, четыре звонка надо дать. А ты сразу берешь клеть вверх. Сверху — тут же толкаешь вниз. Нисколь не задумывался.

Много зависит от машиниста. В этот раз сверхударное было дело. Клеть только и сновала вверх-вниз.

Общего обеда в тот день мы не устраивали. В аккурат перед обеденным временем электростанция выключила нам ток, и простояли тридцать минут. Зря совсем простояли. И поэтому мы решили не делать вторичного перерыва. Когда привезли обед, то обедали впеременку. Вороток не стоял нисколь. Я завтракал кое-как: в одной руке держу рычаг, в другой — ложку. Потому, что помощник сам не может катать клеть.

До обеда мы выдали больше ста вагонеток. Ну, а после еще дружней навалились. К концу смены больно шибко пошло. Воротовые вовсе обезумели. Орут только:

— Эй, давай!

Ведь целые семь часов пробегали!

Хорошо, что время светлое было, темнота не мешала робить. Часы у меня перед глазами висят. Смотришь на стрелку и слушаешь, как воротовые кричат:

— Двести!

— Двести пятьдесят!

— Двести семьдесят!

Лихорадка просто меня берет. Пуще всего боялся, что авария помешает. Но работал все же спокойно. В нашем деле нельзя без здоровых нервов работать.

Уже стрелка к половине одиннадцатого, к концу смены подходит, а у нас:

— Двести девяносто!

— Двести девяносто шесть!

И в аккурат, как половины одиннадцатого достигло:

— Триста две вагонетки!!!

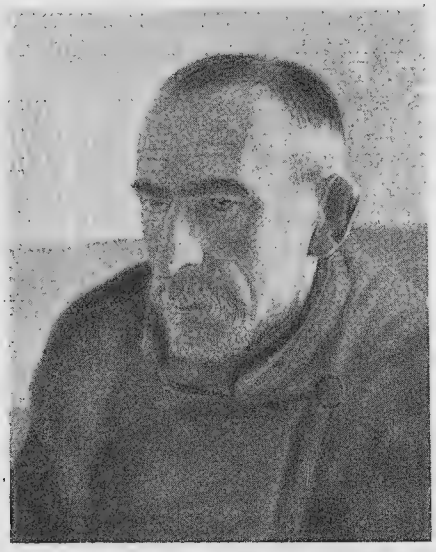
Даже перевыполнили на два вагона.

Забренчало колоколо. Ребята все от радости на дыбах. Взяли рекорд. Кричат все:

— Пущай теперь те две смены по триста вагонеток дадут!

Больше-то этого и не выдал потом никто. Тем назавтра не верилось.

А в чем дело! Смена со сменой соревновались...



Шептаев Борис Иванович

Шептаев Борис Иванович

В Большой выработке основное — это дойти до полной нагрузки подъемника. Регулярно давать по 280 вагонов в смену. А увеличенье подъемов упирается в улучшенье путей. Я с первого же дня своего заведывания начал ломать старые пути.

Один техник до меня изобрел машину, чтобы поднимать упавшие вагонетки. Два колеска́ и ручка. Подкатить и поскорее поднять. Как лафет для пушки. Она и до сих пор лежит у нас. А я сказал, что эту машину надо в музей отдать. Надо сделать такие пути, чтобы вагонетки не опрокидывались, а не изобретать машины для их подъема.

Ведь я сам в 1928 году эти пути делал. И когда пришел в цех четыре года спустя, то увидал, что они в том же состоянии, что надо их перекладывать. 5½ тысяч шпал переложили на ходу за счет цеха. И все-таки руда не вышла дороже, потому что мы дали ее больше.

А, главное, осваивалась пустая порода, которая мешала брать руду. Раньше, бывало, всю руду выскребут — одна пустая порода кругом останется. А тут мы стали все подряд зачищать, все буераки сравнивать. Вот руда и вышла опять наружу.

В работе командира цеха все имеет значение. Даже как с рабочим поговоришь. Надо, чтобы была вера в заведующего.

Оперативности надо много. Снег выпал или дождь пошел — все это сразу учитываешь.

Вот забой № 24, скажем. Ближе к Граневой, нижние уступы. Там руда с беляками спутана и вода вдобавок. Его пришлось остановить, скажем. Потому что зимой при отпалке получалась только «бутара», смесь, нельзя было сортировать. А в летних условиях, если применить бур-лопату, то можно отработать беляк без взрывов. Руда-то вся на месте останется.

Вот так по каждому забою соображаешь.

Улучшение путей дает увеличение работы подъемника. Для этого не надо иметь голову с пивной котел, а самую обыкновенную. И еще надо привыкнуть работать по плану, систематически. Делать планово-предупредительный ремонт механизмов. Предусматривать все случайности.

Вот в прошлом году водоотлив от мороза рвался, так все избегались:

— У-у! Штурм! Субботники! Всех забойщиков на борьбу с аварией!

А теперь мы строим запасную нитку водоотлива. Как начнет одна лопаться, так я от стола не встану. Скажу только:

— Перейди на другую!

Очень многое можно предусмотреть и сделать. Полускат от клети у нас обязательно последний. Запасного каната нет. А потом, когда подъемник выйдет из строя, забегаем:

— Токарей! Слесарей! Сверхурочно!

А надо, чтобы все под рукой имелось, чтобы все в полчаса сменить.

А все-таки с рудой у нас теперь идет ровно. Программу перевыполняем. Ведь на всякую аварию отрываются люди в диком количестве. Где надо два — даешь двадцать. А если возможные аварии предусмотрены, то работа идет гладко. Надо с 1 января и по 31 декабря ровно работать. Как часы.

И не надо быть заведующему вертушкой. Пусть твои рабочие говорят:

— Шептаев не обманывал и не обманет!

Хоть умри тут.

Большая

Алексеев Павел Якимович

В 1922 году по демобилизации из Красной армии я поступил работать на Егоршинские копи по Алапаевской ветке, в 170 километрах от Тагила.

В первый ленинский набор, в феврале 1924 года, вступил в партию. А в 1929 году пришел в Тагил на Железный рудник. Захотелось домой, ребятишки подрастать начали, надо было их где-то учить.

На Железном я работал забойщиком в Большой выработке. Там я в 1931 году был секретарем партячейки. В конце 1931 года объединили партячейки Большой и Граневой выработок, и меня выбрали освобожденным секретарем до сентября 1932 года.

Это был самый бурный период в жизни этих цехов.

Рудник энергично выкарабкивался из прорыва. Во что бы то ни стало надо было дать заводам руду. В это время рудник переходил от конных способов добычи к механизированной работе. В Граневой начала эксплоатироваться канатка, в Большой все внимание было направлено на стопроцентное использование подъемников. Надо было производить настоящий переворот в горняцких умах. А конница сопротивлялась.

В такой обстановке я принял секретарство в большеямской ячейке. Коммунистов в цехе было человек 12—15. Из наиболее активных: забойщик Дергач, помощница машиниста подъемника Чернышева, десятник Анатолий Стаканчиков, помощник по труду Малинин, десятник Шморгун, техник Даргайс.

Прежде всего ячейка постановила мобилизовать рабочую общественность на штурм за руду. Это было в январе 1931 года. Мы расставили силы по участкам и развернули массовую работу. Трудно было переломить настроение массы. Часть конницы еще работала в Большой яме, и от нее исходили самые рваческие собственнические влияния. Ведь совсем еще недавно почетным делом считалось объегоривать администрацию и, как можно меньше работая, побольше «заробить». А мы противопоставили им лозунг товарища Сталина о том, что ударный труд есть дело чести, доблести и геройства.

Пришлось тут попариться. Особенно усердствовал Паша

Дергач, убеждал недавних лошадников. Он спорил до пота, пересыпал свою речь самыми заковыристыми матерными словами, достигал своего. Обессиленный противник переходил на его точку зрения... Постепенно наша работа начинала давать свои результаты.

Не забыть мне общерудничного субботника в день памяти Ленина 22 января 1931 года.

Мы задолго до этого дня убеждали рабочих притти на субботник.

День выдался очень холодный, с морозом до 30 градусов, с сильным ветром. И все же на работе оказались все поголовно. Ни одного выходника, ни одного прогульщика не было в этот день в нашем цехе...

С утра на борту выработки красовалась многометровая «бортовая газета», которую можно было читать с самого дна выработки. Аршинными буквами она призывала нас, горняков:

— Высокая! Держи темп!

Работали в этот день очень дружно и весело. Даже самые закоренелые коннозабойщики невольно заражались общим подъемом. Пешие ломщики робили до упаду. Помню, Паша Титов, Андрей Зубакин, Иван Масленников — вся их бригада дала небывалый рекорд, наложив по тринадцати вагонеток на брата. Шатаясь от усталости, они явились после смены к заведующему цехом и потребовали:

— Лошадь давай. Так уробились, что домой не можем итти!

Коммунисты в этот день показали пример ударной работы и заботливости о производстве. Тася Чернышева в измазанном зипуне ползала вдоль бремсберга, проверяя, все ли нормально, не угрожает ли какая авария со стороны путей, противовеса, каната. Она же следила за своевременной смазкой лебедки подъемника. Анатолий Стаканчиков бегал по забоям, проверял качество накладываемой руды, разжигал забойщиков шуточками и известиями о ходе работы в других цехах и забоях.

Дергач, взмокнув, накладывал вагонетку за вагонеткой и вызывал на соревнование соседний забой Бодрова.

Я тоже работал в забое и наблюдал общее настроение горняков. Настроение до самого конца смены было отличное.

В этот день рудник дал небывалую в его истории цифру добычи.

Мы праздновали победу.

Соловьев Владимир Сергеевич

12 июля 1932 года был знойный и душный день. Парило. Чувствовалось — не миновать грозы. После полудня из-за Голого камня полезли темные тучи. Послышались громовые раскаты.

На главный водоотлив было передано предупреждение:

— Скачать воду!

И едва успели выкачать воду, как на выработку обрушился ураган. Ливень бил с такой силой, что борта загудели грохотом вырываемой из глины руды.

После первых же грозовых разрядов прекратилась подача тока в водоотлив.

— Вася! Крепись... — позвонил я машинисту Ткачеву.

Оба зумпфа водоотлива и весь главный водоем на дне выработки были моментально затоплены.

— Андрей Александрович! Нас топит. Остался только один метр до подошвы главных насосов! — донесли мы по телефону Давыдову.

В это время вода бросилась через край главного водоема, сразу заполнила маленький водоем и поднялась под насосы. Надо было спасать моторы. Я вызвал кабинет замтехрука Сергея Александровича Соловьева и прокричал в трубку:

— Вода топит малый водоотлив! Вытаскиваем моторы. Посылайте на помощь слесарей и механиков!

— Ослабить гайки у фундаментных болтов и насосов главного водоотлива, — распорядился он.

Мы побежали из тепляка через яму спасать моторы и насосы водоотливов. По пояс в воде я, Шевцев и Криворучкин Дмитрий добрались до корпуса малого водоотлива. Вслед за нами подоспела, спотыкаясь и бултыхая в воде, первая помощь — двенадцать кузнецов и слесарей из старого механического. Влезли в корпус.

У мотора стояла наполовину в воде машинистка Иванова Маруся и шарила руками по затопленному фундаменту.

— Что ты делаешь?

— А вот не уйду, пока не спасу машину. Последнюю гайку отвинчиваю.

Благодаря сообразительности Маруси нам не пришлось самим тратить времени на отвинчивание гаек. Моторы, хотя и подмоченные, были от затопления спасены. Насосы водоотлива мы оставили под водой.

— Костя! — крикнул я десятнику Корякову.

— Вали скорей на склады за временными насосами!

Дождь прекратился. Стало тихо. Только шумела вода, сбегая вниз по уступам.

Руководство рудника отправилось вдоль главной силовой линии искать повреждение, из-за которого прервалась подача тока на рудник. Причиной аварии была ветка тополя. Она порвала провода. Хотя ливень и перестал, но вода с бортов и уступов все сильнее затопляла Большую выработку, подступая к главным насосам большого водоотлива. Сорок забойщиков, промокнув до костей, сооружали вспомогательную плотину, ограждая главный водоотлив от воды. Вся остальная смена под командой Перепелкина и Баранова отводила и перехватывала верхние воды. По уступам выкапывались канавы, чтобы направить воды дальше от главного водоотлива в другую, уже затопленную часть выработки...

Плотина поспела во-время. До обмотки моторов главных насосов оставался всего один сантиметр. Но в одиннадцать ночи дали ток, и насосы можно было считать спасенными.

Однако главными насосами можно было качать воду только возле водоотлива, с приподнятого конца выработки. Чтобы выкачать воду с нижнего конца цеха, мы всю ночь напролет устанавливали собранные на складах временные маленькие насосы. Утром начали качать воду. Она убывала еле-еле. Тогда через сутки была установлена особая магистраль водоотлива в затопленную часть выработки. Приступили к выкачке одним из мощных насосов. И все-таки выкачивали воду целых 11 дней.

К 26 июля вода была скачена почти вся. Цех начинал жить спокойной нормальной жизнью. Но напрасно мы радовались!

26 июля с двух часов дня обрушился новый ливень. Он хлестал с небольшими перерывами трое суток.

В первый же день были вновь переполнены водоемы, и весь нижний горизонт снова затоплен еще выше, чем прежде. Вода опять угрожала главным моторам.

Тогда мы соорудили новую вспомогательную плотину поперек главного водоема сорокаметровой длины. Полсотни человек таскали мокрую и вязкую глину, заваливая ее между двух рядов бревен. По пояс в воде и илах зумпфа люди цепью передавали друг другу носилки, кули и ведра с глиной.

— Лаптев! Вали сюда...

— Шубин! Подальше сваливай!

— Зось! Серега! Заделывай тот конец плотинки, а я здесь буду...

— Афанасьич! Поднастори! Быстрее захватим воду!

Мы трамбовали глину ногами, то и дело подваливая ее в прорываемые места. Боролись с водой неторопливо, уверенно. У нас уже был опыт.

Плотинкой удалось поднять воду на метр выше главного зумпфа водоотлива и тем отстоять насосы.

Погрузка

Кириллов Яков Митрофанович

Куда лезешь! Ведь не разойтись! Не видишь, что я уж половину пути прошел. Значит вперед тебя занял тропу. Ну и обожди! — так кричали друг другу грузчики, пробираясь в рудовесную по тропиночкам через грязь.

Рудовесная казалась столетней старухой, увязшей в глине посреди рыночной площади. Грязь подходила вплотную к порогу и стелилась жирным слоем по полу самой рудовесной.

Сотни лошадей в обеденный перерыв окружали позеленелые от времени стены. Сотни человеческих ног привычно месили грязь.

Заведующий погрузкой Леонид Григорьевич Марченко ездил от рудовесной до эстакады на лошади. Бывало, встанет и кричит:

— Эй, Яшук! Подверни-ка сюда. Мне доехать в рудовесную!..

Шутка ли! Расстояния всего каких-нибудь 20 метров, а легче пройти 2—3 километра, чем эти метры.

Наконец даже Марченко надоело проезжать до эстакады на лошадях, и он велел перебросить через грязь три доски. Доски немедленно утонули, и все осталось попрежнему...

В рудовесной, в огромном полутемном сарае, на земляном полу стоит чугунная печь. Вокруг нее веером расселись рабочие-грузчики и подрядчики. Кто на полу, кто на грубых скамейках. Все закусывают краюхами хлеба. Одни запивают хлеб молоком, другие, победнее — водой.

Шум, смех. Ловкачи-подрядчики отпускают соленые прибаутки. Обед кончается. Все поехали на работу. Заву Марченко и десятникам подпячивают таратайки вплотную к порогу. Издали кажется, что они выезжают прямо из дверей рудовесной.

Салдинская эстакада[1] вмещает всего 15 вагонов. Пол ее выше пола вагона на целый метр. Грузить можно только наперекид. Вагон грузили по 6—7 часов. Вагоны простаивали, программа не выполнялась. За простои вагонов рудоуправление ежемесячно штрафовалось до 10 тысяч рублей.

---

[1] С этой эстакады отправляли руду на Салдинский завод.

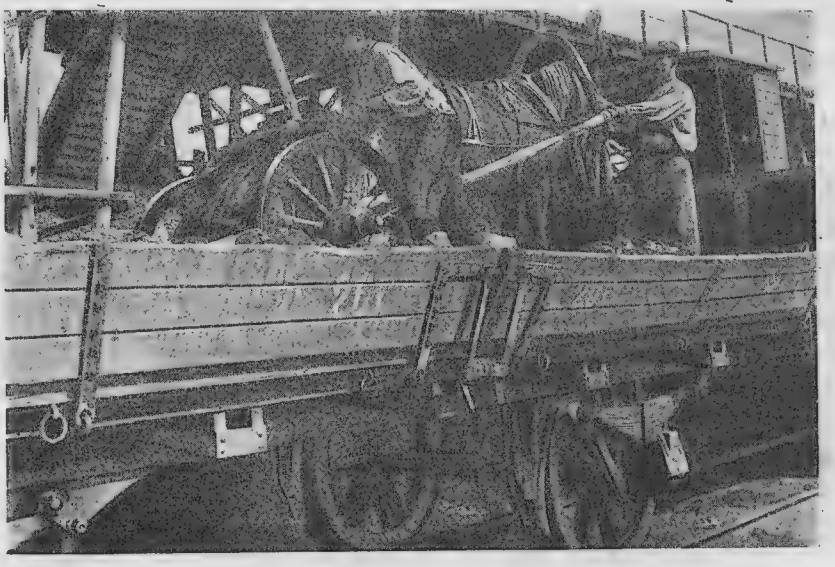
В конце 1930 года назначили заведующим погрузкой Бориса Ивановича Шептаева. Ну, этот — мужик пробойный. При нем дело начало поправляться. Однако боялись грузчики, как бы он не убился: начнет бегать, распоряжаться, того гляди сгоряча на какой-нибудь столб наскочит и пропадет. Однако ничего не случилось. Бегал-бегал Борис Иваныч и раздобыл транспортеры. Привезли их, установили на тачечной эстакаде и давай пробовать. То-то Борис Иваныч порадовался:

— Ну, милок, теперь живем! — говаривал он мне. — Транспортер в полчаса платформу грузит. Знай только кидай на ленту! А тачками грузили час-полтора. Хорошо! Замечательно хорошо!

Но транспортеры оказались громоздкими и не привились у нас на погрузке. Пришлось Борису Иванычу подкупить штук пятьдесят новых тачек.

Работы на погрузке в ту пору была уйма. А нравы оставались еще старые.

Однажды нам подали пятнадцать вагонов сразу. Дело весовщика — переписать все вагоны и проверить время простоя. А весовщика не видать. Борис Иваныч влетает к нему в будку. Дежурный весовщик Чуднов Владимир спит. Любил он спать на дежурстве!..



Погрузка тарантайками

Борис Иваныч тихонько подходит и говорит ему под самое ушко:

— Володечка! Володя, проснись!

А тот и не слышит свое начальство. Борис Иваныч его взял за нос:

— Володя! Володя!

Спит.

Шептаев заволновался. Неладно что-то с парнем, видать. Потянул он его за руку и кричит:

— Володька! Да что ты? — Чорт тебя возьми, пьяный, что ли?

Не слышит. Баско так приморило его у чугунной печки, знай, похрапывает. А время уже 4 часа утра.

Зав тут вышел из себя да как гаркнет:

— Володя-я-я! На проверку вагонов — марш!

Ну и напугал парня. Как тот вскочит, как на улицу выбежит, а вагонов — уже поминай, как звали. Паровоз их давно увел.

Возвращается Володя в будку, повесил голову.

— Ну что, милок? — спрашивает Шептаев.

— Не знаю я, где они... На улице-то буранит. Видно, снегом их занесло.

Так наш Володя проспал вагоны.

Самый разгар лета 1929 года. Пыль, поднятая сотнями конских ног и колесами таратаек, облаком висит над погрузкой. Потные грузчики, облепленные пылью, становятся похожи на негров.

— Давай сюда! Подпячива-ай! — вперебой кричат они гонщицам.

Подвозка не поспевает за темпами нагрузки вагонов. Пока грузчики дожидаются таратаек, вагоны попадают в простой. Лошадей на горе Высокой остается со дня на день все меньше. Страда, нехватка овса и наглый подрядчичий саботаж ударяют по подвозке руды. Что делать?

На помощь старому варианту погрузки приходит новый. Закончены большеямские четырнадцатитонные бункера. Преодолев бюрократические препятствия со стороны железнодорожников, которые сначала не хотели подавать к бункерам вагонов, торжественно подкатываем под бункера три открытых вагона и арбу[1]. Приступаем к погрузке на глазах у строителей бункеров.

А руда не высыпается из отверстий, а крытые вагоны не подходят по габариту.

Упорным трудом, рационализаторскими мероприятиями до-

[1] По-местному «арба» или «американка»—большегрузный полувагон американского типа.

Бункерная эстакада «Новый вариант»

биваемся от бункеров некоторой работоспособности. И все же беда с ними! В течение полусуток можно погрузить только 8 вагонов из 8 бункеров. Механизацией не сократили простоев. Бункера не обеспечили выполнения погрузочного задания. Это было наруку кулакам. Подрядчики поговаривали:

— Без нас, вишь, не обойдутся!

Осень 1932 года. Партия выбрасывает лозунг о создании на заводах 40-дневного запаса руды. Фронты погрузки Высокогорского рудника недостаточны для успешной борьбы за разрешение этой задачи. Треугольник погрузки заслушал доклад Шептаева и вынес решение — построить новую эстакаду к пятнадцатилетию Октября. В том месте, где от эстакады подъемника отделяются пути на красную свалку, внизу начинает строиться новая эстакада под названием «Разъезд». К концу октября эстакада уже готова. Она обеспечивает погрузку одновременно 8 вагонов. В день пятнадцатилетия Октября разукрашенная новая эстакада вступила в строй. Мелкий мартит из Большой выработки стал поступать на эстакаду «Разъезд». Погрузка тачками и лопатами с новой эстакады дала возможность перевести всю конную силу на добычу из старых отвалов.

1933 год. Фронты погрузки могут принять зараз 30—40 вагонов. Новый заведующий Иван Семеныч Мамонов, бес-

Мамонов
Иван Семенович

сменный помощник предыдущих заведующих, используя свой многолетний опыт, идет от достижения к достижению. Ему удается удлинить погрузочный мост под граневскими люками на 20 с лишком вагонов. Он добивается применения экскаватора для погрузки большеямских мартитов. Рудник может выбрасывать ежесуточно со своих эстакад не менее полутораста вагонов руды. 30—40 вагонов грузятся всего три часа.

В шестнадцатую годовщину Октября в погрузочном цехе открыли новую столовую. Выкрашенный охрой блестящий пол. Белоснежные оконные шторки. На ярко выбеленных стенах — картины, портреты вождей. Вот стоит товарищ Сталин, управляя рулевым колесом. Это он создал возможность механизации Урала, ему мы обязаны переходом из пакостной рудовесной в образцовую культурную обстановку...

Блестящие ложки, ножи и вилки разложены по столам. Появляются грузчики. Раздевшись в прихожей, они занимают места за столиками. Обед из трех блюд стоит полтинник. Вкусный овощной суп, жареная картошка с мясом, каша, белая булочка, 300 граммов хлеба. А там, в рудовесной, бывало, грузчик жевал только вынутый из-за пазухи кусок хлеба.

Так перестроился погрузочный цех за какие-нибудь три года.

Васильев Афанасий Матвеевич

Помню одну ночь, как сейчас. Это было осенью 1930 года. Нас, пеших грузчиков, осталось 6 человек: Соловьев, Ларя Федюнин, Столяров, Озернов, Нефедов, я. А коней робило в смене 14. Они нам подваживали руду, валили ее на эстакаду, а мы кидали лопатами на платформы. Шибко жарко нам работать пришлось. Норма — 21 тонна за смену на пешего грузчика. Это — лопатами. Но мы с Соловьем, с Соловьевым значит, поднажали и дали за смену по 60 тонн на брата.

А тачками само собой. Я вот знаю, как-то пришел Федюпин Василий, десятник, мне говорит:

— Ну, Васильев, на твою долю досталась американка.

А в нее входит сорок тонн, погрузить надо в шесть часов. Сразу без всякого я подстроился к отвалу, к руде. Подкатил американку поближе. «Лапу» взял, подкатил. Лапа — лом загнутый. Его под колесо подоткнешь — ну и поедет вагон, покатится.

Взял тачку, лопату, начал класть. Я с левой руки работаю. Соловей с правой у меня был.

Новичок ведь, как придет он, брюхом упирается в руду-то лопатой. А мы, кадровики, через коленку ло́жим. Вот палец совсем сплюснутый у меня. Во! Видишь и сейчас. Прижимаешь его к коленку аккурат черешком. Через него руду давишь. Годов шесть наверное я роблю через него. Все лопатой!

Тачку подкатываю к груде руды под старым бункером. Раньше туда возили руду из Большой выработки на конях, а потом с бутары и с мойки Тимошенко. Из Большой выработки шел мартит крупный и мелкий и полумартит.

Когда на Новом варианте сделали бункера, то из Большой выработки вся руда туда пошла. А к нам стали возить только мытые руды.

В этот раз я грузил «горошник». К нему и подъехал с тачкой. Стал класть. Я кладу равномерно. Сначала и до конца. Не тороплюсь шибко-то. А то, знаешь, сначала-то возьмешь, а под послед-то «отробишься». Кладешь постепенно и всё тут.

Ведь в тачку-то до восемнадцати пудов входит. А когда крупный мартит кладем с верхом, то больше двадцати будет.

Лопату берешь с выбором. Мы нарочно выбирали лопаты большие, чтобы скорее накласть. В особенности вот златоустовские были лопаты широкие. Я забыл, сколько в нее уходило, но как подденешь руду — чувствительно. Десять-двенадцать лопат — и тачка полна.

Беру преспокойно тачку, сразу с размаху подъезжаю и опрокидываю ее. Моментально у меня получается. Сразу свалишь, повернешь ее — и готово. Опять обратно поехал.

Катаешь прямо по полу эстакады, а между вагоном и эстакадой есть пространство небольшое, габарит называется. Тут кладется железный лист котельный. Кладешь уж во всяком разе лист поздоровше, чтобы не прогнуться ему.

Вот раз я грузил американку, американский вагон в сорок тонн. В обыкновенный вагон, нормальный, только восемнадцать тонн уходит, а этот крытый, большой, длинный, 4 оси у него, а не две.

Так и катал до тех пор, пока половину не накатал, не курил, потому что знал: я один, не угадать бы в простой.

Тогда ведь с нас, с Высокогорского железного рудника, горнозаводская дорога за простой брала в десятикратном размере. Если рупь в час стоит, то брали десять. На рабочем хоть это не отзывалось, но отзывалось на нашем руднике.

В интересах рабочего, чтобы уничтожить эти простои и чтобы руда дешевле была. За это меня и премировали. Получил я в 1930 году черные пимы, до сих пор ношу их. За хорошую работу дали...

Полвагона накатал, покурил и опять начал. До конца уж

Васильев Афанасий грузит эфель

докатал и пошел в цех ужинать: ночью было. Прокатал я его с 10 часов вечера до половины третьего ночи. 4 с половиной часа робил, а срок-то был ему трогаться в 4 часа утра. На полтора часа раньше срока я отпластал вагон. 40 тонн! Ты представь, что это!..

Потом значит поужинал.

А пока я ужинал, пришел паровоз, вывел американку, которую я грузил, и поставил мне нормальный вагон.

Я полчаса значит проужинал. Мне десятник Федюнин говорит:

— Ну, Васильев, тебе еще один вагон накатать и домой!

Я и пошел. Ведь катать-то надо было, а рабочих не было. Мы, грузчики, не считались ни с чем тогда. Пеших грузчиков только шесть человек было.

Опять подстроился также к вагону и начал грузить эфель. Одинаково класть — что эфель, что горошник. Оба — мытые руды. Только он мелкий, эфель, самый мелкий. Лучше идет лопата в него конечно.

Девятнадцать тонн я нагрузил за три часа. Тоже крытый вагон попался. Я без десяти шесть кончил. Срок ему был в шесть часов. Несмотря ни на что все-таки я в срок уложился.

Но устал — дальше некуда. 60 тонн ведь нагрузил! Домой пришел — и сразу спать.

Не только я, а и все считают, что на руднике наша работа самая тяжелая.

Ведь так посудить: в Граневой, если десять вагонов за смену забойщик ложит, так в вагоне по две тонны всего. Значит двадцать тонн только выходит за день. А я вот 60 тонн.

Дома я выспался, отдохнул и в десять часов вечера на работу вышел, опять американку поставили.

Труд наш нелегкий. Разламываться хуже всего сначала. На работу после отдыха вышел — чувствуешь какой-то неразвитый ты. А когда уж разробишься, мускулы это разовьются у тебя, попривыкнешь — глаже идет работа.

А как только сядешь например, неохота вставать снова. Чувствуешь усталость в руках и ногах, потому что достается им здорово. И в пояснице. В особенности поясницу ломит. Ведь нагибаешься все время, внаклон везешь.

Главное — чтобы правильная сноровка была в работе, без сноровки не сробить. Кто не умеет — свезет две, а ты три тачки за ним успеешь. Он вот например подъезжает и так это неудобно через коленко начинает сваливать тачку. Коленком помогает. Опрокинет ее в вагоне-то, берет за колеско́ и вытаскивает ее оттэль. А я уж моментально свалил, не

Бессольников Николай Васильевич

выпуская ручки из рук, и обратно. Во всяком деле своя сноровка нужна...

Тогда был наш первый ударный коллектив из 6 человек. Мы несколько смен вызывали на соревнование. Писали на доске. Больше нашего никто не грузил.

Бессольников Николай Васильевич

Еще в 1930 году я работал в погрузочном цехе на тараташке. Мы грузили руду из старых отвалов, просеивая ее сквозь сита. Подваживали руду на эстакаду, там сваливали. Пешие грузчики перекидывали ее лопатами в вагон. Грубая работа была, а результата давала мало. За смену я нагруживал таратайкой тонн 12—15. Это уж как самый хороший работник на самой хорошей лошади. А у других — тонн 9, бывало 10.

Вздумал я, как сказать, перейти на механизацию. Бросить старую работу, повысить свою квалификацию и свой заработок. Стал учиться робить на экскаваторах. Шесть месяцев с Пиргером, с немцем, проработал помощником на «Оренштейн-Коппеле», от него научился. Учиться мне было не шибко трудно. Я в 1921 и 1922 годах работал на торфоре-

зальных машинах как машинист. Теперь пригодилось. Устройство экскаватора и работу на нем я понял быстро. Так удалось мне научиться. Стал я машинистом с июня месяца 1932 года. Работаю на «Оренштейне». Два летних сезона на мойке Тимошенко[1] работал экскаватором. Клал в вагоны сырье, а зимой грузил эфель на платформы. И другую руду мытую.

Прошлый год, как сезон окончился, мы в экскаваторный цех перешли. Планировку делали для заправочного пути. Проходили небольшую траншею.

А нынче, как закончился сезон, меня поставили в погрузку на эстакаду «Разъезд». Трудно было с экскаватором пробраться к Новому варианту. Но все-таки доехали. Долго колесили и спустились наконец к эстакаде. Там лежит грудами большеямская руда — мелкий полумартит. Вот, скажем, есть «хопера», такие саморазгружающиеся вагоны. Лопатами с эстакад никак в них невозможно грузить. С таратайкой тоже не въедешь. А экскаватор знает, как с ними делаться. Когда ковш подденешь, можно его и выше хопера, даже вдвое выше поднять. Наберешь ковш, повернешься и вывалишь. Руда летит сверху в хопер. Лопаткой невозможно кидать, а экскаватор нагружает его.

А платформы и арбы безусловно уж грузим. Хотят еще какие-то механизированные люка приспособить, чтобы подходили к окнам и дверям вагонов. Тогда и крытые вагоны будем «Оренштейном» грузить.

Ведь пойми, разница тут громадная. Накидать я лопатой могу вагон, а экскаватором в то же время насыплю 10 и больше. И легче, и интереснее, и полезнее. Против таратайки я нагружу экскаватором за одну же смену тонн четыреста.

---

[1] Опытная рудопромывочная фабрика системы Тимошенко.

Разведка

Рыбаков Андрей Леонтьевич

Под этой горой руда. Прежде всего надо точно узнать, где она именно залегает, сколько ее и какого она качества. Надо достать кусочки руды на пробу. Может быть это такая руда, которую вовсе невыгодно разрабатывать. Или ее мало. Или она таится чересчур глубоко. Надо разведать руду, прежде чем ее добывать.

Зайдем на Шихан в бревенчатый сруб с дощатой вышкой над его крышей. Трое рабочих возятся у черного замасленного станка. В станке что-то вертится, мелькают трансмиссии, хлюпает в насосе вода.

Это станок алмазного бурения, сруб — бурильная вышка, а дощатый колпак — копер.

Бурить руду, которая почти железной плотности, лучше всего алмазом. В головку бурильной трубы — в коронку — вчеканено 8 алмазных камешков; четыре — ближе к внутреннему краю коронки, четыре — к внешнему. Они посажены вперемежку. Коронка сидит на трубе, которая называется колонковой трубой.

Завертится коронка бура, и вопьются ее алмазные зубы в рудное тело. А труба начнет заглатывать колбасу из руды, как уж заглатывает лягушку. Эта колбаса называется «керн». Колонковая труба может вобрать в себя три метра керна. В геолого-разведочном отделе есть такие трехметровые палки из камня. Но получаются они такой длины редко, потому что руда и камень обычно перемежаются слоями мягкой породы и дают в виде керна разноцветные коротенькие колбаски.

Ну, хорошо: вошла колонковая труба на три метра, а дальше? Дальше к ней сверху привинчиваются трубы-штанги. Колонковая труба только «забурник», ее дело итти вперед, прокладывать путь в руду. А за нею потянется столько штанг, по три метра длиной каждая, ввинченных друг в друга, какой глубины скважину следует пробурить.

Задача станка — так держать и вертеть штанги, чтобы они не ломались, не стачивали алмазные зубы, а неуклонно выгрызали из горы круглый керн. Станок работает электромотором. Каждую смену штанги вытаскивают, развинчивают, а керн отправляют в геолого-разведочный отдел для исследования. Главный геолог передает его в химическую или

механическую лабораторию и по возвращении керна с анализом точно определяет, сколько, где и какой руды содержит Высокая.

В августе 1930 года я был командирован окружкомом ВКП(б) на работу в цех алмазного бурения Железного рудника в качестве заведующего. Там царила полная безалаберщина. Дисциплина отсутствовала. Во всем господствовала обезличка. Коммунистов и комсомольцев ни одного не было. Членов профсоюза к общему числу рабочих и служащих насчитывалось не более 10 процентов; и политико-воспитательная работа совершенно не проводилась.

Сначала мне пришлось поработать «единому в трех углах». В 1931 году я завербовал в ряды партии 7 лучших рабочих-кадровиков. Партком и комсомол рудника командировали ряд товарищей мне на помощь. Появились: ячейка и ее секретарь, шахтком и председатель шахткома. В геолого-разведочный отдел перебросили помощником заведующего старого партизана-большевика Ивана Михайловича Пылаева. Дело пошло на лад.

До нас программа выполнялась на 30—40 процентов. Себестоимость доходила вместо 80 рублей за погонный метр до 200 рублей. Нам удалось добиться перелома в работе.

Но перелом нам достался недешево. Классовый враг исподтишка пытался проникнуть в наши ряды, дезорганизовать работу.

Сергей Кириллович Францев, брат вредителя Фили Францева, обманным путем пробрался в партию, скрыв свою прошлую активную службу в добровольной белогвардейской дружине. Он всячески старался выйти в добрые люди на производстве и завоевал себе немалый авторитет. Он был разоблачен, исключен из партии и снят с должности контролера в сменные мастера. На собрании он сознался, что был дружинником и носил своему брату-вредителю какие-то планы из дому...

Или вот Иван Пашуто, сын попа, старший буровой мастер. К производству он относился вредительски безразлично.

Однажды сменный мастер Волченков предупредил Пашуто, что крестовое долото треснуто и бурить им нельзя. Тот отдает распоряжение:

— Бурить!

На третьем же ударе долото раскололось, и обломок остался в скважине. Ликвидацию аварии затянули больше месяца. Станок стоял. Пашуто никак не мог достать этот обломок. А другой буровой мастер извлек его в пятидневный срок.

Рыбаков
Андрей Леонтьевич

Пашуто был мною снят с работы, и дело его передано в парсуд...

Самым наглым врагом оказался сменный мастер Култаев. К производству относился он безобразно, задания систематически не выполнял. Култаев все время пьянствовал и даже на работу являлся пьяным.

Однажды рабочие звонят мне по телефону:

— Товарищ Рыбаков! Давай приезжай скорей к нам на вышку. У нас идет комедия интересная...

Приезжаю на вышку. Спрашиваю:

— В чем дело?

— Посмотри-ка на лавочку!

А на лавке лежит Култаев пьяный и без штанов.

Култаева разбудили, отправили домой и на другой день уволили.

На третий день после своего увольнения он пришел ко мне в контору, взял со стола керн — большую каменную палку породы — и пытался ударить меня по голове.

Пришлось наставить ему в лицо наган, чтобы он успокоился и стал мирно просить о работе.

Поступок этого негодяя мы обсудили на всех рабочих собраниях и решили устроить над Култаевым показательный суд. К сожалению он скрылся. После этого случая рабочие многих вышек объявили себя ударниками и стали перевы-

полнять производственную программу. Бригады Масленникова, Пастухова, Мануйлова шли впереди всех...

За 1930—1931 годы мы раздобыли в самом Тагиле много недостающего оборудования, построили восемнадцать вышек, организовали механическую и вставочную мастерские, свою кузницу, изыскали своих плотников, слесарей, токарей, кузнецов. За это же время парторганизация Геологоразведки выросла с одного до сорока членов и кандидатов партии. В мае 1932 года членами профсоюза стали 82 процента работающих. Комсомольцев было двое, а стало 29.

Мы обеспечили квартирами почти всех рабочих и ИТР цеха, создали красный уголок, охватили политучебой 95 процентов работающих. За образцовую работу наша политшкола была премирована райкомом ВКП(б).

Так мы дрались за выполнение решения ЦК ВКП(б) по Уралмету от 15 мая 1930 года, за форсирование разведок.

Экскаваторы

Быков Григорий Семенович

Первый экскаватор «Бьюсайрус» пришел на Высокогорский рудник в 1929 году, в мае месяце. Он был выписан из-за границы бакальским владельцем Балашевым в 1916 году и лежал на Бакальском руднике до 1929 года без употребления. Во время гражданской войны ряд частей растащили.

По поручению парторганизации и хозяйственников экскаватор был привезен на наш рудник. Для сборки его приехал черный, небольшого роста, худощавый товарищ Насыров. Для сборки такого чудовища, как экскаватор, он взял себе в помощь всего троих рабочих: Быкова Григория, Раскатова Николая и Краснова.

Каждый день грудом люди собирались вокруг экскаватора. Подрядчики, кулаки и разные кулацкие подпевалы говорили:

— Наши руководители денежки забили, а от кобылки не уйдут.

Бригада работала не покладая рук. Части, которых нехватало, делали в кузнице. Арматуру брали на других паровых машинах.

Кончили. Набрали воды в котел, затопили топку. Вода греется, пар поднимается. Нагнав пару, товарищ Насыров сел за рычаги, дал свисток, начал поворачиваться вправо и влево, тронулся вперед к месту работы. Экскаватор своими огромными колесами так землю и резал.

Тут подкулачники, точно на колокольне, зазвонили языками другое: «Подойдет на борт красной ямы и утонет в глине!»

Однако на борту Большой выработки проложили дорожку, экскаватор подошел к месту работы и сразу освободил 60 ломщиков из первой смены.

Этим хороший отпор дала наша руководящая партия большевиков кулакам, подкулачникам и их подпевалам по всему Железному руднику.

Шляпников Захар Тимофеевич

Когда начал работать первый экскаватор «Бьюсайрус», пришлось ему потерпеть много насмешек от коннозабойщиков. Я на нем проработал один день дергачем. Когда маши-

Первый экскаватор «Дергач» Бьюсайрус на Высокой

нист зачерпнет ковш и наведет его над вагонеткой, то мне надо было дергать веревку, чтобы открыть ковш. Машинист кричит:

— Дергай!

Я дерну. А они:

— Ха-ха-ха! Вот дергач!

Смеялись над каждым движением экскаватора. Чувствовали в нем врага-конкурента.

А вот когда был собран электрический экскаватор «Менк» № 1, то тут уже смеяться им не пришлось. Только руками разводили да говорили:

— У, мать его так! Ровно лопатой черпает!

Некоторые добавляли со злобой:

— Погоди! Зима придет — сломишь зубы-то!

Но ворожба их не оправдалась. Экскаватор проработал всю зиму, выдавая по 200 и по 250 коппелевских вагонеток за смену.

Двойников Исаак Титович

Еще в плену я начал проходить политграмоту на практике, понял, за кого стоят белые и за кого стоят красные. Партизанство помогло еще больше росту моей сознательности.

Когда я пришел на рудник, то сразу стал активистом профсоюзной работы в цехе и в клубе. С 1928 по 1930 год я работал секретарем рудкома.

В партию я вступил в 1929 году. До того мне все время казалось, что я еще не готов носить звание члена партии. Но я работал рука об руку с большевиками нашего рудника и с интересом посещал открытые партсобрания.

Я все старался помогать производству, улучшить рудничное хозяйство. Группа старых кадровиков механизации рудника — Конон Зимин, Трифон Тимофеевич Улегов, я, еще кое-кто — решила обучать механизации молодежь.

Хотя цех и небольшой, а старались к себе перетаскивать молодых ребят из выработок и погрузки. Брали женщин. Сколько пришлось биться с начальством, чтобы выдвинуть женщин:

— Они не знают... Да куда им.

Так мы втянули Гришу Быкова, Сеньку Андрейцева, Абрамку Кузнецова, из женщин — Нюру Горбунову, Нюру Першину, Шуру Китаеву и других.

Некоторых подрядчики переманивали обратно. Вот Нюру Каретникову. Но потом она покаялась и вернулась.

Когда пришел электрический экскаватор «Менк» № 1, меня назначили его машинистом.

Мы в очень опасных условиях робили. «Менк» № 1 стоял на одном из уступов южного борта Большой выработки. Вскрышу выдавали через подъемник № 2 коппелевскими вагонетками. Забой был очень высокий. Часто происходили обвалы. Подкоп получится, и целой стеной глина валится на машину. Только и следи, чтобы поскорее отъехать, чтобы не разбило машину и не пришибло тебя.

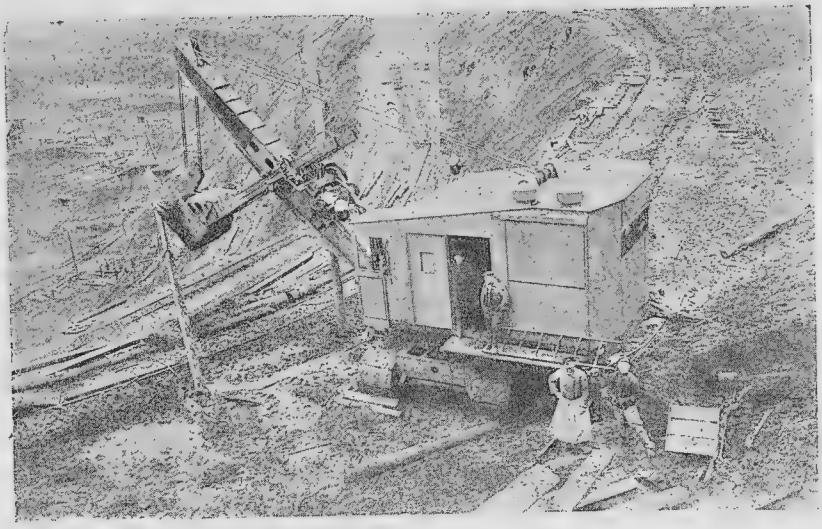
Тогда экскаваторы подчинялись, неизвестно кому. Мы, машинисты, работали от механического цеха, а делали работу для Большой выработки. Четкой ответственности за работу не чувствовалось. Не знаешь, к кому и смазку-то итти получать...

Петька Криворучкин у нас натворил аварию. Он шибко стукнулся стрелой[1] о забой и вышиб стрелу из гнездьев. Он был виноват. При небольшой внимательности этой аварии не случилось бы.

После этого он поторопился перейти на «Менк» № 2. Там работа намечалась полегче. Но через несколько дней он и там сделал аварию. Стал спускать стрелу и сломал станину.

---

[1] Часть экскаватора, к которой на особой рукоятке подвешен ковш с откидным дном.



Экскаватор «Менк» № 1 на южном борту Большой выработки

Быков Григорий Семенович

Тут вот как получилось. Стрела-то уже валялась, полиспаст в нее влез, в стрелу, когда Болотов с Насыровым подошли.

Они хотели поднять стрелу, а машину-то сначала не осмотрели. Станина-то закрашена была, которая лопнула. Только стали стрелу поднимать и обнаружили рвотину на станине, трещину то есть.

Я стоял на борту, а экскаватор был ниже. Все хорошо видел. Конечно виноват Петька. Без разрешения механика или мастера Насырова он не имел права опустить стрелу. Было собрание после этого. Рабочие требовали отдать под суд Криворучкина.

Двойников Исаак Титович

По этому делу судили его, бригадира Насырова и главного механика Болотова. Все получили принудительные работы. Болотову дали год условно за то, что после первого преступления Криворучкина он допустил его на другую машину. А Криворучкину дали полтора года. Это была первая крупная авария на экскаваторах.

Вскоре был создан особый экскаваторный цех. Обновленное в 1930 году партийно-хозяйственное руководство горы Высокой, добившись перелома на фронте добычи, обратило внимание на вскрышу.

Я стал секретарем ячейки ВКП(б) экскаваторного цеха, без отрыва от производства. Коммунисты у нас были: Кузьма Коровин, Алексеев-Гришанов, Куликов Василий Петрович, мастер Тихонов, техник Даргайс, техник Нестеров, Семен Судьин и другие. Начали нажимать на работу. Коммунистов расставили по участкам. Оживили профработу, втянули беспартийную массу. Вот Полуэктов — тогда он свальщиком робил — на собрания стал ходить. Я сплотил несколько десятков таких товарищей, стали стукать.

А работа предстояла нам трудная. Весна, уступы плывут, дорожки шатает из стороны в сторону. Влияние подрядчиков сказывалось и в нашем цехе. Существовала халатность, недосмотр за машинами, небрежность. Приходилось контролировать и вышибать это.

Идешь, бывало, по другой смене. Видишь — экскаватор стоит пустой. Ни машиниста, ни помощника нет. Забирайся кто хочешь, ломай машину. Чего хочешь делай...

Однажды я забрался на такую машину. Дал свисток. Никого нет. Идет десятник. Я скричал ему: «Где у тебя машинист?» Он также не знает. Потом оказалось, что машинист ушел обедать, а помощник бегал за папиросами. Дождался я их, нашугал. Они мне — кипу оправданий каждый. По таким случаям мы сразу ударяли. Ставили вопросы на партийных и рабочих собраниях о внимании к механизмам и труддисциплине.

Затем подготовка экскаваторных кадров. Мне приходилось учить молодых товарищей: Николая Сергеенко, Александра Долгорукова, Александра Ермилова, Шадурина Костю, Володю Бородина, Антипова, Илью Мамонова, Хлопотова, да всех не пересчитать. Они пришли уже как машинисты, с других машин, но надо было их по-своему переучивать, не только на «Менках», но и на «Марионах».

Крючков Малафей Егорович

Рудоуправление старое я срабливал, т. е. место, где оно стояло. Мы много тут сробили, не одно рудоуправление. Мы, молодые экскаваторщики из горпромуча, перенимали на практике опыт старых машинистов Насырова, Двойникова, Дьячкова.

Отец мой, Егор Петрович Крючков, старый кадровый горняк Железного, рассказывал мне, как в этой конторе жил

сердитый смотритель Александр Палыч Климов. Он отправил отца на германский фронт... И вот мне — комсомольцу Малафею Крючкову — на долю выпало срабливать это самое смотрительское гнездо.

Теперь и места-то этого не узнать. Одни липы в саду остались. Но, говорят, что и сад мы скоро выробим со всеми деревьями.

Много месяцев мы шли к рудоуправлению. Дивно сробили. Много изменилось. Смотри, какое высокое повышение стало! А было низкое. Тут извоз в Граневую еще был конный — мы и его сравняли.

Сожрали мы начисто этот дом, вернее сказать, то место, где он стоял, и подались назад. Тут-то и приключилась у нас история. Не уберегли экскаватор.

Я бегал за масленкой, вернулся, залез в машину. А машинист Долгоруков в кабинке сидел, работал. Он как раз думкар насыпал, повернул машину к забою задом. Вдруг — сильный толчок, пол качнулся. Земля кругом зашуршала, засыпалась. Вся задняя стена у корпуса экскаватора ровно съехала. Светло стало в машине.

Я скричал машинисту. Он сразу выключил ток, все осмотрел и побежал заявлять. Я тоже вылез. А приключилось вот что: обвал забоя. Нависшая порода сползла на нас, ударила и продавила машину. Как смяло нас, так и засыпало. Почти что до крыши корпуса груда земли лежала. Мерзляк еще не оттаял. Большими кусками пал. Это было 12 июня, 1933 года, в ночь.

Вся смена пришла с лопатами нас откапывать. До утра отрывали. А в 5 часов к нам новый кабель от подстанции проложили, и мы выехали.

Так-то у нас все в сохранности оказалось. Только бок корпуса оторвало. Чинили его пять дней.

А чтобы «Мариону» не срамиться заплатой, покрасили экскаватор в зеленый цвет.

Мы крепко обозлились после аварии. Еще пуще работать стали. Ведь виноваты-то в аварии конечно были только мы сами. Не следовало так забой подрывать.

Мы покрыли весь простой и месячную программу перевыполнили.

Транспорт

Двойников Саввин Титович

В 1928—1929 годах в маленьком депо за подъемником по дороге на свалку производился ремонт коппелевских рудничных вагонеток. Бригадиром слесарей был Абрам Кузнецов, белобрысый низенький парень из комсомольцев. Все рабочее время он боролся за качество ремонта.

Бывало, начинают выкатывать вагонетки из депо после ремонта, и обязательно тут выходит скандал. Абрам закричит:

— Эй, Гришка! Ты привертывал крышку к этой буксе?

— Нет...

— Пашка! Я вас спрашиваю или нет? Чорт вас подери, сознавайтесь!

Пашка подбегает, осматривает:

— Стой! Какой это полускат? Это не я привертывал. Я такого полуската не собирал...

Приходится признаваться Гришке. Абрам его начинает штудырить:

— Я вам сотню раз показывал, как надо поджимать шурупы у крышек. Не сдам вагонетку в работу, пока не отремонтируете, как требуется! Да я тебе, слепой, соберу и исправлю вагонетку, как надо!

— Ну ладно, Абрам, — отвечает Гришка, — больше этого не получится.

Из-за таких проборок Гришка скоро стал аккуратно и хорошо работать, даже сам проверял Пашку. Бригадир Абрам начал хвалить его.

А в 1930—1931 годах бригадиром по ремонту вагонеток стал я. В том же депо мы работали на две смены, работали по-ударному. Смена другого бригадира Матвеева соревновалась с моей сменой. У каждого работало по пятнадцати человек.

В то время пускалась и осваивалась механизация Граневой. Мы спешно готовили вагонетки для Граневой, клепали вилки к коробкам вагонеток. В депо работали и женщины-выдвиженки. Вчерашняя гонщица Анна Каретникова работала всех бойчее. Молодая и боевая была ударница. Только и слышно:

Двойников
Саввин Титович

— Работу выполнила! Подавай другую!

Бригадирам была горячка. Только и поспевай задавать работу, проверять выполнение, учитывать все, сделанное ударниками. Каждая смена передавала телефонную сводку заведующему цехом:

— Собрано и отремонтировано столько-то вагонеток!

Работа кипела дружно. Выпускали по 10, по 15 вагонеток за смену. В то же время ремонтировали и костромские вагоны, у которых ломались деревянные бортики.

Бывало, буран в январе месяце, а вагон приходилось ремонтировать на путях, там же, где он сломался. Несмотря на холод и вьюгу слесаря отправлялись на борт Большой выработки и производили починку.

Бывало, просто сорвется вагон с рельс, и мы помогаем его поднять, хотя это и не наша работа. Возьмемся все дружно враз, скричим:

— Взя-ли!

И вагон поставлен на рельсы. Однажды заведующий цехом нам дал задание отремонтировать 30 вагонеток в семь дней, а мы в шесть дней починили 37 вагонеток. Вот какой был подъем в депо!

Слесаря понимали, что рудник механизируется, что нужны вагонетки на смену подрядчичьим таратайкам, и отдавали на это дело все силы.

Долженков Николай Константинович

В 1930 году я заведовал Большой выработкой. Дело было в декабре. На свалку кони ходили до этого. А тут завелся у нас малюсенький паровоз — «лягушка».

Однажды является на красную свалку техрук. Видит, что машинист Санька Бушин боится вести паровозик по кругу свалки. Там почва ненадежная, еле-еле подсыпана. Ну, он и страшится улететь с машиной под свалку.

Техрук увидал это — на него! Просто разругались тут они с Бушиным. Один приказывает ехать, другой не едет. Техрук набросился на бригадира Даргайса, напугал его.

Я как раз прихожу на свалку. Увидал его, спрашиваю:

— Ты чего?

— Ноги замерзли...

Тут машинист ко мне подходит:

— Можно ли, нет ли по кругу ехать?

— Поезжай, раз техрук приказывает...

Поехал он. На первом же повороте — на боковую. По-счастью не под свалку, а в эту сторону. Начали поднимать всем «колхозом», кто за что... И техрук здесь большую жердь притащил. Хорошо — в пять минут подняли, больно легонький паровозик был.

После этого перестлали шпалы и рельсы. Только тогда «лягушка» безбоязненно закружилась по свалке.

Серебряков Павел Киприянович

Летом 1930 года на рудник был прислан первый крошечный паровозик «Артур Коппель» в две оси. Он предназначался для откатки вагонеток с мойки Тимошенко на бункера. Он был старый, таскал очень мало груза, мойка из-за него постоянно стояла. Я работал на ремонте этого паровозика в ожидании новых паровозов. Был уже кандидатом партии. Помню, как в тенистом рудкомовском садике собиралось жарким летом бюро парткома с активом. Каждый выступавший предлагал свой рецепт борьбы с прорывом. Но никто не обобщал предложений, не делал конкретных выводов.

На общерудничном партийном собрании в красном уголке в конце сентября 1930 года впервые отчетливо и конкретно были поставлены транспортные вопросы.

Давыдов, тогда еще помощник директора, зачитал коротенькую практическую программу важнейших мероприятий на октябрь. В числе их значилось: «Чтобы использовать

Серебряков
Павел Киприянович

«Менк» № 2 на вскрыше южного борта, надо проложить узкоколейный путь на отвал».

Тогда «Менк» № 2, только что собранный, уже стоял на южном борту и клал породу в костромские вагоны. Откатка велась мотовозами, которые брали только по два вагона и везли очень медленно. Экскаватор простаивал 80 процентов своего рабочего времени. Ожидалось прибытие узкоколейных коломенских паровозов. Надо было приспособить для них пути.

На это и мобилизовалась парторганизация Высокогорского железного рудника.

Начались субботники по перекладке путей, балластировка, увеличение радиуса кривых. Не все коммунисты еще верили, что коломенские паровозы пойдут по нашим путям нормально. Но на субботники шли все. Прямо после партсобрания или бюро с активом все отправлялись на южный борт, получали вачеги, инструмент и приступали к работе. После трех-или четырехчасового коллективного труда все вместе ужинали в столовой. Руководители — секретарь и директор — работали вместе с нами все время, настойчиво убеждая сомневающихся в том, что коломенские паровозы пойдут.

Первый коломенский паровоз все ждали с большим нетерпением. «Петька» — маленький двухосный паровозик «Копель», точно чувствуя, что идет сильный конкурент, ста-

рался доказать, что он сможет всю работу провернуть и один.

Голосистый, как молоденький петушок, «Петька» с длинной высокой трубой то и дело шмыгал с вагонетками от мойки Тимошенко на бункера. Выше будки торчала голова машиниста Пети Францева. Он себя чувствовал героем! Машинист паровоза!

Но напрасно хочет доказать паровозик, что он и один своротит все горы рудника. Эти горы велики, и много с ними требуется работы...

Вечер, на улице холодно. Начало ноября. Идет мелкий снежок. В тупик подталкиваемый широким паровозом подается нам на платформе долгожданный гость.

Он кажется таким большим, даже не верится, что это чудовище пойдет по путям рудника.

Новый, только с завода, он и в сумерках блестит своими свеженькими частями.

На эстакаде народ. Нужно разгружать. Тут и Тихонов, дорожный мастер, в своих неизменных стоптанных сапогах, и заведующий дорожным цехом Бушин. Много работников обсуждает:

— Как разгружать?

Установили план разгрузки и подвели под паровоз рельсы.

Привязали гостя канатом.

«Петька-лягушонок», квакнув, подбежал к месту разгрузки, всем видом своим показывая, что он и не такие дела делал.

Подцепили к нему паровоз, дернул он — и ни с места. Пробует он — и опять ни с места. Не берет. Присмирел бедный «Петька». Задумались и руководители — как разгружать коломенца?

Решили в помощь «Петьке» прицепить мотовоз.

Медленно, чуть потрескивая выхлопом, неуклюжий, как черепаха, подполз к притихшему «лягушонку» мотовоз.

Но и двое они не смогли сдернуть с места грузного сотоварища. Прицепили второй мотовоз.

Взяли все враз, дернули, и, медленно поворачивая колеса, узкоколейный паровоз № 6047 встал на землю Высокогорского рудника.

Через четыре дня я на этом коломенском паровозе повез первый состав из шести костромских вагонеток вместо трех коппелевских, которые таскал «лягушонок Петька» от экскаватора «Менк» № 2 на отвал.

Паровоз сразу стал работать вполне нормально. Это очень подняло дух партийной организации. Люди увидали конкретный результат своих дел. Выросла вера в свои силы.

Медленно поворачивая колеса, узкоколейный паровоз № 6047 встал на землю Высокогорского рудника...

Поднялось настроение и у беспартийных рабочих. Давыдов стал тогда сразу же вводить премиальную систему оплаты. В случае перевыполнения нормы свальщики имели право на премию. И когда они увидели практическую возможность перевыполнить эту норму, они начали работать веселее и энергичнее.

И все же работа шла очень туго. Машинисты экскаватора не могли быстро освоить механизм. Они клали мало вагонеток. В мерзлом грунте экскаватор работал первую зиму. Навыков ни у кого не было. Мы могли помочь только тем, что оборачивали свой состав как можно быстрее.

Так возникло первое соревнование машинистов на руднике. Единственный паровоз эксплоатировался в три смены. В одну смену работал я, в другую — Александр Бушин, в третью — старый машинист большевик Куликов Василий Петрович, недавно перешедший к нам с заводской дорожки.

Однажды Куликов дал за смену вместо обычных 18 вагонеток — 80. Он заранее сговорился с машинистом экскаватора Исааком Двойниковым применить условные сигналы. С тех пор мы и стали их применять. Скажем так: паровоз, отправляясь с отвала, дает свисток экскаватору приготовиться. Тот успевает накачать воздуху в свои тормозные резервуары, успевает перекопать забой, наберет полный ковш породы, поднимет его и так ждет состава. Как тот подъехал — с первой же секунды остановки начинает грузить. Вот и все.

Они подошли к труду как большевики. Посоветовавшись с секретарем парткома, Василий Петрович решил показать пример ударной работы и вызвать остальных машинистов.

Когда он поставил свой блестящий рекорд, партком через газету «Голос горняка» поднял опыт Куликова на большую политическую высоту и передал его нам, остальным машинистам.

Это было в конце декабря 1930 года. А 15 декабря у нас только что вступил в эксплоатацию второй коломенский паровоз, на который меня и перевели. Кроме меня на втором паровозе работали: Виктор Бушин и Павел Быков, брат Гриши Быкова.

Когда Куликов объявил свой вызов, меня взяло за живое. Я, мол, чем хуже? И я, молодой большевик, решил не отставать от старого большевика Куликова. Я тоже пришел в партком и заявил секретарю, что считаю своим партийным долгом сделать рудничный транспорт передовым. Я напечатал в «Голосе горняка» ответ на вызов Василия Куликова и наш с ним социалистический договор.

Началось соревнование машинистов. Мы соревновались не только по выполнению производственной программы, но и по

подготовке кадров. Он готовил Ивана Катаева, я — Павла Быкова. Оба одновременно сдали экзамен на право езды.

Скоро суточная программа начала перевыполняться.

Полуэктов Павел Кириллович

Поступаю я на курсы весной 1931 года. Проучившись полтора месяца, становлюсь машинистом. Прихожу на смену. Это в июле месяце 1931 года, числа четвертого-пятого.

Утро такое туманное, когда роса садится. Паровоз страшно буксует. У паровоза прицеплено 8 вагонов. Груженые, $2^1/_2$-кубометровые. Подъем.

Для того чтобы не буксовал паровоз, значит даю песочку и регулятор даю на большой клапан. Чтобы быстрее выехать.

Но не замечаю, как подъехал к кривой, где рабочие-дорожники ремонтировали путь. Я уже взял подъем и не замечаю, как начал вписываться в кривую. Тут мостик и контрельса над жолобом, по которому идет вода на мойку Тимошенко.

Я развиваю большую скорость. Паровоз по инерции в кривую не захотел вписываться, а захотел ехать прямо. Срывается и... в воду! Вылетает тремя полускатами...

Я хочу дать контрпар, но вижу, что уже поздно. Паровоз рылом уже уткнулся в канаву и стоит. Я чувствую себя просто отчаянно. Думаю: сейчас оголится топка, вода придет в сфероидальное состояние, и котел разорвется.

Но я сразу стал качать воду. Даже пробки не сплавил. И все прошло благополучно.

Меня Сергей Иваныч Пискунов вызывает к себе в кабинет. Отругал хорошенько, сказал:

— Ты будешь работать машинистом, но одновременно учись еще.

А вот в сентябре или октябре 1932 года. На широкой колее уже.

Едет этот Леньков, Китаев ли, точно не помню. А в кривой на 35-тысячном подъеме при выходе на Старый вариант, в разрезе, подложен «башмак». Это железнодорожный инструмент металлический, который надевается на рельсу для предохранения вагона от самовольного движения.

Скорость здесь развиваешь до 25 километров. Вылетел бы паровоз. Могла бы произойти сильная авария... С умом был «башмак» подложен. Выходка классового врага.

Но в это время шел сверху рабочий-грузчик. Это дело и обнаружилось.

Тихонов Яков Михайлович

В декабре 1931 года рудничные пути передали Транстрою. Нас, дорожников, разогнали по отдельным цехам: в Граневую, в Большую, на Шихан, кого поставили в забой, кого на буренье. Из 49 человек дорожников осталось только 15. Мы чистили снег и подправляли кое-какие пути.

Все надеялись, что Транстрой поможет руднику уложить широкую колею. А весною, когда для дорожников начинается самое горячее время, Транстрой возвратил нам пути обратно. Он испугался, что не справится со своею задачей: зимой-то, мол, и дурак будет робить, когда все застыло и почва прочная. А вы вот весной по грязи поробьте...

Страсть не хотелось приниматься за их работу. Главное, Транстрой проделал такую штуку уже вторично. Прошлым летом он тоже принял от нас пути исправные, на ходу, а поздней осенью, когда все пути разбили, вдавили в грязь, он нам их вернул.

Но как мы ни ругались, а пути нам принимать от них велели. У них остался только путь для возведения насыпи на новые фабрики, а все пути на отвалы забрали себе мы. Приняв от Транстроя в июне остатки этих путей, мы составили акт о непригодности их к езде. Транстроевцы принуждены были его подписать. Затем мы принялись за работу.

Главный инженер товарищ Замятин все подгонял нас:

— Быстрее давайте мне широкую колею. Думкары и паровозы стоят без дела!

Срок пуска широкой 17 августа. Решили рабочих принимать и из других цехов для сверхурочной работы во вторую смену. Расчет — подекадно.

Выкинули везде объявления. Количество рабочих дошло до трехсот в смене. Работали непрерывно в две смены с шести часов утра до одиннадцати часов вечера. Ввели сдельщину. Вначале коренные дорожники плохо принимали участие: кончилась смена — домой. Нам пришлось тяжело, нехватало нас. Надо деньги выплатить и принять работу за смену и задать ее... Нехватало дорожного опытного надзора.

Но через декаду разгорелись, включились вплотную и все дорожники. Работали без выходных. Много нам помогали субботники, организованные партийным и профессиональным руководством рудника.

Срок приближался. Мы быстро вели укладку пути, местами подбивку. Бригадиров расставили по участкам. Самый серьезный участок достался бригадиру-дорожнику Соколову. Плохо верилось, что он поспеет закончить во-время. Агафонову достался участок легче, и казалось, что он сделает

прежде, чем Соколов. А вышло наоборот. Умелым правильным натиском Соколов окончил вперед. Пришлось Агафонову помогать...

В день пуска, 17 августа, линия еще была не совсем закончена, а народ уже собирался к ее открытию. Мы работали, торопились изо всех сил. Хотелось хоть на часок оттянуть открытие, но время летело как нарочно быстрей, чем следует.

Но вот кончили. Поднялись и мы на свалку. Паровоз с думкарами у «Мариона» № 12 ждал сигнала к торжественному первому отправлению по широколейным путям. Поперек железнодорожного полотна растянули красную ленточку. За лентой следила вся тысячная праздничная толпа. Ждали отправления состава.

Давыдов подал сигнал. Думкары тихонько покатились по рельсам. Мне было жутко. Вдруг паровоз сорвется — как будет стыдно перед рабочими. Ведь не всюду еще успели мы выверить путь...

Но паровоз прорезал ленту и горделиво побежал на отвал. Глазам не верилось: там, где недавно еще кривились узенькие расхлябанные дорожки, теперь блистала солидная широкая колея.

За эту работу были тут же на митинге премированы: Кокин, двое Серебряковых, я, Соколов, Саламатов, Агафонов, Леньков, Акиров и другие товарищи.

Полуэктов Павел Кириллович

Замечательная машина электровоз! К такой машине мы будем еще больше приковывать свое честное рабочее производственное внимание.

Вот мы работаем на нем уже двадцать дней, и ни дня еще не прошло, чтобы каждая смена не делала его капитальную чистку. Он все время у нас блестит. И будет блестеть вперед! А как же иначе? Ведь взяли лучших паровозников-машинистов и обучают их работе на электровозе. Стыдно было бы нам — Илье Серебрякову, Виктору Бушину, Василию Титову и мне, Полуэктову, — хоть немного загрязнить такую машину.

У электровоза четыре мотора и все четыре оси — ведущие. А у паровоза ведь всего одна ведущая ось. Значит сила сцепления колес с рельсами у электровоза в три раза больше. Это очень важно для рудника, потому что на нем все время подъемы.

Электровоз зеленоватый, защитного цвета — хаки. Он похож на брусок, посередине которого выставляется будочка

Полуэктов
Павел Кириллович

машиниста. Над будкой, как щупальцы, подымаются вверх изогнутые прутья токоприемника.

В будке полная чистота, есть шесть манометров и два контроллера — один на задний, другой на передний ход. Есть в электровозе два компрессора с электроавтоматическим регулятором давления воздуха. Как доходит давление до 9 атмосфер — автомат-регулятор и разъединяет контакты. А как давление опустится до 7½ атмосфер, так он сам соединяет контакты, и компрессор опять работает независимо от желания машиниста.

— Четырнадцатого вы переходите на электровозы.

14 ноября утром мы вывели электровоз из депо. Присутствовали все четверо. Кроме нас тут же были Павел Серебряков и начальник электротяги Опарин.

Серебряков показал нам, как надо ехать. Для того чтобы стронуть электровоз, надо включить силовые моторы, три цепи управления и «педаль мертвого человека».

Мы стоим у контроллеров. Под ногами у нас эта педаль — пластинка, на которой стоит машинист. Во время движения электровоза машинист не должен с нее сходить. Как только сошел, электровоз остановится. Силовые моторы перестанут работать. Тормоза-автоматы сразу затормозят движение.

Первые электровозы на руднике

Если, скажем, машинист вдруг умрет, то он свалится с педали, и электровоз остановится. Потому педаль и носит название «педаль мертвого человека».

Манометры показывают давление сжатого воздуха. Два из них определяют давление автоматических тормозов у контроллеров, два другие — давление прямодействующих тормозов. А последние два манометра указывают давление воздуха для опрокида думкаров и для электроаппаратуры. Вот для чего электровоз имеет манометры. А контроллеры — это аппараты, которые производят пуск машины, регулирование скорости и электроторможение.

Контроллеры могут давать три скорости хода электровоза: тихий-последовательный — в час километров 10, последовательно-параллельный — километров 15—20 в час и параллельный — до 67 километров. Как только переключишь с одного на другой, электровоз сразу: дерг! На параллельном-то мы пока и не ездили. Боимся, не позволяют пути.

Больно в электровозе-то зимой хорошо! Имеются электро-

печи для согреванья кабины. Чисто. Масляного там нет ничего. Все блестит. Мы работаем раздевшись, в белых рубашках с галстуками, в хороших ботинках и костюмах.

Вот рассказ о нашей первой поездке.

Паша Серебряков позволил ехать первому мне. Чтобы испытать силу тяги, я прицепил к электровозу три думкара и паровоз. И какую же силу имеет электровоз! Ведь один паровоз весит 80 тонн и каждый думкар по 27 тонн. Он их стронул играючи.

Сначала мы все трое влезли в кабинку. Серебряков предложил мне подойти к контроллеру. Ребята наблюдают. Я взялся за контроллер, наступил на педаль. Аж дрожь берет — руки трясутся. Боюсь. Озноб меня прошибает. Решаюсь держаться бодро.

Включил вентиляторы, они зашумели. С визгом, так это. А затем — и силовые моторы. Электровоз тронулся. Тихо, спокойно, мерно. Без всякого совершенно толчка. Стакан чаю в него поставь, и то не всплеснет ничуть.

Стали взбираться на подъем. Я взглянул назад — паровоз и думкары за нами едут.

Машинист паровоза Егор Зимин мне кричит:

— Все равно растянетесь!

Не поднимемся значит. Сила моторов не одолеет подъема. А нам хоть еще столько прицепляй — и то вывезем. Ребята в кабине сидят — восхищаются. Так и улыбаются вовсю.

А я не помню себя. Думаю: «Вот я овладел какой техникой! Пуще американского инженера...»

Шихан

Сандригайло Николай Фаддеевич

*Ш*ихан — вершина горы Высокой. Прежде она шумела соснами и лиственницами, скрывая в своих недрах несметные богатства руды. Там царила мертвая тишина, иногда нарушаемая только стуком таратаек в выработках да топором лесоруба. В ночное время прохожие опасались итти горой. Суеверные страхи были связаны с этим местом. А в праздничные дни Шихан был местом пьяного разгула и драк.

Первая пятилетка совершенно изменила лицо горы. Теперь по ночам Высокая не сливается с мраком, а сияет десятками веселых огней, далеко освещая окрестности.

Рычат экскаваторы, подают гудки паровозы, и лязгают буровые станки. Вместо хвои стогодовалых деревьев, гора оделась сетью электрических линий, водопроводов и воздухопроводов.

Гора Высокая — сплошной монолит сиенитов — трещит по всем швам под напором большевистской горной техники. Сиениты отступают и очищают богатства, которых ждут новые металлургические гиганты...

Началом вскрышных работ на Шихане был июнь месяц 1931 года. С большим трудом были затащены на гору экскаватор «Рустон» и два буровых станка.

Когда все было готово к началу работы, в один из июньских дней на Шихане взвились красные флаги. Много народу сошлось на митинг. После речей под звуки оркестра экскаватор «Рустон» нагрузил породой первый состав вагонов. Паровоз их потащил на отвал, и началась большая работа, обеспечивающая руднику возможность развития.

Митинг кончился. Остались только те, кто был призван осуществлять это новое, серьезное дело. Убрать 2½ миллиона кубометров крепчайшего грунта, не поддающегося экскаватору без взрывных работ, — не просто.

Оборудование было плохое, и работать с ним ни руководители, ни рабочие как следует не умели. Пришлось учиться у себя же, на своих ошибках и неполадках.

Серьезным препятствием были взрывные работы. Люди привыкли рвать мелкие перфораторные шпуры, заряжая их 100—200 граммами амонала. А для экскаватора нужно рвать глубокие скважины с количеством взрывного вещества 100—

Сандригайло Николай Фаддеевич

200 килограммов и рвать не шпуром и бикфордом, а электричеством. Скважины нужно особо правильно расположить, правильно пробурить, иначе можно произвести работу впустую, пустить на ветер тысячи рублей, можно разбить экскаваторы и паровозы летящей породой, убить десятки людей...

Много было простоев и несчастий, пока мы с товарищем Долженковым и коллективом рабочих не освоили это дело.

Плохо было и то, что наш экскаватор «Рустон» был чересчур ветхий и ломался почти каждые сутки.

По временной дорожке с крутым подъемом втаскиваем на Шихан думкары и паровозы. Как тяжело их втаскивать!.. Сколько истрачено сил и нервов.

Втаскиваем думкары на канате экскаватором «Марион». Раздается команда:

— Пошел!

Все нервы напрягаются в единую мысль: не лопнул бы канат, не сошел бы с рельс вагон, не упал бы... Бывали страшные моменты: наклоняется паровоз, продавливая путь, рвутся канаты...

Наконец все думкары и паровозы благополучно подняты на Шихан.

Спускаем думкар на нижний уступ Шихана к экскаватору «Мариону» № 7. Темно. Нужно бы приостановить спуск. Но вожаки бригады — Хрусталев, Нехороших — и мы, администраторы, решаем: спускать в темноте!

Хрусталев стоит на тормозе думкара. Вдруг лопается канат. Думкар летит вниз по рельсам. Хрусталев, не растерявшись, затормаживает до конца и спрыгивает. Благодаря этому думкар невредимо скатывается вниз.

Разве это не геройство со стороны Хрусталева!

Буровых станков было мало. Водопровод проходил по поверхности, в мороз он застывал и тем срывал работу.

Первые люди, которые начали работать на нашем участке, — это Носов Иван Романович, Дмитриев Петр Прокопьевич, Петров, Клещев, Тюрьев, Кедун, Волченков, Вороненко Наташа, Макарова и ряд других. Эти люди упорно работают и до сего времени.

Насыров Валей

В мае месяце 1931 года привезли из Алапаевска старый экскаватор «Рустон». Части его перетащили на Шихан тракторами. 21 мая мы приступили к сборке и собрали его за тринадцать дней. 5 июня он стал работать. Дымит, пыхтит, а силы у него почти нет. Весь механизм изношенный да расхлябанный. Программу выполнял процентов на восемнадцать.

Грязно́й, в саже, в гари. Рабочие возле него все мазаные ходят, как черти. А он знай себе бренчит и роется потихоньку. Ворочается на Шихане своим корпусом ржавленным.

В сентябре на этот корпус пришла поруха. Во время отпалки «Рустон» не отодвинули достаточно далеко. Часть породы обрушилась на бедного старика, содрала с него железный кафтан и помяла котел немного. Пять суток простоял «Рустон» в ремонте. Обшили его свежими досками. Стал «Рустон» щеголять с вершины Шихана новым тесовым платьем. Но работать от этого лучше не начал. Так он ковырялся на верхушке горы, пока не был сменен экскаватором «Марион».

Двойников Исаак Титович

Граневая выработка была зарезана со стороны Шихана. Требовалось во что бы то ни стало снять верхние горизонты Шихана. Там грунт скалистый. Только «Марион» мог справиться с этой работой. У «Менков» ковш слишком легок. Нужно было срочно собрать «Марион».

Мы собирали его около двух месяцев. С 1 августа по 1 октября 1931 года. Восемь человек сборщиков было: Криворучкин Василий, Насыров, Дьячков, Мамонов Илья, я и другие. Руководил Александр Николаевич Топорнин.

Ну и Хайнс, американец от фирмы, указывал кое-что. Он большую часть работал с электриками, тут он сам и установку и проводку производил. А по механическому монтажу мы и сами разбирались.

В это же время у нас была работа и с другим «Марионом», № 7. Мы возили на Шихан его части. Почему-то решено было восьмой номер собирать здесь, на Новом варианте, а седьмой — на Шихане. Сборка эта нам задалася. С первых же дней ненастье стало. Дождик порвал-порвал. А ведь части по 500—800 пудов примерно. Для перевозки применяли тракторы. Все это кругом скользит, мешает глина... Подолгу приходилось вытаскивать. Но кое-как мы части «Мариона» № 7 на Шихан притащили.

А тут и восьмой собрали. Начали выводить его на гору. Доехали до места, где разложили части седьмого. Дали нам сроку одну пятидневку, чтобы сложить восьмым номером все части седьмого. Мы применяли экскаватор восьмой как кран.

Ну, мы стены тут сладили, смонтажили все. Нижнюю и верхнюю площадки установили, части на них, лебедки, генератор и остальное. Справились за пять дней и дальше поехали. Стали выводить «Марион» № 8 на самую вершину горы. Старый экскаватор «Рустон» уступил свое место нашему.

Недавно было ровно три года, как я на «Марионе» работаю.

Первый раз пришлось работать в ночную смену. Я машину осмотрел и приступил к работе.

При таких крепких грунтах пришлось мне взяться за машину. Как он завоет, так веселишься только на нем. Он ведь красивый, в серебристую краску выкрашенный, блестящий такой. А рабочие на Шихане привыкли к «Рустону» маломощному. Тот на рельсовом ходу, а этот на гусеницах. Маялись на рельсах-то — то воды, то угля нет. А этот весь электрический, чистый.

Ну, они и думали, что, мол, такая чистая, красивая машина пришла да на такой крепкий грунт, что ж она тут сделает? Сразу, мол, разобьется о камень. Ведь кругом на ней все стекла, да что... А он как зачал ворочать! Тут увидели его силу-мощность.

Для «Рустона» каждый камешечек обуривали, а этот как начал глотать! Ворочает, поднимает, черпает. Зачерпнешь ковш, полный камней, породы, а вагонетки костромские уж малы кажутся, боишься в них как следует класть. Сразу не поглянулась нам работа на тех вагончиках. Узкая колея, транспорт задерживал. Кругом тесно.

Двойников
Исаак Титович

По первости что? Ясно — чувствуешь еще маленько себя не так себе, еще не усвоил как следует машину. Прислушиваешься — ладно ли она гудит-ревет, да чего... Правильно ли это все? Применяешься к ее верному визгу. Где не забренчало ли? Не греется ли где что? За всем смотришь.

Но уже чувствуется — на такой сидишь машине — все преодолеваешь. Видишь перед собой такие, как сказать, глыбы, что все это шевелится, качается, когда черпаешь — приятно!

Руки, ноги заняты. Одной рукой ковш подымаешь, другой в стену его толкаешь, ногами поворачиваешь весь корпус экскаватора к вагонетке, левой рукой крышку ковша открыл, порода посыпалась, а правой рукой уже гудок подаешь:

— Полна вагонетка!

Раз шесть повернешься — состав готов. Костромские пятикубовые вагонетки.

Ночь темная, а машина вся светится: все горит — и стрела и корпус, и внутри и снаружи... до 23 ламп, да еще два прожектора. Далеко мне видать из кабины. Весь Шихан электричеством освещаешь.

А светить очень надо. Мы над самым отвесом работали, над Граневой выработкой. По краешку уступа узкоколейка вилась. Чуть камень какой из ковша выдастся — уж падает в Граневую. Полный ковш когда подденешь, наклоняешь его к вагону — камни и сыпятся. Остерегайся, как бы там кого не убить!

С одного конца Шихана была берма тогда чуть начата. Дорожка узенькая по краю уступа. Первая берма. Начал ее «Рустон», а мы пошли продолжать. Но мы уже врезались в гору — по-настоящему, пошли бермой в 15 метров. За нами получалась уж форменная площадка, большой уступ. Потом-то свободно стало. Лишний камешек выпадет, никуда он не улетит, на площадке у тебя остается.

Для «Рустона» бурилась эта порода. Он не мог ее брать, хотя была она полурыхлая. А «Марион» глотал ее, сократив обурку наполовину. Он мог брать ее хорошо. А все-таки как паровоз уйдет на отвал, ты соскочишь, осматриваешь все, озираешься...

Смена кончилась. Я вижу— хорошо работа прошла. Рад-радехонек...

Американец сперва все беспокоился, сомневался:

— Кто из вас будет на нем работать?

Но когда увидал, то понадеялся уже, что мы можем. Днем он похаживал, посмотрит придет что, а ночью доверял нам одним.

После первой смены пришлось мне работать дальше.

Приходишь на работу, осмотришь части машины — годны они или нет. Смотришь все хорошенько. Помощнику скажешь:

— Все ли смазано у машины?

Проверишь его потом. Все как следует. Приготовлена машина к работе.

Мне очень эта машина понравилась. Приспособлено в ней, удобно все, сидишь в кресле в своей кабине, все рычаги перед тобой находятся. Начинаешь работать, моторы воют, механизмы визгом визжат. Повертываешься, куда только нужно, и чувствуешь себя в это время мужественно. Все внимание уделяешь правильности, чтобы вертелось и визжало, как надо.

Смотришь — горизонтом повыше другие машины видишь. Работают там бурильные станки Пузиновского, «Маршаль» и «Робей», бьют глубокие скважины. Потом эти скважины заряжают, экскаваторы убираются в безопасное место, и происходит взрыв.

— Хорошо бы хоть оторвало побольше!

Смотришь — взрыв вышел удачно. Подъезжаешь опять к забою на «Марионе» и давай класть в вагонетки куски крепких оторванных сиенитов...

Бурение и паление

Долженков Николай Константинович

В горной массе может содержаться руда, но содержится и пустая порода. Хорошо, если пустая порода, под которой лежит руда, мягкая. Но если над рудой наслоился камень, его приходится взрывать. Чтобы устроить взрыв, надо поместить взрывчатое вещество в отверстие среди твердой породы, заделать — «забутовать» — отверстие и воспламенить вещество. Тогда газы взрывчатки растолкнут, растреснут скалу. То же самое делают и с твердой рудой, чтобы разбить ее на маленькие кусочки.

Существуют три вида бурения: ручное, перфораторное, ударное.

Ручное бурение теперь применяют редко. Им пользуются только тогда, когда неудобно бурить перфоратором и невыгодно устанавливать ударный станок.

А раньше никакого бурения кроме ручного не было. Старые горняки вспоминают:

— Бывало, придешь на работу в шесть часов утра, сядешь и до шести вечера бьешь. Так вот маленько поворачиваешь да поколачиваешь. Воды подливаешь. Цыгарок накладешь кучу! Грязи...

Шестнадцать вершков хорошая выработка была. Одинова я 18 вершков выбил. Ходишь по забоям — гордишься: я сёдни 18 вершков выбил.

Одной рукой держишь, а другой — во всю моченьку дуешь. Вертится-вертится бур и, как червяк, выбивает скважину. От 6 до 14 вершков в смену в среднем вырабливали.

Затрата времени была большая, а польза самая скупая.

Ручные шпуры палили так. Их заряжали старым пушечным порохом с зернами, крупными, как бобы. Фитилей не было. Вместо фитилей применяли «зелинки» — палочки, намоченные в селитре. Такие палочки притыкали одну к другой несколько штук и последнюю зажигали. Они вспыхивали мгновенно. Запальщик не успевал убежать дальше сажени. Но так как порох был очень слаб, запальщик попросту увертывался от падающих камней.

Такая отпалка давала производительности не больше 10 кубометров горной массы на килограмм пороха.

Первый бурильный молоток-перфоратор «Джек» появился на руднике в 1904 году. И люди заговорили:

— Видали? Сегодня «Джеком» пять метров за смену выбито!

Но скоро бурильщик стал выбивать за смену не 5, а 28 и больше метров.

Вы слышите звенящее кипение в выработках. Это работает «Джек»-перфоратор.

В руках бурильщика продолговатый металлический шприц, вроде тех, которыми впрыскивают мышьяк. Но в больницах этот шприц стеклянный и маленький, а тут он величиной с лопату. И ручка на верхнем конце его, за которую ухватился бурильщик, точно у садовой лопаты. Середина шприца кругленькая и толстая, как цилиндрик. На ней навернуты краны и завитки трубочек. Снизу в нее воткнута самая игла шприца — бур, — которую бурильщик наставляет в камень. А от верхнего конца шприца далеко тянется по уступу пыльная извилистая кишка. Конец кишки привинчен к воздухопроводной трубе. По трубе и кишке в перфоратор «Джек» нагнетается сжатый воздух. Воздух вертит и толкает бурильную иглу — бур, сверлит ею камень. Если повернуть кран, то воздух проходит и по самой игле в нижний конец ее. Выйдя через отверстие в конце бура, он выдувает каменистую пыль из скважины.

Так работает бурильный молоток «Джек». Дело бурильщика — держать молоток в руках, правильно наставлять его, регулировать сжатый воздух.

«Джек» пыхтит и трещит, как мотоциклет, рвется из рук бурильщика. Все тельце его сотрясается при соприкосновении со скалой. Бур, точно зуб, выбивает мелкую дробь по камню, фыркая, выбрасывает из скважины набуренный каменный порошок. Но бурильщик привычно укрощает пыл «Джека», направляет его в центр камня, и игла заползает туда все глубже и глубже.

«Джек» применяется на вскрыше Шихана для разбурки больших упавших камней. Эту же работу он проделывает в выработках.

Основное же бурение выполняют станки ударного бурения: «Маршаль», «Робей», «Пузиновский», «Вирт».

Махнев Василий Иванович

Я было спервоначалу хотел в забой поступить. Прихожу в Большую выработку проситься. Вижу, парень сидит знакомый. Спрашивает меня:

— Ты зачем тут? Айда на Шихан к нам. Сейчас у нас в аккурат набор. Народу требуется много.

— Чего делать-то?

— На бурильных станках работать.

Записочку написал. Я отправился на Шихан. Заведующий меня сразу принял. На другой день я вышел работать.

Сперва-то дико, незнакомо все было. Пошлют меня за частью станка, а я не знаю, как она называется. Мастер, из раскулаченных, надо мной смеется:

— Вот ты здешний, работал на руднике, а не знаешь! А я издалека, да вот знаю!

Тут десятник Хрусталев подошел. Слышал это.

— Ежели ты, говорит, знаешь, то должен научить человека, чтобы и он знал. Чтобы также он работал, как ты, а может и получше тебя. Не надо смеяться над новичком. Смеешься — по рукам его сразу стукаешь!

Хрусталев шибко парень хороший. Такой подходчивый. Я ему говорю:

— Товарищ Хрусталев! Нас тут много неопытных. Нужно бы техучебу, чтобы скорее освоиться с механизмами.

— Собрание будем созывать, — отвечает он, — и это все выясним. Техчас нужно обязательно.

И действительно на другой же день все это провели через цеховое собрание. Стали после работы на техчас оставаться. 25 часов прошли — все усвоили, все шестеренки знаем.

Как из дому приходишь на смену, осматриваешь станок, спрашиваешь:

— Ну, что? Есть ли, нет ли с ним какая авария? Сколько пробили? На какую точку станок тащить?

Ведь если они пробили уже скважину дотказа, до заданной глубины, скажем, на 20 метров, то довольно, больше не надо бить. Другая точка дается. Столько-то отступя от первой скважины, указывают новую точку в породе — тут другая скважина должна быть.

Чтобы передвинуть станок к месту, где будет новая скважина, мы ищем за этим местом опору — пенек какой-нибудь, столб ли, камень ли, прицепляемся к пеньку проволочным канатом, а другой конец каната прилаживаем к валу станка. Пускаем мотор, вал крутится и наматывает на себя канат. Станок сам везет себя к месту работы.

А если близко «Марион», то «Марионом» станок поддергиваем.

Станок наш толстый, здоровый, неуклюжий, неловкий. Издали он кажется легоньким, а придешь к нему, ни пошевелить, ничего...

Подвинули мы его на место работы. Сейчас поднимаем

Бурение молотком «Джек»

мачту. Она складывается из двух здоровенных жердей, вверху соединенных, внизу расставленных, как лестница-стремянка, на вид. Чтобы мачта не шаталась, обе жерди подпираются креплениями — поджимками. Сверху на мачте между жердями два ролика. Она тяжелая, эта мачта. Сперва-началу ее чуть-чуть подымешь, подпорки эти подставишь и вздымаешь постепенно все выше. Восемь человек подымаем мачту.

Потом надеваешь канат на ролик и за канат подвешиваешь снаряд.

Снаряд наш из трех частей составлен. Первая часть — канатный замок, вторая часть — ствол и третья часть — долото.

Канатный замок за канат держится. Это просто железина такая с дырой. В дыру канат пропущаешь и делаешь конец толще, вроде узла, чтобы из дыры не вытаскивался. А к замку привинчивается ствол метров в 5—6, к стволу — долото. Оно небольшое, только с метр, а весит пудов семь. Конец долота, которым оно долбит, — как зубило. По обе стороны его — желоба. Как затупится немного конец, долото сымаешь и надеваешь новое. А тупое везут отвастривать. Долото у нас стальное, а ствол железный.

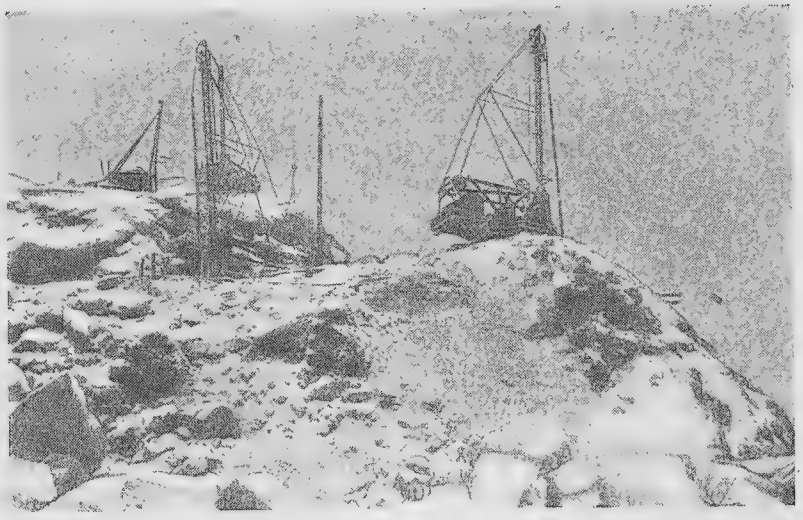
Снаряд весь длиной ну метров семь. Висит он на канате, как толстый лом. Долото поблескивает от солнца.

Включаем энергию. Ток в мотор идет, и мотор все механизмы начинает вертеть. Шестеренки вал дергают, на котором канат намотан, а канат приподнимает и опускает снаряд. Глядишь — долото уже вверх-вниз стучит-ходит.

Тогда мы начинаем забуриваться, в одно место долото направляем, в самую точку, какая нам указана. Долото ударяет в землю, земля-то раздается, и долото лезет глубже. Ежели мягкая почва, то сразу сантиметров на пять уйдет, а ежели каменистая, то хоть на полсантиметра.

Тут нам требуется вода обязательно для размягчения земли. В дыру, которую бьет долото, все время подливаешь воды. Камень рубится, мелкий перемешивается с водой и подымается вдоль долота по желобьям.

Продолбим с полчаса — чистим скважину. Останавливаешь станок, вытаскиваешь снаряд. Есть у нас такая штука «желонка». С виду она вроде трубы тяжелой — пуда два, поди, весит. Внизу у ней клапан есть для задержки воды с грязью. Клапан открывается внутрь желонки, если на него нажать снизу. А наружу он уж не открывается, плотно держит. Вот эту желонку мы с размаху опускаем в скважину вниз клапаном на тонком проволочном канате. Клапан стукается об грязь, приподнимается ею, грязь лезет во внутрь



Станки ударного бурения на Шихане

желонки. Когда же вытаскивать станешь, клапан опустится, у желонки получается донышко. И вместе с грязью вытягиваем ее наверх. Как подымаешь — тяжеленько чувствуется.

Воду с грязью мы выливаем в сторону, чтобы в скважину не угадала случайно. Опускаем опять снаряд и продолжаем буренье. На станке работают двое: подручный и мастер. Мастер следит за всем станком, мотор пускает, смотрит за шестеренками. А подручный направляет снаряд руками, вертит его, чтобы бил кругом. Держит он снаряд за поперечный брусок и все ходит, все ходит вокруг него, все топчется, точно со снарядом танцует.

Я был подручным. Мастер Лебедкин, из раскулаченных крестьян деревни Лебедкино под Ирбитом, вел себя так, как будто я поперек ему в чем-то встал.

В одно время собранье у нас случилось. Решили, чтобы экономство было всего: масла, солидолу, угля каменного. Даже тряпье для обтирки чтобы шло в конце месяца на обмен.

Провели мы решение, пришли на работу. Стали робить, Лебедкин говорит мне:

— Надо огня раскласть. Принеси дров.

Я принес.

— Что ты сырых-то принес?

— А где сухих взять?

— А вот шпала валяется. Ты ее и возьми. Изрубим ее — и только.

Я говорю:

— Да ведь шпала-то не для нашего огня дадена. Вот шпалу изрубим, масло на растопку сожгем... А ты слышал, что на собранье-то говорили? Ежели мы все пожгем да изрубим, так потом-то где нам брать это наново?

А он:

— Ох, сразу и струсил! Больно ты какой экономный на все стал.

Я говорю:

— Ежели не будем мы экономны да друг за дружкой перестанем следить, так никогда нам и цену тогда не снизить, себестоимость.

Тут и поссорились мы с ним вот из-за этого, поругались.

Другой раз сидит он возле трех угольков, греется. Руки греет. Я на него:

— Ты что тут сидишь-то, греешься? Пошел набрал бы дров, отогрелся скорее и станок бы пустил, работал бы.

— А ты что за начальство надо мною распоряжаться? Что хочу, то и делаю. Тебе дела до меня нет никакого.

Так мы смену эту с ним и доработали кое-как. Все-то у нас было в ссорке, он мерз, а я бегал, норму мы и не выполнили. Да и сняли меня с работы пораньше на постановку.

На другой ли, на третий ли день стали мы получать листки продуктовые. Получили, как полагается, — ему первый список и мне первый список. Только отошли, он и говорит:

— Фу, ведь мне еще надо бону получить. Совсем забыл.

Я спрашиваю:

— Какую бону?

— А как же, мне ведь по ведущему списку дают. Бону на муку полагается.

Эта бона — значит контрамарка такая на добавочные два килограмма муки для ведущих профессий. По первому списку пуд дают, а по боне еще два килограмма.

— Как это так тебе бона? Тогда и мне полагается ее получить.

А он:

— Это твое дело. Проси. Может быть и тебе дадут...

В тепляке все это происходило. Я и спрашиваю того, который выдает боны, — он тоже был Лебедкин, однофамилец:

— Товарищ Лебедкин! Как это вы боны даете? Ему вот дали. Тогда и мне полагается получить...

— А ты кем работаешь? Мастером или подручным?
— Подручным.
— Подручному не полагается...
Ну, я значит на этом и успокоился, что не полагается. Некогда мне было шибко тут с ними аркаться. Но подозрительно показалось.
— Чего-то, думаю, тут неправильно...
На другой день я увидел сменного техника Коробицына.
— Товарищ Коробицын, как же это вышло так? Моему мастеру дают боны, а мне нет...
— У нас их никому не разрешали! Забойщикам только лишь полагаются боны. Пойду сейчас выясню, как это получилось...
Через день ли, два ли выяснилось, что неправильно была получена эта бона.
Вскоре того Лебедкина, что листки давал, сняли с работы вовсе. Не знаю уж, по этой ли вине, по какой ли. Встретил я его раз на Шихане. Шел он откуда-то. Я спрашиваю его:
— Вы, товарищ Лебедкин, в случае не из одной ли деревни с моим мастером будете?
— А для чего тебе это?
— Да так, между прочим...
— Хотя бы и из одной, так тебе-то что из этого?
— А то, что как из одной вы деревни, и бону ту удружил ему, земляку. Оба вы и Лебедкины.
Он тут надулся:
— Вы только склоку создаете одну! Боны были совершенно правильно выданы. И бузить было нечего.
Повернулся и ушел, разговаривать не стал больше. Только вспыхнулся весь краской. А ведь он состоял в партии...
Осенью 1933 года его из партии вычистили.

Долженков Николай Константинович

Массовый взрыв ударных скважин на краю Шихана с обрушением породы в Граневую выработку, произведенный 17 августа 1932 года, удался на редкость.
Палили 51 скважину, глубиной каждая до 18 метров, расположенные в длину на 121 метр и от края уступа на 12 метров.
Скважины были пробурены электрическими станками ударного бурения системы Пузиновского.
Скважины располагались так, как будто кто-то всаживал исполинские грабли в край Шихана, чтобы стащить

этот край в котлован Граневой выработки. Каждая скважина казалась следом от одного из гвоздей граблей.

В скважины всего опустили 7 тонн амонала. Все скважины были соединены электрическим проводом для одновременной запалки. Люди собрались на старом отвале в расстоянии километра от места взрыва, чтобы посмотреть, как динамит отхватит кусок горы.

Через пять минут после третьего сигнала запальщик включил ток. Гора глухо ахнула. Край Шихана обрушился в Граневую, точно огромный серый занавес. Кверху взметнулась пыль, каменные глыбы скатились в яму. Щебенка долго текла потоками по уступам.

Этот взрыв освободил от пустой породы широкую кромку на отвесе Шихана и дал 12 тысяч кубометров бутового камня для новостроек.

Отвалы

Дмитриев Петр Прокопьевич

Я пришел на Шихан, когда днище «Рустона» еще только стояло. Только одно днище, или, так сказать, рама привезёна была. Это весной тридцать первого года.

Мастера днище подняли на домкраты, а я стал дорожку стелить под ним. Он был на колесах, этот самый «Рустон», и стоял он на самом краю Шихана.

Наладили мы под него дорожку, мастера его начали собирать. А я дорожку дальше повел к отвалу. Путь к отвалу шел шириной на 2½—3 метра в среднем. Только шпала еле-еле уходила в него. Шли по откосу горы. Гора ведь покатая. Кайлами, лопатами взрезали ее и шли.

Сразу под нашей дорожкой — обрыв. Местами и пройти невозможно — склизко. Породу мы тут же спускали вниз, а сами, ровно мухи, лепились.

Провели пути метров на пятьдесят. Мотовоз к нам наверх тракторами втащили, двумя тракторами захватывали его в самую гору-то. Поставили на рельсы. По две коппелевских вагонетки он стал тянуть. У нас их всего только две и было.

Несколько дён проработал он, но не столь работал, сколь срывался. Идем, бывало, человека три-четыре за ним с вагами, провожать. За двумя вагонетками четверо провожатых! Без счету раз срывался, покуда до отвала дойдет. Узкая очень была дорожка, и выпрямить ее не могли. А он по кривулям не умел ходить. Были тут и подъемы и спуски, не так аккуратно прошла дорожка.

Мы его скоро отставили. Дали нам узкоколейный паровоз на Шихан. Этот уже возил по три костромских вагонетки. К нам их вместе с паровозом втащили. И люди удивлялись внизу, что по Шихану побежал паровоз.

Один раз пришел ко мне старик, старый-старый. Борода-то — во! Седая.

— Я издивился весь. Иду за грибами вокруг Махнита и вижу, что на Махните бегает паровоз. Дороги никакой не видать, а он бегает. Я и пришел: чего такое?

Я объяснил ему. Я работал бригадиром отвалов и бригадиром дорожки.

Дмитриев
Петр Прокопьевич

Отвалы для вскрыши нужны. У нас вот под горой руда ведется. Надо много взять кубометров пустой породы, чтобы до руды дойти. А куда девать пустую породу? Для нее-то и делается отвал. Отвальное хозяйство надо вести с умом. Вот под нашим отвалом стоят строения. Мы, по-глупому, могли бы их завалить. А мы вперед прошли, берегем их. И дойдем так до Верх-исетской ямы, в которой вода громадная. Будем эту яму заваливать.

Шли мы, где по краю горы, где с устоев. Устои деревянные делали — столбы ставили, по ним стлали рельсы и пускали поезда с породой. Нам дорог был каждый метр. Как бы пробраться вперед побольше, еще расширить отвал... И до сих пор у нас есть забота эта.

Шли мы в узком положении, чтобы нам кое-как хоть бочком пробраться. Валить сначала приходилось только на одну сторону. А как вышли на уступ, стали валить на две.

Я командую над отвалом и над дорожкой. Мое дело — приготавливать все время отвал, чтобы было куда валить породу, чтобы экскаваторы не стояли.

Проложишь устои, первым долгом приготовишь и в аккурат настелешь дорожку. Все взоры вперед у нас, чтобы был от забоя отвал подальше. Нам надо отвал как могà продолжить вперед. Вдруг потом на этом месте вскрышу придется делать. Но и в стороны отвал расширяешь,

Главное дело, чтобы дорожка все время шла по краю и по концу отвала. Чтобы высыпанная порода скатывалась вниз под отвал. Чуть зазеваешься, не передвинешь дорожку, и уж валят не под отвал, а возле самых путей. Отчищать пути надо много рабочей силы. Да пока мы эти пути откапываем да переносим дорожку — проходит время. И паровоз и экскаватор стоят. Валить им некуда.

То же самое бывает, когда устои совсем засыпешь. На ровном месте, на южном борту, там делают по два отвала сразу. Пространство им позволяет. Один отвал работает, другой они подправляют. А мы уж должны за своим за единственным глядеть в оба. Мы с ним бочком пролазим. Очень напряженно мы робили эти годы. Ведь Граневая зарезана, надо скорее вскрывать Шихан, надо как мога скорее работать. А кое-кто противится быстроте. Приходилось такое сопротивление сламливать...

Вот помню я один случай.

Месяца три прошло с начала работы нашей. Дело было под осень 1931 года. Пригнали к нам партию заключенных работать. 15 человек их ко мне на отвал дали. Начали работать они.

Раз тащили мы паровоз, да сажени три до рельс не дотащили, поставили. Дальше уже трактору итти было нельзя — стена мешала. Пришлось паровоз нам подводить к дорожке. Рейками мы его подымали. Возьмешь две рейки, вздымешь один бок, отведешь его, как на ваге, и потом переходишь на другой бок. Так постепенно и отводили.

Работали мы над этим с 6 часов утра и до 5 вечера. Я все своих ребят торопил. Машина ведь стояла. Из-за торопления-то все и вышло. Один из них был пожилой, седоватый. Глаза у него просто дурные какие-то. Взгляд некрасивый, страшный. А телом жидкий. Одет он был в холщевом, в порванном. Работал под нажимом. Посколь наряжаешь, постоль работает.

Как раз мы паровоз подымали. Говоришь ему:

— Ты так вот клади шпалу, как надо мне!

Командуешь. А они не так кладут доброкачественно, как надо. Могли уронить паровоз. Могла и сорваться вага, их же ударить. Я не стерпел и ругнулся матерно. Отматерил в сердцах. Тут он мне посулился:

— Я четыре года имею, а могу поиметь и десять. Меня за полсотни годов моих никто ни разу не ругивал!

Это он к тому сказал, что мы робили на обрыве самом. Он мог бы меня столкнуть с Махнита.

Отвечаю ему:

— Ты больно-то меня не пугай, я не робкий. Хоть я и один среди вас, заключенных, а шибко не обробею!

Потому я так сказал, что некоторые ребята из них ко мне уже попривыкли — Борька Фролов, Казанкин, еще кой-кто... После я им напомнил:

— Вот чего мне тот мужик посулил!

А они говорят:

— Он обозленный. У него 18 фунтов золота отобрали да сотни три лошадей, а мелкого скота и не сосчитать. У него у четырех сыновей и сейчас еще есть лошадей по тридцать. Он потому и злой такой, что кулак.

Крючков Дмитрий Васильевич

Я работаю 2 года 4 месяца на экскаваторе «Марион» № 8 помощником машиниста.

Придешь на машину, начинаешь осматривать, принимать ее от смены. Приступаешь к смазке машины. Потом машинист работает, а ты следишь за нормальным ходом. Мало ли там: вышла смазка из подшипников, или где-нибудь болт вышибло, или втулка вылетела. Во время отлучки машиниста на обед садишься за рычаги. И так, когда пристанет машинист, заменяешь его. Машинист мой — Алексей Ткачев.

С конкурса предприятий черной металлургии, организованного в 1933 году «Правдой» и Наркомтяжпромом, переворот получился в отношении к делу и администрации и самих рабочих. Началась правильная расстановка сил, хорошая уборка, улучшился досмотр за машиной. Добились по цеху 100 процентов. И стали перевыполнять программу.

Один раз наш экскаватор в ночную смену дал 50 думкаров вместо заданных 20. Как это вышло?

Пришли мы на свою третью смену. А вторая смена дала 47 вагонов.

Мы с ней соревнуемся.

Сменный техник говорит:

— Хотя бы дайте половину того, что дала вторая смена.

Я говорю:

— 50 вагонов дадим, если не задержит паровоз.

Забой был хороший. Взорвано много было. Мягкий забой был. Я машинисту сказал, какую на себя принял норму. Он отвечает:

— Давай садись и работай.

Правда, и он клал в эту смену немного, но большей частью я клал. Не терял ни одного момента. Сразу, как паровоз уйдет, припасал ковш, припасал породу, чтобы

класть в думкар. Уже как паровоз начинает подходить, у меня полный ковш на камне стоит. Сразу поднимаю и опрокидываю в думкар. Тут же зачерпываю — и другой кладу. Думкар наклал, машинист видит, сразу дает свисток кондуктору и — на отвал.

Не такая была скорость, как поворотливость всей бригады. И мне жарко было. Устал шибко. Усталость, главное, была в ногах. Педали все время давишь ногами, от этого он делает повороты. Правой ногой — вправо, левой — влево. Всю смену вертелись, чтобы разрушить забой, приготовить для кладки. Забой очень высокий был. Но как устанешь, машинист садится на место, заменяет тебя.

Мы оба старались с ним просто бесперебойно. Ругались, когда долго паровоза нет. Именно хотелось побить ту смену! Ведь она дала 47. А 50 у нас ни одна смена не давала ни разу.

Когда машинист работал, я лазал по экскаватору, смотрел, нет ли каких признаков аварии. Очень боялись, что поломка сорвет нам работу. Или я ездил на паровозе смотреть, готов ли отвал. А то мы завалим весь отвал, и наша смена вдруг кончится, пока они будут относить дорожку. Но с отвалом все вышло благополучно. А к концу смены

Экскаватор «Марион»

плохо стало с забоем. Породы не стало хватать. Ковш не доставал до забоя. Тогда машинист паровоза, бригадир отвала и я залезли наверх забоя и стали спускать взорванную породу ломками, трубами. Ветер был сильный. Темно было шибко. Пасмурная погода, но дождя не было.

Тогда нам уже хватило доработать до 6 часов утра. Когда дошли до 39—40, сами удивились. Сменный техник прибежал, говорит:

— Молодцы, ребята, как сработались сегодня!

С радости дал три бирки ударных на обед не разглядя. То скуп был, а тут раздобрился. Уже прогудело 6 часов утра, опять породы не стало хватать. Машинист паровоза приехал, говорит:

— Давайте наложим 51.

Наложили думкар, но в это время явилась смена. Под конец уж азарт взял, хочется обязательно дать 50 думкаров. Забыли и про усталость, про все. Только нажимали на выдачу.

Так мы дали 50 вагонов в смену при работе на один думкар. Это было в ночь на 16 сентября 1933 года. С тех пор никто еще не давал столько...

Хорошо работать на экскаваторе. Нравится мне. Я люблю машину ужасть как. Сперва, как я пришел на машину, думал:

— Как же я научусь? Да будет ли ковш подыматься? С какой же головой там сидит человек, который правит такой громадиной? Так спервоначалу казалось. Сядешь за машину, те же рычаги тянешь, а у него ковш так, у тебя иначе. То канат опустится, то ковш на себя мало возьмешь.

А теперь я сам учу ребят из горпромуча. Даже как-то не верится, что научился на такой машине работать. Сидишь в кабине на верхушке горы, под тобой весь город. Вот, думаешь, какую должность ты занимаешь!

Машины и люди

Серебряков Павел Киприянович

Машинист Леньков Павел чересчур возомнил о себе. Захотел он свое леньковское лицо показать и заявил расчет:

— Я прекрасный механик! Без меня не обойтись руднику! Давайте расчет мне!

В это время образовалась группка человек в 5—6 машинистов — летунов с других предприятий и новостроек. Когда начали мы покрепче вводить порядки в связи с перестройкой по Донбассу, эти люди забарабили:

— Мал заработок!

— Невозможно в рудничных условиях работать!

— Недооценка машиниста паровоза на руднике!

— Или выше заработок или расчет!

И это говорилось тогда, когда все внимание уделялось машинистам паровозов и экскаваторов. Они хотели сорвать работу.

Тогда лучшие машинисты в порядке сдельщины вырабатывали по 500 рублей, а эти гаврики ухитрялись не подниматься выше 350. Виновата была их собственная халатность. Возглавил рваческую компанию Леньков.

На первом же партийном собрании поставили вопрос о Ленькове. Здорово обсудили. По совести сказать, я до этого раза таких прекрасных выступлений от наших рядовых ребят и не слыхивал. Подъем какой был! Ведь первый год выполняется программа по вскрыше, соревнование, конкурс, а тут такая история. Это 1933 год.

Кузя Дорофеич тут выскочил:

— Выгнать Ленькова из партии безусловно.

Так и решили. Исключили Ленькова из партии и предложили администрации уволить как прогульщика. Вместе с ним и всю компанию выгнали.

Прошатался Леньков где-то шесть месяцев и вернулся с покаянной головой на Высокую. Отмежевался в газете от своего поведения. Сейчас хорошо работает. Бригадир паровоза.

Каретникова Анна Ивановна

25 декабря 1925 года я поступила работать гонщицей в Большую выработку. Тогда там было много коней, возили руду на эгакаду и на погрузку. Я возила больше своих связчиц, потому что они заезжали часто греться в тепляк. Работали мы рядом с Котовым. У него все гонщицы ездили тихонько, а мне надо было возить побольше да поскорее, я не любила сидеть в тепляке, и гонщицы меня не любили:

— Вот, говорят, жадная!

Коннозабойщик Вересов, у которого я работала, не любил плохо робить.

Бывало, гонщики у Ильи Котова подолгу сиживали на свалке. Я два раза успею съездить, а они все сидят. Но я все же была ударница и соревновалась с Тимой Титовым.

В 1928 году меня выдвинули. Нас выдвинули троих: меня, Горбунову Анну и Соловьеву Веру. Горбунову на компрессор, Соловьеву на водоотлив, а меня на подстанцию.

Но я сбежала обратно на гонку, потому что была темная. Я боялась даже телефона. Исаак Двойников долго меня ворачивал на подстанцию, но я не послушалась.

А в 1931 году у меня открылось желание работать на машине. Я пошла в отдел кадров. Там были Авраамов и Вячеслав Алексеев. Я сказала Алексееву:

— Нельзя ли куда-нибудь на машину?

Он ответил мне:

— Некуда.

Тогда я подошла к Авраамову, и Авраамов меня направил на мотовоз. Но мотовозы скоро перестали работать, и я осталась в дорожном депо.

Тут я работала со слесарем и кузнецом Пашковским. Клепали борта к вагонам. Меня за это премировали мануфактурой, рейтузами и чулками.

Затем я перешла на компрессор в Граневую выработку. Там я работала тоже очень охотно. Мне хотелось все узнать. Машинист Масленников мне обо всем рассказывал, я записывала, учила. Масленников хорошенько расскажет, а потом спросит:

— Ну-ка, Нюра, расскажи!

Я ему рассказываю. Ежели неправильно, он подправит. Потом меня перевели на подъемник, и там я проработала лето. Потом перевели на лебедку в Большую выработку. Там я работала осень, зиму провела на водоотливе, а сейчас работаю на насосе в экскаваторном цехе.

Быков Григорий Семенович

Когда на рудник первый экскаватор пришел, я на конях еще робил. Начали собирать его на Старом варианте у рудовесной. Я в это время как раз отробился, выехал из выработки, вижу — части подтаскивают какие-то машинные, сгружывают. Я подошел ближе. Спросил:

— Что это за штука?

Мне рассказали, что паровой экскаватор. А от брата — паровозного машиниста — я слыхал уже о золотниках. Я спрашиваю:

— А как же золотники у него будут работать?

Сборкой руководили двое: Насыров и еще какой-то большой.

Большой говорит:

— А знаком ты с золотниками?

Тут он меня по всем статьям погонял. Я ответил на все. Он тогда говорит:

— Вот Раскатов придет, мы тебя к себе возьмем. Айда с нами робить!

Раскатов меня принял. Я утром на другой день в запоне к ним робить пришел. С неделю робил в запоне. Они смеются:

— Сними запон, а то мы тебе отрубим его!

После сборки экскаватора я стал робить в кузнице с Иваном Петровичем Крючковым, отцом Агафона.

Вот старик работник, так работник! От него бежали молотобойцы. Он сильно робил, покурить не даст. Придет, заведет 7 часов полностью и конец. Сбежал от него Шелудяков Степан, кандидат партии:

— Я лучше расчет возьму, только не буду с ним робить. Замучил прямо ведь!

Иван Петрович думал, что я тоже сбегу. Я хоть и уробился первый день, ну а все-таки не поддался:

— Давай, Иван Петрович, еще чего-нибудь сделаем?

А он:

— Нет, так хватит. Знать, тебя не уробишь, как Степку Шелудякова. Завтра еще испытаем. Много дней впереди. Не откажешься ли?

И так пятидневку я с им сробил. Он тогда сказал:

— Ну, ты теперь окреп. Будешь со мной робить...

А я все нарочно к нему:

— Давай сверхурочно еще что-нибудь сделаем.

— Ну тебя к шуту! Ты теперь втянулся в работу да молодой — две смены вытерпишь робить... Закрывай кузницу да айда домой.

Пасыров Валей — бригадир экскаваторщиков

Проработал с ним целый год...

Прытко робит и легко.

Бывало, придешь с похмелья, он взглянет, нос свой в бок вздернет:

— У-у, мать, с похмелюги?

— Я пиво пил...

— Ну пиво, так ничего, а водку не пей.

А рассердится — молчит, цельный день ничего не скажет. Носом своим шмурыгает в сторону и молчит.

Кто-нибудь рассердит его, и он ничего цельный день не скажет. Но я с ним не ругивался.

Чернышева Таисия Зиновьевна

Вот слышу — будут пускать фабрику Тимошенко. Я пошла посмотреть. Собрались — пустили.

Торжественный пуск был неудачен. Мойка долго не шла. Я в это время как раз искала работы. Решила через партком действовать. Секретарь Холодилов направил меня на мойку.

Не прошло и двух часов, как мне приносят записку: «Чернышева! Иди в барак в сторожихи».

И вот я сторожиха у нацмен-татар. Перво они несмелые были, стыдились, что я им прислуживаю, но потом быстро

привыкли. Они ребята были шибко хорошие. Кипячу им чай, мету, мою пол. Сжилась с нацменами и педагогом у них стала.

Но вскоре я решила нацмен оставить, хоть и жаль было хороших ребят.

Пришла я на мойку. Повсюду наставлены молодые работницы, которые раньше и на руднике не бывали. Швецов согласился принять меня на работу.

Началась моя работа на мойке. Смотрю — Бубнов каждый день пьяный. Рабочие недовольны — не знают, за чего работают. Рабочий конкретно хочет добиться, по какому разряду он работает, но никто ему не может сказать. Некоторые рабочие плюнут, уйдут с мойки, а некоторые все-таки оставались. Тогда на мойке Тимошенко работали украинцы да мои нацмены-татары.

Начнем робить, а дело не клеится. Зав — пьяный, руду девать некуда, отвалов нет, простои ужасные...

Я часто стала думать:

— Что же это у нас дело нейдет? Дорожку на бункер провести даже не можем... Задание не выполняем...

Погода золотая стоит, а робим мы еле-еле...

Машина моет нам руду, а мы перекидываем ее вручную. Прежде чем работу начать, надо свалить вагоны и руду руками перекидать.

Бились мы, бились, и решила я писать письма, куда следует, что не вредительство ли на руднике...

Вот сменили зава Бубнова, принял мойку Тимошенко Александр Григорьевич Клюжин, и сразу стало видно хозяина. К Бубнову много народу ходило, и каждый распоряжался, а Клюжин сразу кое-кого погнал и водворил порядок. Прокладка дорожки на бункерный мост все не начиналась. Клюжин воевал, чтобы проехать на этот мост, но кто-то, неизвестный, препятствовал. Время шло. Простои нас все душили...

Он все меры принимал к улучшению работы мойки, но никто из начальства не слушал.

Бывало, придет Францев, сонливо посмотрит на это дело, уйдет. Придет Каписко, навалится на перила моста, подремлет, уйдет тоже...

Клюжин решил во что бы то ни стало пробраться на бункерный мост с дорожкой. Вовсе не стал домой ходить. Живет день и ночь на мойке. Начали прокладку дорожки, проложили ее, повезли руду с мойки на Новый вариант и на бункер.

Это было к зиме, уже при Давыдове. Вот и зима.

Я думаю: «Надо получить квалификацию». Иду работать

в механический цех. В конце 1930 года поступаю на подъемник № 2 в подручные к машинисту Дмитрию Краснобаеву. Мы с ним начинаем вдумываться как бы лучше поставить работу. Решили организовать сквозную ударную бригаду имени «Голоса горняка» — нашей многотиражки. К 1 января 1931 года организовали бригаду из 28 человек. Все закрепились на первую пятилетку. Нашему примеру последовали остальные рабочие Большой выработки. Цех загорелся энтузиазмом. Каждую минуту рабочего времени наша бригада использовала для дела и получила хорошие результаты. Но вскоре подъемник № 2 был остановлен, бригада распалась, и я ушла на компрессор.

С февраля 1931 года по октябрь 1932 года я работала сначала подручным, а потом и машинистом компрессора, все время неся общественную нагрузку.

4 октября 1932 года меня отправили учиться на женорганизатора. Проучилась я месяц по всем вопросам весьма удовлетворительно. Пришла с курсов на рудник. Мне дали работу женсекретаря парткома. Работа среди женщин трудная, но делать нечего. Сколько я ни отлынивала, видно, ничего не поделаешь... Кому-то надо и это дело вести...

Женорганизатором я пробыла до осени 1933 года, а сейчас работаю помощником машиниста нового компрессора «Борзиг».

Паровоз и думкары на отвале

Еще в 1930 году рудник наш работал в основном на лошадях. Дремлют, бывало, качаются, тянутся над извозом гонщицы на двуколках, от нечего делать распевают частушки, мурлычат, как кошечки...

В Граневой тогда было два компрессора «Атласа», 14-кубометровые, и один Харьковский — 30-кубометровый. В Большой был 11-кубометровый компрессор. Да еще кое-где попыхивали крошки передвижные компрессорчики. Производственная программа выполнялась на 30—40 процентов. Потрещат немного и довольно. Бурильным молоткам воздуху нехватало.

Но рудник стал механизироваться, воздуху потребовал больше. Надо ставить мощную компрессорную. Кустарщиной заниматься уже не время. Выписали из Германии силач-компрессор «Борзиг». Построили новое красивое здание компрессорной. В нем будут установлены три «Борзига», пока смонтирован и пущен один. Он дает сжатого воздуха 64 кубометра в минуту. Весь рудник может причаливаться к магистрали нашего «Борзига». Хватит на всех.

«Борзиг» наш очень жадный. Аппетит у него большой на электроэнергию. Если не дать ему 600 вольт, он и с места не стронется. Добавляем ему пищи пока от своей динамо. Но уж если пошел «Борзиг», то он стойко выдерживает, как бы его со всех сторон ни подсасывали.

Он требовательный, весь блестит чистотой. Он и не говорит, как старые компрессора говорили, а молчанием заставляет нас ухаживать за собою.

У нас работает кадр лучших слесарей-машинистов под руководством механика Александра Николаевича Топорнина.

Пестова Галина Кирилловна

Я дочь старого горняка Кирилла Ивановича Пестова. Сорок ли, сколько ли лет он проробил на руднике. А мне только семнадцать лет. Я комсомолка. До десяти лет я дома была, а потом пошла учиться. Училась я в школе четыре года, а на пятый пошла в горпромуч учиться на машиниста экскаватора. Мне стали ребята дома говорить, что тяжело тебе будет на экскаваторе работать, не твоя это совсем работа. И я через год перешла на специальность электромотористки.

В марте 1933 года я кончила горпромуч и с апреля работаю на фабрике мотористкой на элеваторе. На самой верхней площадке над элеватором стоит мотор в 40 киловатт, который его вертит. Реостат стоит возле мотора на полу, а рубильник привинчен к столбу. Я похаживаю возле них, слежу

за работой мотора и элеватора. Бывает, сходишь вниз, поглядишь, не сошел ли элеватор с цепи. Мое дело, чтобы мотор был чистый, в исправности, чтобы кругом подметено.

Приходишь на смену:

— Ничего не сломано?

— Ничего. Все в порядке.

Включаешь рубильник. А если работает, то на ходу принимаешь. Ковши ползут во все стороны, брызжет грязь, и вода летит. Особенно когда перегруз. Все трясется, пол дрожит, даже мотор колеблется. Ремни шумят здорово, а мотор сам не очень. Руда из ковшей валится через люк в бутару, грохот, лязг. Можно оглохнуть. А бутара загремит — так орешь-орешь и не можешь докричаться кого надо.

А все же я люблю работать на нашей фабрике. Привыкла к шуму. Как простой — сразу скучно становится.

Когда сваливают думкары, вертится элеваторная цепь, работает мотор — мне весело, и смена проходит быстро.

А во время простоя грязь-то таскать не шибко важно. Гонщикам работать было куда хуже. Я знаю об этом из рассказов моих братьев. Будь старое время — сейчас бы мне как раз и гонять. А я вместо этого управляю мотором на фабрике.

Только и досадно от аварий. По моей вине аварий не бывало. Пробочки не сжигала.

В сентябре так, в начале, в смене Ведерникова или кажется Диомидова такое случилось. Цепь элеватора оборвалась, и весь элеватор слетел в зумпф. У зумпфа в это время не было никого — ни инженера, ни рабочих. Элеватор утонул, и этого никто не видел. Приходит сменный инженер.

— Элеватор украли!

Потом-то смеялись. Но смех это плохой. Надо было бы работать, а тут полмесяца копались, добывали элеватор лебедкой.

А сколько бы тонн тут руды выдали!

Партработа

Кузнецов Абрам Зотеевич

*Л*етом 1930 года я работал председателем шахтного комитета Граневой и Большой выработок. Секретарем шахткома был Петр Федорыч Краснобай. Он был сторонник конницы, которая через него пыталась влиять на других партийцев и на беспартийные массы рудника. Краснобай бывал недоволен, когда обижали конницу. Случалось, что он выступал на собраниях с явно оппортунистическими речами.

Я подправлял и одергивал его, где только возможно. Но заседательская система профсоюзной работы, которую проводил новый председатель рудкома Козлов, связывала меня по рукам и ногам, отрывала от конкретного дела.

Козлов был криворожец, не знал уральских рудников, не понимал нашего производства, наших рабочих кадров. Работа шла вкривь и вкось. Осенью 1930 года обновленное партийное руководство горы Высокой после многих попыток научить Козлова работать решило распустить президиум рудничного комитета. Поводом послужила скандальная история с мариновкой нескольких сотен рабочих рационализаторских предложений. За это безобразие, а также за опошление соцсоревнования и ударничества, на общерудничной конференции профсоюза старый рудком распустили и выбрали новый. Активность на конференции была очень высокая. В торжественной обстановке избрали в новый рудком Федора Данилыча Козьмина, Анатолия Стаканчикова, Мишу Мамонова и других товарищей...

С февраля по декабрь 1931 года я работал председателем рудкома Высокогорского железного рудника. Я был членом бюро и активным участником работы партийного комитета. Об этой-то работе мне и хочется рассказать.

Вначале мы работали бессистемно, порывисто, компанейски, болели штурмовщиной и митинговщиной. Это про нас говорили в городе, что когда ни придешь на рудник, там все или на собрании или на субботнике. И все же мы сделали за этот суматошный 1931 год огромную работу. Мы вздыбили рудник и направили его по новой дороге.

Сейчас было бы глупо оправдывать и защищать штурмовщину. Сейчас октябренок и тот знает, что работать надо планомерно, а не рывками. Но тогда, когда рудник реши-

Коряков Михаил Антонович — секретарь парткома горы Высокой в 1931—1932 годах

тельно ломал свои вековые мелкособственнические традиции, приходилось действовать напором. Прежде всего мы старались всемерно укрепить и усилить ряды партийных ячеек рудника. Рост организации был значительный. Секретарь партийного комитета Михаил Антонович Коряков, сам гальянский, шмыгал по выработкам, постоянно беседовал с горняками, исподволь вербовал кадровиков в партию. Возвращаясь в партком, он говорил удовлетворенно:

— Настроение у мужиков ничего... Хорошее...

В партийный день руководители-коммунисты распределялись по важнейшим ячейкам. Давыдов обычно шел в Граневую, Коряков — в Большую выработку, я — на погрузку или в механический цех. Другие члены бюро расходились по остальным ячейкам. Мы устраивали открытые партсобрания, привлекая на них беспартийных рабочих. Там обсуждали решения партии и правительства применительно к рудничной обстановке. Часто шла речь о внутрипартийном единстве, о борьбе партии на два фронта — с контрреволюционным троцкизмом и его союзниками — группой Зиновьева и Каменева — и правым оппортунизмом. С огромным интересом прорабатывали наши ячейки исторические речи товарища Сталина об овладении техникой и о шести условиях. Партийцы и беспартийные тут же вносили практические предложения о том, как применить указания товарища Сталина на своих участках работы.

Но к сожалению организационная расплывчатость, отсутствие проверки исполнения — часто срывали самые лучшие пожелания. Мы любили действовать натиском, атакой, лихим наскоком и редко возвращались кропотливо контролировать, что сделано и что нет.

Замечательная речь рулевого большевизма Сталина о 6 условиях победы попала к нам на рудник во время партийной конференции горняков. Я помню, как Давыдов с подъемом цитировал в своем докладе на конференции отдельные места из этой речи Сталина, напечатанной в «Правде». Конференция сразу же превратилась в штаб борьбы за внедрение 6 условий нашего вождя в рудничную работу. Задачи борьбы с обезличкой и уравниловкой, вопросы введения хозрасчета, улучшения бытовых условий рабочих, воспитания новой интеллигенции и более смелого привлечения к работе старой — обсуждались на все лады. Механизация же процессов производства на руднике была одним из важнейших вопросов повестки дня.

Вскоре после конференции мы получили постановление правительственных органов о перестройке системы зарплаты в горнорудной промышленности. Вот тут-то мы с головой ушли в практическую реализацию одного из важнейших условий товарища Сталина — о правильной организации оплаты труда рабочих. Все руководящие партийцы горы Высокой были посланы в смены и бригады цехов для подробного разъяснения сути этого нового мероприятия партии и правительства. Каждому рабочему мы разъясняли на конкретных примерах, что новая система зарплаты дает ему возможность значительно повысить свой заработок при условии повышения производительности труда.

Помню, каким образом мы проводили кампании: колдоговорную, тарифную перестройку, перевыборы бюро партячеек, подписку на заем и др. Особенно памятна мне займовая кампания лета 1931 года.

Условия работы тем летом были очень сложные и тяжелые. Подрядчики отчаянно сопротивлялись механизации. Это не могло не отразиться на настроениях горняков. Но пятилетка требовала средств на проведение индустриализации страны. Заем «Третьего, решающего» надо было во что бы то ни стало распространить.

Мы парились днем и ночью, проводя цеховые собрания в трех сменах, убеждали рабочих подписываться на месячный заработок. Сначала, как и всегда, подписка пошла бойко. Актив, передовые рабочие-коммунисты, охотно давали заработок взаймы государству. Но вскоре дело застопорилось. Особенно упорствовали в отказе от подписки не-

которые отсталые служащие. Смыкаясь с остатками подрядчиков, они самым худшим образом влияли на массу беспартийных рабочих. Тут могло помочь только искренное революционное выступление одного из самих беспартийных кадровиков, воспитанного нашей партийно-массовой работой. Такое выступление пробило брешь в настроении массы, отслоило пролетарские элементы от подрядчичьих и помогло нам успешно закончить подписную кампанию. Это было выступление беспартийного кузнеца Крючкова Агафона Ивановича.

Быков Григорий Семенович

Сын Ивана Петровича Агафон — тоже кузнец, ударник, хороший парень. Помню, летом тридцать первого года проводилась подписка на «Третий, решающий». Подписка шла туго. Особенно в рудоуправлении. У нас-то в механическом подписывались все как один. И вот приходит к нам на собрание кто-то из рудкомщиков, рассказывает:

— Вот некоторые служащие на заем не подписываются!

Агафон тут и выступил. Вышел вперед, весь в саже, прямо из кузницы. Нос в сторону свой, шмыгнул им, глаза вытаращил:

— Я зарабливаю 200 рублей, а подписываюсь на 500. В ответ им. Чтобы их опозорить!

Все: «Пра-а-виль-но-о!» А Конон Зимин, партизан, коммунист старый:

— Молодцом! Так и надо. На боевых фронтах побеждали и на трудовом победим.

Агафона срисовали тогда и портрет повесили у рудоуправления на стену. На красной фанере его лицо большое, в профиль, и надпись: «В ответ служащим таким-то и таким-то кузнец Агафон Крючков подписался на заем в размере двух с половиной месячного заработка».

После этого подписка и среди служащих и на всем руднике пошла бойко.

Задорин Валерий Александрович

Я окончил областные курсы комсомольского актива и областным комитетом был направлен в распоряжение Нижнетагильского райкома комсомола. Райком меня послал работать секретарем комсомольского коллектива горы Высокой.

Секретарь райкома Коля Елфимов говорил, что работать

здесь надо будет крепко, чтобы комсомол вывести на большевистский путь.

Первое время мне пришлось сколачивать актив. В активе были: Славка Алексеев, Ушакова Анастасия, Ерофеева Валентина, Гриша Стаканчиков, Локтев Алексей, Федька Пестов, Першин Колька, Мамонова Люба, Толька Алексеев.

В 1930 году на горе Высокой был прорыв, программа не выполнялась, и для выполнения ее райком мобилизовал к нам из городских организаций 40—50 комсомольцев. Из этих ребят мы поставили секретарями комсомольских ячеек: в Граневую — Шурова Пашу, а в Большую — Зину Уткину. Тут-то дело-то и пошло.

Начала наша организация расти, и мы скоро довели ее от 130 до 400 человек. В это время наша комсомольская организация была в Тагиле не из последних. Мы имели ряд комсомольских забоев, выполнявших свои задания на 130—140 процентов.

Сколько примеров было комсомольского энтузиазма по оборудованию механизации Граневой: бывало, сидишь в комитете, а Федька Пестов прибегает и говорит:

— Надо комсомолию мобилизовать на субботник. Работа встает!

Зарядишь комсу — в три часа человек 70—80 есть, начинаем в Граневую механизмы спускать — канат, вагонетки. Наработаемся и с песнями в столовку идем, а оттуда в красный уголок[1] на комсомольское собрание — решать, как рудник вывести из прорыва.

Однажды мы так решили: лучшей ячейке передать красное знамя комитета комсомола. За это знамя развернулось соревнование, и его получила ячейка Граневой выработки, так как там была большевистская борьба за руду. Комсомолия штурмовала субботниками установку лебедок, дорожки, разработку новых забоев. Был организован новый забой имени Ворошилова. Во главе с бригадиром Сашей Карелиным, комсомольцем, забойщики выполняли программу на 125—130 процентов. Тогда же была организована сквозная бригада на канатке в Граневой выработке. Бригадиром был Федька Пестов. Программу выполняли тоже до 150 процентов.

Все это было достигнуто благодаря хорошему партруководству комсомолом.

Хозяйственная и профсоюзная организации шли всегда навстречу комсомолу. Директор товарищ Давыдов, предрудкома товарищ Кузнецов поддерживали все мероприятия, которые проводил комсомол.

---

[1] Красным уголком горняки Высокой часто называют свой клуб.

Костиков Александр Семенович

Чистка 1933 года — большой итог в жизни рудника. Почти все, что происходило у Высокой в последние полвека, получило свое отражение в чистке.

Я туляк. На Высокогорском железном руднике секретарствую с мая 1933 года. До того работал в Москве. Мне, новому человеку, пришлось вести подготовительную работу по чистке и участвовать в проведении ее. 38 дней шли собрания по чистке ячеек горы Высокой. Что осталось в моей памяти от этих собраний? Как обобщить содержание их?

Чистку мы готовили с мая. Мы решили заранее обеспечить такое ее качество, которое не только оздоровило бы и сплотило партийную организацию Высокогорского железного рудника, но и спаяло бы ряды беспартийных кадровых горняков, полностью уничтожило бы влияние подрядчиков, изолировало белогвардейцев, самогонщиков, двурушников и оппортунистов.

Ведь корешочки влияния всех этих агентов классового врага до сих пор имеются у ключевской и гальянской мелкобуржуазной обывательщины, мешая нашей работе.

Мы проводили беседы, собрания, совещания с партийцами, беспартийными рабочими, комсомольцами. Созывали собрания женщин, ударников, старых и молодых производственников, красных партизан и красногвардейцев, кандидатов с поручителями. Мы старались по-особому разговаривать с каждой группой, приноравливаясь к ее интересам. На этих собеседованиях были обсуждены постановления и письма ЦК, ЦКК, областной комиссии и районной комиссии по чистке партии, речи товарищей Кагановича, Кабакова, Ройзенмана [1].

Горняки всех категорий с живейшим интересом готовились к чистке. Еще бы! Они ждали от чистки разрешения всех противоречий и вопросов, которые накопились в цехах Высокогорского железного рудника, в ключевских и гальянских избах за годы реконструкции рудника. Беспартийные рабочие отлично помогали нам в собирании материалов, характеризующих работу членов и кандидатов партии. До чистки к нам поступило свыше 30 заявлений. Материалы почти все отвечали действительности и очень пригодились комиссии.

Возьмите вычистку Петра Краснобая. Исключение его связано с чисткой. Лицо Краснобая разоблачил беспартийный рабочий Иван Сергеенко в ответ на призыв партии о разоблачении чужаков с партбилетом. Ведь Краснобай был самым доподлинным беляком, агентом подрядчиков в партии. За

[1] Ройзенман, член ЦКК, был председателем Уральской областной комиссии по чистке партии в 1933 г.

Костиков
Александр Семенович

ним стояли Горбуновы, Бобровы и другие бывшие многолошадные кулаки. Исключение из партии Петра Краснобая было первым ударом чистки по местному кулачью — подрядчикам. Началась чистка.

На первое собрание по чистке ячейки экскаваторно-транспортного цеха пришло 527 человек. Чистили старого революционера Федора Данилыча Козьмина и лучшего машиниста паровоза Серебрякова. По докладу о работе ячейки развернулись оживленные прения. Вступительное слово о значении чистки для Высокогорского железного рудника произнес председатель районной комиссии Пруссаков. Выступал и секретарь горкома ВКП(б) товарищ Кузнецов.

На всех 38 собраниях по чистке присутствовало около 7 тысяч человек. Отдельные группы горняков посещали собрания всех цехов изо дня в день: Баранов, Сандригайло, Быков, Чернышева, Козьмин, Пылаев, Пестов и другие. Чистка повысила авангардную роль коммунистов и комсомольцев на производстве. Не выполнявшие программу до чистки стали ее перевыполнять. Производительность труда забойщика поднялась до 128 процентов, производительность труда машиниста экскаватора с 73 процентов вскочила до 113.

Горняки пришли на чистку с невыполнением программы по добыче. Выработали только 94 процента задания. В результате производственного подъема, вызванного чисткой парторгнизации Железного, и закреплением выводов ячейковой комиссии, рудник выполнил программу 1933 года по всем

показателям и попал на всеуральскую красную доску имени XVII партсъезда. С 1930 года программа была выполнена впервые. Так чистка подытожила производственную перестройку Высокой за годы социалистической реконструкции.

Она подытожила и перестройку людей. Она оформила в сознании каждого рабочего рудника, что всякий подрядчик, какой бы он ни прикрывался личиной, — не товарищ ему, а классовый враг. Понимание этого постепенно накапливалось у лучших горняков Высокогорского железного рудника. Чистка это особенно отчетливо подчеркнула.

Надо было видеть ярость и ненависть, с какими горняки разоблачали кулацкую агентуру в партийной организации — оппортунистов, двурушников, чужаков, мошенников. Вот где оживились картины героической высокогорской истории! Люди называли вещи их настоящими именами. Подумайте только! Перед комиссией и всей массой прошли такие противоположные люди, как подпольщики-меднорудянцы Козьмин, Баранов, молодой энтузиаст Федор Пестов, с одной стороны, и друг подрядчиков Бушин — с другой. Прошли партизаны, ударники восстановления и реконструкции рудника Иван Пылаев, Исаак Двойников, с одной стороны, и прошел юркий хищник, самогонщик и спекулянт Михаил Пискунов — с другой. Прошел Давыдов, директор рудника, и беляк Краснобай.

За каждым из этих людей стояли классы, группы, прослойки. Судьба их на чистке и в результате чистки отразила судьбу больших человеческих коллективов. Возьмите Козьмина и Баранова. За ними стоят великолепные кадры старых меднорудянских забойщиков, выученников Копытцева, Добродеева и Борисова, питомцев Якова Михайловича Свердлова. Это Дмитриевы, Васильевы, Прохоров, Чернышевы, Коренистов, Титовы, Гришанов, бывшие гонщики, ломщики, грузчики, кузнецы Железного рудника, такие, как Иван Михалыч Пылаев, Иван Носов, Семен Суетнов, Григорий Быков, Кирилл Иванович и Федор Иванович Пестовы, Петр Лунев. Тут же стоит меднорудянский машинист, механизатор Железного, Исаак Двойников с братом Саввой и со своими учениками. Всех сразу не перечислить. Партийцы и беспартийные, партизаны и старейшие производственники, кадровые рабочие и горняцкая молодежь — они делали историю Высокогорского железного рудника с кайлом, с винтовкой, с рычагом машины в руках.

А в это же время Демидовы и демидовские приказчики, «чужеспинники» — подрядчики, шинкари и попы, будучи сброшенными, старались вернуть свое господство войной, разложением отдельных партийцев, вредительством, срывом механизации.

...Эта чистка — большой итог в жизни рудника...

Краснобай, Бушарин, Перепелкин, Игнатий Носов, Семен Промышленников, Никола Пылаев расправлялись в Тагиле с красногвардейскими семьями, состоя в охране у коменданта. За ними стояли подрядчики Горбуновы, торговцы Шибневы, смотрители Бурдаковы и Климовы. Братья «Духи» — Горбуновы хапали, что только могли; в их доме получало кров белогвардейское офицерство.

С победой красных и введением нэпа классовый враг меняет тактику. Демидов находится за границей, связан с Торгпромом, а преданные слуги его — Францев, Ляпцев и остальные — зарезывают рудник, берегут наилучшие месторождения от разработок. Оппортунисты-хозяйственники типа Калмыкова, Чулочникова, Сесюнина штампуют не одно распоряжение вредителей. Возрождаются многие патриархально-кулацкие нравы подрядчиков на руднике. Наряду со старыми «коренными» подрядчиками вырастают и новые подрядчики — нэпманы. Ярким представителем последних является подрядчик Василий Пылаев (однофамилец И. М. Пылаева), ласковый, проворный и оборотистый воротила, эксплоататор гонщиков. Такие «коммунисты», как Дмитриев (однофамилец гальянских Дмитриевых), Александр Свистунов, Николай Васильевич Бушин, становятся прямой агентурой подрядчиков в партийной организации Высокогорского железного рудника. Но Иван Михайлович Пылаев, Илья Баранов, Носовы, Двойниковы, Стаканчиковы, Федор Данилович Козьмин, Кладыков, возглавляя горняков-пролетариев Высокогорского железного рудника, ведут борьбу с растлевающим влиянием кулачья. Они борются под руководством окружкома ВКП(б) во главе с товарищем Рындиным. Они воюют за добросовестное отношение к работе на социалистическом предприятии, за повышение производительности труда, добиваются введения хронометрических норм. Рудник перекрывает свою довоенную мощность. Подходит реконструктивный период. И вот — решающая последняя схватка пролетарских элементов Высокогорского железного рудника с мелкобуржуазными. Предвидя разгром подрядчиков и снова меняя тактику, агенты их, белогвардейские дружинники — Краснобай, Перепелкин, Промышленников, Игнатий Носов, Бушарин — вступают в партию. Пролезают в партию и полууголовные элементы: спекулянты-самогонщики М. Пискунов, Я. Мартюшев (племянник Кондрата), Широков, Матвеев, содержатель дома терпимости Мингалев и другие. Они используют партийный билет для того, чтобы занять такие места, с которых они тормозят социалистическое строительство.

Но Тагильский окружком партии снимает партийно-хозяйственное руководство Высокой. На рудник попадает Давы-

дов, ряд новых коммунистов и комсомольцев. Эти люди делаются ядром, вокруг которого сплачиваются большевики и все честные пролетарии Высокогорского железного рудника. За какие-нибудь три года рудник преображается. В работе рудника сыграли величайшую роль шесть исторических условий Сталина. По существу вся борьба горняков Высокой за реконструкцию своего предприятия идет под лозунгом одного из важнейших условий Сталина о механизации труда.

Можно ли представить себе более трудоемкое производство, чем рудник, работавший демидовскими способами? И можно ли представить себе более наглядное доказательство преимуществ механизации перед ручным трудом, чем тот же рудник, вооруженный машинами? Не с этой ли точки зрения надо рассматривать например работу грузчика-экскаваторщика Николы Бессольникова по сравнению с тяжелым ручным трудом пешего грузчика Афони Васильева? Или как не сравнить работ по вскрыше Шихана, производившихся подрядчиками в 1926—1927 годах, с тем, что сделано за 1931—1934 годы квалифицированными рабочими при помощи «Марионов», паровозов и буровых станков? Четкий лозунг товарища Сталина двигал горняцкие массы рудника на освоение механизмов, на овладение техникой.

Это движение выковало на руднике немало представителей пролетарской производственно-технической интеллигенции. Такие практики, как Павел Серебряков, поднявшийся от паровозного машиниста до начальника транспорта, как Николай Долженков, рационализатор взрывных работ, как Иван Шевцев, ставший из десятника сменным техником, Семен Суетнов и десятки других напряженной заочной учебой, проработкой специальной литературы, усвоением теории горнорудного производства подготовили из себя высококвалифицированных цеховых командиров рудника. Точно так же молодые инженеры и техники — Сандригайло, В. Соловьев и другие, — будучи поставлены на ответственнейшие участки борьбы за руду и вскрышу, выросли и показали себя боеспособными руководителями, кровно заинтересованными в успехе социалистического строительства, представителями производственно-технической интеллигенции пролетариата. Успеху создания на Высокой своих кадров производственно-технической интеллигенции немало способствовала внимательная и вдумчивая расстановка инженерно-технических сил со стороны рудничного треугольника, все время старавшегося выдвигать опытных практиков и всячески поддерживать интерес каждого работника к той области техники, которой он занят на руднике. Это относится и к исполь-

И. В. Сталин

зованию старых горных специалистов Высокой, таких, как Алексей Михайлович Кондаков, Борис Иванович Шептаев, Сергей Александрович Соловьев, и прочих, которые поставлены на важнейшие посты рудничного хозяйства и блестяще оправдывают оказываемое им доверие.

Шесть исторических условий товарища Сталина подытожили для Высокой предыдущие решения партии и правительства о путях развития рудной базы Урала (постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 года по докладу Уралмета, постановление СНК СССР от 25 февраля 1931 года и др.). Шесть условий вождя бросили свет далеко вперед, способствовали глубокому пониманию таких важнейших партийных актов, как постановление ЦК ВКП(б) о перестройке работы Донбасса, железнодорожного транспорта и других решений, вытекающих из новых методов партийного руководства.

Шесть условий товарища Сталина с изданными в развитие их решениями партии и правительства обеспечили большевистские темпы реконструкции Высокогорского железного рудника. В перестройке работы рудника огромную роль сыграло энергичное руководство Уралобкома партии.

И вот чистка. Партийцы горы Высокой проверяют свое политическое лицо перед всеми горняками с их помощью. Собрания идут в обстановке напряженной классовой бдительности. Развертывается деловая здоровая самокритика. Не только враги, проникшие в партию, подвергались самому ожесточенному обстрелу, но крепко досталось и всем маломальски провинившимся ответственным работникам — коммунистам. Активно участвовали в партийной чистке комсомольцы горы Высокой.

Ну и что же? Каждому ясно, каковы результаты чистки. Кулацкая агентура выщиблена из партии. Бушин, Красно-бай, Пискунов, Мартюшев, Игнатий Носов, Бушарин, Промышленников, Мингалев, Перепелкин и другие такие же «коммунисты» исключены из большевистских рядов. В организации стало 108 членов, 41 кандидат и 20 сочувствующих. Реализуя выводы комиссии по чистке партийных ячеек, Высокая выполнила программу 1933—1934 годов. Сплоченным монолитным отрядом борются большевики Высокогорского железного рудника за план второго года второй пятилетки по эксплоатации и реконструкции рудника. Они сражаются и победят под великим знаменем Маркса — Ленина — Сталина.

Газета

Махнев Василий Иванович

В 1927 году я приехал из деревни Бобровки в Тагил, поступил работать на Высокогорский железный рудник и начал участвовать в драмкружке. Ребята предупреждали меня, что в красном уголке горняков можно встретить Гришку Быкова, по прозвищу «Махно».

— Он у нас первый по Ключам хулиган. Отколотит и морду всю разобьет...

Однажды ставили мы спектакль. Вдруг слышу — зашумели в зрительном зале.

Петр Семенович Коряков уговаривает здоровенного лохматого парня оставить зал и уйти домой. Тот встал и заявляет:

— Это я уйду?.. Нет, извини! Чтобы я ушел? Нет! Сперва вы все уйдете, а потом уже я уйду. Мать... мать... мать...

Как начал всех пушить да за шиворот из зала вытаскивать, насилу от него отвязались.

Тут я узнал, что такое «Махно». Но в зубы мне от него не пришлось получить. Тогда решили мы Гришку выбрать в правление клуба, и после этого он стал постепенно перевоспитываться.

Быков Григорий Семенович

В 1929 году я был еще хулиганом. В газете «Тагильский рабочий» поместили тогда заметку о каких-то безобразных делах на горе Высокой. Подпись дали: «Быков Григорий». А я ее не писал, да и писать не мог, потому что был неграмотный. Другого Григория Быкова на нашем руднике не было.

Я стал думать: «Ишь, люди пишут, свою фамилию боятся поставить, ставят мою!»

Я был смелый, ни черта не боялся и все говорил тогда:

— Узнать бы этого человека, кто написал! Вином бы напоил его досыта...

Мне охота самому прочитать, а не могу. Буквы знаю — сложить не могу. Пошел к товарищам, которые стояли «на крестах», на перекрестке, где улица пересекает другую. Один

Быков
Григорий Семенович

из них взял газету. Начал читать ее. Там говорилось о Гагине Иване Матвеевиче, который будто бы воровал тес с торфяника. Тут вся молодежь засмеялась.

Я задумался: кто бы научил меня писать в газету? Как следует писать! Право, всех стал бы разоблачать...

В то время я работал в механическом цехе. Всех неграмотных там вербовали учиться. Записали и меня тоже.

Учительница была высокая, белобрысая, фамилия мудреная, не упомнить. Подучила она меня. Начал я царапать пером, как курица лапой.

Это уже к осени 1930 года.

Вот теперь, думаю, буду рабкором. Пришел я как-то в рудничный комитет, стал рассказывать председателю о безобразиях с электроэнергией. Вдруг подошел человек какой-то, спрашивает:

— Что? Что? Обожди-ка...

Сбегал в другую комнату, принес бумагу, карандаш:

— Давай, пиши!

Меня как обварило чем. Не знаю, что делать. Смотрю на него во все глаза. А он черный, небольшой, коренастый, сует мне бумагу и карандаш.

Тут я взглянул на его ботинки и засмеялся: большие были, стоптанные и носки кверху загнуты, ровно елевый сук в погоду хорошую. Ну, и брючишки на нем были не прыткие. Я говорю:

— Всех сапожников обошел бы, а никто не взялся бы мне такие ботинки сшить!

Хохочу. А он ко мне пристал — ничто его не берет:

— Давай, пиши, я помогу тебе. Давай, давай, пиши! Что ты трусишь?

Я обратился к председателю и спросил: кто это?

— Секретарь газеты «Голос горняка» товарищ Злыгостев.

Я тут стал не рад, что и в рудком пришел. Вот, думаю, попал... Говорю:

— Да я и писать-то не умею!

— Как-нибудь. Я разберу.

Пригласил меня к себе в комнату и стал рассказывать, как нужно писать, о чем, а сам глаз с меня не спускает и старается мне помочь. Убеждает, уговаривает:

— Ты ведь будешь ко мне в газету писать? Я тебя скоренько научу.

Я решился:

— Ну, давай, буду писать.

Написал, отдал свою заметку.

Статейку эту пропустили в газете. Я горжусь. Мне говорят все:

— Гришка! Ты статью написал?

— Да, я написал!

Вот этот тридцатый год до самой смерти мне будет помниться! Я стал привыкать, как нужно писать рабкору.

В тридцатом же году я женился. Жена мне попалась грамотная. Она меня учила писать.

В одно время меня на цеховом собрании выбрали редактором стенгазеты. Я стал собирать заметки. Потребовал с хозяйственника материал для газеты, как дела обстоят с зарплатой. Это было уже в тридцать первом году.

Цехом заведовал Ушаков. До этого он был слесарем первой руки со мною вместе. А тут давай отказывать в материале:

— Завтра... Послезавтра... Некогда...

Никто, я вижу, мне не помогает выпустить хоть первый номер. Обратился я в рудничный комитет, Злыгостева временно не было. Я объяснил все дело массовику рудкома. Он обещал мне:

— Я дам тебе курсанта Горного техникума. Он поможет.

Договорились. Скоро прислал он молодого худощавого паренька в драных валенках. Мы быстро подобрали заметки, а зав Ушаков все своей статьи не дает. Решили его прописать в газете. Поместили карикатуру такую: комната, стол, телефон, зав сидит за столом — нос кверху. Подпись: «Бюрократ на практике».

Ушаков прочел, рассердился. Прямо рассвирепел. Побежал и закричал:

— Что я за бюрократ? Я рабочий от верстака! За что так написали.

А я думаю: «Написали «бюрократ», а я сам и не понимаю, что за слово такое. Теперь он меня выгонит...»

Студент говорит:

— Не бойся. Пусть опровержение пишет. Тогда еще сильнее пропишем...

Ушаков не успокоился, ругается на меня:

— Вот поставлю вопрос на рабочем собрании! Увидишь, что тебе будет...

Собирает он около себя свой актив и говорит им:

— Неправильно написали... Надо, ребята, на собрании выступить, дать отпор нашей редакции!

Ребята согласились. Паша Зимин там был, худощавый, длинный, Петька Криворучкин и ряд других.

Собрание. Повестка дня: «Неправильная заметка о заве Ушакове в газете». Предцехкома Мартюшев зачитал заметку. Началось обсуждение. А этот студент мой выслушал выступающих и попросил слова.

Говорит:

— Кто будет пытаться зажимать молодую редакцию, напишу о тех в «Тагильский рабочий». Эти люди играют наруку классовому врагу.

Все замолчали, начали расходиться. А Ушаков кричит:

— Не буду служить! Возьму расчет! Напишу заявление директору! Я не бюрократ.

Ушаков все же придумал, как отомстить мне. Он послал меня на сборку экскаватора «Марион» № 8 и ухитрился по этому случаю мне убавить разряд. То я получал по восьмому, а он мне сделал шестой.

Я пришел к нему и сказал:

— Хоть первый сделаешь — буду робить. До тех пор, пока не выгонишь совсем, буду робить и выпускать газету!

И не остановился. Выпускаю второй номер и опять с критикой Ушакова. Все-таки я его заставил полюбить стенгазету. А для следующих номеров я завербовал рабкоров и из тех товарищей, которых Ушаков пытался натравливать на газету. Паша Зимин стал самым лучшим рабкором.

Пестов Федор Иванович

Много было энергичности в нашем коллективе. Проявились боевые способности. Самокритика на полном ходу была.

Наш коллектив живой газеты носил название «Железо-

руда». Состояло в нем восемь человек комсомольцев и одна беспартийная: Колька Першин, Мишка Челышев, я, Издиберских Зойка, Нюрша Бутакова, две девки Кулак и Маруся Козьмина, фельдшерица.

Мне запечатлелся в памяти номер «Веселый разговор».

Тогда как раз, помню, конференция какая-то инженерно-техническая была. Мы в концертном отделении их продергивали. Больше всего Швецова.

Колька Першин выходит на сцену и говорит пискучим голосом:

— Сейчас перед вами выступит живая газета «Железоруда». А поэтому...

Тут я вылетаю из-за публики сзади. Кричу:

— Ой, ой, ой!

Сам в клоунском костюме и разрисован весь. Публика вся всколыхнулась. Во втором ряду женщина с ребенком сидела — бежать скорее бросилась...

Колька мне говорит:

— Что за шум? Иди сюда. Мы все устроим.

Я тогда подхожу к сцене и отвечаю:

— Да, устроишь, как Швецов вот устроил.

Стою возле переднего ряда, и тут же Швецов сидит. Я его сначала и не заметил. А он мне говорит потихоньку:

— Брось дурака валять...

Тогда я пуще кричу и на сцену карабкаюсь. Мне ведь не надо глотку-то покупать, у меня ее много. Меднолуженная глотка, как говорится. Влез и заорал во всю мочь:

— Швецов «устроил» вот. Мотовоз возил девятнадцать вагонов, а он решил помочь ему и смазал мазутой рельсы. Так мотовоз не то, что вагоны везти, а и сам-то не смог вылезти. Буксует, да и только!

В зале публика вся смеяться стала. Сидели тут техники да десятники. Швецов голову опустил и книзу смотрит. Вчера ведь только дело с мотовозом происходило. Этот материал мы только что получили и сразу его вклинили.

Но скоро многие техники тоже перестали смеяться. Начали мы всех по порядку чехвостить за их головотяпские выходки: Марченко — за грязь, Шляпникова — за крутую лестницу в его цехе, конный двор — за гнилые вожжи. И пошло и пошло.

Все-то хохочут, а которого протянули — молчит. Остальные смеются и ждут своей очереди. Шибко веселый этот номер у нас тогда получился...

Ну, и в других номерах мы не щадили тех, кто плохо

---

[1] Техник, заведующий горными работами в 1930 г.

работаст. Чесали невзирая на личность. Самый выход живой газеты был у нас для этого приспособлен.

Мы не выходили гуськом друг за другом, как это делают всегда живые газеты. Мы сразу со всех сторон подскакивали из-за кулис к своему единственному переносному приспособлению. Оно всегда заранее устанавливалось на месте действия. Это был большой лист фанеры, воткнутый острым шпеньком в тяжелый, деревянный брусок. Одна сторона листа была красная, другая — черная. Он мог моментально переворачиваться к публике своей любой стороной, изображать то красную, то черную доску. В середине листа имелось отверстие, через которое просовывалась черная картонная пушка, служившая одновременно и рупором.

И вот мы, как бесы, подскакивали с разных сторон к своему снаряду, строили военно-физкультурные пирамиды и пели на веселый татарский мотив такие вступительные слова:

Мы живгаз — «Железная руда»,
Партии орудие в классовых боях.
Бьем, куда укажет большевик,
И при свете и впотьмах.

После этого открывалась расправа. Мы позорили прогульщиков, лодырей, подкулачников и бездельников; славили лучших ударников, объявляли примеры, достойные подражания. Вывешивали позорные и почетные списки на разных сторонах окрашенной фанерной доски. Осмеивали одних горняков и всячески хвалили других.

Потом выкрикивали через «пушку» фамилии тех людей, которые будут обстреливаться в других статьях живгазеты, и, оборвав пение, враз прятались за кулисами.

Во всех статьях и заметках нашей живой газеты обязательно поминались конкретные имена и фамилии с последними, самыми свежими фактами. Это тогда было ново на руднике. Мы поспевали тут как тут. Негодные руководители, рвачи, прогульщики и лентяи стали всерьез бояться живой газеты. Зато все кадровые честные горняки очень радовались нашим разоблачениям и беспрерывно снабжали нас материалом. Где только и кого только мы ни прохватывали. Выступали в клубе, в цехах, в городском саду, ездили в военный комиссариат, на Лебяжку[1], и даже на речку Рушь в дом отдыха. Наши блузы, фанерная штука и гармонист Тольша Юдин неизменно следовали за нами...

Работали мы целое лето 1930 года. И сами мы и наши приспособления здорово утомились, порастрепались. Но настрое-

[1] Лебяжинский рудник — один из отдаленных цехов Высокогорского рудника.

ние все крепло, было бодрым и боевым. Ребята привязывались к живой газете.

В клубе я с самых малых лет околачиваюсь. Но такой живой газеты у нас еще не бывало. И мы большую работу, как я теперь понимаю, проделали. Мы этим основательно помогли работе нового руководства. Мы гвоздили всех врагов пятилетки, били за развал и оппортунизм невзирая на должность. В этом была наша сила и ценность.

Помню я наше выступление в городском саду. Очень мы боялись и волновались там выступать. Мы привыкли выходить перед горняками, а тут и горняки, и металлурги, и люди со всего города. Несколько сот человек сидят на скамейках перед открытой эстрадой и слушают выступления.

Сначала пели и танцовали настоящие артисты из Свердловска. Потом выступала живая газета Тагильского завода. Под конец оставили нас. Заводская газета была прекрасно снаряжена. Денег на нее, видно, потратили уйму. Заводские ребята установили красивые декорации, несколько раз меняли разные новенькие костюмчики и играли под профессиональных актеров. Стройно, баско так у них получалось. Под рояль все проделывали.

Мы смотрим на них, любуемся, а у самих душа в пятки просится. Кто же будет нас, голодранцев, смотреть после такого нарядного коллектива?

Но заводская газета допустила ошибку. Она выступала гораздо красивее и слаженнее, чем мы, но недостатки своего производства критиковала только в общем и целом. Ни одного конкретного имени мы не услышали из их постановки. Они держали курс на сценическую подачу материала, не на содержание номера, а на форму.

Публика хлопала их фокусам, но не очень волновалась.

Кончили они. Все слушатели порядком устали. Подошла тут наша очередь. Сейчас, думаем, вся публика уйдет, как увидит нас, замарашек.

А вышло наоборот.

Только начали мы разделывать наших рудничных заправил, как публика оживилась, зарадовалась. Мы ведь и в городском саду не стеснялись. Тут и Швецов опять попал и другие. Из публики выкрики пошли:

— Правильно!

— Так и надо им по заслугам!

— Верно!..

Не только что прежние зрители не разошлись, а еще много новых прибавилось. Прямо стоя слушали гуляющие. Смеются все, хлопают...

Здорово мы приободрились в тот раз.

Новый быт

Суетнов Семен Петрович

Родился у меня ребенок, мальчишка!

Как назвать его? Жена говорит:

— Шуркой!

— Шуркой, так Шуркой.

Бабушки налетели:

— Когда крестить?

Я говорю:

— Крестить не будем. Я не дам крестить!

Зарегистрировал его в сельсовете. Документ в карман положил и ношу с собой. Знаю, что без него им не окрестить.

Жена тоже согласна была, чтобы не крестить. А мать ее да моя мать, тетки, разные старушки:

— Как же так некрещеный ребенок?

— Надо крестить! Надо крестить!

— Ведь он изведется, иссохнется, расти не будет да ходить не будет, у него и душа тоскует, уродом станет или умрет совсем!

Всякое сулили. Чорт знает, что наговаривали.

Бабушка Хавронья, мать моя, говорила:

— Вот уж Ташонкины ребята — так уж милые дети, крещеные, а у Семенки и поцеловать мальчишку не лежит у меня душа.

Это я про первого своего мальчика говорю. Он родился у меня 27 августа 1922 года. Всю зиму его никто не видал. А весной бабы увидали его и интересуются.

— А ведь ребенок-то хороший!

— Нюра! Этот вот некрещеный? Покажи его!

— Смотри-ка, а вот у Ивановны крещеный, а плохой, хуже твоего.

Если мимо идут — обязательно зайдут в избу:

— Смотри-ка, некрещеный, а хороший какой!

Как на диво на какое смотрели. Если по улице завернутого несет, развернуть просят.

Тогда ведь время было тревожное, еще Колчака помнили, а тут вдруг первый некрещеный ребенок.

А теперь наоборот. Теперь все нехристи. Смеются, если кто ребенка крестить несет.

— Опять к длинногривому понесли!

А если отец его коммунист или близок к партии, то беспартийные в глаза ему нахаркают:

— Ты и двужильный, ты и вертушка!

Всяко испозорят его.

Дмитриев Дмитрий Прокопьевич

Вот мы со старухой как говорим. Всегда спорим. Меня она укоряет:

— Ты коммунист!

Это так, по-домашнему.

Я-то беспартийный, да политически кое-что знаю. Она мне:

— Вот нету ничего!

А я ей:

— Наша власть все ноги оббила, добивается, чтобы не было войны. Коли капиталистические державы не подстраивали бы войны, нашей державе не пришлось бы работать на оборону, а все бы работали на продукцию. Строили бы машины и товары вдосталь давали бы. Стало быть виноваты не большевики, а капиталисты. Ведь все мы с властью принялись за оборону. А если бы мужик на метелку оперся да сказал бы: «Э-э, не надо нам ничего», нас бы тут и пошевелили. А теперь-то мы их не больно боимся. Опираемся не на метелку, а на механизмы. Вот эта держава руку нам подала, вот та подает. Стало быть мы теперь не пуд подымаем, а пять. А то бы никто нам руку не подал, как ты хошь.

Она на это не может ответить ничего. Ей бы каждый день в «карман» только. А ведь никто нам хорошую жизнь не наладит без нас самих.

Еще такую вещь указываю я ей:

— Если бы не эта власть, мы бы с двадцать пятого года друг друга не знали. Меня бы не было уж на свете. Болезнь у меня трудная, ревматизм. Раньше курортов для нас не было. А эта власть меня на курорт отправила. Три раза ездил я на готовый счет. А в настоящее время работаю и пенсию получаю.

На озеро Горькое ездил, верст 80 от Челябинска.

Этого мало. Вот трое детей есть у нас: Александр, Люба, Капа — выучены и работают, жалованье хорошее получают. Прежде-то вот я знал на всех Ключах и Гальянке — только двое выученников было: Филипп Кириллович Францев да Яков Попков. Это тому назад годов пятьдесят. А теперь у каждого рабочего нашего дети учатся. Александр мой бух-

галтером служит, сот пять получает. Люба — машинистка, Капа — счетоводом в Тагилстрое. Вот какие у меня дети стали при этой власти!

В двадцать четвертом году я доробил до того, что на коленках только к лошади мог приползать. С Гараней Усовым робил в Граневой выработке. В больницу лег и пролежал я с декабря до мая месяца 1925 года. Ревматизм, нога болела у меня. Лечила меня докториха Белых. Много врачей водила ко мне, показывала болезнь. Признаку никакого нет, а ходить больно. В конце января сказала она:

— Ну, Дмитриев, все меры мы приняли с тобой. Один выход — на курорт.

Спрашиваю:

— Что такое за курорт?

— Будут ванны делать грязные.

— Когда?

— В мае месяце.

— Мне до мая месяца не доскоблить, не дотянуться...

— Будем поддерживать...

...Все-таки дотянул я до мая месяца. Отправили меня на курорт. К поезду на лошади отвезли. Сел я на машину. Лежал все время в вагоне, сидеть не мог из-за ног. Доехали до разъезда Чебаркуля за Челябой. Подали лошадей нам. Привезли в санаторию на Горькое озеро.

Озеро хорошее, больше нашего пруда. С этого берега березняк стоит, а там пашни, сосновый бор. Рыбы в воде никакой не водится. Козявки только одни. Даже в ванну угадывают...

Заведующий там, вроде десятника, нас принял, по палатам распределил, отправил мыться.

Мы утром приехали-то. Покушали. Кормили нас подходяще. Потом мы весь день лежали, отдыхали с дороги.

Там только и работы: есть да отдыхать. В сад пойдешь, если можешь. В первый же день комиссия была. Можно ли нам тут лечиться или не можно? Тамошняя комиссия не доверяется здешней. Распределили время ванны. Сперва принимаешь водяные ванны, шесть ли, семь ли. А потом доктор дает грязные ванны.

Так я лечился.

Хорошо очень в ванне. Надо сказать по-душевному — каждый больной старается сделать погорячее. Другой мужик сиволапый вредит даже себе. Няня вышла, он — кран отвернет горячий. А потом из ванны вылезти не может. Заварится, и опухоль получается.

Надо горячести прибавлять в самый раз. Каждый больной прикреплен к особому врачу. Он дает тебе ярлыки. И на

ярлыках есть градус воды. Через сутки прибавляется по градусу.

Ванн десять водяных принял я, стало мне хуже. Я не знал — отчего. Жил я в одной палате с нашим же горняком гальянским — Маркеловым. Ночь не поспал, к нему ползу:

— Вот, Маркелов. Надо убираться отсюда. Хуже мне стало шибко. Пропадать, видно. Так дома хоть пропаду.

А он отвечает:

— Когда мы приехали, так профессор Хохлов лекцию нам читал. Ты слушал?

— Не угадал я по своей тяжкой болезни.

— Так он говорил: «Вы, больные, стали теперь принимать ванные. Сами узнаете, кто тут вылечится, кто нет. Кому сперва хуже будет, тот потом вылечится. А кому сразу хорошо будет, тот так и останется при своих обстоятельствах. Сначала разобьет, мол, если кому на пользу».

Я это услыхал и решил остаться. Дней через десять лучше стало. Мы стали уж грязные ванны принимать.

Приходишь в кабину. Маленьки кабинки — две ванны только и скамейка. Одна ванна с грязью, другая с водой. Грязь черная, да горячая. Из озера ее черпают, со дна подцевают. Потом в баках паровой машиной греют ее. Дежурный ходит с градусником и доводит, сколь нужно по ярлыку тебе градусов.

Начал для меня с 30 градусов. 36, 37 я все легко сидел. Донага разденешься, ляжешь туда, присядешь — у меня поясница еще болела. Ну, я по глупости все ложился, вместо того, чтобы сидеть. А один больной, так тот сам влез по шейку да еще на голову себе положил грязи:

— Ты пошто так?

— Да голова у меня рàне болела.

Над ванной часы висят, курортские. Ящичек, в нем песок пересыпается. Часы песочные с цифрами.

Дошло мне 38 градусов. Сел я сначала — шибко горячо показалось. Все-таки облежался. Взял, поболтал ногами, чтобы еще погорячей было. После этого не мог вытерпеть. Сжимает со всех сторон. Тяжело. Пришлось выскочить...

Врач спрашивает:

— А если я завтра опять тебе 38 дам?

Я сообразил:

— Не только ногами, а и языком болтать не буду. — Так и сделал. И хорошо вылежал.

К концу лечения мое здоровье лучше стало. Без палки начал ходить. А то ведь на одной ноге скакал.

Санитары мне предлагали даже:

— Давай, на носилках тебя стаскаем.

Приехал я обратно. Докториха Белых с великой радостью сказала:

— Ну, как здоровье?

— Антонида Ивановна! Очень благодарю вас за ваше справедливое заключение!

Довольна она была шибко. Рада вполне.

Еще ездил я туда же в 1927 и 1928 годах. Санатория все лучше и лучше делалась. Дома новые. Столовая такая агромадная. Хорошо.

Вот я фактами и доказываю старухе. Издох бы вот! А теперь, гляди-ка!

Вчера пасха была. Она лампадку навесила, помолилась. Я ей, смехом, и говорю, а сам не показываю.

— Ну, мать, давай похристосуемся!

— Нет уж, отец, теперь не христосываются...

— Ну вот, ты опять. То — на старо, то — на ново.

Так и не христосовались.

Быков Григорий Семенович

Я живу хорошо, спокойно. Отробился. Домой пришел грязной — умоешься, грязное с себя сбросишь. Сын около ног бегает, хватает.

Тащит меня к столу:

— Айда ись!

Если мать чего-нибудь состряпает, да не успеет сказать, чего стряпано, так он все размаячит, укажет. От него не спрячешь:

— Вот тут! — и указывает на печку или на полку.

Привыкнешь к его маяку, знаешь...

Жена говорит:

— Я тебя жду. Давай сядем вместе.

И сын с нами садится за стол. Стул подтащит, садится. Ложки подаст нам.

Начинаем есть варево. Поешь, отдохнешь, пойдешь в клуб. Или оба пойдем. Сына снесем к соседям. Или в кино пойдем. Или в цирк. Везде все интересно.

А если один когда пойдешь, вернешься, сын в карман лезет. Нет ли гостинца там.

— Надо! Надо!

Известно, чего ему надо: конфеты, пряники! Потом его спать кладем.

А если он не ложится, мы по столу постучим:

— Вовка! Пьяные идут!

Чем его еще будешь пугать? Букой, что ли? Не старое

время. Как значит он начнет вольничать, по столу постучишь:

— Пьяные идут!

Он понемногу раскусил это дело. Заглянет под стол, засмеется.

Как-то раз я долго спать не ложился. Он подошел к столу, постучал:

— Тятя! Пьяные идут.

А теперь часто так делает. Понятливый, беда.

Всех больше нам цирк нравится. Когда сатирики выступают, прохватывают кого-нибудь. Например: Уралторг насчет галош. Бывает, что на рынке дешевле галоши с рук продают, а в Уралторге дороже. ЗРК прохватывают за очереди. Наши тагильские дощатые тротуары прохватывают. Мол, идешь, на один конец наступил, а другой конец тебя по лбу.

В кино моя жена любит комедии смотреть, а я что ни на есть сильнее драмы. Вот Мустафу («Путевку в жизнь») четыре раза смотрел. Прямо дрожишь, неловко делается. Ведь я все это на себе перенес.

Дома у нас чисто. Жена моя шибко чистоту любит. Если в комнате плохо, она ночь спать не будет, а обиходит. Даже, если вот папироску куришь, пепел сбросишь, она все равно шумит.

Есть у нас радио, а книги я в библиотеке беру. Когда остаешься вечером дома, читаешь или пишешь чего-нибудь. «Детство» Горького недавно прочел, мне шибко понравилось. Как стегали его, как его ненавидели, как он там с ребятишками камнями кидался.

Еще я люблю журнал «Хочу все знать». Где только чего обнаружат, где чего строится — там все это есть. Хороший журнал.

Прочел «Лога» Бондина. Просто пишет он, разъяснительно. Читаешь и понимаешь сразу, о чем он пишет, о чем речь идет...

Но читать и писать я выучился не быстро. Больно писать мне сначала надоедало. Царапаешь-царапаешь и сам не разберешь, чего написал. А жена хитрая. Она задаст мне статейку прочитать или переписать. Вслух велит. Я читаю, а она ругается.

— Ни точек, ни запятых ты не соблюдаешь!

А я шпарю подряд. Устану — остановлюсь где попало. «Колбаса» у меня получается.

Чего делать?

Жена поставит пол-литра, скажет:

— Прочитай, напиши как следоват, тогда выпьешь. Ну,

и сидишь, мучаешься. А иначе она чего может сделать? Со мной иначе было нельзя.

Выучился я читать и писать. Теперь вечерком сидишь, корреспонденции пишешь. Кого-нибудь да прохватываешь.

Франц Грегор

Я из Австрии, из города Берндорфа под Веной. Отец мой проработал 35 лет у Круппа и теперь вышел на пенсию. Эта пенсия так мала, что на нее невозможно жить. Ему сейчас 59 лет. Я начал работать с 15 лет у Круппа же, потом перешел в комбинат венского муниципалитета. Вскоре меня уволили за организацию забастовки. Я скитался по Голландии, посетил голландскую Индию и только в 1927 году возвратился домой в Австрию на то же самое предприятие. Через три года меня оттуда выгнали снова за разоблачение меньшевистского мошенничества с голосованием. Я уехал в СССР, где работаю по настоящее время на кислородном заводике Высокогорского железного рудника.

Я страстный охотник, и потому для сравнения рабочего быта в СССР и в Австрии я возьму два моих охотничьих случая.

В 1923 году в марте месяце, ранним воскресным утром, я, помню, отправился на охоту. Пошел далеко в поле. Пшеница была уже высокая. Я шел по владениям Эстергази, важного мадьярского князя. Ружье мое было сложено.

Я знал, что в Австрии охотиться рабочим не разрешается. Охотиться там могут попы, буржуа, дворяне. Им даются особые охотничьи билеты, а рабочие таких билетов не получают. Даже при правительстве социал-демократов рабочим не разрешалось охотиться.

...Иду я по тропе, из пшеницы бежит заяц. Я сразу сложил ружье и бахнул. Убил его, подошел, поднял. Вдруг, вижу, из-за виноградника с горки идет жандарм. Он свистнул, я побежал от него, он за мной, свистнул второй раз, третий. Тут я остановился. После третьего свистка он уже имел право стрелять. Жандарм арестовал меня, отобрал ружье, повел в город, посадил в арестное помещение при жандармерии.

Там заставили меня снять шкурку с моего зайца, зажарили и съели его. А я сидел. Утром в понедельник меня выпустили, чтобы мог итти на работу. Мне угрожал суд и полгода тюремного заключения за браконьерство[1]. Но жандармы не имели права есть зайца. Они должны были отдать его Эстер-

[1] Браконьерство—запрещенная охота.

гази. Это меня спасло. Я заявил инспектору, что расскажу на суде, как они съели зайца. Он испугался и должен был замять дело. Ружья мне все-таки не вернули...

И вот я живу в Советском союзе, в уральском городе Тагиле, в районе «Ключи». Я работаю на Высокогорском железном руднике и каждый выходной день обязательно хожу на охоту.

Сразу же за Ключами начинаются лесистые горы. Свободно, привольно, частных хозяев нет. Куда хочу, туда иду и охочусь, никакой жандарм меня не хватает. Кроме дикого зверя никакого «жандарма» в этих лесах нет. Я конечно состою в союзе охотников и охочусь во время охотничьего сезона. По выходным дням я брошу все, а на охоту пойду.

Помню, вышел я с вечера накануне двух дней отдыха. Поднялся по Висимскому тракту по направлению к Черной речке. Ясно так было, слегка морозило. Я заночевал в избушке в лесу. В 6 часов утра стал охотиться. Настрелял шесть штук рябчиков, устроил привал, вскипятил чайку, сварил одного рябчика, съел. Хотел вернуться в избушку, но сбился с пути и попал куда-то в болото. Начинало смеркаться. Я шел по болоту в высоком ельнике. Когда стало совсем темно, развел костер и просидел на бревнышке до утра. Утром вышел на тропку и понемногу выбрался из болота. Было часов семь. Вдруг, вижу, впереди стоит большое животное. Я видел медведя на воле впервые и очень заволновался. Ночью-то я чуть не замерз, а тут сразу жарко стало. Встал на одно колено, приложился и трахнул. Он скакнул и понесся среди деревьев. Я все забыл и бегу за ним. Куда там! Разве его догонишь?.. Хотя я и метил ему в грудь, но пуля пошла вероятно выше. Я бродил еще целые сутки по лесу, надеялся еще раз столкнуться с медведем, но безуспешно. И вот пока я ходил, я думал, что там, в Австрии, за ничтожного зайца я чуть было не получил полгода тюрьмы, а тут, в Советском союзе, я могу безбоязненно охотиться за такими великолепными животными, как медведи. Ведь в Австрии даже самому Эстергази навряд ли часто случается охотиться на медведя.

Баранов Илья Гаврилович

Нашу старую улицу Извездную, которая непроходимой была, поворотили мы в новый быт. Грязь в ней стояла всегда такая, что в пасху, бывало, бабы просили проезжающих мужиков перевозить их с одной стороны на другую. Пешком

переходить через улицу нельзя было. Лошади утопали по брюхо.

В 1931 году горсовет начал было переделывать нашу улицу, но вскоре эту затею бросил. Стала Извездная еще грязнее. А тут вдруг, поди-ка ты, этим летом я в газете прочел, что улицу нашу хотят ублагоустроить. Тут же и картинку нарисовали, какой будет потом Извездная улица.

Горняки посмеялись:

— Нарисовать-то легко!

— Мыслимо ли этому быть?

Сотрудник «Тагильского рабочего» Гутсон сумел уговорить народ. Смотрим, выходит маленькая газетка, и ребятишки растаскивают ее по домам. А в газетке написано, что жители Извездной улицы должны сами своими силами переделать ее заново. Каждый обихаживает кусок улицы против его дома. Я первый вышел на работу, прорыл канаву, начал равнять землю. Гутсону это понравилось. Он портрет с меня велел срисовать и повесил на угол моей избы. Снизу подпись: «Илья Баранов — ударник!»

Все ходят, смотрят, останавливаются:

— А, а! Гляди, дескать!

Смотрю, домохозяева с бабами то тот, то другой потихоньку выходят робить, чинить улицу. Канавы начали копать, шлак возить, утрамбовывать. Гутсон устроил свой штаб в общежитии редакции по Извездной улице, от моего дома наискосок. Он стал у нас за прораба. Тут же у него и склад находился: кайла, лопаты, мешки, все... Каждый день выпускал маленькую газетку, печатал, кому какое задание, кто лодырь, кто ударник, как двигается работа. Племянница моя, Наташа Усова, сначала против была, ворчит, бывало:

— Что это? Мужик за день наробится, а тут снова то это, то то таскай. Чего придумали?!

Она хоть и ворчала, а работала все-таки. Гутсон об этом узнал. Написал про нее в газетке, что она хорошая ударница. Она прочла это, обрадовалась.

И давай работать еще более усиленно. Весь свой дом переворотила, мужа, детишек работать выгнала. Вышли они со своим выполнением вперед всех, золы навалили, палисадник устроили. Детишки ко мне бегали:

— Дядя! Дай нам кустов сирени!

Посадили перед домом сирень.

За такую наилучшую старательную работу им громкоговоритель поставили.

И не они одни, а многие так работали. Просто энтузиазм появился. По часу, по полчаса выходили каждый вечер

семьями робить. Посмотришь вдоль Извездной улицы — ровно мураши копошатся. Там подрезку делают, тут ведрами шлак таскают, здесь клумбы разбивают цветочные — шум шумом стоит на улице. Соревновались между собой на качество, кто лучше свой кусок улицы обиходит. И Гутсон каждый день печатал в газете, кто сколько часов робил и что сделал. Такое дело этот Гутсон разжег, что любо. Сперва-то на него кое-кто шибко ругался:

— Лет через пять подоспеет улица, а ездить теперь нельзя...

— В пятилетку не кончить...

Тут такая борьба велась, дальше некуда. Прибегает както Гутсон ко мне.

— Баранов! Сейчас пьяные хватали меня, говорили, что закопать меня надо тут же.

Насилу Гутсон тогда от них вырвался.

Или еще некоторые покрикивали:

— Хлеба надо доставать! Робить не можем!

Тогда редакция добилась открытия на нашей улице ларька для продажи хлеба ударникам. Дело еще пуще направилось. Сначала-то ведь уговорить не могли, а потом отбоя не стало.

В уборочную кампанию автомобиль наш взяли в колхоз. Бабы Гутсону проходу не дали:

— Давай машину шлак возить! Робить охота!..

...И вот улица наша ровная, чистая, канавы прокопаны, у домов скамеечки, палисадники, фонари, цветочные клумбы. Громкоговорители по всему порядку играют. Портреты Ленина и Сталина на тех домах, где этого хозяева заслужили. Сделалась наша улица еще баще, чем на газетной картинке. И вот приезжают к нам двое челюскинцев-комсомольцев. И на митинге, где они нам рассказывали, как жилось им на льдине в лагере Шмидта, мы постановили назвать Извездную улицу — улицей имени Челюскинцев.

Полуэктов Павел Кириллович

Дома Катаевых, Кокуркиных, Шевцевых по Большой Поперечной улице на Ключах, Мамоновых, Чернышевых, Черкасовых, Пшикунов по Старобазарной и большинство домов кадровых горняков вообще сейчас очень уныло выглядят. Сейчас конец октября. С окон содрано все буквально: ни единой шторы, ни занавески.

Внутри все невесело. Посуда наружу, кровати без чехлов, одеяла все старые, подушки не заправлены. Кровать голая,

страшная. Ну, и во дворе запущено, не метено. Идешь по улице — как нежилая вся улица. Даже цветы с окон куда-то убраны.

Задаешься вопросом: что же это такое за запустение? Ключи готовятся к празднику. Идет стирка. Бабы так и снуют по улицам, по проулкам к Медному руднику. На тачках у них корзинки-плетенки с бельем, поверх белья одеяла, половики. Всюду разговоры:

— Только бы управиться к празднику!

Вчера захожу в лавку — там целый скандал: мыла нет ни весового, ни туалетного. Бабы трясут заведующего:

— Праздник наступает, надо стирать, а вы нам мыла не приготовили!

Мыла достали все-таки. Нестиранным не оставляется ничего. Белят печки, моют стены, скребут потолки, скоблят полы, чтобы доски были желтые и пахли сосной. И в сенях выскоблят и крыльцо. К воротам наложат широких досок, чтобы не затоптать ни крыльцо, ни двор. Двор тоже чистят, метут, чтобы в дом меньше грязи попадало. Рамы окон, наличники — все это обихожено, обтерто, вымыто. Во дворе у ворот все выметено, вычищено, как в комнате у хорошей хозяйки. У входа на крыльцо лежит опрятненькая рогожа, а дальше по крыльцу в коридор и в сени идет половик-дорожка. У всех полочек занавески. Посуда уже не выглядывает. Всюду в доме образцовая чистота. Белые половики из хлопчатобумажных тканей. А сверху дорожка из более грубого материала. На кроватях чехлы, одеяла чистые, подушки горой друг на дружке сложены. На всех окнах чистые шторочки или тюлевые занавески.

Улица становится ясная и приятная. Стекла блестят, сверкают, цветы повсюду выставлены. Жалко — нет красного материала, а то бы поголовно все вывесили флаги. Другой возьмет у бабы красный платок, днем-то навесит его на палку, а к вечеру убирает в избу. Пройдешь вечером по Ключам — окна светятся красным. Горняки заменяют материю красной бумагой, обертывают ею лампочки. Радио кричит из всех окон. Люди ходят чистенькие, подстриженные, подбритые. Нарядные все такие! Сразу чувствуется, как в быт горняка вошел революционный праздник — Октябрь.

Коренцистов Александр Гурьянович

Хоть я с детства и не любил богов, а икон накопил много. Мне сейчас 57 лет, я женат в третий раз. От первых двух жен у меня было 19 детей. Третья жена привела в дом пар-

Бородин Иван пришел с собрания вперед меня и рассказал жене, как меня за ее иконы прохватывают. Она тут же их сняла...

нишку Ваньку Бородина, сына первого ее мужа. Сейчас у нас осталось две дочери да этот Ванюшка. Все остальные померли.

А иконы так накопились: как только родится ребенок, я покупаю икону на его имя. Раньше говорилось — ангел должен быть у ребенка. Я так и делал, покупал ему ангела. Теперь детей на картины снимают, а я «снимал» на иконы.

Спросят меня:

— Сколько у тебя детей было?

— Девятнадцать.

— А как их зовут?

— Смотри на иконы!

Тот начинает:

— Павел, Иван, Николай...

Девятнадцать их было, всех сейчас не упомнить... По иконам всех их переберешь, коли нужно. На обороте каждой иконы написано было, кто когда родился. Сразу проверить можно.

Иконы у нас висели по всем стенам и на крыльце и в сенях, где какая попало. Жены на них молились.

Я — в партии, но жен с боговым делом я не неволил. Молишься и молись.

При третьей бабе попал я в партийную чистку 1933 года. На чистке стоял в толпе и мой пасынок Иван Бородин. Он в Граневой в депо робит, чинит вагончики, а я тогда работал забойщиком. Я его не видал — шибко много народу было. Стали меня спрашивать политграмоту, я имя все рассказал хорошо. Потом меня спросили:

— А иконы у тебя есть?

Я говорю:

— Есть. Икон у меня до чорта. Много икон.

— Молишься?

— Нет, не молюсь.

— А не молишься, пошто ты их держишь?

Я стал говорить:

— У меня ведь не первая баба, а третья. Попробуйте-ка третью бабу уговорить, чтобы она иконы убрала!

Шморгун тут же обещал притти со своей бабой ко мне уговорить мою отстать от религии. Иван Михайлыч Пылаев тоже это же обещал...

Прихожу я после чистки домой. Смотрю: что такое! Нигде ни одной иконы нет.

Я удивился. Молчу все-таки. Ленин в углу стоит, как и был, а иконы все сняты.

А оказалось, что Бородин Иван пришел с собрания вперед меня и рассказал жене, как меня за ее иконы прохватывают.

Она тут же их и сняла. Он ей сказал и ушел. Она без него сняла.

— Вам их, говорит, не надо, и мне они не нужны!

На другой день я опять прихожу на чистку. Председатель меня спрашивает:

— Как с иконами у тебя?

— Нет ни одной в избе. Все убраны. Я сам дивовался, что так легко обошлось. Ни шуму, ни крику не было.

С тех пор и молиться жена не стала.

То, бывало, все на Ванюшку ругается:

— Ты что, не видишь, что боги тут? Тот болван не молится, так и ты тоже?

А теперь сама перестала. Икон нет, так и молиться ей не на чего.

Итоги

Давыдов Андрей Александрович

Двести с лишним лет эксплоатировались природные богатства горы Высокой. Двести с лишним лет эксплоатировались десятки тысяч горняков.

От этой безудержной хищнической эксплоатации надолго осталось наследие: на земле бесформенные ущелья, ямы, штольни, шахтенки, громадные отвалы и бугры, у людей — отсталость и бескультурье у бывших эксплоатируемых, жажда наживы и хищничество у бывших мелких эксплоататоров.

Высокогорское месторождение железной руды с начала развития металлургии в России привлекло к себе внимание богатством залегаемой руды как по количеству, так и по качеству: она качественно ниже бакальской по вредным примесям, но равна магнитогорской. Перед Демидовым и его последышами, разделившими Высокую на участки, стояла одна задача: взять руду как можно дешевле! Ну и брали. Каждый брал со своего участка только ту руду, которая сразу годна была в плавку, т. е. снимал сливки. Все остальное — руду сернистую, с примесью пустых пород, глинистую, кремнистую — отваливали тут же, хотя заваливали месторождение не менее богатое. Серьезных разведочных работ не велось, не знали, что и где залегает, а отвозить далеко невыгодно, да подчас и нельзя было, так как пришлось бы переезжать через чужой участок.

Даже богатейшую руду валили в отвал и заваливали ею болота, потому что она была с примесью меди — «зелени», а медь считали вредной примесью. Никакой механизации, никакого обогащения, никакой технически правильной эксплоатации месторождения. Это было царство лома, балды, кайла, лопаты и лошади.

Лишь незадолго до империалистической войны, когда вода стала мешать добыче, а деваться было некуда, так как кругом образовались свалки в миллионы кубометров и оставалось только итти вглубь, были поставлены паровой водоотливишко, маленький компрессор, впоследствии электрифицированные вместе с промывочной бутаркой. А в 1912 году шведами был поставлен наклонный подъемник, к которому подведены были колеи железной дорожки и применены вагонетки.

Давыдов Андрей Александрович

С такой механизацией вошел рудник в революцию, с нею же он просуществовал до 1928 года, пережив годы полной остановки и годы восстановления.

Восстановленное народное хозяйство СССР бурно реконструировалось, а рудник начинал отставать, в перспективе угрожая срывом работы уральских металлургических заводов. Работа его зависела от большого количества людей и лошадей, и это уже в те годы ставило преграду его развитию. Серьезность положения сознавалась еще не всеми. А вредительская рука не только не выправляла наследие хищнической политики капиталистов, а продолжала «резать» рудник: вскрышные работы не производились, лучшие участки забрасывались, не разрабатывались.

Лишь в 1928—1929 годах рудник обогатился одним паровым экскаватором, паровозиком-«лягушкой» и опытной промывочной фабрикой системы Тимошенко.

Металлургия Урала быстро реконструировалась, и тревога за руду все больше усиливалась.

15 мая 1930 года ЦК ВКП(б) вынес историческое реше-

ние по докладу Уралмета, в объединение которого входил и рудник.

С этого дня началась новая история рудника — рождение нового социалистического предприятия, коренная реконструкция Высокой, переделка людей, выкорчевывание старых методов хозяйствования, организация производства на базе современной техники и шести условий победы товарища Сталина.

Мне пришлось быть участником строительства нового рудника.

Будучи партийным работником, имея восьмилетний опыт в области работы, главным образом политико-воспитательной, я никогда не думал, что смогу быть хозяйственным руководителем. И вдруг после ликвидации округов в августе 1930 года я был назначен директором горы Высокой. До того я не имел понятия о железорудной промышленности, не знал не только тонкостей, но не имел даже представления о многих областях техники этого предприятия. Надо было браться за дело сразу, так как к августу 1930 года рудник был почти совершенно остановлен. Раздумывать было некогда — надо было действовать и учиться в процессе работы. На руднике работали люди и лошади. Летом 1930 года в Нижнем Тагиле начинается строительство Новометаллургического завода, отвлекшее на стройку тысячи людей. Традиционные летние перерывы на страду (сенокос) не были еще ликвидированы. Лошадники, главным образом бывшие подрядчики, предав интересы рудника, ушли на страду, а потом рассосались по другим стройкам и предприятиям в погоне за большим заработком.

Выход был один: мобилизовать все оставшиеся силы в забой, прекратить утечку, пустить промывку на три смены и бесперебойную работу, обеспечив таким образом текущую программу добычи. Развязав себе несколько руки, предстояло взяться за окончание механизации Граневой выработки, заброшенной растерявшимся руководством. Это был первый бой за механизм на руднике. Во главе с парткомом и под его командой все, что было лучшего на руднике, изо дня в день билось над окончанием наземно-канатной дорожки. Вопреки карканью и злорадству конницы победа была одержана. Она описана в этой книге ее героями.

Следующей задачей было возобновление вскрышных работ, но уже не на мускульной силе, а на освоении полученных к тому времени двух электрических экскаваторов. «Менк» в 1 кубометр работал с 1929 года, а «Менк» в 1½ кубометра лежал не собранный. Организация сборки этого экскаватора, завершенная митингом, была вторым мобилизующим момен-

том. Но сами по себе экскаваторы без путей и транспорта — ничто. Глубокой осенью развернулась борьба за прокладку первого узкоколейного пути (750 мм) для вскрышных работ. В дожди и слякоть, в вязкой красной глине небольшая горсточка людей, пустившая канатную дорожку, закончила и этот путь к прибытию первого коломенского четырехосного паровоза.

Эти факты, кажущиеся сейчас мелочью, и были той текущей механизацией, которая открыла начало настоящей реконструкции рудника. Это был действительно переломный момент в сознании кадров рудника, до того времени не веривших в механизацию. Вспоминаю, как даже уважаемый всеми и неотсталый Федор Данилович Козьмин, который несмотря на свой преклонный возраст принимал участие в субботниках, пророчил, что паровозы по этой глине не пойдут.

Итак с натяжкой, но снабжение действующих заводов было все же обеспечено. Но перед рудником стояла другая сложная задача — реконструироваться и стать второй Магнитной для снабжения строящегося Новотагильского комбината.

А комбинат возле Тагила создается гигантский. На базе высокогорских, лебяженских и гороблагодатских руд строится третий в мире по мощности металлургический Новотагильский завод. В свою очередь на базе металла Новотагильского завода воздвигается Уральский вагоностроительный завод — также один из величайших на земном шаре. Чтобы стать рудной опорой такого объединения заводов, горе Высокой было необходимо в кратчайший срок реконструировать свое производство.

В 1931/32 году начинает прибывать одно за другим различное оборудование: экскаваторы 2¼-кубометровые «Марионы» (3 шт.) и «Демаги» (3 шт.), 10 коломенских узкоколейных и 7 ширококолейных паровозов, станки ударного бурения, компрессор «Борзиг», завод жидкого кислорода для взрывных работ и пр.

Началось наступление на горы и отвалы, метр за метром прорезались траншеи — заезды в выработки. Работы осуществлялись по утвержденному в 1931 году проекту, разработанному американской фирмой «Оглебэй Нортон». Обсуждался и утверждался он на руднике, на широком заседании Научно-технического совета с авторами проекта — американцами при участии местных специалистов и рабочих. Много было тогда сомнений в возможности применения на нашем руднике ширококолейных заездов с системой тупиков. А сейчас это кажется так просто и реально.

После того как на висячем борту заработали два «Менка», мы взялись за неприступный Шихан. Затащили туда па-

ТАГИЛ БУДУЩЕГО

(Схема города предприятий и новостроек)

Были горы Высокой.

ровой экскаватор «Рустон», узкой ленточкой пробили по краю уступа дорожку, уложили путь, и в июне 1931 года разукрашенный узкоколейный паровоз после митинга повез первый состав. Затем на Шихан потащили красавца «Марриона». Пятнадцатитонные части тащили в гору по размякшей глине двумя гусеничными тракторами «Коммунар». И какую сделали глупость! Другой «Марион» собрали на месте разгрузки, и он, опередив собрата, сам пришел на Шихан и помог собрать его.

«Менки» собирали под руководством немца-монтера, «Марионы» — под руководством монтера-американца.

А «Демаги», компрессоры «Борзиг» и электровоз собрали от начала до конца сами, не затратив ни одной копейки золота на сборку.

Собранные мощные $2^1/_4$-кубометровые экскаваторы ежеминутно выводили из строя игрушечные перед ними костромские $2^1/_2$-кубометровые узкоколейные вагонетки, в особенности на Шихане, где при разгрузке ковша от ударов камней разлетались не только борта, но и металлические основания.

Введение широкой колеи нельзя было откладывать ни на один день, так как надвигалась угроза полной остановки экскаваторов. И там, где полтора года назад прокладывалась первая узкая колея, вновь закипела работа по прокладке широкой колеи. 17 августа 1932 года новый исторический день — по первой ленте широкой колеи первым рейсом идет «Компаунд» с нагруженными 40-тонными думкарами. Реконструкция развернулась вовсю.

1932 год был годом насыщения горы Высокой механизмами почти до необходимого предела. Но результатов не было. 1932 год был провальным годом по выполнению программы как по количеству, так и по качественным показателям. Увлеченные монтажем, захлестнутые массой различных механизмов, кидаясь от одного к другому, успевая их только расставлять по местам, затаскивать на горы, мы почти не работали над освоением их. Лишь в 1933 году, вплотную взявшись за освоение, мы добились некоторых результатов, а по сравнению с 1932 годом — рекордов.

Развертывание реконструкции всех частей горного хозяйства опережало вторую часть реконструкции горного дела горы Высокой — обогащение, первым этапом которого была промывка валунчатых глин.

Еще в 1929 году началось строительство первой мощной промывочной фабрики системы «Лог-уошер». Без проектов, чертежей, смет, не зная, что строить, как и для чего, руководимые вредителями, приступили горе-строители к соз-

данию этой фабрики. Сотни, тысячи переделок, перепланировок, перепроектировок срывали сроки окончания строительства. Переход руководства стройкой из рук в руки, от одной организации к другой, сопровождался вопиющим «качеством» как строительных, так и монтажных работ. Фабрика должна была дать руду в 1932 году и не дала ни тонны. В феврале 1933 года окончание ее строительства переходит к руднику. Все силы, все материальные ресурсы были брошены на нее, но ничто не спасло положения. Пущенная в сезон 1933 года фабрика дает лишь 18 процентов плана. Технологическая схема, качество механизмов не выдерживают критики, и фабрика, проработав кое-как до глубокой осени, замерзает в самом разрушенном состоянии, прежде чем успели испытать ее во всех частях. Но опыт был извлечен — зимой 1933/34 года она подвергается коренной реконструкции и более нормально работает в сезон 1934 года (фабрика работает только летом). На руднике не было другого участка, где бы так сильно поработала классово-враждебная сила: вредители, сознательные и бессознательные, саботажники, бездельники, рвачи и лодыри приложили здесь свою руку, как нигде.

Особую роль в реконструкции сыграла постройка механического цеха, который выносит сейчас всю тяжесть монтажных и ремонтных работ. До его постройки на руднике было только два-три станочка да кустарная кузница. За каждой шестерней, за каждым болтиком рудник должен был обращаться на соседние заводы.

Самое ценное, самое замечательное, что произошло на руднике за эти четыре года, заключается не только в том, что он обогатился первоклассным оборудованием и перешел к новейшим методам горных работ. Самое ценное — это переделка людей рудника. С отпечатком вековой эксплоатации, докапиталистических методов работы эти люди изо дня в день перерождались и подтягивались к общему уровню развития передовых пролетариев Советского союза.

Кругом росли новые предприятия, создаваемые на болотах, в лесах, в пустынях. Партия и правительство бросали туда тысячи коммунистов, комсомольцев, беспартийных с действующих предприятий.

Рудник должен был делать все своими кадрами и не имел права требовать людей извне. Только раз в 1930 году местные районные организации подбросили нам 25 комсомольцев. Сейчас рудник сам уже помогает и транспорту и колхозам.

До 1929/30 года на руднике в большинстве заправляли техники-горняки, практики, застывшие в своем развитии. Пришедшие в 1929/30 году молодые силы, инженеры-

горняки, а впоследствии механики и электрики, не имели опыта — большинство даже никогда не видало основных вводимых в работу экскаваторов, буровых станков, электровозов и других механизмов. Им нужно было учиться и переучиваться.

Кто же монтировал, собирал, садился просто работать, а потом осваивал механизмы? Это бывшие коногоны, гонщики, ломщики, лопаточники, грузчики-тачечники и т. д., в большинстве своем неграмотные и малограмотные.

Охваченные единым стремлением переродить рудник и сделать его передовым социалистическим предприятием, они боролись и брали приступом препятствие за препятствием. Руководимые на каждом этапе решениями ЦК партии, историческими указаниями тов. Сталина, они в борьбе с классовым врагом изгоняли обезличку и уравниловку, перестраивались, создавали ударные бригады, соревновались, изучали технику, осваивали механизмы. Мало кто ушел от такой горячей борьбы, а тех, кто ушел — не жаль: они мешали работе, тянули рудник назад.

Ряды рудничных людей — административно-технического персонала и рабочих — за последние четыре года почти не поредели.

Не мне рассказывать о них. Они выросли настолько, что сами, сотней голосов рассказывают в этой книжке о своих поражениях и победах.

Нарком

Давыдов Андрей Александрович

Летом 1933 года наш рудник посетил тов. Орджоникидзе.

Сначала он побывал на Уралвагонстрое, на Тагилстрое, на Тагильском заводе. Я поехал его встречать на завод. С ним вместе осматривали завод товарищи Головин, Иванченко, Иванов, Царевский, Кузнецов и другие[1]. Я встретил их, когда они уже осмотрели цехи завода и шли от разливочной машины к конторе, решая, ехать или не ехать на рудник. Был уже конец дня. Тов. Орджоникидзе порядком устал, но выглядел очень бодрым в своей защитной фуражке с красной звездой, в прорезиненном военном плаще. Я подхожу. Иванченко рекомендует меня:

— Вот директор рудника тов. Давыдов!

Тов. Орджоникидзе удивился моему малому росту и спрашивает:

— Тебе сколько лет?

Все засмеялись. Он в шутку им говорит:

— Что же вы его поднять не можете?

Сели в машины и поехали к обогатительным фабрикам. Впереди я на своем «баяне», Орджоникидзе и Царевский за мной, остальные — сзади. Целая колонна автомашин.

У переезда все вылезли и пошли по линии к первой секции. Я шел по одну сторону наркома, Кузнецов — по другую. Подходим к зумпфу. Только начал я объяснять, как работает элеватор, — ток выключили. В то лето мы с током мучились. Орджоникидзе это знал. Говорит сразу:

— Щербина[2] тебя подвел!

Прошли внутрь фабрики. Там полазали по всем лесенкам, смотрели аппаратуру. Остановились у «лог-уошеров»[3]. Он очень внимательно следил за работой их. Я рассказывал ход технологического процесса:

— Горная масса идет из элеватора в бутару, из бутары сюда, дальше по транспортерам.

---

[1] Тов. Головин — председатель Свердловского облисполкома, тов. Иванченко — управляющий трестом «Востокосталь», тов. Иванов — управляющий трестом «Востокоруда», тов. Царевский — начальник Тагилстроя, тов. Кузнецов — секретарь Тагильского горкома ВКП(б).

[2] Щербина — директор Тагильского завода, одним из цехов которого является электростанция.

[3] Лог-уошер — „рудомоечное корыто" — один из агрегатов обогатительной фабрики.

Он слушал молча. Валы гремели, и разговаривать было трудно. Ток в это время уже включили опять.

Прошли дальше.

Тут кто-то ввернул насчет того, что рудник хорошо, экономно сработал за полугодие. Он сейчас же приказал Иванову:

— Проверьте. 50 процентов сэкономленных средств разрешаю израсходовать на рудничные надобности.

Благодаря этому гора Высокая смогла израсходовать 350 тысяч рублей на собственную продбазу, на благоустройство рабочих квартир, на ясли и детсады. Это сильно помогло улучшению бытовых условий рабочих и ИТР.

С фабрики мы хотели провести товарища Орджоникидзе на вершину Шихана, но было уже поздно, и план этот не удался. Нарком со своими спутниками уехал с рудника в город.

Этот хотя и недолгий приезд товарища Орджоникидзе на гору Высокую сразу сказался на выполнении промфинплана. Рабочие рудника в ознаменование приезда наркома резко подняли производительность своего труда. Кадровые горняки Высокогорского рудника восприняли посещение их предприятия товарищем Орджоникидзе как хозяйский контроль со стороны ЦК партии и правительства над использованием механизации горняками Высокой. В цехах можно было слышать такие речи:

— Плохо робим, ребята, все-таки. Гляди, машин какая сила теперь на руднике, а программа у нас не шибко большая.

— Стыдно перед хозяином. Ну-ка, скажет он: «Сколь вам ни шли механизмов, вы все не баще кучеров на них робите».

И рабочие совершенно правильно ухватывали в своих репликах исключительную роль товарища Орджоникидзе как командарма тяжелой промышленности в деле реконструкции Высокогорского рудника. Ведь, еще возглавляя ЦКК НК РКИ, товарищ Орджоникидзе уделял большое внимание рудной базе Урала. Материалы бригады ЦКК НК РКИ, обследовавшей Высокую зимой 1929/30 года, легли в основу исторического постановления ЦК ВКП(б) по докладу Уралмета от 15 мая 1930 года. Это постановление, вскрывая крайнюю слабость партийной, профессиональной и хозяйственной работы на рудниках Уралмета, предлагало немедленно приступить к текущей механизации горнорудного производства Урала и к коренной его реконструкции. Самое слово «Высокая» упоминается в нем трижды.

Впоследствии, став председателем ВСНХ и затем наркомом тяжелой промышленности, товарищ Орджоникидзе бле-

стяще выполнял решение ЦК от 15 мая 1930 года. В его лице партия и правительство направляли на Высокую непрерывным потоком сложные буровые станки, обогатительную аппаратуру и прочее оборудование, вооружая горняков передовой горнорудной техникой.

И вот, прослыша о приезде наркома, машинисты, забойщики, бурильщики, взрывники — все горняки Высокогорского рудника загорелись желанием показать наркому, как они овладели техникой, данной им партией и правительством.

Но это удалось одним взрывникам, да и то лишь в следующий приезд товарища Орджоникидзе в Тагил.

Долженков Николай Константинович

Когда он в первый раз приезжал, я припас все как есть, хотел предъявить ему свое искусство.

Помню, в час дня мне позвонили по телефону:

— Орджоникидзе приехал!

Я сразу в ответ скомандовал:

— Тащи детонирующий шнур! Вези кислород. Патроны. Все необходимое — на Шихан!

А сам уже бегу туда весь мокрехонек. Думаю:

— Будем показывать Орджоникидзе взрыв!

Прибежал на Шихан, приготовил патроны, сложил их в термос, залил для пропитывания кислородом и все время подливал кислороду, потому что он испаряется. Я был готов каждую минуту показать взрыв бутов — крупных камней — накладными зарядами.

Но Орджоникидзе прошел внизу, он очень торопился в тот раз и к нам наверх не успел зайти. Это случилось летом 1933 года. Я шибко был недоволен таким делом. Страшно досадно было. Жалел, что нарком не посмотрел, до чего мы дошли во взрывных работах. Ведь каждый своим делом гордится, интересуется. Я не ожидал, что еще встретится случай показать ему работу мою. И вот пришлось.

В конце августа 1934 года, тоже в час дня, вызывает меня с кислородного завода Давыдов:

— Долженков, приди в кабинет!

Я пришел. Смотрю, сидит у него управляющий Востокоруды Иванов. Давыдов сказал:

— Вот, Долженков, надо организовать взрыв на Вагонке для товарища Орджоникидзе.

Иванов объяснил:

— Надо организовать сегодня во что бы то ни стало взрыв по заданию товарища Орджоникидзе, чтобы в 7 часов вечера было готово.

— А скважины есть?
— Скважин нету!
— А порода какая?
— Породы я не видал.
Я тогда предложил:
— Раз Орджоникидзе хочет взрыв посмотреть, пусть приезжает к нам на Шихан. Я могу устроить взрыв на 20 тонн амонала. Скважин хватит.
Я думал, что ему хочется посмотреть грандиозный взрыв. Иванов говорит:
— Ничего ты не понимаешь. Ему именно нужно посмотреть взрыв на Вагонке. На Вагонке администрация заявила ему, что их породы трещиноваты и не поддаются взрывным работам. Поезжайте, успейте в момент и докажите, что порода эта взрывается.
Тут встала трудная задача передо мной. Находясь в 12 километрах от Вагонки, не зная, какая у них порода, какая высота забоя, не зная крепости породы, очень трудно было определить, какой инструмент и что еще с собой захватить. Главное — все дело в скважины упиралось. А срок короткий.
Думать много было некогда. Позвонил в Большую выработку Шептаеву, попросил его приготовить комплект буров от 2 до 5 метров. Он говорит:
— Сейчас, милок!
Затем я позвонил Сандригайло:
— Сандригайло! Помогай, давай. Я знаю, у тебя есть хорошая рабочая сила. Зимой они великолепно кувалдой били.
Сандригайло сию же минуту явился и побежал в цех за рабочими. А я спешу в кузницу показать, как заправить буры надо. Все разговорчики, да время, да беготня. А стрелка падает да падает. У-у, ты!
Машина лимузин ждала уже нас на борту выработки. В 4 часа поспели буры, пришли молотобойцы, поднесли буры к машине. А как же поместить их туда, такую длину? Выход нашли. Привязали их с боков кузова проволокой и со смехом — «казаки с пиками» — покатили на Вагонстрой.
Ехали час. Прибыли. По словам Иванова мне оставалось два часа, чтобы разбурить и зарядить скважины. Я смотрю, напротив цеха колес Гриффина выкапывают большой котлован для цеха тяжелого литья. Метров 120 длиной, 60 шириной, в глубину метров 20. Сначала-то у них метров на 10 глина шла, а ниже оказались тальковые породы большой крепости, цветом — серые.
В этом котловане масса людей кайлами, клиньями, кувалдами, лопатами и ломами колола породу и собирала ее

в груду. На борту стояли два экскаватора. Экскаватор «Даргляйн» вроде скрепера поддевал породу из груды и сваливал повыше в другую груду для «Менка». А «Менк» в свою очередь ложил ее в площадки-вагоны для вывозки на отвал.

Мне ихние прорабы потом рассказывали, что Орджоникидзе, увидя такую оказию, будто бы сказал так:

— Это что за работа, чтобы такой тьмой людей работать и не мочь загрузить двух экскаваторов!

Экскаваторы раз зачерпнут — и делать нечего. Ведь тут сразу бросается в глаза, что нужно применять взрывные работы, ручную же силу нужно на другом использовать.

А у них было много рабочих, которых они и решили использовать в котловане. Взрывы-то они, верно, пробовали устраивать, но у них почему-то не выходило. «Взрывпром» им рвал. Я ихних опытов не видал.

Прорабы хотели нам подложить свинью и отвели породу для бурения потверже. Пришлось сказать бурильщикам:

— Знаете, ребята, по чьему заданию вы делаете? По заданию Орджоникидзе! Давай, ребята, дуй!

Разбили их на две ударных бригады и организовали между ними соревнование. Люди сильные, начали садить почем зря. Мы от них не отходили ни на шаг с Сандригайло. Тут же развели огромный костер, разогревали буры, лома. Все грели, Иванов нам помогал. Он покрикивал:

— А ну, высокогорцы, докажи!

Наши отвечали:

— Не подкачаем!

Бурили мы два часа. Порода была настолько крепкая, что буры изгибались. Только благодаря большому желанию рабочих можно было сохранять правильный ход скважин. Скважины располагались в ряд метра на два одна от другой. Всего было три скважины, и над ними трудились шесть бурильщиков. Эта работа не какая-нибудь легкая работенка. Пот действительно ручьем с них лился. Скважины были глубиной в 2½ метра, диаметром сантиметра в три. Попробуйте пробейте такую скважину! Отдыхать было некогда. К 7 часам мы скважины выбурили. Стали подготовляться к зарядке. Иванов пошел узнавать, когда может явиться Орджоникидзе.

Взяли по патрону динамита, опустили на дно каждой скважины, запалили. Сделали таким образом «простреды» — расширение нижних концов скважин.

Пришел Иванов и сказал, что Орджоникидзе явится не раньше 11 часов, так как он проводит совещание партактива. Мы выждали, когда скважины охладились, и начали засыпать аммонал. По ходу засыпки было видно, что простреды получились удачные и что в каждую скважину уйдет не

...По-простецки подходит к нам и начинает жать обоим руки...

меньше 3 килограммов амонала. Так и вышло. На сердце у меня отлегло. Тут победа уж была обеспечена. Опустили детонирующие шнуры с капсюлями во все скважины, наверху соединили их вместе, чтобы взрыв был одновременным. Забили скважины, как полагается, мелкой землей, затрамбовали их, и я сел поджидать гостей.

Сидел над скважинами, как курица над цыплятами. Вдруг кто случайно наступит на капсюли и произведет нечаянный взрыв. Рабочих мы отослали в тепляк. Иванов отправился на совещание партактива, а Сандригайло пошел на разведку, чтобы подать мне знак, когда покажутся гости.

Часов в двенадцать, смотрю, идут люди, человек 25. Я разом решил, что это Орджоникидзе с товарищами.

Они смело подошли к скважинам. Я присел, закрывая капсюли и руками и туловищем, чтобы не наступили на детонаторы. Они поняли и отошли. Орджоникидзе стал осматривать забой, спросил, сколько скважин и какова их глубина. Иванов отвечал. Потом мы, я и Сандригайло, посоветовали им укрыться за экскаваторами.

В котловане было пусто, вторая смена давно кончилась. Люди были все убраны, электричество выключено, пикеты поставлены. У меня с собой была пикулька. Подавали сигналы ею и горлом вместо сирен и рожков, которыми мы управляемся на Шихане.

Экскаваторы заранее отошли подальше и отвернулись. Я запалил шнур и отбежал к ближнему экскаватору. Было темно и тихо. Через минуту последовал глухой сильный взрыв. Взрыва в темноте видно не было. Когда включили свет, мы с Сандригайло первыми подбежали к забою. Видим, выдрало все до самого дна. Орджоникидзе подошел со всей группой, осмотрел результаты взрыва. Я стоял в стороне и не слыхал, что он говорил окружающим. Верно, немало он их корил. Ведь надо было самому наркому указать им, чтобы они поняли. И он своего добился. Помню, как Марьясин, начальник Уралвагонстроя, сказал:

— Да! Взрывать можно.

Они пошли обратно. Метров через 40 или 50 вся группа остановилась. А мы стояли на месте взрыва, Сандригайло и я. Слышим, окликают нас:

— Взрывники!

Мы направились быстрым шагом к их группе. Из группы выделился человек и пошел к нам навстречу, высокий, дородный, с приятным таким взглядом. По-простецки подходит к нам и начинает жать обоим руки. Тут я очумел. Также и Сандригайло. Такая неожиданность! Я слышу, он говорит нам:

— Товарищи, окажите соцпомощь Вагонке!

Тут и я и Сандригайло мычали, не помню что. Шибко «храбрости» набрались. Я как будто указал на Давыдова и говорю:

— Вот если он поможет, и мы поможем. У него станки.

Давыдов, улыбаясь, сказал:

— Поможем!

Зубенки оскалил и засмеялся.

Они сели в автомобиль и уехали. А мы с Сандригайло в приятном таком ощущении тоже отправились во-свояси и тут же решили крепко помочь Вагонке. Вскоре туда были переброшены с Высокогорского железного рудника 3 станка ударного бурения, пробурено 300 погонных метров, взорвано 3 тысячи кубометров крепкой породы, чем сэкономлено 1 500 рабочих поденщин и не меньше 5 тысяч рублей деньгами. Котлован был вырыт.

Пока на этом наша соцпомощь Вагонке окончена, а дальше мы ждем от них сигнала опять.

Так я все-таки показал товарищу Орджоникидзе свою работу.

Баранов Илья Гаврилович
Быков Григорий Семенович
Двойников Исаак Титович
Долженков Николай Константинович
Полуэктов Павел Кириллович
Пылаев Иван Михайлович
Сандригайло Николай Фаддеевич
Серебряков Павел Киприянович
Соловьев Сергей Александрович
Чернышева Таисия Зиновьевна

Вот так-то наши высокогорские взрывники показали наркому свою работу, и он жал им руки, благодарил их и просил оказать социалистическую помощь Вагонстрою. И когда рабочие рудника узнали об этом случае, то на Высокой поднялись большое ликование и радость. Зря нарком благодарить не станет. Приспел момент, и показали высокогорцы работу. Все очень гордились, но больше всех Долженков и Сандригайло. Молчат, а сами потихоньку гордятся. Накупили портретов товарища Орджоникидзе, развесили в конторках и дома.

И еще больше они стали гордиться, когда прочли речь товарища Орджоникидзе на совещании хозяйственников, где он упомянул об этой работе на Вагонстрое.

И каждый кадровый горняк Высокогорского железного рудника жалел, что товарищ Орджоникидзе в свое второе пребывание в Тагиле не заехал посмотреть на наш рудник. Потому, что не только за год со времени первого его посещения летом 1933 года, но и даже за полгода, с тех пор, как мы сдали свою книгу «Были горы Высокой» Алексею Максимовичу Горькому, рудник нельзя узнать.

Много нового появилось на нашем руднике, и много старого исчезло совсем.

Взять хотя бы размеры тех же взрывных работ. Взрыв 17 августа 1932 года, когда мы взорвали семью тоннами аммонала 12 тысяч кубометров породы, давно уже для нас не рекорд. Недавно мы взрывали Шихан двадцатью пятью тоннами аммонала. Этот взрыв дал 60 тысяч кубометров породы и окончательно уничтожил верхушку горы. Столб, обозначавший ее высшую точку — 293 метра над уровнем Балтийского моря, — взорван и лежит в стороне. Шихан идет к убыли. Скоро сядем на рудные горизонты.

Паровозы теперь съезжают у нас с горы на лежачий бок. Если раньше они брали с трудом уклоны, то теперь берут без аварий. Так выросла квалификация машинистов. Паро-

Делегация авторов «Былей горы Высокой» у А. М. Горького

возов у нас теперь уже не 7, а 16, депо вмещает не 2 паровоза, а 9.

Южная свалка срыта. Сто годов ее наваживали, а слизнули в одно лето. Теперь новый отвал развивается у Тонской горы. Болото было раньше там — пройти невозможно. Болото это засыпаем пустой породой, которую снимаем с рудных месторождений. Старые свалки — Красная и Беляшная — у нас ликвидированы. Теперь пустая порода из забоев передается транспортерами в думкары, которые везут ее на Тонский отвал.

Выработок у нас больше нет, есть единый Главный разрез. Заведует им Борис Иваныч Шептаев. Слились наши выработки в одну котловину, и уступы у них сделаны общие. То говорилось: «Граневая», «Большая». Ни Граневой, ни Большой нет. И канатки нет тоже. На что она нам сдалась сейчас? Послужила и хватит. У нас теперь вместо нее работают маленькие электровозы. Работают лучше некуда. По 12 вагонеток зараз тащат, целыми эшелонами тянут.

А наверх вагонетки выдаются через подъемники. Оба большеямских подъемника загружены на три смены.

Погрузка руды у нас теперь сильно механизирована. То, бывало, тачками возили руду в вагоны, а теперь грузим ее лентой. Маленькие транспортеры в 6—8 метров длиной оказались очень удобными для погрузки руды. Только покладывай на него, а уж он в вагон переложит.

Такие-то новинки у нас на руднике.

В этом году мы здорово помогали колхозникам. Сумели помочь подшефным колхозам: и вспахать, и посеять, и прополоть, и убрать. Помогали и тракторами, и автомашинами, и людьми, и лошадьми. В уборке месяц без малого помогали. Которые горняки и с семьями туда ездили. Ну, и свой огород развести успели. Поделили коопхозовские поля на 360 индивидуальных участков, и многие кадровики взялись возделывать эти участки. Картошки нарыли, овощей накопали на зиму. Сторожами огородов были Баранов и Коренистов.

Этим летом в цехах рудника открыты цеховые столовые с варкой пищи на месте, а не с привозом ее, как было раньше. Столовые чистые, высокие, светлые. Радио в них играет. Заведовать столовой Главного разреза выдвинута Таисия Чернышева.

Так мы боремся за осуществление одного из шести исторических условий товарища Сталина — за улучшение быта рабочих и ИТР.

Борьба за выполнение шести условий товарища Сталина развернута у нас на руднике все еще недостаточно, хотя кое-что и достигнуто.

Мы перестроили систему зарплаты в сторону увеличения прогрессивной премии за выполнение производственной программы. Этим летом машинисты экскаваторов зарабатывали у нас до 500—600 рублей. Вот, скажем, до 100 процентов плана платят за думкар по 38 копеек, со 100 процентов до 110 процентов получаешь за думкар по 76 копеек, а сверх 110 процентов уже по 1 руб. 14 коп. Вот и стараешься поскорее дойти до 100 процентов, а как дошел, только и думаешь, где бы еще наскрести вагон. Это невольно заставляет работать.

Прогрессивка у нас месячная, а не дневная. Подсчитаешь заранее по вагонам и знаешь, что если норму за две декады выполнил, то дальше уже идет прогрессивка.

Тут пуще стараешься. И не нас сменные техники, а мы их начинаем гонять:

— Давай работу!

Вот эта-то перестройка зарплаты в духе указаний товарища Сталина и помогла нам добиться выполнения программы по вскрыше. Так что с уравниловкой мы боремся довольно успешно, а вот обезличка далеко еще не добита на руднике. Формально у нас обезлички нет, все рабочие прикреплены к машинам, а фактически за некоторыми машинами нет досмотра. Экскаватор «Марион» № 8 Исаака Двойникова содержится в образцовом порядке и чистоте, «Марион» № 7 и «Демаг» № 14 также, а вот «Марион» № 12 машиниста Левочкина оброс грязью. Не у всех людей одинаково сознание переделалось.

Возьмем паровозы. У Полуэктова, у Виктора Бушина паровозы блестят, как новенькие, а у многих других машинистов они грязны.

Неблагополучно у нас с расстановкой сил на обогатительных фабриках. В некоторые дни наши фабрики выполняют план на 100 процентов, а в другие дни они опускаются до 60—70 процентов. Причина этого в плохой организации труда и ни в чем больше. Надо уметь расставить наших людей, что не всегда удается некоторым администраторам.

А люди просто рвутся к овладению техникой. Машинисты экскаваторов, паровозов, электровозов, мастера буровых станков — все квалифицированные рабочие рудника проучились без отрыва от производства по полгода на технических курсах и сдали соцтехэкзамен. Поголовно все они начинают сейчас заниматься рационализацией производства, вносят ценнейшие предложения. Вот например недавно придумали, как добиться незамерзания воды в цилиндрах думкаров. Весь секрет заключался в лишних клапанах. И теперь наши советские сормовские думкары, от использования которых

зимой отказались некоторые рудники, будут у нас работать не хуже импортных.

Все это показывает, какие неиссякаемые творческие возможности таятся в рабочем классе. Наш рудник теперь находится на широкой дороге. Вскрышные работы уже обеспечивают необходимый разворот добычи. Последствия деятельности вредителей, зарезывавших выработки, полностью ликвидированы. К тому времени, когда будет окончен постройкой Новотагильский металлургический завод, третий в мире по своей мощности, гора Высокая станет вполне подготовленной для него рудной базой.

Наш рудник сейчас справляется с выполнением производственного задания, но нам отлично известно, какие огромные неиспользованные резервы увеличения производительности труда еще находятся в нашем распоряжении. Недавно у нас был слет кадровиков-ударников, посвященный итогам девятимесячной работы 1934 года, конкурсным кварталам и проработке обращения всесоюзного совещания хозяйственников. В ответ на обращение мы обязались выполнить годовой план по добыче к 1 декабря и по вскрыше к 15 декабря, дать в декабре сверх плана 50 тысяч тонн руды и 50 тысяч кубометров вскрыши, снизить себестоимость тонны руды вместо 9 процентов на 12 процентов и кубометра вскрыши вместо 12 процентов на 15 процентов. И это не пустые слова. Мы выполнили свое обязательство, потому что нами руководит такая партия, как партия Ленина, возглавляемая таким вождем, как Сталин.

Словарь местных речений

Аркаться — канителиться
Баклàн — чурбан
Балдà — кувалда
Барабѝть — буянить
Бàрсить — стучать
Бàско — хорошо, красиво
Баскòй — красивый
Белѝк — пустая порода
Бесѐдка — сиденье в двуколке
Богатѝмый — богатейший
Болòтка — балда, кувалда
Бренчàть — звонить
Брѝчка — телега, полок
Бу̀де, бу̀деча — пожалуй, а иногда — может быть
Бусòй — полупьяный, путаник
Вàчеги — рукавицы
Вечерòвка — сверхурочная вечерняя работа
Вздымешь — подымешь
Вѝцы — прутья, тонкие жерди
Вòнь-де — вон где
Вот-де — вот где
Всемѝ — всем
Вту̀пор — тогда, в ту пору
Вы̀знать — вынуть, достать
Вы̀перстить — от перста — пальца — выковырять
Вы̀робить — выработать
Гайнò — угол
Галанчà — каланча
Глонѐт — глотнет
Гля̀нуться — нравиться
Гонная лошадь — пригодная для гонок
Гру̀дка — кучка
Гру̀знуть — вязнуть
Грязѝна — грязища
Деревѝна — деревяшка
Дѝвно — много
Дикошàрый — дикоглазый
Дрàча — драка
Жòгнул — треснул, ударил, ожог ударом
Завинѝть — обвинить
Зажѝга — пройдоха, а иногда — забияка
Зарòбить — заработать
Зарòд — стог
Заступить — поступить, выйти на работу
Издивиться — сильно удивляться
Имѝ — им
Казàть — показывать
Как мога̀ — как можно
Кàмор — камера
«Карпàт» — отвес Шихана
Колескò — колесико
Кòл, колò — около
Контомѝть — бить
Котòмошная — шинок
Кошòвка — легкие санки
Крàдче — тайно, украдкой
Кры̀льца — плечи, лопатки,
Кулёнки — ловушки на мелкого зверя
Кумовàр — самогонщик
Лòжь, ложѝ, лòжить — клади, класть
Лытàть — жульничать и убегать
Лычанѝна — лыковая веревка
Лѝмка — тесемка
Маячит — манит
Могѝльник — кладбище
Мòкреть — мокрота
Мошѐнство — мошенничество
«**Н**амы̀ливать» — сильно работать, в поту, в пене
Наосòбицу — особенно
Наряжàть — вызывать
Насѐльники — поселенцы
Нàсторить — подчищать
Настоя̀ще — по-настоящему
Наты̀чкано — натыкано
Нахàмать — награбить
Не в мàсть — не по нутру, неладно,
Не то̀ли че — не только что
Нѐтчик — прогульщик
Нѝзменный — низкий ростом
Обихòдить — прибрать
Оболокàть — одевать, облачать
Обу̀тки — обувь
Общѐственники — члены земельного общества
Овсянòй — конь, которого кормят только овсом
Одѝнова — однажды
Ознобѝть — отморозить
Озя̀м — горшок и род кафтана
Оставшàя — оставшаяся
Отвàживать — отвозить
Откры̀лок — навес у сарая, у крыльца
Отку̀ль — откуда

Палу́бка — корытце на полозьях для руды
Па́льцы — спицы колес
Па́сево — пастбище
Пимы́ — валенки
Пласта́ть — сильно работать
Пове́шать — повесить
Поднищи́ть — обнищать
Подо́ле — подольше
Подхало́жники — подхалимы
Подходя́ще — хорошо, по нраву
По его́ — за ним
По заукра́йности — на окраине
По незаймёнием — за неимением
Понужа́ть — понукать
По пе́рвости — сначала
Пошвырга́ть — попить
Поште́ — отчего, почему
Правѝло — мерка, ватерпас
Припашёно — приписано
Присека́ться — задирать, приставать
Пробо́йный — энергичный
Пропа́сть — умереть, погибнуть
Пря́сло — забор
Развали́ть — ранить
Разшара́шить — растопырить
Реше́тка — корзинка
Ро́бить — работать
Свя́зчик — приятель
Сго́нщина — пригнанные силой крепостные
Сёдни — сегодня
Семо́й — седьмой
Сизя́к — голубь
Скрича́ть — позвать, крикнуть
Слабый наруку — драчун
Смёшище — посмешище
Смотритель — управляющий рудника
Сря́ду — подряд
Старожи́лы — первые поселенцы — раскольники
Сте́жка — порка
Схвата́л — схватил
Сызмалетства — с малолетства
Сызра́не — заранее
Сэ́сколь, сэ́столь — столько
Таско́м — волоком
Те́мень — темень
То́рнуть — сломить
Угада́ла, изгада́ла — попалась
У́лошный — уличный
Уса́д — усадьба
Утыка́ть — угнать толчками
У́хать — кричать
Ушо́мкаться — упорядочиться
Холостя́жка — холостой парень
Частовре́менно — часто
Чё — что, чего
Че́ляль — дети
Челядёшка, челя́пига — мелкая детвора
Чей он? — как его фамилия
Че́рен, черешо́к — ручка инструмента
Чужеспи́нники — эксплоататоры
Чу́шка — подбородок
Шадри́вый — рябой
Шаматѝться — толпиться
Шары́ — глаза
Шепе́риться — сершиться
Шикота́ — красота
Шугна́ть — гнать
Шугну́ть — прогнать
Шу́хорный — смешной
Штодырить — пробивать
Ще́герь — штейгер

Авторы

Алексеев Павел Якимович — забойщик, выдвиженец на партработу в выработке, сейчас работает в редакции газеты «Тагильский рабочий».

Андрейцева Авдотья Максимовна — работница-штабельщица, на руднике проработала 55 лет, в последние годы по нетрудоспособности — пенсионерка.

Баранов Илья Гаврилович — работал в Медном руднике, затем в Большой выработке ломщиком, в гротовым, теперь пенсионер, работает по отдельным поручениям в Большой выработке.

Бессольников Николай Васильевич — машинист экскаватора «Оренштейн», кадровый коногрузчик и конюзабойщик.

Болотов Дмитрий Иванович — главный механик ВЖР в 1929—1933 гг.

Бондин Алексей Петрович — слесарь депо ст. Тагил ПЖД, писатель.

Боровых Михаил Фомич — помощник заведующего хозяйственным цехом, работал до этого десятником и запальщиком.

Бородин Василий Михайлович — рабочий конного двора.

Бурков Александр Осипович — забойщик, в последние годы на партработе на руднике

Быков Григорий Семенович — ант генщик Шихана, слесарь механического цеха.

Васильев Александр Григорьевич — горный техник, заведующий геолого-разведкой.

Васильев Афанасий Матвеевич — пеший грузчик.

Васильев Петр Антонович — запальщик, заведующий динамитным складом.

Вяткин Павел Яковлевич — забойщик, работает на каменном карьере Высокой для Уралвагонстроя.

Глазков Илья Павлович — грузчик, парторг обогатительных фабрик.

Глазкова Наталья Якимовна	работница - инструментальщица погрузки.
Горбунов Василий Аверьянович	запальщик, помощник заведующего взрывными работами.
Горбунов Ермолай Евстигнеевич	кучер разъездного двора.
Горностаев Ефим Егорович	десятник Граневой выработки.
Грегор Франц	иностранный рабочий, мастер кислородного завода.
Гришин Иван Григорьевич	ломщик, машинист паровоза.
Гурьянов Василий Игнатьевич	плотник, парторг экскаваторного цеха.
Давыдов Андрей Александрович	партработник, директор ВЖР.
Двойников Григорий Константинович	ломщик, в последние годы выдвинут на хозяйственную работу.
Двойников Исаак Титович	меднорудянец, слесарь механического цеха, в последние годы машинист экскаватора «Марион».
Двойников Саввин Титович	слесарь вагонного депо рудника, председатель БРИЗа.
Дмитриев Дмитрий Прокопьевич	кадровый ломщик, меднорудянец, работает кочегаром, пенсионер.
Дмитриев Петр Прокопьевич	меднорудянец, бригадир отвальных работ на Шихане.
Долженков Николай Константинович	ломщик, выдвинут на хозяйственную работу, в последние годы заведующий взрывными работами.
Епимахов Давыд Павлович	старейший техник-механик ВЖР.
Жбанов Николай Евлампиевич	грузчик, выдвиженец, агент отдела снабжения.
Задорин Валерий Александрович	рабочий-электрик, секретарь комсомольского коллектива ВЖР.
Зимин Павел Кононович	слесарь механического цеха.
Злыгостев Юрий Павлович	работник многотиражки «Руду — гиганту».
Зось Валентина Сергеевна	работница столовой ВЖР.
Каретникова Анна Ивановна	гонщица, машинист водоотлива.
Каписко Варвара Васильевна	работница детских яслей ВЖР.
Кизим Николай Григорьевич	ломщик, сейчас работает сторожем на руднике, пенсионер.

Кириллов Яков Митрофанович — весовщик погрузки, выдвинут в сотрудники коммерческого отдела.

Кладыков Сергей Андреевич — заместитель директора ВЖР.

Князев Яков Михайлович — десятник Граневой выработки.

Козьмин Федор Данилович — потомственный горняк, за революционную работу был приговорен к ссылке, бежал из Тагила, скрывался в Сибири до Октябрьской революции, партизан, краснознаменец.

Кондаков Алексей Михайлович — горный техник, заведующий отделом технического контроля.

Кондратьев Константин Иванович — слесарь механического цеха.

Коренистов Александр Гурьянович — ломщик, работает кочегаром.

Коровин Кузьма Дорофеевич — ломщик, партизан, в последние годы бригадир отвалов.

Костиков Александр Семенович — секретарь парткома ВЖР.

Краснобаев Александр Иванович — старый горняк, пенсионер.

Краснобаева Анна Кузьмовна — дочь старого горняка, машинистка рудоуправления.

Крючков Агафон Иванович — кузнец механического цеха.

Крючков Дмитрий Васильевич — помощник машиниста экскаватора «Марион».

Крючков Егор Петрович — кузнец механического цеха.

Крючков Иван Петрович — кузнец механического цеха.

Крючков Малафей Егорович — помощник машиниста экскаватора «Марион».

Кузнецов Абрам Зотеевич — слесарь вагонного депо ВЖР, профработник, теперь — политинспектор милиции Тагила.

Лунев Петр Аристархович — забойщик Граневой выработки.

Мамонов Иван Семенович — грузчик, выдвиженец, заведующий погрузкой.

Мамонов Николай Тихонович — магазинер складов фуража.

Мартюшев Викентий Кондратьевич — инспектор техники безопасности.

Масленников Дмитрий Иванович — машинист компрессора.

Махнев Василий Иванович — бурильщик, завхоз красного уголка ВЖР.

Насыров Валей — бригадир экскаваторщиков.

Нефедов Иван Степанович — забойщик, заведующий рудничным пунктом страхкассы.

Нехорошков Александр Осипович — рабочий-алмазник геолого-разведки, помощник заведующего экскаваторным цехом.

Носов Иван Романович — забойщик, партизан, выдвиженец, заведующий цехом ширпотреба.

Оплетин Евгений Павлович — рабочий чугунолитейного цеха Тагильского металлургического завода.

Оплетин Семен Григорьевич — рабочий механического цеха Тагильского металлургического завода.

Орлов Константин Александрович — техник отдела капитального строительства ВЖР в 1931—1932 гг.

Панников Григорий Федорович — ломщик-меднорудянец, партизан, работает заведующим архивом горсовета.

Пестов Федор Иванович — гонщик, машинист канатки, теперь — парторг горпромуча.

Пестова Галина Кирилловна — мотористка элеватора обогатительных фабрик.

Полуэктов Павел Кириллович — машинист электровоза и паровоза.

Приходько Николай Зиновьевич — ломщик, выдвиженец на культработу, в последнее время работает заведующим столовой.

Прохоров Иван Алексеевич — забойщик Граневой выработки.

Пшикун Андриан Иванович — старый кадровый ломщик, коннозабойщик, теперь — коннорабочий погрузки.

Пшикун Михаил Андрианович — ломщик, в последние годы работает десятником в Большой выработке.

Пылаев Андриан Николаевич — машинист подъемника № 1.

Пылаев Иван Михайлович — ломщик, партизан, в последнее время на хозяйственной работе.

Пылаева Маремьяна Ерофеевна — работница, жена кадрового горняка, домохозяйка.

Растворов Константин Сидорович — забойщик Граневой выработки.

Рыбаков Андрей Леонтьевич — партработник, помощник заведующего Шиханом.

Сандригайло Николай Фаддеевич	горный техник, заведующий Шиханом.
Свистунов Михаил Николаевич	рабочий-электрик, заведующий клубом ВЖР.
Сергеенко Иван Григорьевич	машинист компрессора «Борзиг».
Серебряков Павел Киприянович	машинист паровоза, выдвиженец, начальник транспорта ВЖР.
Соловьев Владимир Сергеевич	горный техник Главного разреза
Соловьев Сергей Александрович	заместитель главного инженера ВЖР.
Стаканчиков Анатолий Иванович	ломщик, партизан, помощник заведующего Шиханом.
Стаканчиков Степан Иванович	ломщик, выдвиженец, заведующий малахитной разведкой.
Суетнов Семен Петрович	забойщик, партизан, выдвиженец, помощник заведующего капитальной шахтой.
Титов Андриан Филиппович	ломщик-меднорудянец, партизан, теперь—десятник, бригадир в хозяйственном цехе.
Тихоноз Яков Михайлович	дорожный мастер транспортного цеха.
Усов-Успенский Николай Варфоломеевич	прокатчик Тагильского металлургического завода, актер, директор Тагильского ТРАМа.
Федюнин Илларион Гаврилович	забойщик Граневой выработки.
Чернышев Зиновий Александрович	ломщик-меднорудянец, десятник Граневой выработки, пенсионер.
Чернышева Таисия Зиновьевна	гонщица, женорганизатор, машинист компрессора.
Шевцев Иван Афанасьевич	кадровый забойщик, десятник, сменный техник-практик Главного разреза.
Шептаев Борис Иванович	горный техник, заведующий Главным разрезом.
Шляпников Захар Тимофеевич	забойщик Большой выработки.
Шморгун Александр Прокопьевич	десятник на подъемнике, председатель шахткома Граневой выработки.

Оглавление

Стр.

О книге М. Горький. Л. Авербах 5
О руднике. Д. Мирский 10

Часть I. ДЕМИДОВЩИНА

Предания стариков. Чернышева. Козьмин, Бородин. Козьмин. Чернышева 23
Медный. Чернышева. Козьмин 29
Дети. Козьмин. Дмитриев Д. Баранов 33
Первая стачка. Козьмин Чернышев 36
Волнения. Дмитриев Д. Коренистов. Прохоров 39
Кержаки. Мартюшев. Коренистов 47
Конница. Титов. Приходько. Краснобаев 54
Ключевские нравы. Кизим. Чернышева. Бородин. Крючков Е. Растворов. Пылаев И. 58
Гальянские нравы. Усов-Успенский. Махнев. Панников. 68
Порядки на Железном. Чернышев. Чернышева. Кондаков. Чернышева. Андрейцева. Шморгун. Двойников Г. Мамонов Н. Мартюшев. Краснобаева А. Носов. Мартюшев. 76
Начальство. Козьмин. Носов. Крючков И. Пшикун М. Растворов. Шевцев. Носов. Бородин 96
Русско-японская война. Пылаев И. 105
Первая революция. Козьмин. Чернышева. Каписко. Оплетин С. Бондин. Баранов. Мартюшев. Баранов. Оплетин Е. Козьмин. Баранов. Пылаев И. Масленников. Васильев П. 114
Реакция. Баранов. Оплетин Е. Баранов. Пылаева. Баранов 142
Шуточки Ковылова. Пылаев И. Носов. Пылаев И. Коровин. Боровых. 155
Борьба продолжается. Козьмин. Панников Титов 157
Огороды. Приходько. Краснобаев 163
Сморчок. Боровых. Васильев А. Федюнин 165
Механизмы. Нехорошков. Епимахов. Растворов. 168
Перед империалистической войной. Носов. Баранов 171
Империалистическая бойня. Бурков. Носов. Крючков Е. Горбунов Е. Носов. 175

Часть II. ОКТЯБРЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

От Февраля к Октябрю. Баранов. Пылаев И. Носов. Пылаев И. Носов. Баранов 183
Октябрь. Пшикун А. Баранов. Пылаев И. Носов. Баранов 189
Первые шаги. Пылаев И. Носов. Баранов. Козьмин 196

Стр.

Начало гражданской. Носов. Пылаев И. Носов. Пылаев И. Носов 199
Красная армия. Носов. Суетнов. Пылаев И. 205
На дальних фронтах. Титов. Двойников И. 212
Белые в Тагиле. Зимин. Быков. Горностаев. Быков. Пестов 216
Возвращение красных. Боровых. Козьмин 223

Часть III. ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Робить надо. Пшикун А. Андрейцева 231
Беспризорник. Быков 234
Собирание сил. Двойников С. Горностаев. Боровых. Кладыков и Нефедов. Пылаев И. Орлов 236
Подрядчики. Чернышев. Стаканчиков С. Глазкова. Носов и Шморгун. Свистунов. Зось и Вяткин. Конратьев. Быков. Нехорошков и Жбанов. Быков. Сергеенко 248
Вредители. Князев. Пылаев И. Гурьянов 263
Борьба. Стаканчиков А. Горбунов В. Пылаев И. Двойников И. Кузнецов. Пестов. Чернышева 269

Часть IV. РЕКОНСТРУКЦИЯ

Накануне перелома. Чернышева. Пшикун А. 287
Канатная дорожка. Пестов. Тихонов. Крючков А. Кириллов. Гришин. Лунев. Давыдов 292
Забойщик. Прохоров 301
Подъемники. Баранов. Баранов. Пылаев А. Шептаев 304
Большая. Алексеев. Соловьев В. 312
Погрузка. Кириллов. Васильев А. Бессольников. 316
Разведка. Рыбаков 326
Экскаваторы. Быков. Шляпников. Двойников И. Быков. Двойников И. Крючков М. 330
Транспорт. Двойников С. Долженков. Серебряков. Полуэктов. Тихонов. Полуэктов 336
Шихан. Сандригайло. Насыров. Двойников И. 348
Бурение и паление. Долженков. Махнев. Долженков 354
Отвалы. Дмитриев П. Крючков Д. 363
Машины и люди. Серебряков. Каретникова. Быков. Чернышева. Пестова 369
Партработа. Кузнецов. Быков. Задорин. Костиков 377
Газета. Махнев. Быков. Пестов 389
Новый быт. Суетнов. Дмитриев Д. Быков. Григор. Баранов. Полуэктов. Коренистов 396
Итоги. Давыдов 409
Нарком. Давыдов, Долженков, Баранов, Быков, Двойников И., Долженков, Полуэктов, Пылаев И., Сандригайло, Серебряков, Соловьев С., Чернышева. 416
Словарь 427
Авторы 429

60 к

Главный редактор
М. Горький

Ответственные редакторы
А. Гайсинович, И. Кубланов

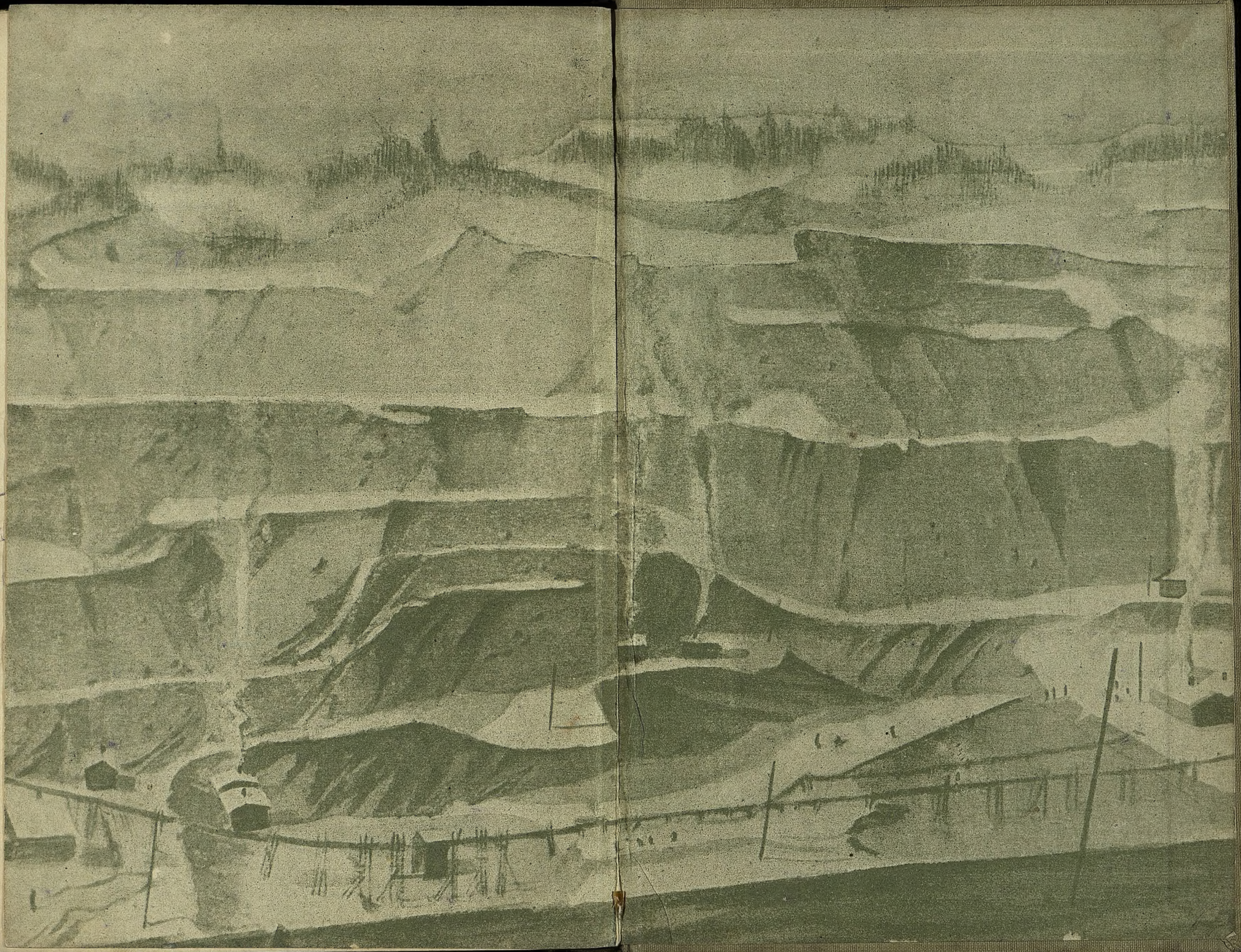
Художественный редактор
С. Телингатер

Рисунки художника
К. Кузнецова

Технический редактор
В. Голубков

Научно-краеведческая
БИБЛИОТЕКА
Свердловского облмузея

7936

94

Уполномоченный Главлита Б-39923. Зак типограф. №4799. Тираж 40000. Объем 27½ печ. листов, плотность набора 43000 знаков печ. лист. Авторских листов 29. Сдано в набор 1/X 1934 г. Подписано к печати 2/I 1935 г. Цена книги 4 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к. Отпечатано в 1-й Образцовой тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига» Москва, Валовая 28